

Союз писателей ЛНР

Вектор Донбасса

АЛЬМАНАХ

Иркутск
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6я44
В26

В26 **Вектор Донбасса** : альманах / составители: Г.Л. Бобров, А.А. Чернов, С.А. Сеничкина, А.Н. Сизых, С.И. Гольдфарб ; ответственный редактор С.И. Гольдфарб. – Иркутск : Принт Лайн, 2023. – 296 с.

Сборник прозы и поэзии был подготовлен литераторами Луганской Народной Республики и иркутскими писателями. Мы не знали друг друга до этого дня. Слово доказало, что оно сближает быстро и с той долей искренности, которая дана каждому человеку. В этой книге много боли и много надежды на мирную жизнь, история переплетается с современностью, и все уверены, что правда всегда одна. Сборник приурочен к традиционному фестивалю «Литературно-театральные вечера «Этим летом в Иркутске»». Это масштабное культурное и общественное событие, которое проводится в Иркутске с 2007 года. Идея проведения литературно-театральных вечеров принадлежит Валентину Распутину – почетному члену Братства во имя святителя Иннокентия Иркутского.

За 15 лет фестиваль стал общим делом областных учреждений культуры, муниципальных и частных организаций, которые бережно хранят и популяризируют творческое и культурное наследие иркутских литераторов.

В Иркутск приезжают писатели, драматурги, актеры и критики. Основная программа мероприятий проходит в середине августа: спектакли, кинопоказы, выставки, творческие встречи, лекции, мастер-классы и презентации книг. В рамках фестиваля проводится награждение лауреатов Национальной литературной премии им. В.Г. Распутина.

В 2022 году в общей сложности фестиваль посетило более 7 тысяч человек на 17 площадках в Иркутске, Байкальске, Саянске, Зиме, поселках Кутулик и Листвянка. Живой праздник, наполненный теплом человеческого общения, незабываемыми эмоциями, новыми впечатлениями и знаниями, собрал таких разных людей – экспертов и зрителей. Организаторы надеются, что эта замечательная традиция продолжится и дальше. И на вопрос: «Где и когда проходят самые уютные, атмосферные и душевные вечера?» – все больше людей ответят: «Конечно, этим летом в Иркутске!»

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6я44

ISBN 978-5-6049637-6-0



© Союз писателей ЛНР

ГЛЕБ БОБРОВ

ГРУППА ВЕКслЕРА

Киноповесть

Основанная на реальных событиях история о группе ворошиловградских оперов УГРО, противостоявших в 1946 году банде душегубов в Каменном Броде.

Оперсоставу УГРО посвящается.

Отдельная благодарность ветерану УГРО, участнику боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе подполковнику милиции в отставке Анатолию Яковлевичу Воронину.

Глава I. В областной «резалке»

Майский утренний холодок бодрил не по-весеннему, при этом бригада работяг, корчевавших неохватный пень под самой стеной приземистого одноэтажного барака, обливалась потом. Большинство корячились с кирками и лопатами, обкапывая в недоброй луганской степи толстенные корни. Двое рубили со своих сторон два несущих корневища, некогда державшие ствол опрокинутого неподалеку замшелого тополя. Рядом ждал своего часа старенький колесный трактор со свернутой на подвесе удавкой троса. Бригада трудилась сосредоточенно, молча и зло – лишь сталь топоров смачно всаживалась в древесину, жестоко клацали кирпичи да шуршали летящие в стороны щепы и комья грунта.

* * *

На стоянке между больничными корпусами остановилась машина, откуда вылез сухопарый подтянутый мужчина лет сорока пяти. Его коротко стриженные светлые волосы были наполовину седы. Элегантная, по меркам первого послевоенного года, цвета ореха тройка сидела на жилистой, не очень высокой фигуре как влитая, а небольшая коричневая шляпа хорошо сочеталась с крепкой бамбуковой тростью и добротными кожаными башмаками. Далеко не новые, но ухоженные вещи смотрелись на нем безупречно. С левой стороны груди, чуть выше кармашка, крепились орденские планки – четыре ленточки сверху и две снизу. Вузовский значок сиротски синел справа.

Он осмотрелся, закинув трость на левую руку, открутил крышку бутылки, сделал несколько глотков и мотнул головой водителю, мол, двигай за мной.

Прошел мимо пыхтевших неподалеку работяг и, чуть прихрамывая, направился по асфальтовой дорожке ко входу.

Там, в двадцати шагах от дверей, чего-то ждал высокий мосластый милиционер с крупной рыже-черной немецкой овчаркой, неподвижно восседавшей у его правой ноги.

– Собака пить хочет, старшина, – обратился к нему мужчина, заметивший, как она несколько раз нервно облизнулась.

– Проходим, товарищ... – безучастно ответил кинолог.

– Товарищ майор, – остановившись, поправил мужчину.

Взгляд старшины скользнул по его фигуре и вдруг уперся в чуть выпиравший под правой полкой пиджака контур пистолетной кобуры.

– Виноват, товарищ майор, – вытянувшись в струнку, ответил он.

Офицер, чуть приподняв бутылку, посмотрел на собаку и вопросительно – на старшину.

Милиционер лишь молча кивнул в ответ.

Мужчина, присев на корточки, показал овчарке раскрытую ладонь левой руки и бутылку с водой. Собака, до этого внимательно наблюдавшая за происходящим, чуть потянула носом воздух и подняла глаза на хозяина. Кинолог неуловимо качнул головой. Собака потянулась к руке, и майор сразу начал лить воду в ладошку.

Похожий на здоровенный ломоть чайной колбасы язык жадно заработал, разбрасывая в стороны бисеринки воды.

Офицер двинулся к дверям, аккуратно поставив возле урны у входа пустую бутылку. Его уже догонял розовощекий сержант в синей форме.

* * *

На столе прозекторской лежало на спине обнаженное тело. Справа оно покрылось бурными струпьями. С двух сторон от трупа негромко переговаривались майор милиции в форме и мужчина в штатском. Двое в белых халатах, а также молодая женщина с фотоаппаратом в кителе лейтенанта и капитан молча слушали старших.

Дверь в зал морга областной больницы открылась.

– Товарищи офицеры!

– О, Векслер! – приветствовал вошедшего стоявший ближе всех ко входу мужчина в штатском.

– Здравствуйте, Петр Петрович, – пожал тот ему руку в ответ.

– Спасибо, что быстро приехал, – сказал майор в форме. – Итак, коллеги! – встав перед столом, начал он. – Приказом по областному УВД сформирована оперативная группа УГРО. Ей поручено дело о пропавших девочках. Общее руководство возлагается на начальника Ворошиловградского ГОВД, – он на мгновение замолк, а Петр Петрович утвердительно кивнул головой. – Группой руководит майор областного отдела УГРО Векслер. Также от областного управления придан майор Сретенский – я координирую взаимодействие вашей группы с оперативниками и службами других отделов внутренних дел области, города и районов. Вопросы?

Все молча ждали дальнейших указаний.

– Честь имею, – кивнул Сретенский. – Товарищ подполковник, я уехал? – обратился он к Петру Петровичу.

– Да, спасибо, майор, – попрощался с ним начальник городского ОВД и, дождавшись, когда тот выйдет, чуть ослабил строгий галстук, после чего спросил у Векслера: «Ну, что скажешь, Жень Палыч?»

Заметно опираясь левой рукой на палочку, Векслер подошел к телу и внимательным, буквально считывающим взглядом прошелся по трупу с головы до ступней.

– Классика...

Все переглянулись.

– Поясни.

Векслер чуть приподнял правую ладонь и повернул голову к судмедэкспертам.

– Эдик, ранение ануса?

Полноватый мужчина удивленно поднял бровь.

– Да, дядь Жень... Колото-резаная рана с рассечением сфинктера, прямой кишки и, вероятно, предста...

Векслер поднятой ладонью с растопыренными пальцами остановил поток подробностей.

– А ссадина или синяк в подколенной области правой ноги?

Замерев на долю секунды, судмедэксперт подошел к трупу, поднял правую ногу тела и заглянул под коленку.

– Кровоподтек на икроножной мышце...

– Классика, – повторил майор, неопределенно поведя рукой.

Петр Петрович зыркнул исподлобья.

– Ну, не тяни резину, Жень!

– Армейский прием, неуставной способ снятия часового. Захват рта и носа с синхронным ударом ножа в анус, подбивом правой ноги в подколенный сустав с посадкой на колено и ударом ножа в правое подреберье. Потом два-три добивающих удара в соединение шеи и плеча с поражением сонной и подключичной артерий, а также яремной вены, – закончил майор.

– Прошу прощения за глупый вопрос, но в жопу-то зачем? – вдруг спросил капитан, стоявший рядом с начальником ГОВД.

Векслер вопросительно посмотрел на подполковника.

– На улице вас познакомлю, это твой зам по группе, – ответил тот.

– Удар ножом в богатую нервными окончаниями область дает эффект шока. В народе говорят: задохнулся от боли.

– Послушай, не слишком ли это все сложно? – перебил подполковник. – Ножом туда, ножом сюда, рукой рот закрывай, ногами педали жми... У меня в отряде был разведчик, так тот полицаев и дойчей одним ударом валил, как раз куда ты показал, в шею, шо свиной колол, – даже не хрюкали, – улыбнулся он.

– Так ваш разведчик, поди, лось под два метра и работал чем-то с маузеровский тесак размером?!

– Ага, – криво улыбнулся начальник ОВД. – Лось... И да, кстати, манлихером валил, – закончил он.

– Прием быстрый, на самом деле, – ответил майор и, обернувшись, позвал прилипшего к дверному косяку водителя. – Влад!

Тот улыбнулся и, делано втянув голову в плечи, подбежал к Векслеру.

– Эдик! – майор указал рукой на кюветку в лотке с инструментами прожктора и, дождавшись, когда криминалист подаст стальную ложечку с ручкой, встал напротив сержанта и продолжил. – Сзади, кстати, заходить вовсе не обязательно. Здравия желаю, товарищ полковник! – вдруг сказал он, вытянувшись во фронт.

Водитель лишь успел повернуть голову к пустому дверному проему, как Векслер буквально вырос у него за спиной и, положив руку на плечо, сказал: «Замри!»

– Они могли мирно разговаривать, но потом подозреваемый воспользовался моментом и атаковал.

Майор уверенным движением перехватил лицо сержанта ладонью левой, одновременно ударив того справа кюветкой в зад, и тут же, наступив краем каблука на икру под коленом, стремительно имитировал атаку в подреберье и два удара в шею. На все про все ушло не более секунды.

– Полегче, дядь Женя! – морщась, потер ногу сержант.

– Владлен, собирай народ на улице, инструктировать буду, – отдал распоряжение водителю подполковник. – Жень, я понимаю, что пропавшие девочки и... – он поднял лежащее на столике дело, – убийство гражданина... Трофимова, замначальника Ворошиловградского ж.-д. вокзала по АХЧ... административно-хозяйственной части! – подчеркнул он поднятым указательным пальцем, – 62 лет, ранее не судимого, не привлекавшегося и прочая, на первый взгляд как бы не особо сочетаются. Но ты поверь старому оперу, какая-то связь тут обязательно присутствует. Вот какая – вопрос. Для чего, собственно, тебя, Векслер, к нам и прислали на усиление. Усиливай, старик!

* * *

Петр Петрович, пропустив вперед криминалистов, закурил с Векслером и указал на капитана.

– Знакомьтесь! Туманов, Никита Степанович. В органах – почти как у тебя выслуга, правда, без фронта. У нас по ротации, прибыл с Волги...

– Волга большая, – чуть прищурился Евгений Павлович.

– От родных Чебоксар до самой Астрахани, – ответил капитан.

– Мужик толковый, головастый, правда, предпочитает... кабинетный стиль работы, – плотоядно улыбнувшись, продолжил начальник ГОВД. – Надеюсь, сработаетесь.

– У меня вопрос к товарищ-майору, пока мы не начали, разрешите, Петр Петрович?

– Валяй...

– Вы примерно представляете оружие, которым был убит Трофимов?

– Почему примерно? – ответил вопросом на вопрос Векслер. – Нож разведчика или подобная по размерам финка.

– Как вы это определили без заключения судмедэксперта?

– По соответствию внешнего вида ран и использованного способа перевода гражданина из статуса «потерпевший» в статус «тело гражданина».

– Ты не ерничай, Женя! Нормально объясни человеку, правильно же спрашивает, – вмешался подполковник.

Векслер затаился и прицельно отправил окурок в стоявшую в паре шагов урну.

– Первое. Чем учился, с тем и пригодился. Обучали его на нож разведчика. Он не новичок, это не первая его жертва. Значит, будет работать, чем обучен.

Второе. Колото-резаная рана в подреберье идет с потягом на себя, значит, держал нож правильно, лезвием вверх. Нож разведчика так и сделан. Третье. Чуйка...

– Теперь понятно. Спасибо, товарищ майор!

– Так! У меня тоже вопрос! – вмешался начальник ГОВД. – Векслер, что ты делал вчера между полночью и часом ночи?! – Офицеры улыбнулись. – Согласен, кстати, очень похоже, – подытожил он, – идемте, с остальными познакомлю...

Милиционеры расступились перед руководством.

– Все посмотрели на гвардии старшину Узлова и его замечательную собаку Фриду, – представил начальник ГОВД кинолога группе. – Старшина – один из самых опытных специалистов, присланный нам на усиление из Красного Луча. Спасибо Сретенскому! Фрида – единственная в своем роде, такого верхнего чутья нет ни у одной служебной собаки на всю Ворошиловградскую область.

Старшина неуверенно кашлянул.

– Что, Николай?

– На весь Союз таких два-три пса, – ответил он.

– Вот, запоминай остальных. Плакида, – подполковник кивнул в сторону невысокого, но крепко сбитого старлея в форме, в фуражке на гладко выбритой голове, – официально в группу не включен, но будет помогать вам в случае подключения оперов городского ОВД. А вот начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД капитан Дробот как раз-то включен, несмотря на все свои художества... Да, Валек?! – начальник полоснул взглядом по сразу напрягшемуся капитану.

– Так точно, товарищ подполковник...

Петр Петрович повернул голову к Векслеру.

– Приятель твой никак не угомонится, – он еще раз выразительно зыркнул на участкового. – Приглядывай за ним, пожалуйста, за него теперь – с тебя спрос.

Вихрастый капитан, поправляя форму и ремень с наганом, чуть заметно подмигнул Векслеру. Майор в ответ едва потеплел уголками глаз.

– С криминалистами все и так знакомы, а я уехал в управление. Жду группу ровно в одиннадцать ноль-ноль на первый разбор полетов... с докладами! Будет больно, но вы со временем привыкнете, а кому-то даже понравится...

Он еще раз зло глянул на Дробота и кивнул майору:

– Командуй, Женя!

* * *

– Чего это он опять?

– Да никак мне не простит, что я того урку с Гартманской приморил до прибытия Плакиды, – улыбнулся Валек.

– Я понял... Сломать обе челюсти... Это – пять с плюсом, что тебе еще сказать...

– Да мне все уже рассказали, и даже с картинками, как в детском садике!

– В форме, на службе... Чего плачешь?!

– Да я так... В жилетку тебе пожалиться, дядя Жень, – откровенно заржал капитан.

Майор внимательно посмотрел на собаку. Рослая и крупная в груди, с мощным лбом и широкими лапами овчарка все это время неподвижно сидела чуть поодаль с диском смотанного в круг брезентового поводка у ног. На шее красовался кожаный ошейник с толстыми стальными квадратами, словно черепица, приклепанными на него внахлест по кругу.

– Похоже, Фрида не только «в верхнее чутье» умеет? – отметил вслух Векслер.

– Фрося все работает, товарищ майор, – буркнул в ответ старшина.

– Фрося?

– То не я ее называл...

– Понятно, – Векслер дружески хлопнул его по плечу, – я тоже немецкое... не очень.

Он повернул голову к Дроботу:

– Бери Николая и собачку, дуй к себе, и чтобы они оба были устроены до начала совещания. Одна нога там, одна – здесь.

– Все будет путем, командир! Устроим в люксе шик-модерн, – засмеялся капитан, заводя свой мотоцикл.

Узлов неуловимым движением отдал какую-то команду. Собака, подхватив пастью поводок, аккуратно запрыгнула в коляску, а старшина, кинув туда еще и свой вещмешок, уселся на заднее сиденье.

* * *

– Давай знакомиться, капитан. Время есть. – Векслер, щелкнув кнопкой, протянул раскрытый портсигар Туманову.

Мельхиоровая коробочка с выдавленным на крышке борющимся с тигром витязем, судя по проступившей по всем углам желтизне, прошла бок о бок с владельцем немалый срок.

– Спасибо, не курю, – капитан, особо не прячась, рассматривал нового напарника. – Кстати, мы на «ты» или на «вы»?

– На «ты», конечно, что за вопрос, опер? – закуривая, улыбнулся майор.

Никита присмотрелся к наградным планкам.

– Что за медали после ЗБЗ?

– Будапешт, Вена, Прага...

– А последняя внизу?

– «За победу над Японией».

– Да, точно! Ты был в Японии?

– В Маньчжурии...

– Круто. И в ногу там же?

Векслер, не сводивший до этого внимательных глаз с собеседника, затаился и после краткой паузы ответил:

– Два осколка в Венгрии. Но то такое... Потом – пуля. Там же. Полтора сантиметра кости – в труху, ногу, как рождественскую утку, раскрыло, – он помолчал. – Во дворце Хорти в госпитале лежал. Мраморные ванны. Красота... Но ты мне лучше скажи, чего Пэ-Пэ тебя макнул вместо «здрасьте»?

Капитан широко улыбнулся:

– Да то мы с ним разговор долгий поимели по поводу стиля работы. Он у вас предпочитает поле и ноги, а я считаю, что опер УГРО должен в первую очередь работать с делом, с вещдоками, вникать в малейшие детали и нюансы.

– Я понял. Ты у нас кабинетный ученый?

– Ну, где-то, может, и так, только если не утрировать, – примирительно улыбнулся Никита.

– В преф умеешь?

– Да нет, не очень, – удивился Туманов. – Семья, все такое... Жена, две девочки-погодки, свой бабский батальон.

– Семья – это хорошо. Правила-то хоть знаешь? Понимаешь, где игра втемную, а где карты на стол?

– Конечно!

– Тогда вскрываемся! – вдруг с нажимом отсек Векслер. – Пропали две девки молодые. Чую, что с концами. Убит замнач вокзала. И четко шлепнули, профи работал. Ты с Пэ-Пэ поговорил, но, видимо, не понял. Завтра с нас начнут снимать стружку, – он сделал глядящий по воздуху жест, – причем без наркоза, и подполкан вовсе не шутит про «больно». С него с первого спросят. Тогда уж не поздоровится всем – ты просто мало его знаешь и ведешься на эту ровную вежливость. Мне в группе астрономы не нужны. Или мы пашем и рвем садюгу, либо я тебя тупо снимаю с расследования. Таков весь сказ до копейки. Твой ход, капитан!

– Пашем и рвем, – спокойно глядя в глаза майору, ответил Туманов.

* * *

Когда сзади послышался шум автомобильного мотора, тяжело шедшая по проселку женщина остановилась, поставила корзину, опустила стоймя завернутые в простыню лопату и тяпку и, выставив козырьком ладошку, посмотрела на приближающуюся полуторку. Потом взяла свои вещи и сошла на обочину.

Машина сбавила ход и остановилась рядом. Совершенно седой старик, сидевший возле шофера, поздоровался. Она ответила, с интересом разглядывая двух мужчин.

Старик раскрыл карту и что-то спросил. Женщина улыбнулась, отирая пот со лба, а потом подошла к двери машины и заглянула в открытое окно. Седой ткнул пальцем в карту. Тетка махнула рукой по курсу, а потом, ласково тронув старика за плечо, о чем-то попросила. Он окинул ее взглядом и прикрикнул на водителя.

Шофер вылез, неторопливо потянулся, открыл задний борт и тоже внимательно посмотрел на женщину. После чего, ловко запрыгнув в кузов, протянул руку. Она подала ему тяпки, кошелку и, встав на стальную петлю, протянула руки. С усилием втянув женщину в кузов, он осмотрелся, потом дважды завернул сложенный на полу кузова брезентовый тент, помог ей сесть спиной к левому борту и показал рукой на угол кабины. Кивнув, она улыбнулась.

Водитель еще раз подоткнул под нее брезент и показал пальцем на край кузова перед кабиной. Женщина повернула голову. В это время шофер выдернул правой рукой из-под брезента плоскую киянку и наотмашь ударил ее в затылок. Тетка, охнув, стала сползать вниз. Он нагнулся и второй раз огрел ее по темечку. Тело, конвульсивно задрожав, тут же обмякло.

Шофер сложил рядом с женщиной вещи, накрыл все брезентом и, осматриваясь, встал в полный рост. Постоял, глядя по сторонам, потом закрыл кузов и забрался в кабину. Старик еще какое-то время осматривался в лобовое стекло, окна и зеркала заднего вида, после чего утвердительно кивнул. Машина поехала, оставив на месте стоянки едва заметную растянутую лужицу.

Глава 2. Железнодорожный вокзал

– Сейчас будут новости, – негромко сказал Векслер, так, чтобы его услышал только капитан.

От здания городского управления им навстречу быстро шагал Петр Петрович, по привычке придерживая левой рукой отсутствующую на боку шашку.

– Еще одна пропажа, встречаемся позже, – сообщил офицерам подполковник.

– Девушка?

– Нет, женщина. Пятьдесят восемь.

– Ух ты...

– Вот и я о том же... – он махнул рукой старлею. – Садись в машину, Плакида, сейчас едем! – и, вновь повернувшись к операм, продолжил. – Сейчас солдатики прочесывают посадку между городом и Металлистом. Ушла на огороды и не вернулась.

– Затопчут...

– Давай ты это прокурору расскажешь, хорошо?! Меня есть кому... – он выразительно замолчал. – Ладно, перекурим. Ты со мной?

– Нет, Петр Петрович. Заберу своих, и поедем потрошить вокзал.

– Вот за что я тебя люблю, Женя, так это за умение слышать. Наизнанку и не стесняясь, вцепись в дело, как ты умеешь, – всей пастью.

Майор внимательно посмотрел на Туманова.

– Если вы не против, Петр Петрович, капитан от вашего имени даст команду собрать все дела о пропажах людей, начиная с момента освобождения города, и заодно попросит Сретенского, чтобы подобные дела свезли сюда со всех пяти городских районов, а также из Александровского и Славяносербского РОВД.

– Не против... – подполковник поднял лицо вверх, выпустив в небо столб дыма.

– На пару с Эдиком сравнишь, включая сегодняшнюю ориентировку по пропавшей. Работа для мыслителей. Накопайте хоть какую-то взаимосвязь, кроме Камброда. Как ты там говорил – нюансы и детали? Ну вот, как раз, – обратился майор к напарнику.

– Есть, – спокойно ответил Туманов. – Разрешите идти?

– Давай, капитан. Очень на тебя надеюсь, – ответил начальник ГОВД и, повернувшись к Векслеру, хлопнул того по предплечью. – Как вернешься, сразу ко мне. Удачи!

На платформу Ворошиловградского железнодорожного вокзала можно было попасть с двух сторон: между пустырем и брусчаткой подъезда, где, собственно, и было обнаружено тело Трофимова, или со стороны основной дороги с упиравшимся в саму платформу поворотом тупика.

Пока Векслер разглядывал разношерстную группу нищих, стоявших аккуратно между подъездом и самым началом платформы, Дробот зацепился с торговками, оккупировавшими дальний выход на остановку.

– Сколько раз говорить: со своими оклунками на платформу не вылазить?! Схватили рухлядь и сдрыснули на фиг, как мухи с собачьей какашки!

Он развернулся к старшему сержанту с красной повязкой на рукаве:

– Тебе, сержант, сколько напоминать?! Они у тебя скоро самогоном в разлив торговать начнут.

– От домахався. Шоб у нього в горли пирья поросло, – негромко сказала своей товарке молодая, немного потасканная торговка.

– Что ты там сипишь, пердल्याчка?! – развернулся к ней капитан. – Уля! Язык не с того места выдернула? Да, глистоноша?! Сейчас заведу такую умную в дежурку, задеру твое жизнерадостное платьице венерической расцветки и отхожу ремнем – до кровавых волдырей на плоской жопе! Поговори мне еще тут, овца базарная...

Он повернулся к сержанту:

– Всех за территорию вокзала. Быстро!

– Капитан, – окликнул его Векслер, в упор рассматривая нищих, – всех знаешь?

– А как же...

Немногочисленная группа вокзальных попрошаек выглядела достаточно живописно. Двое калек-ветеранов. Один, опираясь на костыль, стоял на ступе деревянного протеза согнутой в коленном суставе левой ногой. Короткая культя поверх поношенного галифе была затянута носком.

На груди тихо позвякивали две медали – «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». У второго не хватало кисти правой руки, а красное, как вареный рак, предплечье, словно клешня, от запястья почти до самого локтя было разделено хирургом на два длинных пальца лучевой и локтевой костей, которыми он сейчас нервно тер штанину никогда не глаженных брюк. На его рубахе вразнобой висели четыре наградные планки: две в сцепке и еще две порознь. Рядом топтались три испитые тетки, та, что помладше, – с синдромом Дауна, и несколько алкоголиков разной степени опущенности.

– Как жизнь, босота?!

– Сидим, пердим – небо коптим, начальник, – лениво ответил за всех инвалид с клешней и протяжно зевнул.

– Он ряженный, – вдруг сказал майор, не сводящий сверлящего взгляда с калеки.

– Конечно, дядь Жень! – заржал участковый. – Старый знакомый, в смысле состариться можно, его хождения пересказывая.

– А чего старый-то? Чего?! – взъерепенился вдруг мужик. – Я у ты шо-то крал?! Шо ты с меня жизнью цедишь? – заорал он благим матом на весь вокзал.

Дробот чуть набычился, опустил голову и сделал ровно один шаг.

– Ща приморю, падаль... Захлопни поддувало!

Мужик тут же заткнулся и, как-то разом выдохнув и сгорбившись, полез в нагрудный карман рубахи за папиросами.

– Старшина! – повернув голову, позвал Векслер. И когда тот подошел, командовал: «Этого – в дежурку!»

В полуподвальном помещении дежурной части линейного отдела железнодорожной милиции, ютившейся с противоположного от платформы глухого торца вокзала, осталось пятеро: два офицера, кинолог с собакой и истеричный инвалид.

– Ну, колись: из-за чего в этот раз кальсоны в жопу забились, а? Чё пасть разнуздал при людях? Просохнуть не успел или на кочергу сел, синяя рожа? – терзал капитан заметно трясущегося мужика.

– Валентиныч! Хлебом клянусь! Штырит меня... Траванулся вчера чеме-ром, паскудно мне... Прости, родной, бес попутал!

– Мне такую родню, как ты...

– Валек... – перебил его вдруг Векслер. – Тут спиртное продают где-нибудь? Участковый удивленно посмотрел на майора.

– Конечно, дядь Жень, в буфете за кассами...

– Узлов, не в службу, а в дружбу... – отсчитывая деньги, обратился оперативник к старшине. – Метнись, пожалуйста, с Фросей на вокзал и купи один мерзавчик водочки. Прямо сейчас! – Векслер отдал ему деньги и добавил вслед уходящему кинологу: «И пирожок какой у бабок. Сейчас мы тебя полечим», – обратился майор к мужику.

Буквально через пару минут перед попрошайкой появился стограммовый пузырек и пирожок с капустой.

Отказавшись от стакана, тот буквально высосал водку из горлышка и лишь понюхал разломанный пополам пирожок.

– Харчами брезгуешь? – недовольно пробурчал Дробот.

– Закусь градус убивает, – пояснил нищий.

– Отпустило? – участливо поинтересовался Векслер.

– Ну, не так, шоб сразу, но дыхание в нашем организме теперь присутствует, – ощерился гнилым ртом собеседник.

Сидящий на кромке стола майор накренился к самому его лицу.

– Рассказывай. Почему ты так испугался, когда нас увидел?

Нищий заерзал на кресле.

– Твой испуг как-то связан с убийством замначальника вокзала?

Тот замер.

– Да я тут ваще не при делах, начальник! – чуть согнувшись, просипел он.

– Чего шепотом, кого боишься? – поднял брови Векслер.

– Не томи, гунявый! – вмешался участковый. – Ты не партизан в гестапо.

С твоей-то красной рожей и глазами срущего лесника выглядишь совсем жидко. Будешь косить на вольтанутого – закрою в пердильник, посмотрим, сколько ты протянешь без своего стенолаза, – кивнул он на пузырек.

Мужика заметно трясло.

– Еще соточку? – участливо спросил майор.

Тот, икнув, лихорадочно качнул головой.

– Командир, расслабься, – остановил полезшего вновь в карман майора Дробот.

Офицер вышел на перрон и буквально через минуту вернулся с дежурным старшиной. Тот, густо покраснев, полез рукой за настенную панель и выволок оттуда запечатанную сургучом чекушку.

– Соточка сейчас, остаток с собой, премия... Но ты нам рассказываешь все и не пытаешься соврать. Договорились? – приготовился налить в чистый стакан Векслер. – Или, клянусь, мы тебе жизнь капитально испортим.

Мужик опять судорожно кивнул и впился глазами в пузырик.

* * *

Опергруппа, уютившись в легковушке областного отдела УГРО, легко катила по весеннему Ворошиловграду.

– Шила?

– Ага, Юрок Шилин, босяк с Горской. Все никак не закрою утырка. – Дробот недобро улыбнулся. – Чую ж ведь, крутится мелкий выпердыш в какой-то гнилой теме, а прихватить повода не было. Да... И за вокзал я не подумал, а его оттуда калачом не выманишь. Ну, теперь не спрыгнет. Душу с этого сучонка я сегодня-таки выну... И пусть молится, чтоб взад поставил, – заржал участковый.

– Валек!.. – начал было Векслер.

– Да помню я, помню, командир!

– Смотри мне... – оперативник вдруг повернул голову к Узлову. – Старшина, почему у тебя собака все время с правой стороны?

– Левша я, товарищ майор.

– Это я заметил. Как же ты наган вытаскиваешь?
– Да вот мой наган, – кивнул он на Фросю. – Сорок два патрона в обойме. Собака, понимая, что речь о ней, чуть наклонила голову и впилась в хозяина преданным взглядом.

– Лады, уверен, что найдешь?

– Да что его искать-то? – хмыкнул капитан. – Раз не на вокзале, значит, или в Горького, либо у стадиона пиво дует. Ты не волнуйся, все сделаем, дядя Жень.

Высадив Векслера у Каменнобродского РОВД, участковый не вытерпел и высунулся в окно.

– Палыч! А как ты понял, что Клешня – ряженный?

– У него одновременно за Берлин и Прагу, – бросил на ходу майор.

– Вот же ж, – засмеялся капитан, и группа укатила в сторону городского парка.

* * *

Скромно приютившаяся с угла стоянки парка имени Максима Горького, прямо напротив декоративной колоннады, машина оперативников не была видна целиком со стороны немногочисленных гуляющих, зато вход и центральная аллея парка из автомобильных окон просматривались милиционерами просто насквозь.

– Вон он, наш герой, – участковый кивнул головой на шумную группу молодежи возле пивной палатки. – Восемь, девять, десять... Нет, этот не с ними... Девять... Девять рыл, – подытожил он.

– Не похожи на уголовников, – подумал вслух Узлов.

– Та то мы, дружбанчик, прямо сейчас выясним. Ты со стволом, Владушка?

– Да, товарищ капитан... У вас за сидущкой.

Участковый перегнулся через заднее сиденье, выволок ППШ и, отдав его сержанту, напомнил:

– Еще раз, бойцы! Владлен кладет толпу харей вниз, если кто возбухнет – очередь над головой и команда «лежать-бояться». Я нежно беру Шилу за жопу. Он в сером пиджачке и картузике – всем видно? Да, да – вот это жидкое, кручено-верченое, чернявое. Если пойдём в нештатную, то Фрося работает только по подзреваемому.

Капитан осмотрел группу:

– Да, надо было нам в гражданском выходить... Ну да ладно, пошли...

Выйдя из машины и неспешно переговариваясь, они двинулись по центральной аллее.

Дробот занял позицию слева – со стороны группы с Шилой. Влад чуть приотстал справа, чтобы раньше времени не светить автомат, висевший на правом плече по-охотничьи, стволом вниз. В центре возвышался Узлов с собакой.

Метров за пятьдесят до пивной их заметили, компания притихла, а шагов за двадцать Фрося вдруг выступила чуть вперед и, подняв нос, шумно потянула воздух. И тут у Шилина не выдержали нервы.

– Шухер! – взвизгнул он и рванул наискось по парку.

– Стоять! – дико заорал капитан и кинулся за ним, придерживая на ходу фуражку и вырывая из кобуры наган.

В ту же секунду, стелясь около его ног, мелькнула черно-бурая тень Фроси.

За спиной участкового остались крики милиционеров и лягз передернутого затвора ППШ.

Овчарка и правда умела многое. На невероятном, пружинистом галопе быстро догнав мчавшегося сломя голову парня, она без единого звука, буквально выстрелив, пролетела пару метров и, словно городошной битой, снесла его с ног, успев на лету основательно вцепиться в ляжку – взяла всей пастью чуть выше колена.

Парень истошно взвыл, но, не растерявшись, тут же попытался со всего замаха засадить ей меж лопаток выдернутую из-за пазухи заточку. Фрося все видела. В неуловимое мгновение она отпрянула чуть назад и в сторону и тут же с хрустом ухватила парня за вооруженную руку. И рванула на себя с такой звериной мощью, что тот вначале захлебнулся собственным криком, а потом, словно борец на ковре, начал, вереща, плашмя молотить левой ладонью по траве.

Дробот и старшина подлетели практически одновременно.

– Сторожи его, пока я со шпаной разберусь, – на ходу убирая револьвер, скомандовал участковый Узлову, бравшему на привязь собаку.

Шила, скрутившись калачиком, тихо поскуливал на травке.

Восемь парней с руками на затылках молча лежали в кружок на залитом пивом асфальте под прицелом Владлена, и ни о каком неповиновении или попытках разбежаться речи больше не шло.

* * *

Перевязанный бинтами Шилин со спущенными штанами и окровавленной, скомканной рубашкой совершенно не походил на преступника. Двадцатилетний худощавый, среднего роста мальчишка производил впечатление типичного обитателя послевоенного Камброда – такой себе молодой работяга паровозостроительного или патронного завода.

Войдя в коридор камер предварительного заключения, майор остановился, разглядывая задержанного. Тот, ссутулившись, сидел боком на табурете, баюкающая порванную руку.

– Нарядно! – оценил старший группы внешний вид парня и его багрово-лиловую половину лица с отеком до узкой щелочки правым глазом. – Валец, мы ж договорились вроде...

– Кхм... Дядь Жень, вооруженное сопротивление, попытка к бегству, покушение на убийство... – неуверенно начал участковый.

Тут кашлянул вытянувшийся по стойке «смирно» кинолог.

– Виноват, товарищ майор. Моя вина. Осерчал, – пробубнил Узлов.

Векслер вопросительно повернул голову к Дроботу.

– Да эта шелупонь чуть Фросю не пришила, ну, наш старшина ему свет и потушил... – и, повернувшись к кинологу, участковый взвился с пол-оборота. – Колян, ты лопатой в следующий раз по роже лупи, а не своей грабаркой, хорошо?! Со всех меньше спроса будет!

– Тихо, – негромко остановил их оперативник и, подойдя к столу, поднял за острие и торец рукоятки заточки.

– Видал, с какими свиноколами шпана ныне ходит? – повернулся он к участковому.

В руках опасно темнел штык от трехлинейки, переделанный в подобие стилета. Роль рукоятки выполнял пропитанный мебельным лаком шнур, намотанный сразу за спиленным креплением, а вместо гарды была насаженная по горячему шайба с загнутыми к лезвию боковыми дужками. Вторая сплюснутая шайба выполняла роль импровизированного навершия.

– Практически мизерикордия, или как оно там, в ляд, называется, – оценил поделку капитан.

– Угу... Вызови сюда Эдуарда Константиновича, – кинул старший группы дежурному и подошел к заметно сжавшемуся Шилину.

– У тебя ровно пять минут, чтобы подумать, а потом быстро ответить на несколько моих вопросов. Или продолжить знакомство с нашей собачкой и ее хозяином. Понял меня?

Задержанный затравленно смотрел на оперативника.

– Эдик на выезде, что нужно сделать? – раздался сзади женский голос.

– Возьми заточку на столе и пиджак. За пазухой, под левым рукавом, по шву пристёганы брезентовые ножны. Сними с клинка пальчики и исследуй брезент на предмет следов крови. Только все это надо сделать очень быстро, – кинул Векслер вошедшей Зое.

– Все прям сейчас отработаю, Евгений Павлович.

Подождав, пока она выйдет, майор повернулся к дежурному:

– Перекур пять минут, сержант.

Взяв второй табурет, сел напротив Шилы. Опершись обеими руками на тросточку и немного наклонившись вперед, спросил:

– Почему ты зарезал Трофимова?

Шилин диковато оглядел офицеров, комнату, кинолога с собакой и с широко раскрытыми глазами прошептал:

– Я его не резал...

– Хорошо подумал?

– Клянусь мамой, не я. Мы с ним собачились пару раз, но это не мой грех. Не я его колол.

– Так кто? Скажи.

Парень вдруг сжался и опустил глаза.

– Я понял, – вставая, отрезал опер. И, повернувшись к участковому, отрывисто бросил: «Не бить. В рапорте укажете три атакованные конечности».

Он мотнул головой Дроботу: мол, идем.

Перед самой дверью их остановил истошный вой. Шила, корчась от боли, на коленях полз к ним и, мешая сопли с юшкой, голосил:

– Все, все расскажу, начальник, все!!!

Фрся, подобравшись, замерла в своем углу, вопросительно пожирая глазами Узлова.

* * *

Отдышавшись и выпив подряд три стакана сырой воды, Шилин с ходу заявил:

– Убил не я, кто – не знаю... Но это Криндычихина работа, больше некому. Векслер посмотрел на участкового.

– Криндычева, тварина жирная. Самогонная герцогиня Камброда. Все уворачивалась, теперь не отпетляет...

– Я ее знаю?

– Может, и знаешь, – неопределенно пожал плечами Дробот, – такая гренадер-баба типа «ходячий сортир». Старая лярва...

– Дальше?! – повернулся майор к задержанному.

– Он, как пришел на вокзал, сразу стал порядки наводить, ну и нам всю работу ломать...

– Какую работу, Шила?!

– Ну, торговлю... Самогон, снедь всякую, нэп наш ломать...

– Ух ты, нэпманы! Слышал, Валек? Твою ж дивизию... Сколько самогона вы продавали за сутки?

Парень затравленно посмотрел на опера и замолчал. Затянувшуюся паузу прервала знатная затрещина от участкового, чуть не швырнувшая Шилина на пол.

– Задрал цедить по чайной ложке! Отвечай по-хорошему или я тебя вначале сам измордую, недоносок, а потом в СИЗО посажу к пиковым. Даже если ты оттуда выйдешь, то ходить будешь ссутулившись и застенчиво потупив зенки. Говори, падаль!

– Да шо я?! Я там ваще никто, только присматривал за копеечку... И теток лупили иногда, – захныкал уголовник.

– Еще раз: сколько самогона проходит в сутки? – вернул разговор в нужное русло Векслер.

– Два-три ящика, может, больше, да я не знаю точно!

– Каких теток ты там избивал?

– Пришлых, что торговать пытались мимо смотрящих.

– Кто смотрящие?

– Нюрка главная.

Майор поднял глаза на капитана.

– Дочка Криндычихина, – ответил участковый. – Ты гляди, в люди выбилась. А я думал, эта шлендра только мохнаткой своей барыжить умеет...

Старший группы встал, подошел к столу дежурного и поднял трубу.

– Дежурного по ЛОВД, – бросил он диспетчеру. – Старшина, ты?! Отлично! Слушай сюда. Дуй на перрон, удержишь Нюрку Криндычеву – и к себе ее, мы сейчас приедем. Только так – без шуму! Мол, погугарить надо, подруга. Дескать, по делу. Деловой вопрос, все такое... Не вспугни товарок! Ага, вот-вот, молодец!

Положив трубку, он повернулся к задержанному:

– Ты там кто?

– Так, охраняю чуток, ну или там погонять кого надо, побазарить, терки там потереть...

Раздался телефонный звонок. Векслер вновь встал и подошел к аппарату.

– А когда будет? М-м-м... Ладно, старшина, не отходи от телефона.

Майор обернулся к Шиле:

– Чего не сказал, что ее днем не бывает?

– Ну так это... Вы не спросили...

Оперативник жестом остановил шагнувшего было вперед участкового.

– Кто рулит нэпом в отсутствие Нюрки?

– Лысая, – презрительно скривился парень, придерживая израненную руку.

Старший вновь встал и пошел к телефону.

– Ульяна Лыско... Мелкая шмакодявка, что пасть свою сегодня открыла.

Такая же шмара, как и Нюрка, только без жопы, – прокомментировал капитан.

– Старшина, Лыско тогда бери. Тоже по схеме Нюрки. Вежливо, но настойчиво веди поговорить. И не отпускай, пока мы не приедем!

– Где Нюрка живет?! – развернувшись, бросил он Шиле.

– Не знаю, я у нее не ночевал...

– Та кто ж тебе даст, задрот?! Говори точнее! – встряхнул его за ворот Дробот.

– Где-то на МЮДа... – заскулил Шила.

– Жень Палыч! Где живет Криндычиха – знаю, а та сучка либо у нее обретається, либо где-то рядом, они там все кучкуются, всей своей самогонной слободой.

Уже на выходе Векслер спросил:

– А где остальные?

– Так мы, кроме крысеныша, никого не брали, – ответил участковый.

– Почему?

– Та то ж центряковские пацаны! Он их благовал в какой-то мутный движняк вписаться, а те – просто пацанва, не при делах...

– В камеру! Никого к нему не подсаживать. И врачей не звать... Мы еще не закончили, – кинул майор напоследок дежурному.

* * *

– Еще стучим? – спросил участковый, прислушиваясь у высоких ворот усадьбы.

– Входим, – скомандовал Векслер и расстегнул кобуру.

Участковый осмотрел ворота и, не найдя тайной щеколды, пошел вдоль забора. Выбрав место, он с разбега взлетел на самый верх и, оглядевши двор, спрыгнул вниз.

Старший группы удивленно посмотрел на бесцеремонно отодвинувшего его в сторону Узлова, зашедшего в открытые ворота первым. Собака на мгновение потянула носом и уверенно увлекла кинолога во двор усадьбы.

– Держишь улицу и ворота, – отдал на ходу приказ Владлену майор, и, вытащив оружие, офицеры двинулись к дому.

– Хм, двор без собаки, а будка на двух... – оперативник огляделся и кивнул капитану.

Милиционеры по очереди скользнули в оказавшиеся незапертыми двери большого дома. Пройдя веранду, вошли в центральную прихожую, куда со всех сторон смотрели дверные проемы из кухни и комнат.

Первым привлек внимание слоноподобный шкаф, занимавший весь правый угол. Векслер показал глазами: «Давай», – и участковый аккуратно открыл створку. Весь шкаф – от пола до антресолей – был забит рядами поллитровок с сургучными головками. Офицеры переглянулись. Во дворе мощно рывкнула Фрося.

– Вот веришь, чуял! – зло сплюнул старший группы и, раздраженно сунув свой трофейный «штайер» в кобуру, развернулся на выход.

Грузное тело Криндычихи лежало у дальнего дровяного сарая, откуда, несмотря на легкий ветерок, отчетливо тянуло брагой. Под ней натекла лужа почерневшей крови, неестественно выгнутая в суставе нога указывала куда-то вправо.

– Ищите Нюрку, – кинул майор Узлову и повернулся к капитану. – Не отпетляла твоя хабалка, – оглядевшись по сторонам, он указал подбородком на тело. – Узнаешь почерк?

Участковый лишь кивнул в ответ.

– Валек, ты Плакиде давал адрес?

– Да.

– Когда собирался выезжать?

- Та следом...
- Ньюрка где-то здесь. Найдете, оформите, а я погнал на жэдэ.
- Сам?!
- С Вадиком и ППШ...

Из дома гулко гавкнула Фрося.

- Вот и Ньюра. Еще одно легкоранимое сердце...

Узлов стоял над люком закрытого погреба и осматривал розетку с подвешенным рядом на гвоздь витьем двух проводов со штепселем на конце. Векслер кивнул и, включив свет, милиционеры подняли ляду погреба.

В самом низу лестницы головой вниз, скособочившись, лежало переломленное тело дочери Криндычихи. Задравшийся халат оголил толстые ляжки и испачканные в предсмертной агонии трусы. Под головой убитой образовалась целая лужа крови.

- Найдешь ее сожителя с детьми и родней. Всех под охраной – в управу, – кинул на ходу майор.

* * *

Уже смеркалось, когда к торцу вокзала подъехал мотоцикл с коляской. Нищих не было, лишь с десятков торговых, гомоня, ждали московского поезда.

Один из приехавших, тридцатилетний парень в армейской гимнастерке, вышел на платформу и о чем-то переговорил с торговками. Те сразу стали расходиться. После молодой человек вернулся к товарищу.

Перекурив и взглянув на часы, мужчина в пиджаке и расшитой рубаше на выпуск подхватил из коляски корзину. Пара двинулась в дежурное отделение.

- Вы к кому, товарищи?! – попытался остановить их на входе сержант, но парень в гимнастерке молча ткнул ему армейским «вальтером» в подбородок и, ухватив свободной рукой за ворот, спиной вперед втолкнул в кабинет.

Старшина, увидев гостей, успел вскочить, но, упершись взглядом в направленный на него ствол в перфорированном кожухе, лишь молча поднял руки.

Ульяна, сидевшая на стуле напротив старшины, мраморно побелела и, откинувшись на спинку, вцепилась посиневшими костяшками в юбку на бедрах.

Подталкивая пистолетом, сержанта поставили под стеночку в угол рядом со старшиной. Засунув «вальтер» за поясницу, парень поднял корзину, в которой его товарищ пронес автомат. И пока тот держал милиционеров под прицелом, показал Лыско глазами: мол, доставай.

Загипнотизированная Ульяна, словно сомнамбула, двумя руками медленно вытасила и по очереди поставила на стол три поллитровые бутылки самогона.

Отставив принесенную корзину, парень подошел к дальнему столику и забрал оттуда объемную кошелку женщины.

Вновь вытаскивая пистолет, он посмотрел на часы. Раздались звуки подходящего состава. Оба бандита бесцветными, прозрачными глазами равнодушно, но уверенно смотрели на милиционеров.

Паровоз выполз на платформу и, закутавшись в облако пара, дал гудок. Первая же пистолетная пуля на выходе вынесла женщине затылок, а жирная очередь буквально перерубила по груди обоих милиционеров.

Глава 3. Острая Могила

Векслер не успел. Когда он примчался на вокзал, в дежурной уже работали криминалисты, а оперы Плакиды пытали персонал и потенциальных свидетелей.

- Петрович в бешенстве... – успел шепнуть старлей на входе.

– Насколько я понимаю, все свидетели зачищены под Котовского? – спросил начальник городского ОВД. – У нас с тобой начинаются веселые деньки, Женья... Мало никому не покажется. Порадуешь чем-нибудь? – добавил он.

- Думаю, к ночи соберу все до кучи, и что-то проявится, – ответил майор, осматривая комнату.

– Постарайся, пожалуйста... К тому времени, как нас с тобой начнут свежевать, хорошо бы иметь хоть какую-то версию, – подполковник безрадостно посмотрел на тела.

Два убитых милиционера лежали в углу, навалившись друг на друга. Мелкая Лыско так и застыла сидя, запрокинув простреленную голову за спинку стула.

Эдик кивнул Зое и обратился к офицерам:

– У меня что-то непонятное...

Все повернулись. Аккуратно взяв обработанную алюминиевой пудрой бутылку со стола, криминалист поднял ее вверх, к свисавшей с потолка лампочке.

– Посмотрите. Мы видим отпечатки пальцев и ладоней двух рук – и больше ничего. Словно эту бутылку принесли по воздуху и впервые вручили в руки.

– Понятно, что подстава! – ответил подполковник. – Дактилоскопируй бутылки в корзине, небось, стерильные, – мотнул он головой.

Блеснула вспышка фотоаппарата Зои.

– Что по баллистике?

– Да как-то пока еще не разобрались, надо гильзы и пули смотреть, но то – не раньше утра, – ответил Эдуард Константинович. – С пистолетом понятно: выброс гильзы соответствует немецким образцам армейского оружия. С пистолет-пулеметом есть вопросы. Все гильзы – там, – он указал влево.

– «Бергман»...

Офицеры повернулись к Векслеру.

– Пистолет-пулемет Бергмана. Стоял на вооружении полиции, гестапо, вспомогательных отрядов, – пояснил майор.

– Думаешь, надо МГБ подключать?

Старший опергруппы неопределенно пожал плечами.

– Ну так сам ведь говоришь: тема полицаев нарисовалась?

– Не знаю пока, Петр Петрович, слишком много фактажа и смертей сразу. Надо собрать мозги и материалы до кучи...

– Собирай. Там твой Туманов, похоже, даже отлить не выходил. Ройте. Как будете готовы – жду опергруппу на процедуры. Ночевать сегодня на стульях будем.

* * *

– Надеюсь, ты в курсе наших дел, – зайдя в кабинет оперсостава городского ОВД, рухнул на стул Векслер. – Сам-то нарыл хоть что-то?

– Да, я знаю общую канву. По подвижкам тоже есть что доложить, товарищ майор, – встал ему навстречу офицер. – Кажется, мы установили мотивацию...

– Предельно внимательно слушаю... – он повернул голову к входящему в комнату участковому. – Валек! Организуй, будь ласка, чай или хотя бы кипяток с сахарином – маковой крошки в рот за день не упало...

Как только участковый исчез за дверью, Туманов стал зачитывать свою сводку.

– Последняя пропавшая женщина – 58 лет, расчетный вес около ста килограммов. Девушки в розыске – 70 и 75 килограммов соответственно. Ушедший из дома и не вернувшийся два месяца назад подросток с кожзавода – 81 килограмм... Мальчик борьбой занимался, вес известен с точностью, – добавил он.

Векслер поднял ладонь с растопыренными пальцами, и Туманов замолчал, ожидая реакции руководителя.

– Сколько всего пропавших ты скомпоновал по новой вводной?

– Восемь.

– Все корпулентные?

– Меньше семидесяти нет ни у кого...

– Период?

– С середины февраля 1946-го.

– Твою ж дивизию! – выпрямился Векслер на стуле.

Повисла тишина. Майор закурил.

– Дай посмотреть... – майор взял из рук напарника исписанный фиолетовыми чернилами лист и вчитался в таблицу. – Докладывал Пэ-Пэ?

– Нет.

– Почему?

– Тебя ждал.

– Зачем?

– Ну, ты же старший группы.

– Степаныч, ты обиделся?!

- Да нет, Жень Палыч, субординацию блюду.
- Субординацию... – он потянулся и взял трубку звонившего телефона.
- Да, мы готовы!

* * *

Опергруппа в полном составе расположилась за т-образным столом начальника городского ОВД. Отсутствовала только Фрося, но и то Петр Петрович, то ли всерьез, то ли пытаясь разрядить обстановку перед началом совещания, спросил, куда дели собаку.

Со стены за спиной руководителя на милиционеров спокойно и доброжелательно, чуть прищурившись, взирал министр внутренних дел СССР генерал-полковник Круглов. Сергея Никифоровича качественно выписали маслом на классическом бордово-фиолетовом фоне. Строгая рама также соответствовала обстановке и вкупе с тяжелой, основательной мебелью, высокими окнами за зелеными портьерами и повисшей в кабинете звенящей тишиной создавала атмосферу фундаментальности и готовности к буре.

– И как, ухайдокались? Или еще повоюем? – спросил начальник, кладя на стол прочитанный рапорт Векслера.

Оперативники неопределенно шевельнулись на своих местах.

Петр Петрович, закурив, выпустил в потолок густой папиросный дым. Остальные молчали.

– Версия рабочая, даже не буду спорить. Шилина приняли красиво и заслуженно, тоже не в претензии. Однако проблема в том, вот это вот все – лишь «взагали по заглаям» для нашего руководства... Чернила на бумаге. Наши великие – полковник, прокурор, партийное руководство, в конце концов, они же зададут простой и понятный вопрос: где убийцы – на воле, в морге или в каталажке? Вот и все. Что мы им ответим? Наш умница Эдуард Константинович выйдет перед строем и блеснет своим невероятным образованием – греков древних им цитировать начнет?

Подполковник театрально простер левую руку и хорошо поставленным голосом вдруг изрек:

– О боги, вы, взираючи с Олимпу! Носитель горестных вестей, упавши ниц, взывает к снисхождению!

Остальные молча потупились.

– Не смешно, правда? Вот и мне тоже не весело, потому что наш добрый отец-полковник возьмет нас всей гурьбою за ушко и ласково прошепчет каждому персонально: «Друг мой ситный, ты не понимаешь, что происходит? Я тебе сейчас расскажу...» Убиты милиционеры. Два милиционера... – голос подполковника вдруг окреп, налился чугуном и зазвенел, рикошетируя от потолка и оконных стекол. – Убиты при исполнении, на боевом посту. Оба! Расстреляны в упор, как собаки! В городе орудует вооруженная автоматическим оружием банда душегубов, – он с грохотом треснул ладонью по столу, – режущая людей направо и налево, словно свиней на скотобойне. Более того, судя по почерку, разыскиваемые не просто бандиты, а гитлеровские недобитки и полицаи. Уже сегодня по городу ползут слухи, а мы тем временем строим рабочие версии, – начальник ОВД чуть выдохнул и снизил голос. – Не подкрепленные ничем – ни единым высранным чебуреком. Кого это впечатлит? Как это повлияет на оргвыводы? Ответ вы знаете...

Он поднял крышку пачки «Казбека», раскурил еще одну папиросу и вновь выпустил дым в потолок.

– Векслер, помнишь, мы в «резалке» за лося говорили, моего партизана-разведчика?

– Да, Петр Петрович...

– Знаешь, у него примечательная судьба вышла. Он как-то зимой сорок третьего вышел с группой. Притопали в деревеньку, засели в хате прикормленного старосты и чуток загуляли – первачок, сальцо, картошечка. Согрелись, старший группы ушел к одной крале и там кувырчался с ней до утра. А на рассвете в село пожаловали немцы и взяли разведчиков пьяненькими. Всех, кроме него, – ушел наш матерый. Поскольку у каждого человека по десять пальцев на руках, то с помощью нехитрой приспособы – кирпича и молотка – у них узнали все, что те помнили, и даже чуточку больше. И быстренько потом всех

троих укокошили, похвалив старосту и его посыльного за расторопность. Отряду пришлось менять стоянку, терять людей, запасы, уходить в морозную глухомань, отбиваясь от висевших на хвосте карателей. Лось вместе со всеми сражался как герой, потом каялся, стоял на коленях перед отрядом. Вот. А командир издал по нему приказ. И я, как его заместитель, этот приказ тоже подписал. И ничего. Не снится мне этот нами торжественно расстрелянный, и даже имени его не помню. Лось, говоришь? Ну, пусть будет так...

Он помолчал полминуты, смял в широкой хрустальной пепельнице докуренную папиросу и, обращаясь к майору, спросил:

– Женья, ты когда-нибудь работал по людоедам?

– Сам нет, но старые опера рассказывали о таких случаях в тридцатые на севере области.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Говори, капитан...

Опергруппа повернула головы к Туманову.

* * *

– Колбаса в голодающем Поволжье – это интересно... – задумчиво произнес подполковник, окидывая взглядом милиционеров. – Людоедство как основа нэпа. Интересная теория, – он выразительно помолчал. – Во всяком случае, здесь понятен алгоритм поиска и подключения к розыску участковых и оперов РОВД. Рынки, кооперативные магазины, столовые...

Он перевел взгляд на Векслера:

– Ты чего напрягся, Женья?

– Выпил – закуси! – ответил майор.

– В смысле?! – не понял руководитель.

– Что мы будем искать? – Векслер прямо посмотрел в глаза начальнику. – Петр Петрович, я настаиваю, чтобы опергруппа продолжила активный розыск, направленный на нейтрализацию банды, а сбором образцов сырья и пищевой продукции на рынках, в магазинах и столовых, прочими научными изысканиями... – он тяжело посмотрел на Туманова, – пусть займутся участковые и сотрудники РОВД.

– Обоснуй! – подполковник быстро глянул на капитана и вновь перевел взгляд на Векслера.

– Согласно показаниям Шилина, реализаторы сбывали от 20 до 30 декалитров самогона в сутки. При этом на перроне с утра и до ночи работали до шести-семи торговых с беляшами, чебуреками, пирожками и бог весть чем еще. Также со слов работников вокзала мы знаем, что им подносили корзины по мере сбыта продукции.

– Да верно все, майор, только мы до сих пор не видели и не разговорили ни одну из торговых! – вмешался начальник ОВД.

– Разрешите закончить, товарищ подполковник?

– Давай, конечно... Извини, что сбил с прицела, – язвительно хмыкнул собеседник.

– Шесть-семь человек с ротацией продавцов и продуктов непрерывно обслуживают порядка пятидесяти формируемых и проходящих составов. Делим и получаем по две-три бутылки на каждый состав. Условных же беляшей уходит в разы больше. Сколько может стоять пол-литра самогонки из-под полы? Сотка. Сколько стоит свинина на рынке? 300 рублей за килограмм. В беляш, чебурек идет 50 грамм мяса и столько же теста. Тесто опускаем. Себестоимость фарша в продукте составит от силы 12–13 рублей, продают беляш за четвертную. Значит, одна бутылка стоит четыре беляша, а продают их под тысячу.

– Допустим, согласен... Вывод какой, Женья?

– Первое. Самогон – для отвода глаз, весь упор на мясо. Второе. Для такого производства нужен цех или специализированное домохозяйство. Третье. Тысяча условных беляшей – это пятьдесят килограмм мяса в сутки. Значит, не человечесиной единой – надо искать свиноферму.

– Дельно... Думаю, Сретенский организует личный состав на закупку и анализы... Подключим все лаборатории, включая СЭС. Участковые, – он глянул на Дробота, – и наш оперсостав, – перевел взгляд на Плакиду, – пойдут по подворьям... Ты-то что планируешь?

– Перетрусим всех нищих, алкашню, еще раз допрошу сожителя Анны Криндычевой – я не верю, что он ничего не знает, хоть и живет с ее детьми отдельно. И надеюсь найти торговков... Не с Марса же они свалились?!

– Да... Нам станет понятен процент соотношения пирожков с говном и чебуреков с человечинной. Чем это поможет ликвидации банды? – подполковник помолчал. – Мы просто улучшим свою версию, мою шкуру же тем временем натянут на... – он поднял голову и внимательно посмотрел в нарисованные глаза министра. – Багетную раму зеркала центрального хода... Ладно. Вариантов пока тоже не вижу. Но вот если мы и сейчас найдем только трупы, то быть беде. Долго я в одиночку не удержусь – все пойдем под монастырь.

* * *

– Да Фира Иосифовна, я тебе говорю, Валька! Ну шо я – дура совсем, в самом-то деле?

Женщина подняла метлу и раздраженно стукнула держак о брусчатку, насаживая голик.

Три офицера стояли в квартале от вокзала и смотрели на пустую подъездную дорогу, огибавшую по кругу привокзальный жилой сектор.

– Где она живет, знаешь? – допытывался у дворничихи Дробот.

– Так в школе же, в твоей. Как вернулась с эвакуации, так назад и пошла работать – куда ж ей еще, горемыке?!

Участковый пожал плечами и посмотрел на старшего.

– Поехали, – скомандовал Векслер.

Уборщицу и ее каморку нашли сразу.

– Как вы тут живете? – огляделся майор.

– Да как все, – отвечала, сидя на застеленном старой шинелью топчане, еще не старая женщина с тяжелым лицом.

Комната представляла собой подлестничную клетушку, огороженную фанерной стенкой с завешенным брезентом дверным проемом. Из мебели, помимо лежака, тут помещался небольшой столик, табурет и комод, служивший, видимо, подставкой для всякой рухляди. Свободного пространства, кроме крохотного пятачка перед ногами сидевшего на табурете майора, здесь больше не было.

– Так вы же учитель? – от двери спросил Туманов.

– Техничке хотя бы угол положен. Что я сниму на учительскую зарплату? – она горестно вздохнула. – От дома только куча мергеля осталась. Родни никого, последний прибыток – и тот вы забрали, – закончила она, прямо посмотрев на капитана.

– Скажите спасибо, что мы вас нашли раньше, чем ваши бывшие коллеги, – с нажимом сказал Векслер.

Она закручинилась.

– Да кому я нужна, ничего же не знаю. Эх... Дурные девки... В какую халепу влезли и всех за собой потянули за мизерный гешефт...

– Расскажите, как работала ваша смена? – заметив утвердительный жест старшего, спросил капитан.

Она неопределенно пожалала плечами.

– Приходила к шести вечера. Торговали до начала первого. Позже нет смысла, пассажиры спят. Беяши и чебуреки только у нас с Ганей. Ганя продавала самогон. Остальные стояли с пирожками, но то они сами готовили и нам были для блезиру. Если два поезда сразу – то она отдавала дежурную корзину под отчет кому-то.

– Фамилия? – уточнил он.

– Чья?

– Ганина!

– Так Криндычева! – удивилась собеседница.

– Я понял.

– Вы вроде говорили, что Юрий Шилин тоже работал с вами? – спросил стоящий рядом с капитаном Дробот.

– Шоб я еще сказала, так то, где вы читали... Я просто вслух подумала! – оскорбилась она. – Работал! Гаденыш шестерил у Гани с Улькой. Когда-никогда

той шлепер махорку, папиросы приносил краденые, чтоб мы продали. Работничек хренов.

– Кто доставлял беляши и чебуреки?

– Братики...

Милиционеры переглянулись.

– Какие еще братики? – спросил участковый.

– А я знаю?! Два брата. Один постарше – лет тридцать или больше, раз в темноте его чуть рассмотрела. Второй – около того, раза три всего видела и тоже только вечером... – она помолчала и добавила: «И тем вечером тоже».

– Как они выглядели, на чем привозили продукты, откуда везли и сколько?

– Да обычно выглядели... Парни как парни. Откуда везли, не знаю. Только девки ходили за корзинами за вокзал куда-то. Обе их боялись до мокрого исподнего.

– Шила братиков знает? – уточнил Туманов.

В ответ она только презрительно скривилась.

– Что сказал младший в тот вечер? – вернулся к основной теме Векслер.

– Да что сказал... Брысь, говорит, отсюда. Чтоб хавалки закрыли на замок, а то всех вырежем, включая детей и комнатных собачек.

– Ну хоть что-то приметное в нем было? Не может же он везде серым быть?! – спросил он.

– Выделялся... – призадумалась Фира. Потом подняла просветлевшие глаза и сказала: «Так не местный он!»

– Как понимать?

– Ну, так гутарит-то не по-здешнему.

– А как?

– Ну не знаю, быстро-быстро как-то и высоким таким голосом тараторит. Подошел и сразу какое-то смешное слово сказал вместо «здрасьте»...

– Что за слово, конкретно? – напрягся майор.

– «Тавой» или «таей», что-то такое.

Векслер замер, на неуловимое мгновение погрузившись вглубь себя.

– Может быть, он сказал: «Та йой»?!

– Да, точно, так и сказал, – удивленно ответила женщина и недоумевающе посмотрела на офицеров.

– Никита Степанович, сколько там до большой порки? – спросил вдруг Векслер.

– Два часа тридцать пять минут...

– Валец, Фиру Иосифовну – в мою машину и в управу, а мы с Тумановым пока на твоём мотоцикле покатаемся.

Когда в машину усаживали слабо протестовавшую женщину, офицеры шли к мотоциклу.

– Что значит это слово? И куда едем, майор?

– На Острую, – ответил он, резко давя ногой на педаль кикстартера, – а слово означает, что ребята к нам издалека пожаловали.

Векслер завел мотоцикл и, наклонившись, громко сказал:

– Километров с лишком за тысячу отсюда... На запад.

* * *

С холма открывался бесконечный вид на раскинувшуюся до самого горизонта луганскую степь. Слева возвышался недавно восстановленный мемориал, но Векслер обогнул его, не останавливаясь, и по зеленой травке докатил до начала спуска с холма. Впереди и вправо до самой балки тянулись остатки инженерных сооружений.

Офицеры спешили, майор молча закурил.

Туманов с интересом оглядывался по сторонам. Он явно попал сюда впервые.

– Что это за место, Жень?

Тот, помолчав, ответил:

– Острая Могила... Место, где я набираюсь боли. Это помогает мне потом быть безжалостным.

– А поче... – начал было капитан, но напарник взял его левой за пуговицу кителя на груди и указал рукой с папиросой на окопы.

- Смотри сюда. Видишь вытянутые впадины там, за траншеями?
- Да...
- Это засыпанные противотанковые рвы, что мы копали в сорок первом, – боялись охвата Ворошиловграда с востока.
- Понятно...
- Весь город копал, и даже мы, менты. Вот тот, второй, копал и я, лично. И следующий тоже. Упорно, до кровавых мозолей рыли...
- Он замолчал, два раза затянулся.
- Вот этими руками, – майор поднес ладони к самому лицу собеседника, – я вырыл могилу для собственной семьи. Получается, так...
- Туманов положил руку на плечо майора.
- Я знаю, Евгений Павлович... Просто не думал, что здесь, в степи. Мои соболезнования...
- Софийка. Наши Риточка и Борюсик, долгожданный. Ее мама Сусанна Моисеевна...
- Он бросил окурок под ноги. Достал портсигар, потом вытащил немецкую зажигалку, свинтил крышку, подкурил и, вновь завинтив, убрал в жилетный кармашек.
- Почему не эвакуировались?
- Потому что меня отправили на фронт, а у бабушки Сусанны всегда было свое мнение, непоколебимая уверенность в брехливости советской пропаганды и светлая вера в культурную миссию немецкого народа.
- Понял, прости...
- Ближе к концу октября людям объявили, что идет организованная отправка в Палестину. Велели взять ценные вещи и провизию на три дня. Утром первого ноября всех собрали на стадионе и начали грузить в машины. Везли сюда, по два грузовика в каждой партии. Смотри, вот рвы. Где сейчас заваленные дзоты, там выставляли пару «машиненгеверов» на станках. Останавливались вот здесь, – он указал рукой точку. – Вылезать никто не хотел. Тогда они запустили в кузов овчарок, – милиционер внимательно посмотрел в лицо собеседнику. – Ты же понимаешь, что могут сделать две Фриды в грузовике с женщинами и детьми?
- Выдохнул и продолжил:
- Потом все ценности складывали на расстеленный брезент, всех раздевали догола, строили и строем валили в ров длинными очередями в упор. Кто бежал – добивали из карабинов поштучно. Отработав две машины, встречали следующие – точно как наши мясники на перроне. Почерк!
- Помолчав, Векслер взял капитана за предплечье и не спеша повел его к мотоциклу.
- Ты думаешь, зачем я тебя привез сюда? Для чего эти еврейские стенания? – он остановился. – И тогда, и сегодня против нас – нелюди. Запомни, Туманов. Мы их найдем, по-любому. Как Фрида, я их верхним чутьем возьму – я ведь тоже немецкая овчарка по кличке Векслер. И когда мы их найдем, живым никого не выпустим. Никого – запомни. Как это животное сказало в тот вечер на вокзале: «Вплоть до комнатных собачек»? Вот так мы и сделаем. И ты со своим ТТ будешь прикрывать мою спину. И не дай бог тебе дать слабину...
- Он оценивающе посмотрел в лицо капитану.
- Поехали домой. Вытерпим все молча и продолжим, – подытожил майор.

Глава 4. Белая будка

Дореволюционный особняк Васнева нависал над брусчаткой перед местной Красной площадью всеми своими, как тогда говорили, архитектурными излишествами: балкончиками, массивной колоннадой и балюстрадой открытой террасы третьего этажа. Возле машины Векслера стояли трое – сам старший группы, его напарник и майор Сретенский, сменивший китель на больничный халат.

- Списывать меня, мужики, пора – третий криз за весну... – жаловался он.
- Ты держись, майор, нам без тебя совсем грустно станет, – приободрил его Евгений Павлович.
- Ладно, что у вас?

– Пэ-Пэ взял все на себя и пошел с полковником к первому секретарю. Мы по-прежнему ловим оборванные концы цепочек, но пока везде голяк. Похоже, бандиты тупо вырезали всех, кто что-либо знал, – развел руками Векслер. – О, Дробот! – указал он глазами на подъезжающий мотоцикл.

Участковый легко выскочил из седла и поздоровался с офицерами. Следом вытянулся во фронт старшина. Фрося, издали обнюхав всех, вдруг шагнула к Векслеру и дружески слегка боднула его в бедро. Тот потрепал собаку за ухо и обратился к прибывшим.

– Что, Валек?

– Пропал Клешня. С момента разговора в дежурке как сквозь землю провалился... Як пороблено! – раздраженно треснул он себя по ляжкам.

– Не надо было отпускать! Всех в околотоку, никаких доверительных бесед больше. Для их же безопасности, – жестко резюмировал старший.

– Жень Палыч, а кто вообще из привокзальной шелупони остался неохваченным? – поинтересовался Сретенский.

Векслер вопросительно посмотрел на Дробота.

– Да вроде все. А не, Культя остался, но тот... – он безнадежно махнул рукой. – Что с бухарика взять?!

– Кто это?

– Безногий попрошайка на костылях, – ответил старшему участковый.

– Да, я помню, с медалями.

– Ага, ветеран всамделишный, кстати. Мы его пробивали. И документы настоящие, и ногу на фронте потерял, и медали его. Гарик... как его... Попытченко! – вспомнил капитан.

– Стоп, Валек! Еще раз: попрошайка без ноги, на костылях, с двумя медалями. Установленный ранее инвалид и ветеран войны Гарик, то есть Игорь, Попытченко. Так?

– Да, Жень.

– И он алкаш?

– Ну да. Стоит до обеда или пока насобирает. Берет четверть литра и уходит, счастливый, восвояси.

– Валек, я его видел и помню. И он не пьет.

– Слушай, Жень, ну ты-то откуда знаешь – раз посмотрел и определил по памяти?

– Рыбак рыбака... – задумался майор. – Так, надо с ним срочно познакомиться, пока и его под землю не укатали...

– Правильно говорит Евгений Павлович! – вступил в разговор Сретенский. – Надо поднять всех твоих участковых и выяснить, где он живет.

– Да я знаю где! Точнее, адреса как такового нет, живут за белой будочкой... – вмешался капитан.

Милиционеры, переглянувшись, улыбнулись.

– Да не в том смысле! – начал заводиться Дробот. – Конкретно за будочкой жэдэ переезда, в самострое близ гравийки, между Камбродом и Большой Вергункой.

– Дорога туда идет из Камброда или из Вергунки? – поинтересовался майор.

– И так и так можно добираться, а если пехом, тогда вообще с любой стороны – через посадку или пустырями.

– Ух ты! Однозначно надо познакомиться поближе, – констатировал старший опергруппы.

* * *

Практически за окраинами Каменного Брода тоже жили люди. И до войны, и после здесь строились и селились целыми семьями. Как раз один из таких проулков раскинулся перед глазами оперативников метрах в семистах от грязно-белой будки путевого обходчика на железнодорожном переезде у гравийной трассы, связывавшей два городских поселка.

Мотоцикл и машина остановились чуть выше, а сами милиционеры разговаривали с хозяйкой дома, стоявшего у края улочки, отсыпанной буро-красно-фиолетовым печным штыбом, традиционно именуемым в Донбассе жужалкой.

– Ни с кем они не общаются, живут бирюками, сколько их тут помним, – рассказывала хозяйка. – Старший Попытченко с немцами сотрудничал, а они его казнили...

– Не кажи, чего не знаешь, кура! – грохнув калиткой, на улицу вышел шестидесятилетний мужик в перепачканном глиной и сажей фартуке. – Здрасьте, товарищи! – поздоровался он с милиционерами, отирая руки от глиняных катышей и красной кирпичной пыли. – Не слушайте! Несет баба сама не знай що, – гневно глянул он на женщину.

Оперативники развернулись к мужчине.

– Старый Попытченко просто работал в депо. Немцы его спалили, а за шо – никто не знае.

– Когда это было? – уточнил майор.

– Было-было, известное дело, – вмешался Дробот. – Перед приходом наших, за неделю до штурма, фашисты, действительно, связали колючей проволокой, облили соляркой и сожгли несколько работников депо, включая Попытченко. Их всех потом похоронили в общей могиле на старом кладбище.

– Так и есть, – подтвердил мужчина.

– И кто сейчас там живет?

– Упыриха, Вадько, брат его одноногий та его сынок – внук Станиславовны, – не выдержала долгого молчания женщина.

– Упыриха? – удивился Векслер.

– Помолчи! – вновь кинул мужик жене. – Леська, жена старого Попытченки. Бабы ее ненавидят, – он вдруг ухмыльнулся. – Мабуть, взаимно!

– Что за брат, внук?

– Вадько? Та шофер с депо. Нормальный мужик, работающий. Внучок у ФЗО учится, добрый хлопчик. А вот Игорь – такой позор – жебрак с вокзала! А ще фронтовик... – мужчина аж сплюнул от негодования.

– Чего Станиславовну ненавидят? – поинтересовался Векслер.

– Так вона нетутошная! Дед ее со службы привез. Самого гарного парубка у дивчин наших увела... повия, – вдруг захохотал мужик, весело зыркнув сверху вниз на сжавшуюся от злобы жену.

– Они свиной держат? – задал последний вопрос Векслер.

– Тут все тримают... – ответил тот.

* * *

Отойдя метров на пятьдесят от машины и разговорчивых соседей, Векслер начал инструктаж группы.

– Так, бойцы, собрались! Влад подкатывает и блокирует ворота – вне зависимости от того, одинарная там калитка или проезд для студебеккера. Валек бросает мотоцикл у самого края усадьбы и бежит к воротам. Если нам не открывают, первыми через забор идут Фрида с Узловым, следом – Дробот. Открываете,пускаете Туманова и действуете группой по обстоятельствам в следующем порядке. Первым за собакой идет старшина. Валек прикрывает их справа. Туманов всех троих – сзади. Влад стоит с автоматом в воротах и прикрывает всю группу, отслеживая улицу за спиной.

– А ты, дядь Жень? – удивленно спросил участковый.

– А я стою на номерах с заднего двора. Если вы их погоните, то встречу.

– Сам?!

– Ты за меня не переживай. Слушаем дальше. Второй вариант. Нам открывают, но не пускают. Тут все просто: рылом в землю и входите штурмовой группой в дом, оттуда – дальше по постройкам. Всех брать, вязать, стаскивать под ППШ к сержанту. Третий вариант: пускают и беседуют. Тогда действуете по обстановке. Любая замеченная опасность – кодовое слово: «Время!» Значит, сдаем назад. Выходим. Вызываем подмогу.

Он еще раз посмотрел в глаза своим бойцам.

– Самое главное. Ни при каком раскладе вы, во-первых, не расходитесь и, во-вторых, не выпадаете с прицела Владлена... – майор окинул группу взглядом, задержав его на мгновение на наградной планочке медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» на груди Туманова. – А чего вы все вырядились, как на парад?!

– Ну дык к полковнику с утра собирались.

– Лады, все готовы?! Тогда отлили, попрыгали, проверили оружие – и вперед!

Тут не выдержал Дробот.

– Дядь Жень, прости, но ты на самом деле считаешь, что там банда? Или Культя – один из братиков?

Векслер немного удивленно взглянул на участкового, словно тот предстал перед ним новой гранью, и повернул голову к Туманову.

– Никита Степаныч, ты у нас мастер деталей, скажи Валентину, почему ты в напряге последние полчаса.

Туманов улыбнулся, как будто его на чем-то подловили, и ответил:

– Меня смущает расстояние от вокзала до дома Попытченко.

– О! Ни секунды в твоей светлой голове не сомневался, – акцентировал майор. – Скажи, Валек, как одноногий пьянчужка два раза в день проделывает полуторачасовой путь туда и обратно? Или, может, его кто-то подвозит? Как на работу?

Он жестко закончил:

– По местам. Узлов – на переднее сиденье, Дробот – впереди нас. С богом, бойцы!

* * *

Ехали достаточно быстро, но не летели и пыли не поднимали. Оставив мотоцикл у края забора, Дробот первым оказался у дома и, пока оперативники высаживались у въездных ворот, громко постучал железной ручкой калитки. Во дворе, гремя цепью, злобным лаем заливалась собака. Фрося, внешне никак не отреагировав, лишь слегка приподняла шерсть загривка.

Массивные ворота, рассчитанные на грузовик или подводу, покоились под небольшой двускатной крышей. Вообще и ворота, и двухметровый забор, да и сам дом на высоком цоколе казались основательными и откровенно богатыми по сравнению с подавляющим большинством хибар Камброда.

– Алкаш, да?! – успел прошипеть участковому Векслер, скользнув за левый угол забора.

Во дворе послышалась возня, хлопнула дверь, раздались шаги. Потом лязгнул запор, за ним – щеколда, и в открывшейся калитке показалась невысокая полноватая бабулька лет семидесяти. Она удивленно осмотрела милиционеров и спросила:

– О! А вы до кого?!

– Здравствуй, Станиславовна! – остановив жестом двинувшего было вперед старшину, Дробот поинтересовался: – Гарик дома?

– В хате он. Хворый... – недоуменно посторонилась она, пропуская милиционеров.

Первым во двор вошел старшина со своей собакой. Средних размеров кобелек, рвавший горло и встававший дыбом на цепи, вдруг упал на все четыре лапы и вместо заполошного воя перешел на озлобленный писклявый лай. Фрося, не глядя на него, совсем немного приподняла одну брылю, еле-еле оголила кончик клыка и чуть слышно заурчала. Кобель взвизгнул и, заскочив в добротную будку, отчаянно завыл.

– Та замовкны вжешь! – старушка, перехватив клюку, мигом подлетела к будке и знатно треснула по дранке, прибитой к рубероиду крыши. – Нэ брэш!!!

Потом подняла глаза на оглядывавшую двор и дом опергруппу.

– Заходите до дому, раз пришли.

Дробот окинул взглядом огромный участок с флигелем, рядом сараев, отделявших задний двор, беседку, летнюю кухню и дворовый очаг с выварками. Затем он повернул голову к хозяйке.

– Та хворый, кажу. У лижку весь час, – ответила она на немой вопрос.

Приметив ступу деревянного протеза у стены и ряд дворовой обуви, капитан решительно двинулся вперед. Опередив его, Узлов развернулся и, первым поднявшись на невысокое крыльцо, вошел в коридор. Миновав длинную веранду, оказался в комнате и остановился за порогом. За ним проследовали Дробот, пожилая женщина и Туманов. Влад остался у ворот, цепко оглядывая двор и улицу.

Большая светлая комната с рядом окон и длинным столом в центре с дальнего торца оканчивалась двумя дверьми. Напротив милиционеров оказался письменный стол и книжный шкаф между крайним левым окном и входной дверью в углу, где теперь, контролируя пространство, остановился кинолог с собакой.

За столом перед тетрадкой с учебниками сидел подросток в белой с глубокими вырезами майке, синих трениках и парусиновых спортивных туфлях. Он, удивленно улыбаясь, с интересом рассматривал вошедших милиционеров. Хозяйка встала на середину комнаты между операми и мальчиком. Туманов остался в дверях, а участковый прошел немного дальше и замер чуть впереди и справа от старшины.

– Эй, малой, метнись резвым кабанчиком к бате, скажи, дескать, дружбаны пришли, пусть выйдет... – велел участковый и испытующе посмотрел на Лесю Станиславовну.

Мальчик встал и вопросительно поднял глаза на бабушку. Из дальнего коридора раздался стук костыля и протеза, и в открытую дверь вошел Попытченко. Он действительно был бледен, небрит, но при этом – в чистой, вышитой синеголубым у воротника рубаше и пиджаке с двумя медалями. Новенький облегченный протез блестел светлым лаком.

– Здорово, командир, – доковылял он до середины комнаты, недобро уставившись на капитана.

– Ты чё такой сурьезный, дядька, а?! – чуть набычившись, с ходу наехал на него Дробот. – Гостям не рад?

– Болею я...

Туманов, еще раз оглядев комнату и краем уха прислушиваясь к разговору, выскользнул назад – в коридор и на веранду. Не увидев ничего примечательного, осмотрел с крыльца двор и кивнул головой сержанту: мол, как обстановка? Тот неопределенно повел плечом, не спуская глаз с улицы и пространства перед собою.

Капитан огляделся. Двор тянулся за постройки и целиком с крыльца виден не был. Показав Владу пальцами на глаза и кивнув на дверь, он неторопливо, словно прогуливаясь, вышел в центр двора и неспешным шагом двинулся вперед.

У летней кухни повел носом и присмотрелся к вываркам – они кипели, и от них шел густой бульонный пар.

Чуть дальше, между сараями и центральным флигелем, его внимание привлек аккуратный прямоугольник зеленой травы, выделявшийся на фоне укатанной автомобильными колесами земли.

Сделав еще несколько шагов, Туманов вдруг заметил заднее колесо и торец мотоциклетной коляски, стыдливо выглядывающей из приоткрытого сарая.

С противоположного угла заднего двора, откуда долетали звуки чавканья и похрюкивания, ощутило потянуло гноем.

Оперативник, не таясь, широко потянулся. Развернувшись через правое плечо, незаметно расстегнул кобуру и с напускной беззаботностью не спеша двинулся назад.

Подойдя к крыльцу и выразительно посмотрев на Владлена, он повернул лицо ко двору и, не заходя в дом, крикнул в открытую дверь:

– Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время!

* * *

– Позорище просто! Ноги у него нет... Мы тебе и без ноги найдем работу, я ж тебе сколько раз говорил, – наседа на калеку участковый.

– Какую работу, командир? Вот моя работа, отработанный я, посмотри! – Попытченко правой рукой задрал рубаху на грудь. На крепком, плоском животе внизу виднелась глубокая воронка пулевого ранения. Еще один продольный шрам лилово отливал по всей ширине пресса.

– Ну и что? Ты один такой вернулся?! Найди бабу, завяжи с бухлом, будь человеком, в конце-то концов. Порадуй мать под старость лет!

– Бабу... – презрительно хмыкнул инвалид. – Мне при родительнице и пацане штаны снять, чтоб ты полюбовался на ту радость, что мне осталась?

– Ты пафосницу закрой, ладно? Меня жалобить не надо, – ответил милиционер.

Во дворе раздались шаги.

– Командир, говорю же, худо мне... – Повернув голову, инвалид обратился вдруг к сыну. – Дай сесть!

Мальчик подал отцу табурет и вернулся назад. Тот, тяжело опершись правой рукой, сед, вытянул протез с обрубком ноги и поставил костыль стоймя перед собой.

– Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время! – раздался голос Туманова с крыльца.

Дробот внимательно посмотрел на Культю, скользнул расфокусированным взглядом по длинной веренице домашней обуви под задней стеной, по обутым в сапог, тренировочные туфли и дворовые чуни членам семьи.

– Ладно, Гарик, времени нет. Но помни: бродяг и попрошаек у нас в городе не будет. Берись за ум, пока не поздно, – сказал он и, повернувшись к Узлову, добавил: «Идем, старшина, нет времени».

Кинолог успел сделать шаг вперед, когда мальчик, поймав повелительный отцовский взгляд, взял лежавшую на книжках скомканную тряпку и с криком: «Песик!» – швырнул ее в голову Фроси. Та лишь чуть отпрянула.

Под тряпкой лежал армейский «вальтер». Паренек мгновенно поднял пистолет, с трех шагов всадил старшине подряд две пули в центр груди и опустил ствол на присевшую собаку. Узлов, срывая горло, страшно захрипел и, отпуская ошейник, швырнул свою фуражку в лицо стрелка.

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Фрося, пролетев по воздуху, ухватила всей пастью еще раз успевшую выстрелить куда-то в потолок руку и снесла пацана к стене. Там, словно заправский борец, она крутанулась волчком, с хрустом перебросив парня через спину. Тот, хряснувшись плашмя об пол, успел лишь набрать полную грудь воздуха, а потом побелел и потерял сознание. Еще раз с треском рванув его за полуоторванную руку, овчарка окинула взглядом комнату.

После первого выстрела Дробот интуитивно присел и успел закрыться рукой. Табурет тем не менее припечатал по телу так, что он только охнул. Следом в голову прилетела подмышечная перекладина костыля, и неожиданно крепкая рука Попытченко резко рванула его за капитанский погон на себя. Первый удар финкой пришелся четко в подреберье. Участковый успел отмахнуть ребром правой в голову калеки и рвануть наган из кобуры. От второго удара ножа Валентин почти уклонился, треснув куда-то Культю рукоятью револьвера, поэтому лезвие вошло между шеей и трапециевидной мышцей, не задев горла.

Фрося, набрав с места скорость и походя сбив замахнувшуюся клюкой бабку, с разгона врзалась в Попытченко. Тот успел, присев, крутануться на месте, и овчарка взяла пастью его левое предплечье. Отдавая левую руку, бандит одновременно принял собаку на нож, разваливая ее грудину вспарывающим движением вверх. Правда, от таранного удара это его не спасло, и Культя кубарем улетел под стеночку к выставленной в ряд обуви.

Дробот оперся на косяк, зажимая рукой обильно кровоточащую рану на шее. От тела мальчика тяжело поднималась старуха. Офицер вдруг увидел, насколько отталкивающе и неприятно ее лицо с отвислыми щеками и темными кругами вокруг бесцветных водянистых глаз. В ее руке чернел здоровенный «вальтер». От стенки с Попытченко вдруг гулко грохнул ТГ. Раз, потом другой... Одна пуля прошла в дверной проем, вторая выщербила кусок щепы из дверной лутки над головой участкового. Тот два раза бахнул в ответ в сторону поднимающегося Кульги, но не попал и буквально вывалился в коридор прямо в руки Туманова.

– Старая лярва! – с ненавистью прохрипел участковый и ударил из нагана в центр бабкиного корпуса. Старуха зашипела, словно из пробитого шарика стал выходить воздух, и стала грузно оседать на пол.

Фрося смогла подняться. Ее глаза уже заволакивала белесая пелена, из распоротого нутра свисало что-то сиреневое, а вместо дыхания раздавался сиплый

хрип. Она с трудом сфокусировала на Попытченко уходящий взгляд, два раза глубоко втянула в себя воздух, роняя из пасти хлопья алой пены. А потом, накатывая мощной грудиной на передние лапы, разгоняясь, пошла в свою последнюю атаку.

Глава 5. Лесино подворье

Обойдя усадьбу, Векслер наконец дошел до поворота забора и за ним сразу наткнулся на въездные ворота заднего двора. Они, конечно, уступали центральным, будучи поуже и без крыши, однако так же массивно покоились на трех крепких столбах с отдельной калиткой слева.

Здесь мимо подворья шла еще одна укатанная грунтовка, параллельная гравийке у центрального входа. От нее к воротам тянулась выложенная жужалкой дорожка с отчетливо отпечатанным мотоциклетным протектором.

Осмотрев ворота, старший группы приметил высверленную коловоротом круглую дырочку чуть выше уровня глаз майора. Но, встав на цыпочки и заглянув в отверстие, он увидел лишь дерево закрывающей обзор задвижки. Постояв несколько секунд и оценив диспозицию, оперативник, стараясь не хрустеть, отошел на десять шагов и встал за одним из широченных орехов, высаженных с обеих сторон у въезда в усадьбу.

Услышав во дворе голос напарника, но даже не разобрав слов, Векслер тем не менее достал свой «штайер», а когда в доме раздались первые выстрелы – взвел курок. За все время перестрелки он несколько раз порывался кинуться вперед, но лишь протяжно выдыхал, останавливая себя.

Вдруг в какое-то мгновение майор учуял шорох и, поняв, что это задвижка, замер. Он буквально ощущал кожей, как кто-то рассматривает подходы к участку. Вскоре раздался звук хорошо смазанных петель – это открывались ворота. Пару раз заскрипел штыб, и по обе стороны невидимого барьера между опером и бандитами вновь все притихло.

Вскоре милиционер узнал звук катящихся колес. Он чуть отстранился от своего ореха, и в этот момент в зону видимости выкатился мотоцикл с коляской, энергично толкаемый за руль молодым мужчиной в солдатской гимнастерке. Он как раз заворачивал в противоположную от майора сторону, и Векслер, ни на мгновение не задумываясь, открыл огонь. Первая пуля, угодив в область лопатки, выгнула мотоциклиста дугой, а вторая разнесла всю правую часть свода черепа.

От ворот прогремел картечный дуллет. Заряд просвистел совсем рядом с майором, но несколько дробинок все же угодили ему в правую ногу. Оперативник, со свистом втянув в себя воздух, тут же выстрелил в ответ. Высокий, совершенно седой дед, успевший переломить обрез горизонталки, сложился пополам и с сильным стоном нырнул куда-то за ворота.

Векслер, словно птица с подбитым крылом, далеко отставив левую руку и глубоко припадая на вновь травмированную ногу, доковылял до ворот и осторожно заглянул во двор. Раненый старик, не выпуская обреза, уже заползал в угловой сарайчик справа. Оперативник поднял пистолет и прицельно всадил ему тяжелую «маслину» точно меж лопаток. Деда скорезило, он часто и мелко-мелко забился всем телом.

От ближайшего флигеля по воротам стегнула автоматная очередь, и Векслер, вновь задохнувшись от боли, сполз на землю за створ калитки.

* * *

Подхватив Дробота, капитан, каким-то чудом не переломав ног, стащил его с крыльца. Из дома раздался глухой рык, громкий вопль и грохот падающего тела. Следом выстрел ТТ оборвал хрип Фроси, и буквально через несколько секунд, выбив шибку веранды, пистолет Культи ударил по милиционерам. В ответ Владлен разок прошелся по окнам веранды и дал несколько коротких очередей в створ дверей над крыльцом.

Когда на заднем дворе в первый раз рывкнул «штайер» майора, Туманов уже подтаскивал слабеего на глазах участкового к воротам. Первая автоматная очередь враз «потушила» пистолет старшего группы, следующие ударили уже по оперативникам у центрального входа.

Владлен, коротко огрызнувшись из ППШ, нырнул за моторный отсек своей машины, а Туманов успел протащить капитана к ближайшему ореху в пяти-семи шагах правее. Уложив участкового за ствол дерева, он занялся перезарядкой нагана потерявшего сознание товарища.

Из дома донесся топот громяющих по настилу сапог – кто-то ломился в сторону перестрелки. Оперативник понял, насколько неудобная у него позиция. Справа из-за мощного ствола он видел только уходящий в небо забор и часть крыши с чердачным окном, а слева – ворота и машину с присевшим за ней сержантом, но никак не двор и все там происходящее.

Услышав топот сапог, водитель успел лишь поднять голову, как сверху загрохотало, из открытого чердачного окна выдуло полуметровый сноп оранжевого пламени, а пулеметная очередь немецкого MG-42 буквально разорвала капот автомобиля и присевшего за ним Владлена. Вторым заходом «машиненгевер» врезал по забору и стволу ореха, но дерево не пробил и не попал по торчащим из-за него ногам Дробота.

Капитан затащил товарища под ствол и замер – на крыльце послышался характерный стук протеза. Культя старался идти неслышно, но предательское «тук... тук... тук...» выдавало его с головой. Пулемет коротко прорычал еще раз, потом другой. С ореха летели крупные шматы древесины и щепка коры, а сам он содрогался от корней и до ветвей макушки.

Услышав глухой хруст протеза по утрамбованному гравию двора, Туманов набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Присев, он выглянул из-за ореха с правой, невидимой с чердака стороны. Скрип раздался уже у самых ворот. Капитан лег плашмя на Дробота и наклонил голову к земле. За правой стойкой ворот виднелся каблук ялового сапога Попытченко. Капитан, не вставая, прицелился и два раза выстрелил сквозь забор в предполагаемый уровень поясицы калеки. Первым упал костыль, следом осело тело. Вновь ударил пулемет, метя в правую часть ствола.

Туманов вскочил, высунул руку и три раза подряд неприцельно выстрелил из нагана в сторону чердака из-за левой стороны ореха. И тут же, сместившись и присев, два раза всадил из ТТ с правой руки, целя сквозь забор в уровень нижнего края чердачного окна. Пару раз перенесся огонь, пулемет наконец-то оборвал длинную очередь. Послышался лязг затвора. Капитан, вскочив, выронил наган и рванулся к сержанту. Проскакивая мимо ворот, он, практически не целясь, ударил из ТТ по пытающемуся подняться Попытченко. А затем, подхватив ППШ убитого водителя, влетел в мертвую зону под домом.

* * *

Туманов крутил в руках автомат – пули пробили кожух и диск магазина. Вдруг, замерев под стеной, он с удивлением заметил колонну машин, спускающуюся к ним по улице.

Впереди шел броневедомитель, метрах в ста от него тархтели несколько мотоциклов с бойцами в синих фуражках, следом покачивала бортами армейская трехтонка с солдатами. На чердаке ожил «машиненгевер» и длинно ударил по БА-64. Броневик встал, и «дегтярев» бронебашни стал методично рвать крышу дома Попытченко. С нее кусками полетела терракотовая черепица. MG-42 враз заткнулся и больше не подавал признаков жизни.

Солдаты спешили, а три мотоцикла под прикрытием броневилика проскочили к усадьбе.

– Ты там цел, Туманов?! – закричал подбежавший к ореху побагровевший Сретенский в кителе и спортивных штанах.

– В норме! Дробота выносите, пока он дуба не врезал.

– Где Векслер?

– Держит тыл усадьбы...

– Живой?!

– Не знаю!

Под стенку к Туманову подскочил армейский майор с автоматом Судаева в руках.

– Что тут у вас, опер?!

– Полицаи, похоже...

– Да?! – искренне удивился офицер. – Где еще ваши?

– Кинолог в доме. Убит вместе с собакой. Наш...

– Это я понял... – перебил его майор. – Старшина, бери отделение и вместе с капитаном заходите сзади, там еще один мент, возможно, жив, – отдал он приказание командиру отделения, занявшему позицию за подъехавшим бронев автомобилем.

– Старлей! – кинул майор офицеру со взводом у начала забора. – Формируй штурмовые группы – тут полиция нас ждет...

Милиционеры Срегенского вынесли участкового и с ним на руках бегом помчали в сторону грузовика.

У поворота забора оперативник жестом остановил солдат и отрывисто крикнул:

– Векслер!

– Жду! – послышалось совсем рядом, и буквально через секунду: «Двигай!»

Туманов вывалился из-за угла, за ним цепочкой проскочили армейцы. Майор, широко раскинув ноги, занимал позицию у левого столба калитки и держал под прицелом задний двор. Правую ногу выше колена стягивал брючный ремень.

– Что там, Никита, перемирие? – посмотрев на разворачивавшихся в цепь солдат, спросил он бледными губами.

– Перезаряжают...

Капитан, закинув руку Евгения Павловича себе на плечо и подхватив того левой, буквально перенес на руках свистящего от боли напарника на лавочку у палисадника метрах в двадцати левее ворот.

– Узлов, Влад, Фрося... – Туманов замолчал. – Дробот ранен, уже эвакуировали, но... Не знаю, короче...

Внимательно посмотрев на него, старший группы не спеша нажал кнопку выброса патронов, накрыв ладошкой, поймал вылетевшие из «штайера» три «маслины», положил их в боковой карман пиджака и достал оттуда полную обойму. Аккуратно поставив затвор на рычаг задержки, вставил ее в пазы, догнал большим пальцем патроны во внутренний магазин и спустил затвор. Тот, лязгнув, загнал патрон в патронник, оставив курок на боевом взводе.

– Закончить надо по-любому, дружище, – помолчав, сказал Векслер.

Со двора раздался грохот рухнувших под колесами бронев автомобиля ворот. Следом БА-64 щедро прошелся из пулеметной башенки по чердачному срезу, окнам дома и веранды. Несколько групп пехоты рывком подлетели к высокому цоколю, и в выбитые окна полетели гранаты. Солдаты отхлынули. Дом гулко подпрыгнул и сложился крышей вовнутрь. Обвалившиеся местами беленные известью стены брызнули кусками мергеля и глины, обнажив сетку драмки крест-накрест. Буквально через минуту, взлетев, осели флигель и центральный сарай.

В палисаднике раздался треск ломаемой сирени – через кусты продирался мужик в замызанной кровью вышитой рубахе навывпуск. Пистолеты Векслера и Туманова в унисон «гавкнули» по три раза, автомат бандита с торчащим справа магазином полетел на улицу, а сам он со всего маха насадился грудью и подмышкой на столбы плетеного забора палисадника. Пытаясь сняться с кольев, мужчина хрипел, захлебываясь кровью, и сучил ногами, скользя рукой по ивовой изгороди.

– Отставить! – резко осадил майор двинувшегося было к раненому солдата. – Пусть так подышает... – и, проследив взгляд напарника, кивнул на автомат преступника: «Говорил же, «бергман»!»

* * *

Проводив глазами машину медиков, Туманов прошел во двор.

В центре, аккуратно меж руинами дома и чуть чадящими развалинами флигеля, по всему двору разлетелись кольца и куски копченой колбасы, выброшенные взрывом из сарая.

Солдаты стаскивали в рядочек под забор убитых бандитов. Тут же на растеленной простыне складировали их оружие.

Накрытые покрывалами тела милиционеров и собаки были видны за пределами усадьбы, на дороге, где суетились у двух мотоциклов оперативники Плакиды.

Сам старший оперуполномоченный стоял возле армейского майора в центре двора, вытирая платочком сияющую на солнце лысину, и смотрел на проходящего мимо Никиту Степановича.

– Где Сретенский? – спросил тот.

– Уехал давление мерить... – ответил старлей.

– Так как, капитан, доблестный оперсостав поделится с дружественными армейцами колбасой?! – поинтересовался военный.

– Она с человечинной, – на ходу бросил Туманов.

Тот скривил нижнюю губу.

– Так ты же говорил: полицаи.

– Цирроз гангрене не помеха...

Подойдя к шеренге вытянувшихся тел бандитов, капитан внимательно на них посмотрел. Седой дед, двое молодых мужчин, женщина лет тридцати, с ног до головы покрытая мукою, Культия с раздавленными броневиком ногами и протезом, часть ноги с порыжевшей от спекшейся крови парусиновой туфлей.

– Где бабка и гаденыш? – поинтересовался он у Плакиды.

– Старуха застряла башкой вниз, – ответил за старлея военный. – Дом в подвал сложился, быстро не достанем. И она там, и мелкий... Но тот – по частям, – добавил он.

– Кто из них Вадим Попытченко? – спросил Туманов у старлея.

Тот в ответ лишь пожал плечами и кликнул одного из участковых Дробота.

– Кто из них Вадим?

Подошедший лейтенант внимательно посмотрел на убитых и ответил:

– Да нет его тут...

– Точно?! – повернулся к нему капитан.

– Да, конечно. Я Вадько лично знаю... К нему никог...

– Еще тела есть? – перебил его Никита Степанович.

– Нет, – ответил за всех армейский офицер.

– Плакида, сколько у тебя людей и транспорта здесь?

– Да все практически, – ответил старлей. – Два мотоцикла, можем и третий завести... Дробота.

– Кто знает, где работает Вадим?!

– Так в депо... Водитель он там, – ответил каменнобродский лейтенант.

– По коням! – скомандовал Туманов и направился к воротам.

У собачьей будки он остановился. Обезумевший от страха кобелек, крупно дрожа, забился в самый дальний угол и тихонько поскуливал.

Капитан вытащил из кармана галифе «штайер» Векслера и с двух шагов, прямо сквозь доски, пристрелил его с первого раза.

– Ты что творишь?! – ошарашенно спросил проходящий мимо Плакида.

– Так надо, – ответил ему Туманов.

Милиционеры сели на два мотоцикла. Старлей на ходу забрал у одного из своих оперов ППШ с коробчатым магазином.

– Это что теперь – и свиней в расход пускать?! – глядя им вслед, удивленно спросил майор.

* * *

Два мотоцикла одновременно влетели в широкие ворота депо. Доехав до самых гаражей, они разделились: Туманов со старлеем и еще одним опером в гражданском кинулись к входу, трое других милиционеров мигом заблокировали всю шеренгу гаражных боксов.

– Попытченко?! – на бегу увлекая за собой вышедшего навстречу мастера, кинул Туманов.

Тот, рванувшись следом за ним, влетел в бокс, перешел на шаг и крикнул суетившимся под полуторкой водителям: «Вадько! Иди сюда, быстро!»

Один из шоферов вдруг пулей вылетел из гаражной ямы и, отшвырнув тряпку, стремглав кинулся к проему у противоположной стороны бокса. Оперативники ринулись за ним.

Захлопнув за собой дверь, тот задвинул засов и кинулся дальше вглубь раздевалок.

Капитан, два раза дико дернув за ручку, со второго выстрела вынес запор и первым рванулся вперед.

Влетев в раздевалку, оперативники едва успели пригнуться, когда три раза хлопнул пистолет. Пули, звонко рикошета от железных шкафчиков, прошли мимо.

Вскочив на высокий подоконник, Попытченко успел уже на полкорпуса выбраться в распахнутое окно, но отпускать его никто не собирался. Туманов прицельно всадил ему пулю в зад, а Плакида для острастки дал еще длинную очередь над головой. Бандит, истошно завыв и схватившись за ягодицу, грохнулся под шкафчики. Упав, он перевернулся на спину, сел. И, продолжая орать, швырнул «горбатый маузер» прямо под ноги капитану.

Тот на мгновение остановился и, наступив на пистолетик ногой, отправил его, словно шайбу, по кафелю назад – прямо под бок уголовного. Тот замер, даже перестал выть и уперся взглядом в Туманова. Капитан поднял «штайер». Бандит все понял, заорал и закрылся двумя вытянутыми к милиционеру руками. Тяжелая пуля, пробив обе ладони, снесла половину черепа, оставив болтаться на какой-то белесой сопле окровавленный, бесцветный глаз.

* * *

Когда милиционеры вернулись к усадьбе Попытченко, военных там уже не было. По руинам деловито перемещались эксперты-криминалисты областного управления МВД, стояли несколько представителей милицейского руководства, прокуратуры и гражданских властей.

Начальник городского ОВД и офицер в форме майора МГБ негромко переговаривались отдельно прямо перед шеренгой разложенных на земле тел. Увидев подчиненных, подполковник глянул на Туманова и перевел вопросительный взгляд на офицера напротив.

– Капитан, если подтвердится информация о расстреле сдававшегося преступника, пойдете под трибунал... – майор пристально разглядывал капитана в упор.

– Он убит при задержании, оказал вооруженное сопротивление, – выдержав взгляд, спокойно ответил капитан.

– Та мы все стреляли, он же до последнего отбивался, – влез в разговор Плакида и, глянув на подполковника, внезапно осекся.

Майор выдержал паузу, потом протянул руку руководителю:

– До свидания, Петр Петрович. На связи... – и, козырнув остальным, направился к своей машине.

– Простите, товарищ подполковник... – негромко сказал Туманов.

– Плакида, сколько вас непосредственно брали Вадима Попытченко? – спросил начальник ГОВД.

– Трое, – ответил старлей.

– Так вы как-то переговорите между собой... Предварительно, перед сочинением рапортов... Дабы разнобоя в общем хоре не случилось. Некрасиво выйдет...

Помолчав, он перевел взгляд на капитана.

– Не ссы, Туманов. Циклоп циклопу, как говорится, глаз не высосет... – и, вновь повернув голову к телам, продолжил. – Видал, сколько красавцев собралось в одном логове?

Капитан подошел поближе.

– Старый упырь откопался, выходит?

– Не-е-е... – хмыкнул Петр Петрович. – Все значительно интересней...

Дед, – он указал на труп седого старика, – это Бронислав... Бронислав, – поиграл милиционер ударением в имени, – Бронислав Станиславович Фобяк – родной брат Леси Станиславовны Попытченко. В девичестве, естественно, тоже Фобяк. Гарик и Вадим – это ее дети от брака с убитым немцами Попытченко-старшим. А вот эти двое – Лесь и Зорян Фобяки – дети Бронислава. И все трое – вахманы немецких шталагов на территории Западной Украины.

Начальник ГОВД выразительно посмотрел на капитана.

– Это еще не все. Самое удивительное, что по документам МГБ все трое проходят как погибшие. И лишь сегодня, когда подняли биографию старухи, – офицер кивнул на Упыриху, – все встало на свои места...

Петр Петрович еще раз серьезно посмотрел на капитана.

– Вот такой зверинец вы сегодня наглухо законопатили. И знаешь почему? Потому что сильные всегда бьют хитрых.

Глава 6. Десятая линия

Строй почетного эскорта занимал место справа, сразу за большой группой милицейского начальства, военных, партийных и советских руководителей. Впереди стояли два гроба, рядом – вооруженный почетный караул и знамена.

Перед закрытым, с синей фуражкой на крышке, где находился Владлен, на груди пожилого майора с фронтовыми медалями на армейском кителе замерла небольшая женщина с короткой стрижкой. Возле открытого, с телом Узлова, во всем черном, возвышалась статная вдова с опрокинутым внутрь взглядом, с потемневшим лицом и сцепленными большими кистями рук.

Военный оркестр ждал отмашки дирижера левее. Перед ним застыл строй сотрудников кинологической службы областного управления МВД. Начальник, пожилой капитан, не таясь, вытирал слезы левой рукой. В правой, чуть позвякивая наклепанной стальной чешуей, темнел ошейник Фроси.

Строй личного состава милиции, разбившись по коробкам представителей областных, городских и районных отделов и служб, занимал весь центр площади.

Когда зазвучал гимн, Векслер, тяжело опираясь на руки Туманова и Плакиды, неловко поднялся с инвалидного кресла, отставляя вперед загипсованную выше колена ногу.

Литаврист отбил начало и конец минуты молчания, руководители сказали положенные слова, сухо рявкнул тройной залп карабинов эскорта. Оркестр исполнил траурный марш.

Собаки прядали ушами и тревожно озирались...

* * *

На перроне вокзала у поезда Ворошиловград – Москва, как всегда, бурлил людской поток. Кто-то грузил вещи, другие обнимались и в который раз диктовали поручения и указы «на дорожку». Какой-то мужик с двумя большими белыми арбузами под мышками, переминаясь у вагона, кричал вдаль: «Люся, быстрее! Опоздаем».

Два капитана – Туманов и Дробот – отошли чуть в сторону от этой толчеи.

– Ты не понимаешь, Никита... Что значит «родина»? Вперед – Москва зовет, потом в отпуск приедешь, всех вдумчиво расцелуешь по очереди. Где Чебоксары и где столица?! – горячился начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД.

Он внешне, казалось, абсолютно не изменился, однако чуть скособоченная к правому плечу голова говорила, что ничего в этой жизни просто так не проходит.

– Да все нормально, Валек. Приеду, маму обниму, а там видно будет – Москва, Астрахань, Казань... Союз – большой!

– И шо тебе лично с этих просторов? А девкам твоим?! Вот я тебе историю расскажу... Знаешь, в городе, откуда я родом, был такой район – шахтный поселок Верочка. И жила там в тридцатых знатная красotka Раечка Клейнерман. Что это за дева была! Словами не передать... Стройная, тонкая, с точеной фигурой и правильными округлостями в нужных местах. А глазища – царица Савская от жабы слюной бы захлебнулась. По ней вздыхало полгорода, но решительно подступиться к такой мамзели не решался никто. В двадцать лет ее, в конце концов, поимел Яша Ассириец. Опылил без спросу маменькин цветочек. И даже не женился потом. Вот так! А кто там за ней воздыхал душевно – никто уже и не помнит...

– Ты к чему это?

– Да к тому. Появилась малейшая возможность – хватай! Плюнешь на дар, судьба глянет на такое твоё небрежение и обидится. Потом хоть извернись и за

жопу себя кусай – все без толку будет! – он вдруг взял капитана за предплечье. – Смотри, Палыч...

В голубовато-серой тройке и на полтона более темной шляпе Векслер выглядел, как всегда, немного франтовато, невзирая на седину, палочку и еще более заметную хромоту.

– Думал, не дождетесь, – приветствовал он коллег.

– Как же мы без тебя, дядя Жень, я бы поезд тормознул на крайний пожарный, – хохотнул Дробот.

– За тобой не заржавеет... – улыбнулся Евгений Павлович.

И, повернувшись к Туманову, спросил:

– Все-таки решил вернуться?

– Да, вначале домой, там видно будет... Ты-то сам как? Как нога?

– Да прям не знаю. Надо либо святой водой ее окропить, либо куда-то к старцам ехать на отчитку. Сколько можно-то – в одну воронку? – улыбнулся Векслер.

– Ну а делать-то что собираешься? – пытливо вглядываясь в старшего товарища, спросил Никита.

– У-у... Хороший вопрос. Годик отдохну, там видно будет. Может, приму одно из предложений, может, преподавать пойду, а то и заведу себе участок: курочки там, козочки... – и, подмигнув, добавил: «Участок Векслера» – звучит?!»

Милицционеры засмеялись.

Посадка заканчивалась.

– Ладно, Туманов. Давай прощаться. Вот это – тебе, – он протянул капитану картонную коробку и на слабые попытки возражения достаточно жестко ответил: «Даже слушать не стану!»

Из вагона спустилась привлекательная молодая женщина и, подойдя к офицерам, ласково взяла Туманова за руку. Офицеры обнялись, и Никита направился к вагону.

Женщина подошла к Векслеру, обняла его, прижав на мгновение к груди, и ласково поцеловала в щеку. Потом погладила, как бы сглаживая ладошкой невидимый поцелуй, и пошла следом за мужем к ступенькам тамбура.

Мужчины внимательно посмотрели ей вслед.

Паровоз дал последний сигнал и дернул состав. К вагону бежал опаздывающий молодой парень со свернутым пакетом из промасленной бумаги в руках.

Озорно улыбувшись, Дробот резко развернулся и крикнул проводнице:

– С беляшами не впускать! И не спрашивать почему!

* * *

Войдя в купе и перекинувшись с женой парой фраз, Туманов аккуратно положил на столик и раскрыл коробку. Там лежала в рывжей кобуре «пушка» Векслера, две полные обоймы и картонная упаковка с надписью на этикетке «50 patronier 9x23 mm Steyr». Капитан отстегнул кнопку на полированной коже и достал массивный пистолет. Видно, что он прошел и Крым, и рым: воронение стерлось по всем выступающим деталям, а на ромбообразной насечке деревянных щечек рукоятки остались многочисленные отметины.

Дверь тамбура открылась.

– Вот и ваш сосед – думала, не успеет! – проводница пропустила вперед старшего лейтенанта с танковыми эмблемами на погонах. На груди офицера располагалась наградная планочка, где ленточки нескольких медалей однозначно указывали на его фронтовое прошлое.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – приветствовал он милиционера, с ходу поймав глазами пистолет на столе.

– Милости просим, – по-цивильному ответил ему Туманов, убирая подарок товарища.

– Хороший ствол, надежный. Правда, тяжелый, собака, и не очень удобный в перезарядке, – как бы извиняясь, проговорил старлей, забрасывая объемный брезентовый ранец под нижнюю полку.

– Ну, все... Зацепились мужики языками за оружие, – засмеялась супруга Туманова.

В дверях вновь показалась проводница.

– У вас еще один сосед будет, но тот уже в Валуйках сядет. Я вам пока чайку заварю... С лимоном! – добавила она.

– Дмитрий, – разобравшись с вещами, протянул капитану руку танкист.

Мужчины познакомились. Старлей оказался земляком, ехавшим домой после демобилизации.

– Вам хорошо, прямо до Чебоксар доедете. А мне от Канаша еще день на подводе плестись до Цивильска, если попутки не поймаю, – смеялся он.

– Чем займешься дома?

– Не думал еще, учиться надо. Что эти лейтенантские курсы, не трактористом же в совхоз...

– Так давай к нам? В УГРО... – испытующе посмотрел на собеседника капитан, еще раз пробежав глазами по наградным ленточкам.

– Да тоже думал, но не знаю пока...

– Да-да, Т-34 потянул, как направили, а тут «не знаю»?

– Так там приказали, а тут самому надо выбрать – на всю жизнь.

– Это точно, – подтвердил Туманов. – На всю жизнь, не поспоришь...

* * *

Подходя к зданию областного УВД на улице 10-я линия, Векслер обратил внимание на милиционеров в фартуках, красящих забор, закрывавший боковой проход к зданию.

Поздоровавшись с командовавшими работами Сретенским, поинтересовался:

– Где вы такую краску берете? – он кивнул головой на глубокий, с явным фиолетовым отливом шоколадный цвет свежескрашенных плоскостей. – Половина Камброда с такими ставнями и палисадниками...

Областник в ответ хитро улыбнулся.

– Ты, Женя, просто человек непрактичный. Что ты будешь на гражданке делать – ума не приложу! Смотри. Берешь десятилитровое ведро сурика с паровозостроительного. Смешиваешь с литром эмали кобальта с лакокрасочного... Готовченко!

– Ну ты даешь! – хмыкнул отставник.

– Только полковнику не рассказывай, – засмеялся вслед майор.

Поднявшись на второй этаж, Евгений Павлович по привычке без стука вошел к криминалистам.

– Всем привет, астрономы!

Его радостно встретили и усадили за стол напротив Эдуарда Константиновича. От чая Векслер отказался, внимательно приглядываясь к привычной обстановке.

Эдик, по обыкновению, тут же зарылся в бумаги. Зоя сидела за микроскопом. Рядом с мученическим выражением лица страдал над учебником ее одиннадцатилетний сын Коленька. В глубине за дверью лаборатории возилась Зинка.

– Что учишь? Математику? – спросил он у мальчика.

– Если бы, – ответил тот и показал раскрытую хрестоматию. – Отсюда и досюда, – ткнул он пальцем в разворот.

– «...Под ним сидел, и кот ученый свои мне сказки говорил», – прочел милиционер. – Это очень легкие стихи. Ты умеешь что-либо более сложное?

Коленька два раза неопределенно пожал плечами и с надутыми губами продолжил пытку зубрежкой.

– Ну стрелять, например, ты умеешь?

Зоя хмыкнула, озорно глянула на майора и снова нырнула в свои окуляры. Эдик, чуть приподняв бровь, отложил раскрытое дело и потянулся за бумагами в углу стола.

Мальчик, не сводя удивленного взгляда с милиционера, отрицательно помотал головой.

– Если хочешь, могу тебя научить, – продолжил Векслер.

– Дядь Женя, ты ж пистолет должен был сдать, – хихикнула, не отрываясь от своего микроскопа, криминалист-биолог.

– Ничего страшного, в нашем тире есть из чего выбрать, или у мамы ее ТТ возьмем...

– Зоя, я к Сретенскому, буду через полчаса... – кинул на ходу начальник криминалистической службы и, подхватив папку, ловко выскользнул из кабинета.

Та кивнула и подкрутила шкалу.

– Мама не даст... Велика радость – после работы переться в тир, а потом еще эту железяку чис... – она вдруг, замерев на неуловимое мгновение, осеклась на полуслове. Наконец оторвавшись от окуляров, женщина ошарашенно уставилась на отставника. – Дядя Женья, ты серьезно?!

– Конечно. Постреляем, потом сходим куда-нибудь поужинаем. Не всю жизнь ведь в кабинетах чахнуть, – он подмигнул мальчику. – Пойдем, Николай. На свежем воздухе маму обождем...

Когда они вышли, Зоя неподвижно просидела почти минуту, а потом, резко вскочив, заметалась по просторному помещению. Схватив вещи, кинулась к двери, но остановилась. Вернулась, открыла сейф, достала ремень с кобурой и портупеей, сунула все в сумку и, подскочив к дверям, крикнула в сторону лаборантской:

– Зина, я убежала!

– Хорошо, Зоя Михайловна!

Она еще мгновение постояла, потом, беззвучно шевеля губами, три раза подряд быстро-быстро перекрестилась на пустой угол напротив входа и выскользнула за дверь...

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Для меня эта история началась довольно неожиданно – с рассказа приятеля о белом рояле, привезенном будто бы в Сибирь очень известным путешественником, имя которого высечено на фасаде Иркутского краеведческого музея.

Приятель, большой патриот города, говорил, что рояль уникален, пылится черт знает где, и почему бы не попробовать вернуть его если уж не законным владельцам, то городу в канун приближающегося юбилея?!

На минуту я представил себе это путешествие шедевра струнно-ударно-клавишных инструментов, пусть даже в условиях современного дорожного комфорта, и подумал, что ему наверняка понадобится «второе» звучание. Ведь у рояля была поистине фантастическая дорога более ста лет тому назад...

Нет, а почему бы и правда не поискать?! Настоящий белый рояль фирмы «Стенвей»! Каждый изготавливался по специальному заказу, имел свою историю. К тому же доставлен известным путешественником через моря и океаны.

Есть адрес возможных владельцев.

Так я оказался в центре Иркутска, на улице Горького, в семье замечательных и удивительно радушных людей – Леонида Михайловича и Елизаветы Михайловны Тумольских, которые и поведали мне свою семейную историю...

Прима иркутской оперы

В старом Иркутске, если верить газетам, архивам и воспоминаниям, что ни день, то премьера. Дело для провинции, к тому же столь отдаленной, необычное. Но и город был необычным. Многие сравнивали его с европейскими столицами.

Спектакли, цирковые представления, концерты. Приезжали известные артисты, музыканты и композиторы. Приезжали и удивлялись, как хорошо принимают иркутяне, как тонко разбираются в искусстве, с каким удовольствием посещают концерты не только профессиональных музыкантов, но и любителей. Да взять ту же оперную труппу местного музыкального общества. Какие голоса, мастерство, сценичность! Газеты печатали серьезные отчеты, разгорались споры. Музыкальное общество основал Александр Михайлович Сибиряков, купец-миллионщик и меценат. Он, впрочем, оставил память о себе не только в искусстве, но и в науке. И в деле просвещения – часть своего капитала этот образованнейший человек передал городу для создания частной школы-приюта. Его так и называли Сибиряковский приют. Существовал он довольно долго. Там преподавали школьные предметы, учили танцам и музыке, манерам и прочему «политесу».

А. М. Сибиряков к этой истории имеет самое непосредственное отношение, поскольку в опере, столь обожаемой им, пела дочь заведующей Сибиряковским приютом Любаша Подгорбунская, любимица иркутской публики, прима музыкального общества. Любовь Афанасьевну «показывали» многим музыкантам, композиторам. Они были единоклюбы – безусловно, талант.

Ах, как пела она романсы Глинки, как играла Шопена, Моцарта... Сам Сибиряков тоже прочил ей блестящее будущее, столичную сцену. Уж кто-кто, а он в искусстве разбирался, но...

Неожиданно для всех Любашу, умницу и красавицу, выдают замуж за пастуха, безграмотного, забывшего в таежной глуши родной язык... Может, только слух, наговорят, напридумают люди. Может, неправда?

Миха

Правда, исключительная правда! Одиннадцатилетнего русского мальчика Михаила Сулова, который в чем-то провинился перед учителем церковно-приходской школы, в наказание и назидание другим увозят из большого, шумного города к заполярному озеру Чиринда в кочевье эвенка Николая Пеле из рода Удыгир. Отец Михаила Сулова, или Михи, как прозвали мальчика эвенки, стоял на церковной службе. Занимался миссионерской деятельностью. Жил

подолгу у якутов и эвенков, строил фабрики, крестил и отпевал. Только через десять лет приехал он за сыном. Увез в Красноярск, чтобы вновь круто изменить его жизнь: женить на прима музыкального общества Любаше Подгорбунской, словно желая этим искупить свою вину перед сыном. Да вряд ли бы состоялся этот брак, если бы не всемогущий архиерей Енисейский Акакий. Его слово было последним: и за Михаила решил, и за Любашу.

Церковь скрепила этот странный брак. А медовый месяц молодожены встретили в пути. Акакий назначил Михаила катехизатором, то есть человеком, который должен был готовить тунгусов к таинству крещения. Понимал архиерей, что лучше Михи, которого эвенки считали за своего, с этим делом никто не справится.

После недолгих сборов супруги Сусловы отправились в село Монастырское Туруханского края.

«Мейбом» красного дерева

Вернемся немного назад, а именно к прощальному вечеру Любаше Подгорбунской с иркутским музыкальным обществом. Трудно его представить сейчас. Наверное, были слезы, рассуждения о превратностях судьбы, концерт в честь примы и цветы, много цветов...

А.М. Сибиряков заявил тогда во всеуслышанье, что решил подарить ей самый лучший рояль, который найдет на Британских островах, куда уезжает готовить коммерческое плаванье судов, чтобы и там, в глухом Монастырском, Любаша дарила радость людям, пробуждала чувства добрые.

Сибиряков слов на ветер не бросал. В Лондоне он остановил свой выбор на великолепном инструменте красного дерева – рояле фирмы «Мейбом» (белый рояль – это лишь легенда: в то время их еще не делали). Сибиряков уговорил известного шведского путешественника Адольфа Эрика Норденшельда, который отправлялся в плаванье, доставить попутно рояль в Сибирь.

«Норденшельд, – писал в своей книге «Путешествие длиною в три столетия» Э.П. Зиннер, – в 1878 году на корабле «Вега» водоизмещением в 300 тонн с паровой машиной в 60 л. с. и дополнительной ледовой обшивкой пытается перейти Северо-Восточный проход вдоль северного побережья Сибири. В конце июля «Вега» покинула Тромсе и уже в начале августа перешла через Югорский шар в Карское море, 19 августа обогнула мыс Челюскина, северную оконечность Сибири...»

В трюме одного из кораблей экспедиции, тщательно упакованный, стоял Сибиряковский «Мейбом» красного дерева – подарок для Любаше. С ленской пристани его доставили в Иркутск, потом на лошадях в Красноярск и по Енисею в Монастырское, где поселились молодожены Сусловы.

В Туруханском крае

«На слиянии Нижней Тунгуски и Енисея, в тысяче с лишним верст от ближайшего железнодорожного пункта – Красноярска, недалеко от Северного Полярного круга, раскинулось село Монастырское (ныне Туруханск), считавшееся в те годы административным центром Туруханского края.

В Монастырском была почта, телеграф, отделение государственного банка, две бакалейные лавочки, школа, даже больница. Там же находились полицейское управление отдельного туруханского пристава, несколько десятков стражников, мировой судья и, конечно, острог. Вместе с тем Монастырское было жалким, глухим селом, насчитывающим четыре-пять десятков домов и лачуг. Ни театра, ни библиотеки не было и в помине. Все население Монастырского не превышало нескольких сот человек. В долгую северную зиму Монастырское утопало в саженных сугробах снега. Улицы были пустынные и мертвые, лишь вой метели нарушал беспробудную тишину угрюмой полярной ночи. Редко, очень редко раздавался скрип шагов одинокого прохожего, спешившего укрыться от сурового мороза.

Единственным путем, связывавшим Туруханский край с внешним миром, был Енисей. Летом на пароходе и в лодках, зимой на оленях, лошадях и собаках поддерживалась связь с Енисейском, Красноярском, Россией...»

Этот рассказ принадлежит Клавдии Тимофеевне Свердловой, жене известного деятеля большевистской партии.

Многие писали об этом крае. Но из всех строк я остановился на написанных именно ею. Почему – об этом будет сказано позже. А пока пусть по ним читатель представит себе место жительства совсем еще молодой иркутянки Любаши Суловой после веселых собраний, городского уюта, театрального блеска, внимания и восторгов...

Итак, новая жизнь. Сколько перемен! Супруг почти все время пропадает в тайге среди эвенков, занимается строительством в Туре главной фактории во всей Илимпейской тайге, часто выезжает в Ербоко (Ербогачен). А после того, как Любовь Афанасьевна практически заново научила его русскому языку, Миха стал работать над составлением тунгусско-русского разговорника. Много лет спустя нарком просвещения революционной России А. В. Луначарский высоко оценит труд Сулова.

Постепенно обживались, строились. В суровом Заполярье, во многом благодаря стараниям Любви Афанасьевны, шла большая культурная работа: сама Сулова обучала детей эвенков, часто устраивала концерты, любительские спектакли. Нередко из дома Сулова неслись удивительные звуки «Мейбома», голоса хора, которым руководила Любовь Афанасьевна и в котором пела К. Т. Свердлова, приехавшая к мужу в Туруханскую ссылку.

Мужеству Любви Суловой можно удивляться до бесконечности. Она не только перенесла столь разительные перемены в жизни, создала практически на голом месте семейный очаг, но и родила семь детей. На обложке старенького часослова, сохранившегося у потомков, ее рукой написано: «Сын Иннокентий родился в Туруханске 30 июля 1893 года; дочь Клавдия – 1895 год; дочь Мария – 1898 год; дочь Варвара – 1899 год...»

День, день, еще день. Потом долгая полярная ночь. Наверное, поэтому в Заполярье жизнь мерят не часами, не неделями и месяцами, а ночами.

Сколько же их пролетело с той счастливой иркутской поры. Дотронувшись до холодного стекла единственного окошка в доме, она думала о чем-то сокровенном, возможно, о своей судьбе, такой нелегкой, но по-своему счастливой: есть любимые дети, есть настоящие друзья, есть, наконец, дело, которое не каждому по характеру.

А потом садилась за рояль, и неслась река звуков – то спокойная, то бурлящая, всепоглощающая.

*Нет, я не требую вниманья
На грустный бред души
моей.*

*Таить от всех мои желанья
Привыкла я с давнишних
дней.*

*Пишу, пишу рукой
небрежной,
Чтоб здесь, чрез много
скучных лет
От жизни краткой
и мятежной
Какой-нибудь остался след.*

Это из блокнота Л. А. Суловой, чудом сохранившегося до наших дней. Похоже, в долгие минуты томительных ночей она часто поверяла свои мысли перу и бумаге.

«17 сентября. 10 часов вечера.

Сегодня день моего ангела. Довольно скучно провела я этот день. Тоска не покидает. Гостей не пригласила, думала, придут и без приглашения... Подождала до восьми часов вечера и хотела уже с тяжестью на душе ложиться спать, как застучали. Я впустила, и оказались гости неожиданные – Зелтыни, и поздравляют меня с ангелом, и принесли даже подарки. Это меня очень тронуло. Я сказала: я думала, что все забыли, что я именинница.

А они говорят: а вот нашлись люди, которые вас не забыли!

Правда, спасибо им!»

Гости пришли еще. А задержались по особой статье. Почти все они были политическими ссыльными-большевиками. За ними и в глухом Монастырском смотрели в оба, как будто не на краю земли, а где-нибудь в столичном городе жили, доносили по инстанциям. В ответ шли секретные циркуляры, в которых категорически требовалось запретить сходки, проводимые политическими под различными предлогами.

А то, что у Суловых бывают большевики и под аккомпанемент Сибиряковского рояля поют «Интернационал» и «Марсельезу», знало все село. На нем, «Мейбоме» красного дерева, звучала музыка Роже де Лиля, Пьера Дегейтера, музыка свободы и борьбы.

А вот еще одна запись из дневника Л. А. Суловой:

«Вчера приехал отец Александр и сказал мне, чтобы я собиралась в тундру. Боже! Как меня поразила эта новость. Придется бросать свой любимый уголок, уже все прибрала, выбелила к пасхе, и что же? Ехать туда, куда ворон своих костей не заносил. Что-то будет? Вернусь ли обратно? Как мне тяжело...»

Что-то будет? Почти все то же, что и в Иркутске. Прощальный концерт в Монастырском, бессонная ночь с чтением стихов, шутками, рукопожатиями и скромный подарок от имени всех вольных и невольных жителей этого края света – серебряная вазочка, на которой есть такая надпись:

«Любительнице драматического искусства Л. А. Суловой
Почитатели».

Может быть, потому и сохранилась эта семейная реликвия, что подарок был прост и очень дорог сердцу Л. А. Суловой. Говорят: «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь». Вот уж чего в ее жизни доставало, так это любви.

А еще будет поездка в Илимпейскую тайгу к чириндийским тунгусам, будет трудный путь, много работы. В Чиринде они начнут строить дома, поставят небольшую церквушку. Станут то ли миссионерами, то ли учителями, учеными. Там, в Чиринде, и будет похоронена Л. А. Сулова.

Отправляясь в тундру, долго думали: брать с собой рояль или нет? Решили поберечь уникальный инструмент. Так «Мейбом» красного дерева остался у старшего сына Суловых – Иннокентия, который оканчивал гимназию. Вслед за ним «Мейбом» совершил новое путешествие – в Красноярск.

А теперь самое время рассказать хотя бы о некоторых потомках Суловых.

Люча, сын Михи

В 1913 году столичные газеты сообщили, что Российская Академия наук организовала в Туруханский край научную экспедицию. Начальником ее утвердили двадцатидвухлетнего студента Петербургского университета Иннокентия Сулова.

Его сразу же признали эвенки. Очень уж сын походил на отца. Весть, что пришел сын Михи, тут же облетела стойбища и фактории Илимпейской тайги.

– Люча, бэеткан Миха – русский, сын Михи, – говорили пастухи и охотники.

Среди многочисленной семьи Суловых Иннокентий стал самым знаменитым. Куда только ни забрасывала его жизнь, кем он только ни был: начальником штаба пехотной дивизии Красной Армии, организатором первой конференции сибирских туземцев, руководителем профессиональной капеллы и оркестра народных инструментов в агитпоезде Сиббюро РКП (б), а его «Революционная оратория» с успехом исполнялась по всей России.

Он был по существу основателем новой науки о вечной мерзлоте, первым осмотрел место падения Тунгусского метеорита, а когда в беду попал известный ученый, исследователь Тунгусского метеорита Л. А. Улик, отправился спасать его. Он вел большую работу по организации Якутского филиала АН СССР, создавал музей Арктики в Ленинграде и был его первым директором. В 50-х годах И. М. Сулов – профессор Ленинградского университета, признанный ученый, исследователь Севера, талантливый лектор. За плечами огромный практический опыт.

В 1974 году безымянному полуострову на восточной оконечности Таймыра было присвоено имя Иннокентия Михайловича Сулова.

Как все-таки удивительно повторяли дети судьбу своих родителей, особенно матери. Та же неумная страсть к знаниям, великая любовь к жизни и в то же время готовность к лишениям, самопожертвованию. Только бы с пользой для дела, а значит, и для людей. И неважно где: в столице или в Сибири. Эту готовность делать людям добро как талант наследовали дети Сусловых. Да вот хотя бы самая младшая – Лиза.

Брат увез ее в Москву, где она блестяще окончила медицинское училище. А работать поехала на Северный Байкал. Потом был педагогический институт в Иркутске. Трудные дни военного тыла. Ничего особенного, героического она не сделала. Но вот лишь несколько маленьких штрихов, пусть не определяющих до конца суть человеческого характера, но во многом характеризующие его. И как знать, может быть, в другом месте, в других условиях это были бы штрихи к поступку или даже подвигу.

Студенты в первое лето войны долбили скалы – расчищали Кругобайкальскую железную дорогу. Она – со всеми. Десятник, здоровенный мужичина, смерил ее взглядом и сказал, не найдя ничего лучшего: «Шла бы ты куда...» А она, размазывая по лицу слезы от обиды, взяла семикилограммовый лом (в самой-то весу – лишь в семь раз больше) и трудилась не хуже других. Потом работала в рыболовецкой бригаде на Байкале, тянула невод. Это потяжелее металла в руках. Характер вырочал, непокорность спасала – суловская закваска.

Замуж вышла за геолога, тогда никому не известного Леню Тумольского. Конечно, профессия романтики, дальних маршрутов, трудных дорог в чем-то сродни первопроходцам. А умение ждать из этих самых маршрутов месяцами, а то и годами?

Это теперь у Леонида Михайловича сотни километров найденных троп за плечами, десятки дневников, открытия и награды, он – дважды лауреат Государственной премии СССР.

Дети пошли. Здесь уж ее талант педагога проявился. Воспитательный опыт Елизаветы Михайловны и Леонида Михайловича был даже обобщен Иркутским городским отделом народного образования и напечатан на большом плакате.

Ну, словом, за детей не стыдно Уже и внуки подрастают – продолжатели традиций. А традиции есть в каждой семье. Их берегут и передают от старших к младшим как лучшую память, как выражение любви к делам и мыслям ушедших. Это важнее всяких памятников и монументов. У Тумольских, например, уже третье поколение продолжает заниматься геологией, и учительская профессия не забыта. И все, что связано с историей семьи, сохраняется, чтобы узнали потомки о жизни предков и рассказали детям своим.

И подумалось: как жаль, что нет у нас еще пока музея семьи, куда можно было бы прийти и узнать о жизни и любви, о радости и печали, ну, словом, о том, без чего никогда не поддержать огонь в семейном очаге. Узнать нечто такое, чего так часто недостает большинству из нас и что становится причиной трагедий и несчастий. К примеру, о какой-нибудь житейской истине, эдаком жизненном рифе, не преодолев который разбилось столько судеб-кораблей.

Но это пока лишь фантазия. А реальность рядом: конкретные люди и судьбы. И я радуюсь случаю, который помог мне рассказать о них.

Но рассказ будет неполным, если не поставить последнюю точку и в истории с роялем. «Мейбом» красного дерева так и остался в Красноярске. А недавно получили Тумольские письмо из краеведческого музея. Найден рояль. Простят оставить его в городе на берегу Енисея.

Захотелось вновь перечитать чеховские путевые очерки и письма из Сибири, кропоткинские дневники путешествий, рассказы Шишкова. Очень многое из того, что писали они об Иркутске, о сибиряках, нашел я в характерах Сусловых и их потомков.

После публикации этого материала, спустя много лет, я получил письмо от одного из потомков Любови Суловой – Бориса Рычкова:

«Здравствуйте, Станислав Иосифович. «Семейная история», которую Вы опубликовали в апреле 1985 года, является нашей реликвией, как и другие Ваши добрые слова о Подгорбунской.

Благодаря Вам узнал о своих корнях. Моя мама – Мария Михайловна в девичестве Сулова, дочь Любови Афанасьевны. В Красноярском музее есть два

письма, адресованные сестре Лизе (Тумольской) за 1929 год, в которых она рассказывает судьбе своей мамы.

После окончания епархиального училища мама учительствовала перед самой революцией в Туруханске, в 1921 году вышла там замуж за Евлампия Рычкова. В тех краях у них родились Женя, Юра, Валя.

В 1936 году семья переехала в Егоршино Свердловской области: отца тянуло в родные края.

В самом начале войны первой ушла на фронт Женя, работавшая тогда корректором местной газеты и окончившая курсы медсестер. Их санитарный поезд направили в Луганскую область для вывоза раненых. Затем была в госпитале хирургической медсестрой в г. Сухой Лог Свердловской области до момента демобилизации в 1945-м.

Папу призвали в армию во вторую очередь (возраст), а Юру уже в 1942-м в конце в военное училище. Валя во время войны в возрасте 15 лет работала в ночную смену в шахте, что негативно сказалось на её здоровье, умерла в начале 50-х от воспаления головного мозга.

На Урале родилась Люда (1937) и я (1940).

В 1958 году, когда я закончил школу, Женя предложила переехать к ней в Хацепетовку (теперь Угледорск), где она проживала с семьёй. Так мы оказались в Донбассе: по-видимому, какое-то необъяснимое чутье подсказало переехать в ту местность, которую освобождал Юра.

Женя устроила меня на работу подземным работником, контролером-бравковщиком ОТК, хотя мне было только 17 лет, что не разрешалось трудовым законодательством. В те времена на таких работах были заняты женщины, которых из подземных работ выводили, а на низкую зарплату (600 рублей) мужики не соглашались. Служебные обязанности не требовали никакого образования. Поэтому, когда я стал совершеннолетним, решил перейти по приглашению главного маркшейдера к нему в отдел. Начальник шахты не согласился – на мизерную зарплату в ОТК человека не найдешь.

Маркшейдер подсказал, что надо уволиться, а затем заново поступил уже к нему. При подписании заявления Начальник шахты предупредил, что на другую работу не примет.

Пришлось устраиваться разнорабочим в местный совхоз имени Хрущева, расположенный в 15-ти километрах от тогда уже города Угледорск. Через некоторое время совхоз направил на учебу в Славянское училище механизации сельского хозяйства. Жили мы в подвале бывшего помещичьего дома, где располагалось до полусотни кроватей с матрацами и ватными подушками без наволочек. Всю ночь курсанты возрастом от 17 до 40 лет резались в «Очко», проигравших и жульничавших выводили на свежий воздух для разбора, что было уже хорошо, т. к. подвальный воздух прояснялся от табачного дыма и позволял мне без затруднений изучать кривошипно-латунный механизм двигателя.

По воскресеньям я посещал городскую библиотеку, располагавшуюся на центральной площади, устроенную в здании бывшей церкви – прекрасной архитектуры здания. Под светом настольной лампы с голубым абажуром погружался в понятия прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистом, как основы эксплуатации, определенной толстенным «Капиталом». Обстановка тишины, намоленные за долгие годы стены, а может, сама юность помогали понять суть учения.

В одно из воскресений обнаружил автобус с надписью «Долина». И вдруг что-то пробило в сознании: вспомнил текст похоронки: «Ваш сын похоронен в селе Голая Долина Славянского района Сталинской области». Бегу за автобусом, приезжаю в село. На косогоре кладбище, рядом памятник на братской могиле. Из соседнего дома выходит женщина и рисует страшную картину после боя: домов не осталось, одни обугленные печи, все поле усыпано убитыми. Жара невероятная...

Папа не смог посетить эти места. Похоронен на кладбище Угледорска, с которого открывается картина на Дебальцево слева, а справа видны трубы Угледорской ГРЭС. Мама покоится в Доброполье, что в тридцати километрах от Славянска.

Я закончил две школы: номер два в г. Артёмовский Свердловской области и ВПШ при Черном море (юмор однокашников-одесситов), так

как расположенная в Киеве ВПШ при ЦК Компартии Украины носила уже официальное название. Мое институтское образование – Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства, а университетское – Университет работников при газете «Енакиевский рабочий», где нас учили писать инфоршки, очерки, фельетоны профессиональные журналисты. Мне, как сельскору, выдавали несколько конвертов из коричневой бумаги, по диагонали с широкой красной полосой и надписью: «В этом пакете срочный материал! Просим доставить его в реакцию газеты «Енакиевский рабочий». Я передавал этот конверт с заметкой или фельетоном любому шоферу, проезжавшему возле поля, который обрабатывал, и не было случая чтобы он не попадал в редакцию.

Вот такое необычное продолжение «Семейной истории» ожидало меня и, разумеется, читателей, с которыми спешу поделиться.

БОРИС РЫЧКОВ

Край сосновый, солнце встает.

У крыльца родного мать сыночка ждет..

(История с похоронкой)

Вот уже и закончилась война. Возвратился из армии муж, в мае 1945-го демобилизовалась и приехала домой дочь Женя, служившая медсестрой в санитарном поезде, доставляя раненых с позиций в Луганской области. Затем ее перевели хирургической медсестрой в госпиталь.

От сына Юры никаких вестей: в самом начале службы после окончания училища пришли денежные переводы за два месяца да одна фотография, датированная 1 августа 1943 года из Харьковской области. На этом и остановилось переписка. Все глаза проглядела мать, каждый день с утра пораньше бегала на почту, помогая раскладывать письма по адресам. На свою улицу сама приносила весточки – кому скорбные с извещениями о гибели или пропавшем без вести родном человеке, кому-то заветные фронтовые треугольники, подписанные знакомым и дорогим почерком. А своего так и не дождалась. Ничего нет для матери тяжелее, чем неизвестность о судьбе сына: пусть даже похоронка, слезам не будет конца, сколько их пролили соседки... Женя, насмотревшаяся на раненых в госпитале Сухого Лога, оставшихся без рук, без ног, отказывавшихся ехать домой, чтобы не быть обузой, предположила, что, может, и Юра где-то так мается.

Евлампи́й

Да согласится со мной читатель: не часто встретишь нынче такое имя. По Святцам (церковному календарю) его давали мальчикам, родившимся 23 октября. Сочинители юмористических рассказов любят называть своих героев этим именем, чтобы вызвать читательскую улыбку.

Но наш рассказ о том, как из-за этого редкого имени похоронка не дошла вовремя по нужному адресу. Немало нашлось материалов о дивизии, в которой служил брат: в архивах, мемуарах командира дивизии Здановича Г. С., книгах и газетных публикациях...

На сайте «Мемориал» сведений о брате встретить не удалось, хотя и заполнял все графы с именем, отчеством, фамилией, датой и местом рождения. Попробовал указать только фамилию. Сайт моментально отреагировал и выдал два документа: «Именной список безвозвратных потерь офицерского состава 203 СД с 16 по 27 августа 1943 года» и «Приказ об исключении из состава дивизии». Но в этих документах обнаружили опечатки: отчество Евлампиевич заменено на Емельянович, в графе место рождения указан Краснодарский край вместо Красноярского (может ли приполярный Туруханский район располагаться в южном крае?). Неверно обозначен адрес матери – вместо города Артемовский Свердловской области указан город Артемовск Сталинской области. Но вот чудо! Через 70 лет после этого события мне посчастливилось встретиться с человеком, который допустил эти ошибки.

Глобенко М. А.

А дело было так. В книге известного донецкого журналиста В. Ф. Вовенко «Все, что было не со мной, помню» опубликован очерк о Михаиле Андреевиче Глобенко, командире батальона 610 стрелкового полка 203 СД, однополчанине моего брата. Срочно отправляюсь в Красноармейск, где он многие годы был военкомом. На пороге квартиры встречает крепкий, уже в летах мужчина с командирскими нотками в голосе. Приглашает в кресло. И потекла беседа об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах, о крошечном аде – бое при освобождении села Голая Долина Славянского района. Ветераны прозвали село «Мертвой долиной»: в боях за его освобождение от фашистов, по словам генерала Г. С. Здановича, «Дивизия теряла бойцов и командиров, и была вынуждена постепенно сводить полки в батальоны, роты во взводы»... На прощание Михаил Андреевич вручил мне список ветеранов дивизии, проживающих в Луганской и Донецкой областях. Двое из них – муж и жена, по фамилии Янопуло, проживают в Донецке. Мог ли я удержаться от встречи?

Анастасия Ивановна

Утром следующего дня стою перед калиткой дома, с волнением нажимая на кнопку звонка: застану ли их (Николаю Васильевичу Янопуло – 99, Анастасия Ивановна моложе на 8 лет). Открыли. Анастасия Ивановна не по годам бодрая, не потерявшая былой девичьей привлекательности, встречает у порога. И потекли неспешные воспоминания о фронтовой юности, о нелегкой, но все же счастливой судьбе девушек на войне: многие из них здесь встретили любимых; о радостях побед и горечи утрат, о трагических и забавных историях...

Восхищаюсь цепкой памятью, хранящей в себе множество имен однополчан, фактов и событий, чувству тонкого юмора фронтовички, прожившей немало количество лет.

– Перед войной я окончила педагогическое училище, – рассказывает хозяйка дома, – работала заместителем начальника политотдела машинно-тракторной станции по комсомолу в Воронежской области. При приближении фронта пошла добровольцем, зачислили медсестрой. Однажды командир поручил мне, как учительнице, подготовить наградные документы на 10 красноармейцев. Все представленные были награждены. После этого меня определили в отдел кадров штаба дивизии машинисткой.

В этой должности сержант Кордюкова прошла всю войну от Сталинграда до Праги, Северной Маньчжурии, была ранена, награждена тремя орденами и двумя медалями.

– Как-то раз, – продолжает вспоминать Анастасия Ивановна, – когда дивизия вела бои в Ростовской области, начальник отдела кадров направил меня в ночной караул. Прошло два часа, а смены нет... Всю ночь провела на посту. А утром – обычное выполнение обязанностей по штабу: печатание приказов о награждениях, о новых назначениях командиров подразделений взамен выбывших, о присвоении очередных воинских званий... Бессонная ночь не замедлила сказать: в одном из приказов ошиблась и назвала командиром дивизии начальника штаба и наоборот. Командир потребовал объяснений и, когда узнал, как прошла моя ночь, сделал весьма внушительное разъяснение начальнику отдела кадров. С той поры меня в караул уже не посылали. Довольно забавный случай произошел с двумя медсестрами медсанбата, пропавшими из поля зрения командиров. Начались поиски. Фашист насаждает, артиллерийская канонада не смолкает, беспрестанно взрываются авиабомбы, небо затянуло дымом. Среди убитых девушек не обнаружили. Но вот чудо! Виновницы переполоха, свернувшись калачиком, спят беспробудным сном в окопе. Всю ночь они перевязывали раненых, выносили их с поля боя в медсанбат под прицельным огнем противника, утомленные, свалились в траншею и крепко уснули, как это бывает только в юные годы.

После демобилизации в 1957 году обосновались мы с мужем в Донецке. Построили дом, вырастили сыновей, внуков, правнука. Учительствовала в школе № 96 города Донецка, – заканчивает свой рассказ товарищ сержант.

При расставании договорились встречаться и впредь. Вскоре мне посчастливилось обнаружить на сайте «Мемориал» список безвозвратных потерь, о котором упоминал в самом начале своего рассказа, распечатал его и побежал показать Анастасии Ивановне.

– Узнаете, кто печатал? – спрашиваю.

– Да, это моя работа, видите в левом углу в самом низу: «Отп. 3 экз 30.8.43 А. К.» Это мои инициалы – Анастасия Кордюкова.

На этом можно было бы и завершить нашу историю. Но хочется сказать еще несколько слов. Не захотелось мне указывать на обнаруженные опечатки: ведь не в роскошном кабинете под приятной прохладой кондиционера создавались эти документы. Готовились они в полутемном блиндаже при свете самодельного чадающего светильника, изготовленного из гильзы снаряда, под вой мин, взрывов снарядов и авиабомб; воздух, вперемешку с гарью от догоравшей фашистской техники, не позволяет свободно дышать, от донецкого тридцатиградусного августовского зноя пот застилает глаза, заливая клавиши печатной машинки... Не мудрено не различить слова в учетной карточке офицера. В ЦАМО хранится документ с ошибками. Теперь это исторический факт, изменить который никто не может, даже при желании тех, кто готовил и подписывал его. Он останется таким на века.

«Мой дружок в бурьяне неживой лежит»...

В самом начале 1946 года, когда на улице лютовал знаменитый уральский мороз с пронизывающим ветром, поздним вечером в дом Рычковых постучал возвратившийся с фронта однокашник Юры по Черкасскому пехотному училищу, располагавшемуся тогда в Свердловске, Федор Такишин. От него мы узнали, как погиб Юра.

– Позиции 592 стрелкового полка, в котором мы с Юрой командовали взводами, – рассказывает Такишин, – располагались в низине. Немцы сверху наблюдали за нами и вели прицельный огонь. Юра первым поднялся в атаку, как и положено командиру, увлекая за собой взвод. Снайпер разрывной пулей попал ему в живот. Фронтовики знают, что это самое тяжёлое ранение, приносящее неимоверные страдания, лучше быть сразу убитым. Но недолго терпел мучения от нестерпимых болей Юра: вражеская бомба, сброшенная самолётом, прекратила его муки, – закончил свой рассказ Федор.

«Знать не можешь доли своей, может, крылья сложишь посреди степей»

На косогоре у села Долина возле автомобильной трассы Харьков-Ростов расположился величественный мемориал, на мраморных плитах которого 1699 имен героев, отдавших жизнь за освобождение села. Лейтенант Рычков Ю. Е. записан 1442-м. На следующий день мама после встречи с Такишиным побежала в военкомат, рассказала об этом военному. 25 февраля 1946 года, через два с половиной года после гибели сына, пришел официальный конверт с похоронкой.

Надпись на обороте: «Отцу от сына Юрия. ЧПУ.

Свердловск. Март 1943 г.

Рычковой Марии Михайловне

Извещение

Сообщаю о том, что Ваш сын лейтенант Рычков Юрий Евлампиевич в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, погиб 16 августа 1943 года. Похоронен с отданием воинских почестей в селе Голая Долина Славянского района Сталинской области. Егоршинский военный комиссариат Свердловской области.

Вот и получена последняя весточка...

Будучи курсантом, Юра сообщал часто. Мать гордилась сыном – рота выбрала его ответственным за получение и выдачу курсантам хлеба: уральцам, только что пережившим голод, ценнее этого продукта не существовало. Будущие командиры взводов доверяли получение, хранение и раздачу хлеба самому честному и добропорядочному курсанту своей роты. Юра писал маме, что хлеб, предназначенный всему подразделению, хранит под своим матрацем.

По пути в часть Юра писал: «Мама, слушай радио, скоро фашист побежит, мы едем на фронт!» Восемнадцатилетние младшие лейтенанты были уверены в своих силах.

203 стрелковая дивизия после боев под Сталинградом приступила к освобождению Донбасса. 14 февраля 1943 года части дивизии первыми ворвались в Краснодар.

– То, чему мы стали свидетелями в Краснодоне, потрясло даже бывалых воинов, – вспоминает генерал Г. С. Зданович. После разминирования из ствола шахты номер пять стали извлекать трупы. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят...

– Товарищи бойцы, – говорил на митинге майор Беспалько. – Сегодня мы склоняем головы перед павшими героями Краснодона. Мы скорбим об утрате, но знаем, как знали те, кого больше нет с нами: на место павших встанут другие... Идет всенародная война с гитлеровской нечистью... Мы отомстим за вас, герои Краснодона... дойдем до логова фашистского зверя, и не будет ему пощады...

Надпись на обороте: «Привет с действующей армии. Харьковская область. 1 августа 1943 г.

О подвигах «Молодой гвардии» советский народ узнает немного позже из романа

Фадеева.

Весной 1943 года дивизия была передислоцирована в резерв фронта на пополнение. Три месяца подразделения усиленно готовились к наступлению: огневая подготовка, форсирование водных преград, изучение материальной части оружия...

Взвод, которым командовал Юрий, занимал в дивизии первые места по дисциплине, в стрельбах, марш-бросках еще и потому, что командир сам метко стрелял: с юности увлекался охотой в дремучих уральских лесах, обладал тонким чувством уважения человеческого достоинства, был чужд вредных привычек и не допускал их проявления подчиненными. Может быть, это ещё и потому, что в двухлетнем возрасте в родном селе Верхне-Имбатское, что чуть южнее Туруханска, был заживо погребён под снегом.

Тунгуска, приехавшая из стойбища проведать любимую первую учительницу Марию Михайловну, решила прокатить на нартах понравившегося ей бутузика. Усадила его на нарты за свой спиной и помчалась. Вернувшись на место, пассажира на нартах не обнаружила. На поиски поднялось все село. Позёмка заметала следы, что затрудняло операцию. На околице кто-то заметил небольшой снежный бугорок. Разрыли. Под ним оказалась пропажа. Ребенок в меховой одежде уютно устроившись в сугробе спал крепким сном, не ведая о переполохе взрослых.

Повезет ли на этот раз? Только сейчас вместо снежной метели – свинцовый ураган. Как мы уже знаем – не повезло.

Дивизия готовилась к предстоящим сражениям. Издавались необходимые приказы, особенно отличившимся командирам подразделений присваивались очередные звания. Юра стал лейтенантом.

– К рассвету 16 августа, – вспоминает командир дивизии, – полки перегруппировались и заняли исходные позиции для атаки. А ровно в девять земля содрогнулась от мощной канонады. Все заволокло дымом и пылью...

Так начался тяжелый и кровопролитный бой у села Голая Долина, продолжавшийся для нашей дивизии целых 15 суток.

С 16 по 27 августа 1943 года дивизия потеряла 51 офицера. В этом составе 94 процента в звании от младшего до старшего лейтенанта, 88 процентов – командиры взводов, 61 проц. – коммунисты и комсомольцы, 70 проц. призваны с территории РСФСР, 65 проц. не успели жениться, 43 проц. – в возрасте до 20 лет. Юрий Рычков всем этим категориям соответствовал: не женат, призван с Урала, не дожил трех месяцев до девятнадцати лет, комсомолец, командир взвода, лейтенант.

– Мальчишки, мальчишки страну заслонили собой! – поется в популярной советской песне.

**«Моей земли не умирают люди,
Пусть даже бой, я наш закон пою:
Родится мальчик, и носить он будет
Живое имя павшего в бою»**

(Расул Гамзатов)

В начале августа 1973 года, ровно через 30 лет, когда фашистская пуля сразила моего брата, наша семья пополнилась близнецами. Дочь мы назвали Викторией, а сына Юрием.

21 сентября 2020 года Михаилу Андреевичу Глобенко исполнилось 100 лет. Как-то в телефонном разговоре на вопрос: «Можно ли приехать к Вам на юбилей?» Михаил Андреевич с присущим ему юмором ответил: «Конечно, приезжайте, если... доживете!» Ещё два месяца прожил он после этого славного юбилея, так и не дождавшись вторичного освобождения от фашистов любимого им Донбасса.

Недавно в квартире на нашем этаже появилась новая соседка. Познакомились. Ею оказалась Аня, внучка Анастасии Ивановны, однополчанки моего брата. Вот такие-то чудеса случаются на белом свете.

Эпилог

Почти все участники именин представлены в самом начале рассказа, их судьба известна всем, иных знает весь мир. А как же сложилась дальнейшая жизнь самых юных участниц вечера?

Варя Сулова осенью 1919 года завершила учебу в Красноярском епархиальном училище. Разгром колчаковщины. Брат Кеша дирижирует хором красного агитационного поезда, организованного в Омске, и приглашает в него сестру. После гражданской Варя остается петь во вновь организованной тамошней опере: в вихре войны она не успела получить аттестат, подтверждающий получение звания домашней учительницы, а без бумаги, как известно и сейчас, трудно доказать, что ты не верблюд. Лет пятнадцать занималась пением, своим хобби, потом задумалась о приобретении специальности, подтверждаемой дипломом. Кеша пригласил в Ленинград, где он в то время уже жил с семьей. Перед самой войной закончила медицинское училище и получила направление на должность медсестры в психиатрическую больницу села Троицкое-Антропово Чеховского района Московской области. Там дослужилась до старшей медсестры туберкулезного мужского отделения. За добросовестную работу награждалась премиями, благодарностями, почетными грамотами. На кладбище этого села нашла свое вечное упокоение.

Но удивительное заключается в следующем: научный сотрудник Таймырского краеведческого музея (Дудинка) Нина Анатольевна Предтеченская (добрая ей память) уже в наше время обнаружила в Красноярском архиве личное дело Суловой Варвары Михайловны, в котором хранится аттестат об окончании училища, датированный 19 сентября 1919 года. Этот документ так и не смогла увидеть та, которой он принадлежал. Благодаря добросовестным архивистам мы можем поддержать его в руках и узнать о науках, постигаемых в епархиальном училище будущими сельскими учительницами.

Вместе с тем в папке личного дела вложены и иные документы, относящиеся к Варваре Михайловне: ее письма и просьбы дореволюционного периода к руководству училищного совета епархии. При более внимательном изучении оказалось, что они принадлежат совсем другой Суловой Варваре Михайловне – ей оказалась тетя нашей юной Вареньки, сестра ее отца. Она-то и проторила дорожку Суловым в Ленинград. В сентябре 1903 года в Таврическом дворце Санкт-Петербурга открылась международная научно-практическая выставка «Детский Мир», на которую Енисейская губерния представила 29 экспонатов, среди которых и биография сельской учительницы В. Суловой. Судьба одной и другой Варвар сложилась одинаково: из многочисленных потомков Суловых они не имели детей.

Иной сложилась жизнь Маруси, читавшей на именинах «Ивана Сусанина». Не многие слышали о Туруханске, даже не имеют представления о месте его

расположения. Так случилось однажды, когда машинистка штаба 203 стрелковой дивизии печатала список безвозвратных потерь офицерского состава с 16 по 27 августа 1943 года. В графе места рождения Рычкова Юрия Е. она указала: «Село Верхнеимбатское Туруханского района Краснодарского края». При этом вместо отчества Евлампиевич напечатала Емельянович. Неверно указала место проживания матери: г. Артемовск Сталинской области, а на самом деле это был г. Артемовский Свердловской области. Ошибки машинистки стоили матери погибшего многих лет переживаний за судьбу сына, пока не вернулся домой его одноклассник по военному училищу и рассказал, как на его глазах погиб семнадцатилетний командир взвода Рычков Юрий Евлампиевич при освобождении села Голая Долина Славянского района Сталинской (сейчас Донецкой) области. В эти дни здесь опять идут ожесточенные бои за честь, свободу и независимость русского мира.

Сельская учительница Мария Михайловна Суслова вышла замуж в Туруханске за Евлампия Константиновича Рычкова. Учительствовала в сельских школах Сибири и Урала. В семье у них пятеро детей, пятеро внуков, семеро правнуков и двое праправнуков».

Историю изложил Борис Рычков.

ИРКУТСКИЕ АГИТОКНА В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1945)

В годы Великой Отечественной войны агитационное искусство стало распространенной формой массовой коммуникации с населением. В Москве начали создавать и распространять «Окна ТАСС». Это была особая разновидность политического плаката, истоки которого относятся ко времени Гражданской войны в России. Знаменитые плакаты периода Великой Отечественной (1941–1945) «Родина-мать зовет!», «Стоять насмерть!», «За Родину!», «Кровь за кровь!» были проникнуты ясным и простым содержанием. Вне всякого сомнения, эти работы очень быстро становились символом военного времени и отражали весь драматизм ситуации.

Одним из самых удачных информационных проектов в Иркутской области стали «Агитокна». В годы войны они начали появляться в газетах, одновременно каждую субботу выставлялись на углу улиц Карла Маркса и Литвинова. Для этого была сделана специальная витрина.

Агитационные работы местных художников и литераторов тиражировались и рассылались по клубам и предприятиям, школам и вузам области. Их можно было увидеть в кинотеатрах и театрах, на вокзале, в госпиталях, учреждениях органов власти и т. п. Есть сведения, что на «Агитокна» проводилась специальная подписка товариществом «Художник».

В Иркутске творческий коллектив «Агитокон» был сформирован из числа местных художников и мастеров, эвакуированных из центральных областей СССР. Участниками в разное время были А. Закиров, А. Руденко, И. Юшков, Н. Семенов, Л. Залетов, И. Бойков, С. Маличенко. Многие из них ушли на фронт, вернулись, к несчастью, не все. Среди участников творческого коллектива мы видим художников А. Мадиссон, В. Томиловского, С. Развозжаева, Д. Штеренберга, который был первым руководителем творческого коллектива.

В газете «Восточно-Сибирская правда» выходили «Окна», созданные главным образом художниками Н. Шабалиным, М. Келчевским с литературным сопровождением поэта Анатолия Ольхона. Небольшую часть «Агитокон» подписывал иркутский писатель Константин Седых.

Некоторые источники называют цифру 185 – столько «Агитокон ТАСС» было создано в Иркутске...

Эти рисунки выставляли в витринах магазинов, на открытых городских пространствах, в специальных планшетах, публиковали в областных газетах. О содержании «Агитокон» писала «Восточно-Сибирская правда» в 1942 году:

«...Сталинские соколы громят отступающие колонны фрицев; мужественные советские танкисты давят и расстреливают немецких захватчиков; красная кавалерия нещадно рубит врагов; славная русская пехота автоматом, миной и гранатой выкорчевывает фашистские гнезда...»

Фашисты хотели истребительной войны, они ее получили. Восемь месяцев длится великое дело уничтожения врагов советского народа. Знаменательную дату своей 24-й годовщины Красная армия встречает новыми победами – развеян гитлеровский миф о непобедимости немецких полчищ...

Исполняющейся 24-й годовщине РККА посвящены специальные выпуски «Агитокон». Бригада художников под руководством проф. Д. Штеренберга подготовила выпуски «Победоносные знамена Ленина – Сталина» (посвященный истории РККА), «Да здравствует 24-я годовщина Красной армии» (боевые эпизоды с фронтов отечественной войны). Готовится выпуск, посвященный героической советской гвардии. Большим успехом у массового зрителя пользуется недавно выпущенный номер «В тылу врага». Советские партизаны, помогая Красной армии, день за днем наносят удары в спину фашистского фронта. «Двойным ударом будет враг разбит и уничтожен» – говорят стихи к заключительному рисунку. Но удар будет не двойной, а тройной: в поработанных странах и в самой Германии нарастает антифашистский подъем. Близок день, когда нашему делу помогут все поработанные. Все угнетенные фашизмом страны. Об этом расскажет иркутянам выпуск «Агитокон» – «Европа против Гитлера».

Творческий коллектив иркутских «Агитокон» готовит работы, посвященные прекрасным советским женщинам, стоящим в одном ряду с мужьями,

отцами и братьями на фронте и в тылу, трудится над выпуском плакатов и рисунков с поэтическими текстами специально для советской деревни, лесной промышленности и ж.-д. транспорта. Задача этих выпусков – показать трудовой фронт нашей области. Для колхозов и совхозов выпускаются номера к весенним полевым работам, для лесопунктов – к очередным задачам лесной промышленности. Железнодорожники восточносибирской магистрали получают ряд «Агитокон», целиком посвященных лучшим людям ж.-д. транспорта и их славным делам. «Железнодорожник – брат бойца» – так будут называться эти выпуски. Работа над созданием «Агитокон», посвященных отдельным участкам трудового фронта, во многом зависит от внимания ПОДОРa ВСЖД, политсектора и треста совхозов и лесозаготовительных организаций нашей области. Своевременный заказ специализированных выпусков товариществу «Художник» и их продвижение на места помогут использовать «Агитокна» как наглядное массовое пособие в деле пропаганды и агитации среди широких масс» (Восточно-Сибирская правда. 1942. № 45).

Большинство «Агитокон», опубликованных в иркутских газетах военной поры, были сделаны поэтом Анатолием Ольхоном, художниками Н. Шабалиным и М. Келчевским. О последнем практически ничего не известно, и нам еще предстоит восполнить этот пробел.

О поэте Анатолии Ольхоне, как и о большинстве иркутских литераторов, сведения самые общие, в основном биографические. И нас еще ждут открытия, возвращение имен, радость настоящего прочтения.

Анатолий Сергеевич Ольхон (Пестюхин) родился 11 марта 1903 года в Вологде, в семье рабочего обувной фабрики. Заочно окончил Ленинградский педагогический институт им. Герцена.

Биография его наполнена многочисленными поездками по России – от Крайнего Севера до Средней Азии и послужным списком профессий – от грузчика до литератора.

Литературная деятельность началась в 1924 году.

Анатолий Ольхон вступил в литературную группу «Перевал», созданную Александром Воронским при журнале «Красная новь». Группа оформилась в конце 1923-го – начале 1924 года. Здесь – известные в будущем писатели, поэты, критики и публицисты: Михаил Светлов и Михаил Голодный, Артем Веселый, Александр Малышкин, Михаил Пришвин, Анна Караваяева и Эдуард Багрицкий, Андрей Платонов, Джек Алтаузен, Валериан Правдухин и многие другие. В 1927 году под манифестом «Перевала» подписались 56 писателей.

Группа вызвала резкую критику. Ее рассматривали как оппозиционную, обвиняли в отрицании пролетарской культуры, троцкизме. В итоге писательское объединение было разгромлено. Ситуация стала настолько острой, что бывшие «перевальцы» выступили с обращением «Наша заявка», в котором рассказали о намерении отправиться на строительство Ангарстроя. Однако в этом увидели бегство от реальных трудностей. 23 апреля 1932 года появилось постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Группа «Перевал» перестала существовать.

В Иркутске Анатолий Ольхон появился в 1931 году. Достоверно обстоятельства переселения не ясны, но это, скорее всего, не было добровольным переездом. Во всяком случае, в одном из выступлений на собрании иркутских писателей 2–3 апреля 1937 года Ольхон, вспоминая историю «Перевала», говорил следующее: ««Перевал», благодаря своей вредной теории, много испортил молодежи. Двuruшнический блок Троцкого, Бухарина, Воронского и других внушал нам, что литература – это «искусство видеть мир», тогда как марксистское определение говорит, что литература, как и всякое другое искусство, есть «искусство видоизменять мир».

Вредные теориейки «Перевала» проникли и в провинцию. Я сам усердно распространял еще в Вологде книжку Воронского. Меня вовлекли в эту организацию и вызвали в Москву. Я стал активным «перевальцем». Теперь я жалею, что не вступил в РАПП. Вредное влияние «Перевала» сказалось на моей дальнейшей судьбе. И хотя я позднее перешел в ВОКП, но вредные мысли «перевальцев» еще долго тяготели надо мной. Теория «видеть мир» привела меня в группу «индустриалов», которая была распущена, и за участие в ней я отбывал наказание. Вот как можно впасть в заблуждение, особенно молодежи, если с ней

не ведется систематическая политическая работа» (ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 1. Л. 36).

Анатолий Ольхон сделал большинство подписей к рисункам художников. Его агитационное творчество не раз разбиралось на писательских встречах, и поэт нередко подвергался «товарищеской критике». Правда, зачастую у дела был явно политический подтекст.

Г. Кунгуров: «Вот в хорошем самоотчете Анатолий Ольхон сказал, что докладчик ошибочно определил его агитстихи – стихотворением. «Это же не стихи, это же агитокна, лубок». Хорошо. Это же не литература. В чем же дело? Почему агитокна Маяковского вошли в большую литературу? Дело не в форме, а в том, как это сделано, как выполняется. Следовательно, и стихи Ольхона, которые он называет лубком и сатирой, они различны, конечно, но и то, и другое, и третье будет тогда литературой, когда и сатира, и агитокна станут звучать по-другому и станут подлинно литературой. Вот о таких жанрах можно говорить. Требования, которые будем предъявлять, мы не будем понижать. Анатолий Сергеевич Ольхон согрешил против истинного понимания. А вопрос идет о качестве произведений» (ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 31. Стенограмма творческой конференции писателей Восточной Сибири. 18–22 июня. 1942. С. 35–36).

М. Азадовский: «Об «Окнах РОСТА» решаюсь сказать, что и тексты, и картинки – они редко кого радуют. Я с грустью встречаю под ними имена Анатолия Сергеевича и Константина Седых. Работает в этом плане и Маршак» (Там же. С. 51–52).

Ольхон рано умер – в 1950 году. Он оставил большое литературное наследие, которое еще предстоит прочесть и переосмыслить. Самобытный литератор, волею судьбы оказавшийся в Иркутске, открыл для себя новые темы, издал большое количество книг. Все это ждет своего кропотливого исследователя.

Что касается художников, то многие участники «Агитокон» стали впоследствии известными мастерами.

Александра Рихардовна Мадиссон (1900–1987). Художница приехала в Иркутск в эвакуацию в сентябре 1941 года. Началась ее работа в организованной при Иркутском отделении Союза художников и товариществе «Художник» мастерской «Агитокон ТАСС». Здесь создавались агитационные плакаты. С 1943-го она уже возглавляет ее, приняв дела у предыдущего руководителя – Д. П. Штеренберга. Она и сама работает для населения.

«В работе над собственными плакатами Мадиссон зачастую использует приемы карикатуры и гиперболизации. Ее плакаты наполнены сарказмом, благодаря чему изображение притягивает внимание зрителя и надолго остается в сознании. В ее плакатах есть обращение к историческим победам Родины («Русские прусских всегда бивали», «7 сентября 1812 г. Бородино»). В них часто используются призывы («В атаку на фрицев», «По-военному проведем посевную кампанию». «Дадим больше леса»). 2 мая 1945 года Мадиссон создает последний праздничный номер «Знамя победы». Всего за годы войны ею было выполнено свыше 70 произведений, ныне они рассматриваются как подлинные документы времени, и цена им особая. По прошествии многих лет художница не может избавиться от воспоминаний о войне, изъять их из своего творчества. В 1980-м она режет линогравюру «12 июля 1941 г.», вложив в нее тревоги не только о прошлом, но и о будущем» (Иркутские художники. Иркутск, 1994. С. 44).

Другой участник мастерской – Николай Васильевич Шабалин. Родился в 1901-м, участник Гражданской войны. В Иркутске оказался вместе с частями 5-й армии в 1920 году. Когда началась война, художник становится участником мастерской «Агитокна ТАСС». Его часто видят с выставками в госпиталях. Он много рисует фронтовиков, создает живописные полотна «Героическая смерть Зои Космодемьянской» (1942), «Девушки – фронту» (1944). Его сатирические рисунки вызвали неизменный интерес. Известно также, что художник принимал активное участие в издании газеты «Восточно-Сибирская правда». С первых дней работы мастерской «Агитокна ТАСС» принимает участие в ее работе.

Александр Карпович Руденко, один из преподавателей Иркутского художественного училища, в 1942 году уходит на фронт. После войны возвращается в Иркутск и вновь преподает в училище, участвует в различных выставках.

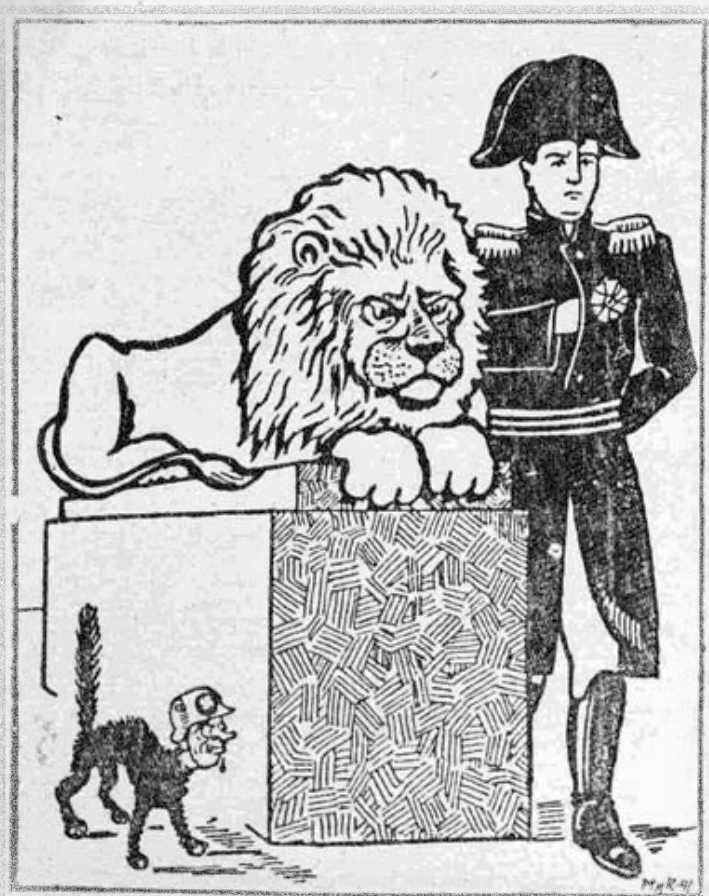
В бригаде мастерской работали Степан Кузьмич Гвоздев, Иван Ефимович Юшков, Анвар Шакирович Закиров, Степан Михайлович Развозжаев и многие другие.

В 1943 году у здания Иркутского драматического театра появилась необычная карта военных действий на фронтах войны. Автором ее был иркутский художник Сальман. Как и «Агитокна», она ежедневно собирала множество людей. Здесь проводились политинформации, иркутяне приходили услышать последние сводки с фронтов.

История агитационного искусства в Иркутске в годы Великой Отечественной войны еще не написана и ждет своего исследования.

*Станислав Гольдфарб,
доктор исторических наук,
профессор Иркутского университета*

ЛЕВ И КОТЕНОК



Вонючий геббельсовский рот
На всю Германию орет:
— Скажем фюреру почет,
Проявим умиление,
Наполеон и Гитлер — вот
Действительно сравнение!
Почтенный доктор, полно врать.
Бесспорно, мастер вы орать,
Но все же надо меру знать.
Вы льстец, конечно, тонкий.
Но невозможно льва равнять
С задрипанным котенком.
Заткните, доктор, грязный рот,
(Иль кто-нибудь другой заткнет)
Сравнение ваше — анекдот,
Не будьте пустозвоном:
Ваш Гитлер — только жалкий кот
Перед Наполеоном.

Текст Анатолия Ольхона
Рис. М. Келчевского

ОЧЕРЕДНОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

«.. Гитлер не переносит упоминания о войне 1812 года и судьбе Наполеона..»
(Из газет)



Гитлер в ярости и злобе,
Без вина громила пьян:
— Что не русские сугробы,
Все один сплошной обман.
Зиму, голод вьюгу, стужу
Я приказом отметил,
Всю историю к тому же
По-фашистски сочинил.
Заявляю всему свету:
Мне примеры не резон,
Для меня примера нету,

Что мне ваш Наполеон?
Никаких Наполеонов!
Даже слышать не хочу!
Для фашизма нет законов,
Все законы сворочу.
Сообщить моим ученым
И приказ по фронту дать:
Никаких Наполеонов
Не бывало никогда.

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

ВОЯКИ

«. В боях на Южном фронте наши части захватили ряд документов штаба румынского 89-го пехотного полка. В их числе приказ командира полка полковника Константина Симонеску. Полковник нелестно отзывался о своих офицерах, указывая, что они обнаружили «недостаток храбрости перед лицом врага. Некоторые офицеры плачут и просят убежища, боятся пуль, авиации, артиллерийского огня. Другие прячутся, избегают боя, а храбрость проявляют перед женщинами и детьми..»
(Из сообщений Совинформбюро)



Храбрость, право, свыше меры
У румынских офицеров:
Сапоги у всех блестят,
Шпоры медные звенят.
Позолоченные шашки,
С позументами фуражки..
Опереточный наряд —
Хоть сейчас же в маскарад.
Надо в бой вести солдат,
А трусливость свыше меры
У румынских офицеров:
Чуть дошло до смертной драки,
Побежали вспять вояки,
С перепугу слезы льют,
Все трясутся — вдруг убьют.
Это точно будет так!
Разноряженных собак
Беспощадно будет бить,
Рвать гранатой и рубить <..>

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

КУХОННЫЙ РУМЫН

«.. Солдат Папеску, попав в немецкую роту, был назначен на кухню. Здесь он съел 17 котелков супа и сбежал..»

(Из газет)



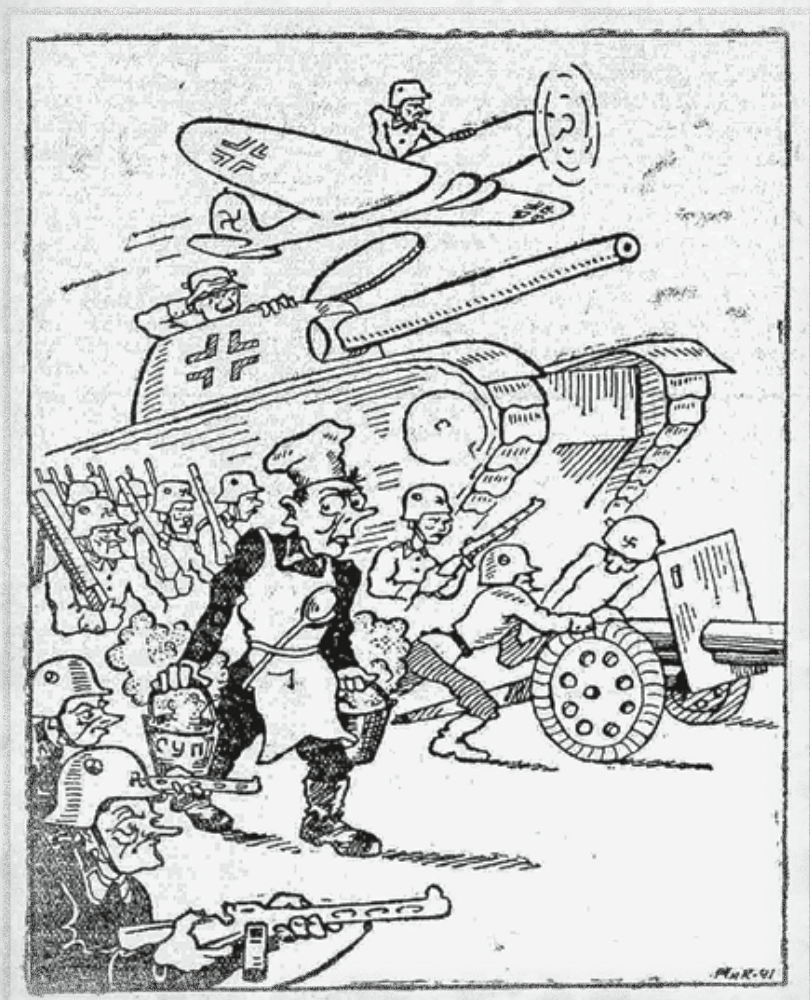
Румын — плохой вояка,
Известно это всем.
Его пугает драка,
Нет храбрости совсем.
И вот в немецкой роте
Единственный румын
Назначен был к работе,
Как самый сукин сын.
На кухне он мастачил
И получил приказ:
Доставить суп собачий
Для немцев в тот же час.
Ножицами затопал —
Служить, дескать, готов.
Но потащил к окопам
Семнадцать котелков.
А брюхо у румына

От голода скулит.
Не вытерпел детина,
Присел и говорит:
— Попробую немного,
Не все же немцам жрать.
И тут же на дороге
Уселся пировать.
Сожрал он с голодухи
Семнадцать котелков
И, если верить слухам,
Еще поесть готов.
На кухню он не ходит,
Дрожит за свой мундир,
И где-то нынче бродит
Как злостный дезертир.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ОБЕД ПОД ОХРАНОЙ

«.. Нападения партизан на обозы значительно ухудшают и без того скудное снабжение немецких солдат. Командиры фашистских частей вынуждены выделить целые подразделения для сопровождения кухонь и обозов».
(Из сообщений Совинформбюро)



Танк, зенитка, самолет,
Батарея «Крупна»,
Охраняет целый взвод
Два ведерка супа.
Танк разбитый дребезжит,
Немцы ждут тревоги.
Повар в ужасе дрожит,
Подкосились ноги.
По канавам, по кустам
Чудятся засады.
Партизаны тут и там
Не дадут пощады.
День и ночь покоя нет,

Все уничтожат.
Налетят — прощай обед —
Сразу выливают.
А на фронте немцы ждут,
В брюхе пустовато:
«С голодухи сдохнешь тут».
Думают солдаты.
«Черным извергам не жить», —
Клятва партизана.
Без обеда немцам быть,
Не спасет охрана.

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

ОТХОДНАЯ ФАШИСТАМ



Сегодня Геббельс приумолк,
И Геринг жалобно вздыхает,
А Гитлер мечется как волк
И бром стаканами глотает.
Молниеносная война
Не удалась фашистской своре.
Германия обречена
На поражение, на горе.
Фугаски, душу леденя,
Свистят над ней могильным свистом.
И в черной тьме, и в свете дня
Поют отходную фашистам.

ФАШИСТСКИЕ МАНИПУЛЯТОРЫ

«.. Скрывая свои огромные потери, германская пропаганда публикует заведомо лживые цифры о потерях советских войск. Фабрикуя эти данные, фашисты, видимо, включили в них, прежде всего, свои собственные потери. Присоединили к ним наши и к этим бредовым цифрам добавили еще столько, сколько пришло им в голову».

(Из сообщений Совинформбюро)



— А как считать эти самолеты и танки, господин полковник?

— Включите их в число трофеев нашей доблестной армии

Рисунок М. Келчевского

«ФЮРЕРСКАЯ ЛИХОРАДКА»

«.. Болезнь Гитлера объясняется, вероятно, лихорадкой, вызванной большой жарой в Ливии и сильными морозами на Восточном фронте..»
(Из английских газет)



Крутится-вертится черный бандит,
Днем он не дремлет и ночью не спит:
Ставит припарки и кутает нос:
В Африке жарко, в России мороз.
Пыжился, тужился — все ни к чему,
Вести плохие приходят ему.
Две лихорадки терзают, томят:
В Африке треплут, в России громят.
Злобою дышит берлинский бандит,
Рыло подбито, и в ухе свербит.
Нервы у стервы от страха дрожат,
Некуда будет ему убежать.
Всюду бандиту готовится гроб.
За день вспотеет, а ночью озноб.
Геббельс ему быллетень преподнес:
В Африке жарко, в России мороз.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

РАЗБИТЫЕ НАДЕЖДЫ

«.. Наши надежды на новое вооружение, в частности на несокрушимость танков «Тигр», не оправдались..»

(Из показаний пленного гитлеровца)



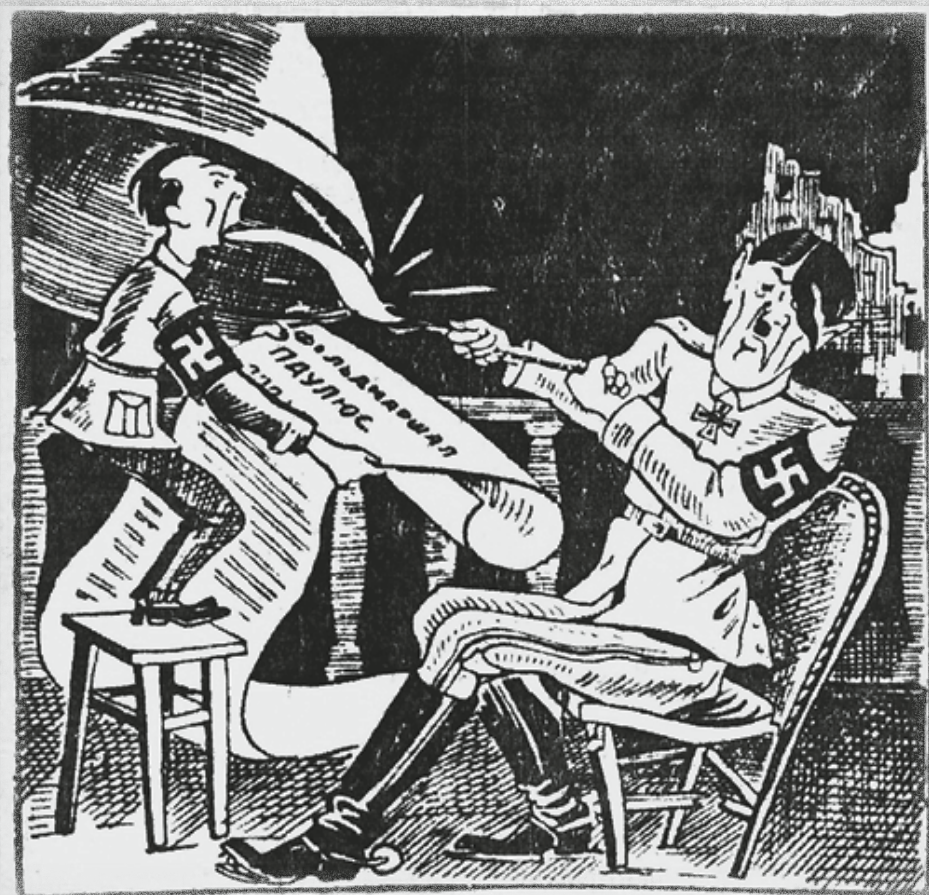
«Пантеры», «Тигры», «Леопарды»,
«Медведи», «Крабы», «Фердинанды»..
Стальной зверинец всех сортов —
Надежда фюрерских скотов.
Надежды гитлеровской своры
Разбиты были очень скоро.
Огонь советских батарей
Остановил напор зверей.
Потом назад они бежали,
А их хозяева дрожали,
Обычай русских очень прост:
Они прижали «Тигру» хвост,
«Пантере» спину перебили,
Глубоко в землю «Краба» вбили,
А «Фердинанд» за свой поход
Снарядом выведен в расход.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

НА БЕРЛИНСКОЙ КОЛОКОЛЬНЕ

«... После разгрома немецких войск под Сталинградом в Берлине объявлен трехдневный траур».

(Из газет)



Над столицей людоеда,
Заглушив кровавый стон,
После звона о «победах»
Похоронный слышен звон.
Траур снять не так-то просто,
Ход борьбы не изменить.
Скоро Гитлера-прохвоста
Немцы будут хоронить.

Текст А. Ольхона

Рисунок Н. Шабалина

РУССКАЯ ЗИМА

«.. Русская зима вступила в свои права. На большей части театра военных действий резко пала температура, наступило похолодание, выпал снег. Появились первые замерзшие немецкие солдаты, первые размороженные моторы танков противника..»
(Из газет)



Первое знакомство «доблестной» немецкой армии с русскими морозами

Рисунок М. Келчевского

РУССКИЙ ХЛЕБ



Воевать в России туго,
Жрать хотят штурмовики.
Хлеба нет по всей округе —
Увезли большевики.
Лишь один амбар богатый
Дверь широкую открыл,
Приглашают вороватых
Голодающих громил.
Партизанская приманка
Действует наверняка:
Из грохочущего танка
Вышли два штурмовика.
Вышли гитлеровцы гады
— Вот он, вот он, русский
«брод»!

Русский хлеб! Мы очень рады,
Сытно кончится поход!
Настежь двери навесные,
Тащат хлеб штурмовики,
А навстречу им стальные
Партизанские штyki.
Всем вора и всем громилам
Штык закроет жадный рот.
Партизан ударит с тыла,
Будет немцам «бутерброд».

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

НИ ТУДЫ И НИ СЮДЫ

«.. Мы лежим на открытом поле. Перед нами цвет советской армии — сибирские стрелки. Как только поднимаешь голову, свистит меткая пуля. Мы не можем по-даться ни вперед, ни назад».

(Сообщение фашистского военного корреспондента Виртгена в газете «Берлингер Берзенцейтунг»)



В чистом поле Франц упал,
В окруженьи к нам попал,
Он не ждал такой беды:
Ни туды и ни сюды.
Бьют советские стрелки,
Снайперы-сибиряки.
Как тут будешь воевать —
Страшно голову поднять.
Нет ни отдыха, ни сна.
Тает снег, идет весна.
В брюхе скучно без еды.
Ни туды и ни сюды.
Фриц зарылся как червяк,
Вот что значит сибиряк.
Только глянешь за сугроб —
И сейчас же пуля в лоб.
Зорек глаз сибиряка,
Пуля бьет наверняка.
Черный Фриц хлебнул беды.
Ни туды и ни сюды.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

НА ТРЕТЬЕЙ СКОРОСТИ

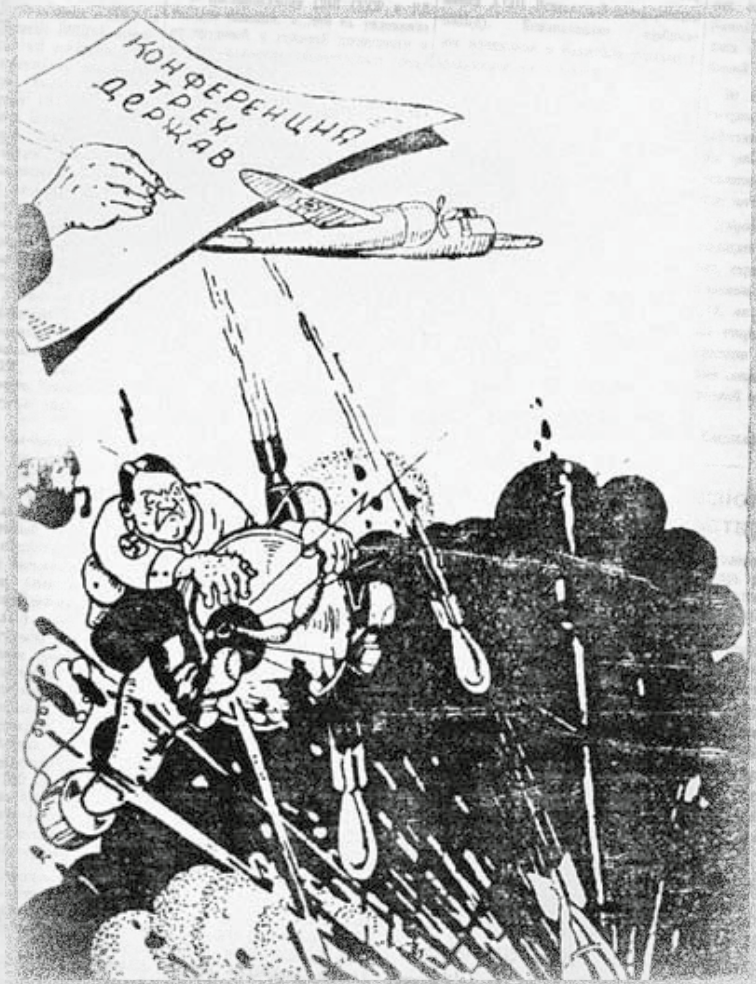


Гордый наци-генерал
Плохо ел и плохо спал.
Не во сне, а наяву
Увидать хотел Москву.
В бой дивизии кидал,
Битых немцев не считал,
День и ночь в бинокль глядел,
Словом, просто одурел.
А когда разбиты вдрызг
Его армии неслись,
Поднимая тощий зад, —
Обернулся он назад.
Не во сне, а наяву,

Тут «увидел» он Москву:
Огневой, советский вал
Сбород фашистский подметал.
Обовшивевшая рать
Торопилась удирать,
А вдогонку шел стеной
Нерушимый грозный строй.
Тут очнулся генерал,
Чуть бинокль не потерял.
Закружилась голова:
— Вижу, вот она, Москва!

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ЖУЛИК



Готовясь мир завоевать,
Себя назначив властелином,
Он все готов опровергать
Кровавый жулик из Берлина.
Брехня ему «идет к лицу».
Он иногда высокомерен,
Как подобает подлецу,
Но и труслив, и суеверен.
В глухом, подземном тайнике
Кричит зазнавшийся истерик,
Что Лондон держит «в кулаке»,

Что не боится он Америк.
Но конференциях держав
Его судьбу определила,
И скоро свой звериний нрав
Забудет мюнхенский громила.
Его найдут и под землей.
Суровый час расплаты грянет,
И Гитлер, жулик мировой,
На суд истории предстанет.

Текст Анатолия Ольхона
Рисунок А. Жаркова

НЕМЕЦКИЕ «ВАЛЕНКИ»

«В числе трофеев, захваченных нашими частями, имеется любопытный экспонат — эрзац-валенки, изготовленный по особому заказу германской армии в 1941 году в Берлине. Вес этой «зимней» обуви около 3 кг. Подошва валенка деревянная, подбита снизу резиной и железными гвоздями. Обувь больше всего похожа на колодку каторжника». («Правда»)



Чтоб не сошли немцы сразу
От морозов и пурги,
По особому заказу
Шьют в Берлине сапоги.
Нет у немцев русской сметки,
Накроили чудаки
Деревянные подметки,
Из резины каблучки.
Старой проволокой сшили
Вкривь, и вкось, и поперек,
И гвоздями сколотили

Семирусный сапог.
Каждый весом до полпуда,
Можно в сани запрягать,
Ох и трудно немцам будет
По сугробам убегать.
Много техников в Берлине,
Но никто из них не мог
Сделать хитрую «машину» —
Русский валяный сапог.

Текст А.Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ВЕСЕННЕЕ «НАСТУПЛЕНИЕ»

«... Весенние резервы немцы вынуждены бросить на фронт уже сейчас ...»
(Из газет)



Слухи носятя опять:
Гитлер хочет наступать..
Что же, если не добили,
Если шер не сломили,
Значит, голову свернем,
Доломаем и добьем.
Немцы нас не запугают.
Кур по осени считают.
В наступательных боях
Разобьем фашистов в прах.
С нами шулки не шутить —
Били, бьем и будем бить.
Красной армии твердыня
Фронт германский опрокинет.
Пусть фашисты не грозят,
Гитлер пятится назад:
Нынче всем его отрядам
Наступать придется.. задом.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

СЛУЧАЙ В МОРЕ



Случай был недавно в море:
Налетев, как ураган,
Краснозвездный летчик вскоре
Взял фашиста на таран.
Загорелись самолеты,
Стали оба падать вниз,
Оба летчика-пилота
Камнем в воду понеслись..
Распустили парашюты,
А внизу обоих ждут.
Не теряя ни минуты
Красный катер тут как тут.
В нашей армии и флоте
Дружба выручит везде:
Краснозвездного пилота
Подхватили на воде.
А фашиста не успели.
Рухнул черный гад на дно
Говорят, что рыбы съели,
Впрочем нам — то все равно

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

БЕЛОФИНСКИЙ ГОЛОДРАНЕЦ

«.. Замечено, что солдаты по сути занимаются попрошайничеством, просят милостыню у населения..»

(Из приказа Маннергейма № 21)



«Куска лишь хлеба он просил
И взор являл живую муку..»
Но кто-то двери отворил
И выпустил навстречу стужу..
Она облягла его,
Сама голодная, сердито,
Приняв знакомца своего
За маннергеймовца-бандита.
Собачий нюх не обманул,
То был действительно громила.
Он шел куда-то в караул
И попрошайничал уныло.
Напрасно он распылил рот,
Народ финляндский голодает,
Никто кусков не подает,
А Маннергейм еще ругает.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

НЕВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

«.. Между 25 и 29 августа состоялась встреча Гитлера с Муссолини. Указывают, что она связана с провалом молниеносной войны против СССР, образованием мощной антифашистской коалиции в лице СССР и Англии, поддерживаемой США, а также крахом германских планов в Иране и острыми внутривосточными и экономическими затруднениями в странах оси».

(Из газет)



У разбитого корыта,
Повстречались два бандита
Порасправить кулаки,
Подытожить синяки.
— У меня, — сказал Бенито, —
Чрезвычайно морда бита.
Где не глянешь — там ли, тут

—
Всюду бьют и крепко бьют.
Был у греков — было горе,
Был на море — били в море,
Даже эти абиссинцы
Поднесли теперь гостинцы.
В общем я, смотря на это,
Вспоминаю Капбретто.
Фюрер, скучный и угрюмый,
Поделится мрачной думой:

— У тебя делишки, дуче,
Много раз моих получше.
Я, к примеру, жив едва.
Раз ударить — лупят два,
Россиян повадки грубы:
Норовят захватить в зубы.
Некультурнейший народ —
Не дает идти вперед.
Это странно, это дико,
Я к такому не привык:
Вместо грозного блицкрига
Вышел блиц, но только крик.
У разбитого корыта,
Долго охали бандиты..
Говорили до зари
И считали фонари.

Текст и рисунок М. Келчевского

АСЕНИЗАЦИОННЫЙ ОБОЗ ГЕББЕЛЬСА И К^о



Замечая следы чудовищных преступлений фашистских извергов, германская пропаганда делает эпоху в уголовно-полицейском романе. Немецкое радио ошеломило весь мир сенсационным сообщением об «обнаруженном» во время обыска в зданиях посольств СССР в Париже и Берлине. Бредовая фантазия Геббельса, конечно, мгновенно создала «следы Коминтерна», «комнаты пыток», «ампулы с ядом» и прочие сказки из серии «Тысяча и одна ложь».

(По материалам выступления тов. Лозовского на пресс-конференции)

Рисунок М. Келчевского

МОЛНИЕНОСНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«.. После сдачи Дерна и Эль-Мехили отступление итапо-немецких сил в Ливии происходит столь быстро, что поспеть за ними может только моторизированная пехота..» (Из газет)



«Молниеносная» война
Теперь проверена сполна.
Повсюду немцев научили,
Как надо двигаться.. назад.
Вчера в России разгромили,
Сегодня в Африке громят.
Забыв разбойничьи ухватки,
Бегут фашисты без оглядки.
Их обовшивевшая рать
Теперь уже не отдыхает,
Привыкнув быстро наступать,
Еще быстрее отступает.

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

«ПЛОДЫ» ЗАВОЕВАНИЙ

«.. Моральные и физические силы солдат гитлеровской армии на грани истощения. Внешний вид захваченных немецких солдат резко отличается от внешнего вида солдат, захваченных в плен в первые недели войны. Все пленные до крайности завшивлены, непрерывно чешутся и обирают с себя паразитов..»
(Из сообщений Совинформбюро)



Ноги босы, грязно тело,
Опостылел белый свет,
Вша арийская заела,
А войне конца все нет.
Запаршивели солдаты,
И приказом не доймешь,
Хоть стреляй из автомата —
В каждой складке бродит вошь.
Не мешало бы помыться,
Без конца, видать война,
Да российская водица
Что-то очень холодна.

Лейтенант грозит расстрелом,
Но солдатам наплевать:
Ноги босы, грязно тело,
Не успели почесать.
Фюрер ловок на обманы,
Сам-то чешется он властью.
Говорят, у русских бани,
Хорошо бы в плен попасть.

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

В БЕРЛИНСКОЙ ПСАРНЕ

«.. Гитлер не доверяет своим бывшим друзьям. По его приказу установлено тайное наблюдение за Герингом..»
(Из газет)



Если дикie собаки
Друг на друга зубы точат,
Значит, скоро будет драка.
(Так мы скажем, между прочим).
Гиммлер Герингу не верит,
Геринг Геббельса порочит,
Черный Гитлер ходит зверем,
Всех троих прихлопнуть хочет.
Друг за другом наблюдают,
Друг у друга в подозренье,
Всюду сыщики шныряют, —
Вот что значит поражение!
Геринг больше не жиреет,
Геббельс фюрера боится.
Кто кому сломает шею, —
Это скоро прояснится.

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

РАЗГОВОРЫ В ТЮРЬМЕ

«.. В бельгийских тюрьмах ворами и другим уголовникам немецкие оккупационные власти предлагают записываться в добровольцы на Восточный фронт. Но даже такая вербовка провалилась..»
(Из газет)



— Ты громила?
— Да, громила.
— В добровольцы хочешь?
— Нет.
— Ты ариец?
— Я горилла!
— Прекратить нелепый бред.
Расы нет такой на свете.
С виду ты — арийский вор,
Я давно тебя приметил,
Заклучаем договор.
Мы тебя освобождаем
И отправим на восток

Там ты, немцам угождая,
Срежешь где-нибудь замок.
В общем, парень, ты — что надо,
Запишу тебя в отряд.
Будешь грабить в Ленинграде,
Будешь фюрерский солдат..
— Нет, ищите добровольных!
Но по чести вам скажу:
Мне в тюрьме куда спокойней,
Я уж лучше отсижу.

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

ТАНК ТОВАРИЩА ЛУЦКОВА

«.. Заметив немецкие батареи, спрятанные в овраге, танкист Луцков прыгнул со своей машиной на фашистов, раздавил и уничтожил все, что было в овраге, и продолжил атаку..»

(Из боевых эпизодов)



Разложив свои пожитки,
Спал фашистский лагерь.
Минометы и зенитки
Прятались в овраге.
Обнаглевшие балбесы
Дрыгли, словно мыши.
В это время из-за леса
Танк советский вышел.
Посмотрел водитель смело:
— Вот они где скрыты!
Что ж, сейчас устроим дело,
Будут немцы биты!
Разогнав свою машину,
Наш танкист отважный
Будто громом с неба двинул
На головы вражи.

Прыгнул прямо на зенитки —
Знай и помни наших!
Все фашистские пожитки
Превратились в кашу.
Своротил стволы орудий,
Раздавил фашистов.
Долго немцы помнить будут
Храброго танкиста.
Он их прятаться отучит,
В бой идет он снова..
Славься наш герой могучий!
Славься танк Луцкова!

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

КРЫМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ



Морская пехота при помощи флота
Явилась, как огненный смерч.
Могучей силой ударила с тыла, —
С налету захвачена Керчь.
Фашистские Фрицы хлебнули водицы,
Водицы соленой такой,
Что больше не встанут
И в небо не глянут:
Мы дали им вечный покой.
Морская пехота при помощи флота
Громит ошалевших врагов.
И с Черного моря проклятая свора
Бежит от советских штыков.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ВЫКУРИЛИ НЕМЦЕВ



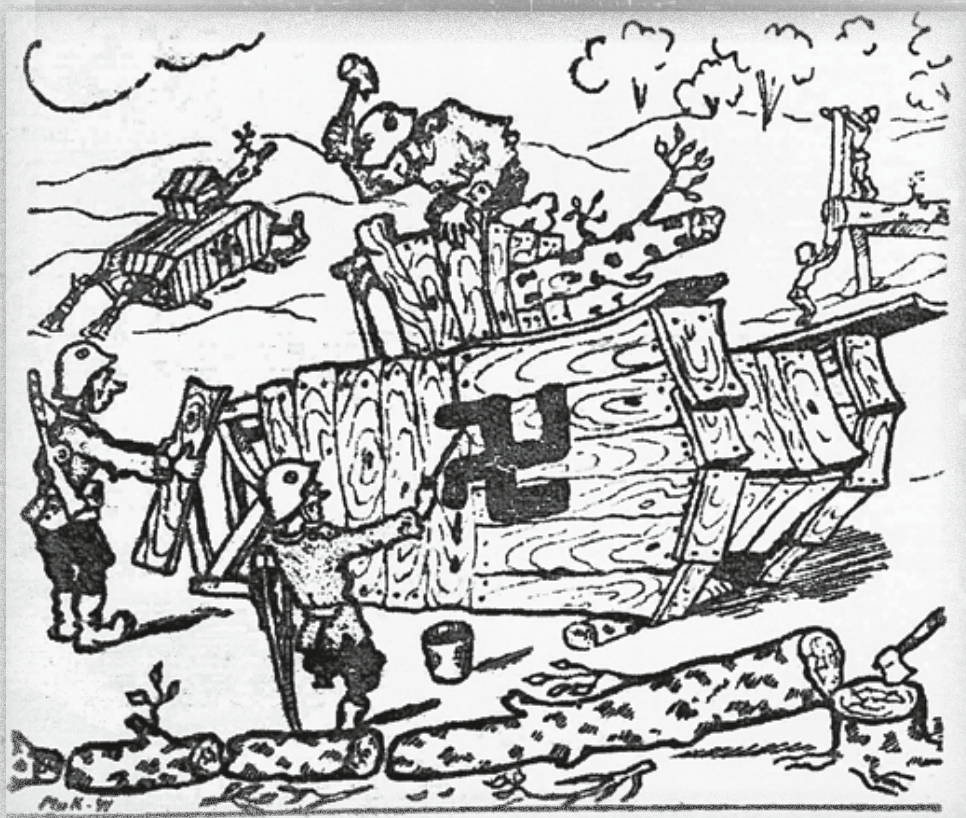
Стужа давит вражи своры,
Немцам стало туго:
Лезут в ямы, роют норы,
Холодно ворюгам.
Снежно стало в поле чистом,
Ветер разгулялся.
Возле фронта штаб фашистов
Зимовать собрался.
Притащили воз соломы,
Засветили свечку,
Расположились, как дома,
Растопили печку.
Об одном они забыли —

Выставить охрану,
В это время и явились
Наши партизаны.
Грозно грохнули гранаты,
Вспыхнула солома,
В бегство кинулись солдаты..
— Это вам не дома!
Партизан не даст пощады,
Всюду их накроет:
Расстреляет из засады
И в сугроб зароет.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ЭРЗАЦ-ТАНКИ

«Нужда скачет, нужда пляшет. 23 октября на одном из участков Южного фронта немцы, пытаясь создать видимость наступления крупной танковой колонны, буксировала на тросах деревянные макеты танков. Крупные потери в технике, понесенные ими на восточном фронте, а также стойкость и упорство, с которыми Красная армия организует оборону, заставили фашистов прибегнуть к подобным приемам, разгаданным нашими частями. Но такого рода приемы стары как мир, и не от хорошей жизни гитлеровцы вынуждены прибегать к ним».
(Из сообщения Совинформбюро)



Срочное пополнение немецкого танкового парка эрзацами
Рисунок М. Келчевского

РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ПРОВОКАТОР



Старый мастер провокаций,
Верный гитлеровский раб —
Рудольф Гесс, известный наци
Прилетел в английский штаб.
Гитлер дал ему задание:
Объявить для англичан,
Что имеет он желанье
Предложить им «мирный план».
Дескать, можно помириться,
Заклучить союзный блок,
А потом объединиться
И ударить на Восток.
Англичане, как известно,
Очень вежливый народ:

Гесса выслушали честно
И.. заткнули грязный рот.
Нынче этот черный агент,
Провокаторский посол,
Сел в Британии в концлагерь
За колючий частокол.
Тем, кто бьется за свободу,
С немцем вместе не идти.
И британскому народу
Только с русским по пути.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

КРАСНОАРМЕЕЦ СЕРЕДА

«.. Исключительную отвагу и находчивость проявил в бою красноармеец Середа. Немецкий танк огнем своего пулемета мешал продвижению нашего взвода. Тогда отважный красноармеец подкрался к вражескому танку, быстро вскочил на него и сильным ударом топора согнул ствол пулемета. Взвод ринулся в атаку, немецкий танк был захвачен..»

(Из сообщений Совинформбюро)



Боевое ремесло —
Хитрая наука.
Если танки принесло —
Дьявольская штука.
Танк железный, это да!
Лезет и грохочет.
Но товарищ Середа
Отступить не хочет.
Пулеметный ствол рычит..
Ну, держитесь, твари!
На площадку заскочил,
Топором ударил.
Ствол согнулся, покривел:
Пулемету крышка.

Гад фашистский присмирел,
Бей его, братишка..
Храбрый мастер славных дел
Бьется, не зекает:
Он в бою умен и смел,
Он и побеждает.
Танк, конечно, это да!
Поглядишь — громада.
Но товарищ Середа
Гробит их что надо!

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

СОВЕТСКИЙ ШТЫК



Штык советский, молодецкий,
Закаленный русский штык,
Черной гадине немецкой
Ты отпор давать привык.
Славься, славься, штык
могучий,
Бей кровавых стервецов.
Штык испытанный, колючий
Верный друг родных бойцов.
Чуть завидят штык фашисты,
Убегут как рысаки —
Фронтовые и штабисты,

Господа штурмовики.
Не по вкусу, не по нраву
Штыковой советский бой.
Бей фашистскую ораву
Беспощадною рукой.
Береги, боец, винтовку,
Штык заветный береги:
Молодецкую сноровку
Пусть почувствуют враги.

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

РУМЫНСКИЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ



..В официальных кругах Бухареста не могут скрыть панического предчувствия. Вызванного советским наступлением (Из швейцарской газеты)

Антонеску — румынский воруга-
Паникует от страха бесславно:
Своего «итальянского друга»
По ночам видит в зеркале явно.
Оба в петле позорной повисли.
Час расплаты все ближе и ближе.

Чтоб прогнать паникерские мысли,
По ночам валерьянку он лижет.
Но, увы, не пьянит валерьянка.
А Берлин не дает даже водки
Не спасет от кошмаров охранка:
Страшны стали военные сводки.
От «великорумынской идеи»
На Яву, лишь, разбитые рыла.
Зачесались лакейские шеи:
Чуют, будет им петля без мыла.

Текст Анатолия Ольхона
Рис. Н. Шабалина

«АПОПЛЕКСИЧЕСКИЙ УДАР»



Фон Рейхенау был не стар,
Довольно дюжий был громила,
Но вдруг его свалил удар.
Откуда, с флангов или с тыла?
Чем «ударяли»? Кирпичом?
Отравой или пистолетом?
Или фельдмаршальским мечом?
Гестапо ведает об этом.
Одно бесспорно, что убийца
Сидел в Берлине затаясь,
Над гробом будет он молиться
И, мертвеца не устыдясь,
С «прискорбием» слезу уронит,
Скривит кровавый, жадный рот
И после пышных церемоний
Еще кого-нибудь убьет.
Таков у Гитлера порядок,
Кто с ним связался — берегись:
Удар случится, иль припадок..
Собачья смерть, собачья жизнь.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

КАЛЕНДАРЬ ФАШИСТСКОГО БРЕХУНА



22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Поднимая медный бас,
Гитлер отдал свой приказ.
Закричали брехуны,
Разъяснили план войны:
— Мы пройдем победным маршем
До Москвы и даже дальше,
Завоюем весь Восток,
Три недели — твердый срок.



ЧЕРЕЗ ТРИ НЕДЕЛИ

Но проходят три недели,
Далеко еще до цели:
Гитлер стал в тарелки бить,
Чтобы немцев ободрить.
Обещал фашистским фрицам
До зимы в Москву вломиться;
планы новые даны—
На три месяца войны.



ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА..

Вот три месяца проходят,
По сугробам немцы бродят:
Провалился «точный» план.
Гитлер хлопнул в барабан.
—Вижу, вижу наяву
Недоступную Москву.
Там мы встретим новый год
И закончим свой поход.

Окончание см.стр. 127

КАЛЕНДАРЬ ФАШИСТСКОГО БРЕХУНА

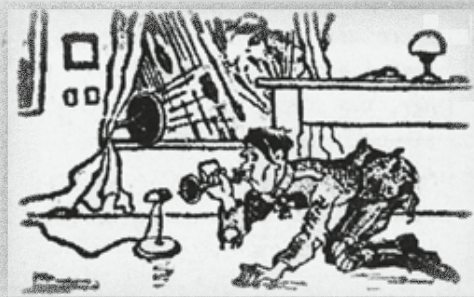
Окончание. Начало см. стр. 125



1 ЯНВАРЯ 1942 ГОДА
Наступает новый год,
Немцы дали «задний» ход.
Научилась отступать
Обовшивевшая рать.
Закопав в сугробах танки,
Гитлер звякнул на шарманке, —
Подкрутил у немцев нервы,
Просит новые резервы.



ЧЕРЕЗ ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ
Девять месяцев проходит,
Черный Гитлер зверем ходит,
Флейту грустную берет
И такой приказ дает:
—Чтоб Германию спасти,
—Надо все перенести,
—Для резервов боевых
—Взять увечных и хромых!



22 ИЮНЯ 1942 ГОДА
Подытожен первый год.
Гитлер дудочку берет,
Позабыв свой медный бас,
Заскулил дикобраз.
Но напрасно он скулит,
Новый фронт ему грозит.
Нынче словом скажем мы:
Гитлер сдохнет до зимы!...

Текст Анатолия Ольхона
Рисунки Н. Шабалина

ИСТРЕБИТЕЛЬ ТАНКОВ

«.. Красноармеец Попов, вступив в бой с семью немецкими танками, поджег при помощи бутылок четыре машины, остальные танки не приняли бой и поспешно скрылись».

(Из газет)



Есть у нас боец таков
По фамилии Попов.
Парень храбрый, молодой
И всегда готовый в бой.
Он не пачается назад,
У него наметан взгляд.
Даже в танковом бою
Знает линию свою.
Семь фашистских танков враз
Встретил он в тревожный час,
Но не дрогнул, не сробел,
Отступать не захотел.
Дело боя — наша честь!
Нет гранат — бутылки есть.
На бутылочку не плюй,
С нею вышел и вой.
Танк-чудовище рычит,

Пулеметами строчит.
А подкрался наш боец,
Хлоп бутылкой — и конец.
Немудрен, кажись, снаряд.
А фашисты-то горят!
Из семи подбил четыре.
Размахнулся бы пошире,
Да оставшиеся гады
Повернули к фронту задом.
Ходу, ходу зададут,
То есть попросту бегут!
Вот и ты учись, товарищ,
Час придет, и ты ударишь.
Будь к борьбе с врагом готов,
Как прославленный Попов.

Текст А. Ольхона
Рисунок М. Келчевского

ДОБРЫЙ ЗНАК

«.. Украинские партизаны пустили под откос немецкий бронепоезд, носивший громкое название «Адольф Гитлер».
(Из газет)



Фашистский черный паровоз
Прозваньем зверя окрестили,
Но партизаны под откос
Его на всех парах пустили.
Разбитый в прах железный зверь
Не загудит на Украине,
Ему назначено теперь
Ржаветь бесславно в зыбкой
тине.
Мы видим в этом добрый знак —
Растет и крепнет наша сила.
Еще удар и будет так:
Адольфу Гитлеру — могила!

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ПЛАНУ

«.. Немцы объясняют бегство своих армий отступлением по плану. В одном из захваченных немецких штабов были найдены мундир и сапоги, оставленные бежавшим фашистским генералом..»
(Из газет)



Темной ночью крик раздался:
— Генерал, капут, капут!
Генерал не растерялся,
Понял: русские идут.
По «намеченному плану»
Одеваться он не стал
И в одних кальсонах драных
За окошко ухлестал.
Позабыл мундир свой пышный,
Сапоги не захватил,
Но зато «по плану вышло»,
То есть шкуру сохранил.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ДАТСКИЕ КОНСЕРВЫ

«. В консервах, прибывших из Дании для снабжения германских солдат, в большинстве банок обнаружены гвозди, металлическая стружка и другая «сколючая приправа».

(Из газет)



Пришли из Дании консервы —
«Язык говяжий — первый сорт».
Охранник их отведал первым
И подивился: что за черт?
Как ненасытные пиявки
Вцепились немцу в жадный рот.
Готовясь жрать «язык говяжий»,
Изранил собственную плоть.
Привет наш датским патриотам!
И впредь кормите немцев так,
Чтобы бандит широкоротый
Глотал булавки натошак.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ



В июне били барабаны:

-Победа немцам суждена,
-У нас испытанные планы,
-Молниеносная война!

Пришел ноябрь — победы нету
И продырявлен барабан.

Знобит фашистскую газету
Растрепан гитлеровский план.

Ноябрь суров, идут метели,
Морозы русские идут.

В Берлине люди потускнели,
Побед они теперь не ждут.

Текст Анатолия Ольхона
Рис. М. Келчевского

ДЕЛО БЫЛО ПОД ПОЛТАВОЙ



Двести лет назад со славой
Иноземцев били деды,
И гремели под Полтавой
Трубы звонкие победы.
И опять запели трубы,
Пушки грянули со славой:
Враг сломал стальные зубы
В новой битве под Полтавой.
Грозной армии Советской
С каждым часом шаг крепчает.
Отступает сброд немецкий,
Дни последние считает.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ГИТЛЕРОВСКИЕ ВОЯКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ С ВОСТОКА



Броне-танко-вело-мото,
Артиллерия, пехота —
Черный башенный поток
Устремился на восток.
Аккуратно в три недели
Эти сукины сыны
Убедить нас захотели,
Но не кончили войны.
Третий месяц на исходе,
А война лишь началась:
Солнце всходит и заходит,
Топчут фюреровцы грязь,

Роят новые могилы —
Сто дивизий в пух и прах!
А у нас крепчают силы
И на фронте, и в тылах.
Сколько б Гитлер не трепался,
Лопнул «план» его войны,
На востоке он зарвался:
Биты сукины сыны.

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

ИСПАНСКИЕ «ПОЗДРАВЛЕНИЯ»

«.. Испанский военный министр послал телеграфное поздравление с победой «голубой дивизии», как известно разбитой на Восточном фронте».

(Из газет)



В прах разбитых мародеров,
«Голубых тореадоров»,
Поздравляет из Мадрида генерал:
— Вы бесстрашные испанцы,
Голубые голодранцы,
Вместе с вами я когда-то удирал.
Зная вашу быстроноготь,
Для меня уже не новость:
Вы умеете проворно отступать.
Поздравляю вас с победой,
Дорогие дармоеды,
И желаю вам до смерти воевать..
Огласили телеграмму,

Генеральскую программу,
Уцелевшим фалангистам в Новый год.
Мало их в живых осталось,
Но они не растерялись
Отвечали генералу: — Идиот,
Для победного успеха
Ты бы сам сюда приехал,
Поглядел бы на советские штyki.
На востоке — не в Мадриде,
Ты бы сразу сам увидел,
Как мозги вправляют нам большевики.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ПРИБЫЛО НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

«Неся большие потери на Восточном фронте, фашисты пополняют свои части бойцами с серьезными физическими недостатками. Среди захваченных за последнее время в плен немецких солдат встречаются люди с сильной близорукостью, когда без очков совершенно не видят, с отсутствием с детства одного глаза, хромотой в результате неоднократных операций по поводу гниения ноги, и другими физическими недостатками.
(Из сообщения Совинформбюро)



Лейтенант — новоприбывшим:
— Цвет германской армии! На вас возлагает все свои надежды сам фюрер..

Рисунок М. Келчевского

ПАРТИЗАНСКАЯ ОХОТА



Партизанам есть работа.
Нынче осень на дворе —
Начинается охота
На фашистских «глухарей».
Лес глухие стены сдвинул,
Партизан петлей взмахнул,
Ловко с дерева накиннул,
К небу немца подтянул.
Будет знать «глухарь» фашистский
Как бродить в чужом лесу:
Мы ему устроим чистку —
Выпотрошим на весу.

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

«ТЕКУЩИЙ СЧЕТ» СИБИРЯКА-СНАЙПЕРА



Сибирский снайпер-патриот
«Текущий счет» в боях ведет:
Две сотни выстрелов — в рас-
ход,
Две сотни фрицев — на приход.
Спасибо скажем земляку,
Бесстрашному сибиряку.
Тебе и слава, и почет.
Веди сурков победный счет.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ПОСЛЕДНЯЯ РОЛЬ

«.. Недовольный своими генералами, Гитлер сместил Браухича, назначив на его место.. самого себя».
(Из газет)



В гитлеровской ставке
Новые явления:
Браухич в отставке,
Просит снисхождения.
Клейсты, Бокки, Клюге
И другие фоны,
Задрожав в испуге,
Срезали погоны.
Скинули мундиры,
Шаги отвязали
И сплошные дыры
Фронту показали.
Фюрер зол и мрачен.

Яростно заперхав,
Сам себя назначил
Главным главковерхом.
Сам себе диктатор,
Сам себе начальство,
Горе-триумфатор,
Вышел на дневальство.
Если злобой пухнет
Эта образина,
Значит, скоро рухнет
Вся его машина.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

БЕЗ ОДЕЖДЫ И НАДЕЖДЫ

«Гитлеровские власти проводят принудительное изъятие у населения Германии одежды и обуви, не гнушаясь даже тряпьем. Встречая сопротивление, власти производят массовые обыски».

(Из газет)



В одежде яношу пытаются:
Как смел ты не отдать штаны?
Отрады старцу не вселяет
Отдать кальсоны для войны.
Забрали всю у них одежду.
Смеется сборщик им в лицо:
— Незаменимо при бомбежках
Не замараешь бельецо.
Корпят над тришкиным кафтаном
Фашисты из последних сил:
Снабжают фронт они штанами,
Буквально оголяя тыл.

Ил. Хан
Рисунок Н. Шабалина



Мы знаем, победа будет за нами!
Мы знаем, сгинет фашистская тень!
Товарищ, скажи, какими делами
Ты встретил сегодняшний день?
Скажи, положив на сердце руку,
Идет ли отлично работа твоя?
Чтоб нам поскорей раздавить гадюку,
Которая к нам заползла на поля.
Чтоб наши родные полки и роты,
Били без промаху по врагу,
Чтоб наши бойцы ощущали заботу,
На каждом победном своем шагу.
В тревожные дни дорожи и часами,
Берет их история на учет.
Пулями нашими и делами
Ускорим великой победы приход!

Текст И. Луговского
Рисунок Л. Залетов

ВРЕДНЫЕ ТИПЫ



Есть у нас такие типы —
Шептуны и болтуны:
Языки у них со скрипом,
Уши слухами полны.
Но особенно опасен
Обыватель-паникер,
Царь сплетен или басен
Он начнет свой разговор.
И, конечно, по секрету
Говорит он простаку:
— В Ангаре воды уж нету,
Продаю по пятаку,
По двугривенному — блюдце.

Наш простака распялил рот,
Уши глупые трясутся,
Слов ответных не найдет.
А казалось бы, не трудно
Паникеру дать отпор,
Чтобы вражье словоблудье
Потеряло свой задор.
Шептуны и болтуны
Делу нашему вредны,
Гражданин и патриот
Паникеру рот заткнет.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ГЕРМАНИЯ НА КОЛЕСАХ

ГЕРМАНИЯ НА КОЛЕСАХ

«.. Бегство населения из западных и восточных районов Германии, подвергающихся бомбардировкам советской и английской авиации, продолжается..»

(Из газет)



- Куда вы собрались, герр Майер?
- На восток. На западе бомбят. А вы?
- Я на запад — на востоке бомбят..

Рисунок М. Келчевского

«.. На одном из участков Ленинградского фронта огромная колонна немецкой пехоты с оркестром впереди пошла в атаку. Линкор «Октябрьская революция» получил задание направить удары своего главного калибра по фашистскому сброду. Первый снаряд попал прямо в оркестр. Залихватский марш был прерван на одной из самых высоких нот. Рваная колонна была разгромлена и рассеяна».

(Из газет)



Трубы, флейты, барабаны
Открывали их поход,
Немцы шли как истуканы,
Шли без выстрела вперед.
Но психической атаке
Был физический конец,
В лоб коричневым собакам
Грянул огненный свинец.
Были меткие снаряды
Грозной музыкой звеня,
Разлетались в клочья гады
От советского огня.

Батальон poleg на месте,
Так мы встретили «гостей».
От фашистского оркестра
Не осталось и костей.
Приглашаем этих «психов»
Чаще музыкой брэнчать,
Мы на всякую шумиху
Будем смертью отвечать.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

МИНОМЕТЧИК-БОГАТЫРЬ



Бой жестокий долго длился,
Немцы лезли на рожон.
Минометчик Пушкин бился,
Сворой вражьей окружен.
Богатырская работа
Раззадорила бойца,
Мины он метал без счета
И сражался до конца.
А когда снаряды вышли,
Он не думал, не гадал,
Крикнул немцам: «Погодишь ты!»
Отступающих догнал.
Словно палицей старинной

Минометом бил врагов.
Витязь наш, боец былинный,
Не жалел немецких лбов.
Пятерым мозги прочистил,
Не успели и удрать..
Разве выродкам фашистам
Против наших устоять?
Нет! Победа наша будет!
Так и песня говорит:
— Славьтесь, доблестные люди,
Красные богатыри!

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ПОСЛЕ БОЯ

«.. После боя у Днепра в нашей части уцелели
только хозяйственные команды..»
(Из показаний пленного гитлеровца)



В штурмовом полку фон-Шмидта
В первых числах октября
Только кухня не разбита
После боя у Днепра.
На командный пункт явившись,
Старший повар в струнку встал
И, кастрюлей накрывшись,
Шмидту так рапортовал:
— Честь имею вам представить —
Полк в готовности стоит.
Где прикажите поставить,
Господин полковник Шмидт?
Господин полковник охнул,
С перепугу захрипел.
Говорят, на месте сложнул,
И ответить не успел.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

РЫЦАРЬ РАЗБОЯ



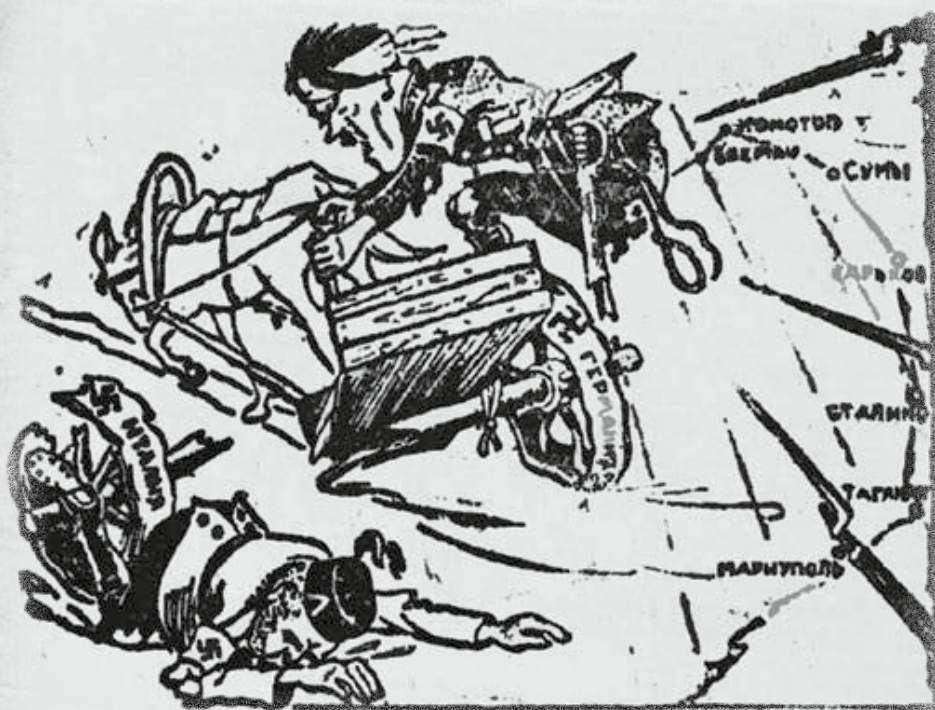
Вот рыцарь зверства и разбоя
Он корчил из себя героя,
В завоеватели готовясь,
«Трофеи» прячет он за пояс..
«Молниеносная» победа
Не удалась ему никак.
В Москве хотел он пообедать —
Пришлось сражаться натошак.
И, получив удар по морде,
Он потерял свой облик гордый.
О, где ты, где ты, хлеб и сало?
Схватил, что под руку попало:
Бутылку водки, панталоны,
Флаконов пять одеколона,
Сухие старье баранки,

Две пары туфель, ваксы банку,
Горчицу прихватил и перец,
Сожрет и их голодный немец.
Но все же будет вору ужин.
Жестоки на востоке страны:
Коров угнали партизаны,
Он курицу в трофеи взял.
Все барахло кой-как связал,
Бежит громила, задыхаясь..
Немного «рыцарю» досталось,
Но и за это, гнусный вор,
Тебе смертельный приговор.

Текст А. Ольхона
Рисунок А. Жаркова

РАСКОЛОТАЯ ОСЬ

«Италия безоговорочно капитулировала».
(Из газет)



Опора гитлеровцев — ось —
Давно крутилась вкривь и вкось.
Войны дорога стала круче,
И вот сначала рухнул «дуче».
Потом колеса расшатались,
И римляне отвоевались.
Теперь фашистам будет туго:
гроза — с востока, буря — с юга,
В Берлинском гнусном колесе
Трещат сегодня спицы все.
Владеть Европой не пришлось —
Расколота гнилая ось.

Текст А. Ольхона
Рисунок Н. Шабалина

ВЕРБОВКА ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГИТЛЕРОВСКУЮ АРМИЮ

НЕМЦЫ ПОСЫЛАЮТ ПОДРОСТКОВ НА ФРОНТ СТОКГОЛЬМ.

(ТАСС)

Немцы проводят в Норвегии вербовочную кампанию среди подростков, пытаются привлечь их в германскую армию и в так называемый «норвежский легион». Как передает норвежское телеграфное бюро, квислинговский «министр» юстиции издал приказ, разрешающий несовершеннолетним вступать в «норвежский легион» и в германскую армию без согласия их родителей. Как выясняется, при вербовке квислинговцы прибегают к спаиванию подростков и обещают им выдачу больших сумм денег. Однако новая затея гитлеровцев потерпела позорный крах.



Вербовка добровольцев в гитлеровскую армию

Рисунок М. Келчевского

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ (Луганск)

НА ОГНЕННОЙ ЧЕРТЕ: ЛИТЕРАТУРА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ДОНБАССЕ

Литература выступает универсальным хранилищем народной памяти. Сменяются поколения, меняются формы государственного устройства и правления. Но народную память о прошлом сохраняет литература в своих памятниках – стихотворениях, прозе, драматургии, публицистике.

И любой желающий может прикоснуться к этой сокровищнице – стоит лишь взять книгу, как простые слова пробуждают голоса прошлого. И пламя самой жизни прошлого передаётся нам – через многие годы, может быть, даже тысячелетия. Помните, у Ивана Бунина:

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

Выходит, не такие уж и простые они, эти слова, которые хранят память о прошлом, которые способны передать знания о прошлом. Сохранить всё без искажения, без наносной мути политической конъюнктуры.

Это важно помнить и понимать сейчас, когда ряд европейских государств развернул масштабную кампанию по искажению истории Второй мировой войны, в которой роль великого советского народа сведена почти к нулю. Но и этого им мало! Уже звучат голоса, желающие и вину за начало самой страшной войны в истории человечества возложить на Советский Союз. Не только Гитлер, но и Сталин. Не только немцы, но и русские... Вот их посыл.

И такую ложь они навязывают покорённым народам. Увы, такую точку зрения на нашу Великую Отечественную войну европейские и американские спонсоры киевского режима навязывают и Украине. Той Украине, которая вынесла столько страшного горя в годы Великой Отечественной войны. Той Украине, народ которой стиснув зубы мужественно переносил немецкую оккупацию. Той Украины, сыны и дочери которой в героическом порыве поднимались в атаку на немцев, чтобы добыть её одну, одну на всех – Великую Победу.

В сохранении памяти о Великой Отечественной войне большое значение имеет литература братских народов СССР. И в летопись правды о войне и мужестве народа внесли немалый вклад писатели Донбасса. И сейчас, раскрывая их книги, пробегая по их строкам, мы видим искреннюю исповедь, где каждое слово – Правда. О подвиге и предательстве, о мужестве и трусости, о выборе каждого в переломное время, когда нет возможности утаиться, отвертеться от осознания себя человеком. Человеком, а не рабом, не покорившимся перед захватчиком, не согнувшим спину. Нет, не таков русский человек. Не таков нрав народа Донбасса.

Многие писатели Донбасса стали бойцами в годы Великой Отечественной войны. Они не прятались за спины, не писали о войне по чужим словам. Сами видели и слышали, многие за эту Правду заплатили своей кровью. А кто-то – и своей жизнью, как, например, прекрасный донбасский поэт Юрий Черкасский, погибший при освобождении Белоруссии.

Война, начатая гитлеровцами в 1941 году, пришла в наши города, тьмою и разрухой покрывая всё, вихрем круша уют дома и планы на будущее. И прошлое, и будущее стали абстракцией, собственностью нереального, недостижимого. Одно – в стихии воспоминания, другое – в мире грёз. Будет ли завтра, настанет ли будущее? Никто не знал. Было только жуткое настоящее, так верно описанное Юрием Черкасским в стихотворении «Город» ещё в начале войны:

*Квартал горел – там шел смертельный бой,
И дом наш бомбой вражеской расколот,
Но всё же – как нас тянет в этот город,
Где мы впервые встретились с тобой!*

Ад войны мог бы сломить кого угодно, но только не крепкого духом человека. Не человека, у которого в груди поселилась птица мечты о свободе и счастье. И эту птицу не застрелить из автомата, не взорвать гранатой или бомбой. Птица мечты песней перелетала от человека к человеку, от сердца к сердцу. Эта неосязаемая, но столь живая мечта-песня позволяла в руинах бывшего увидеть светлое и победное грядущее. Именно об этом образе грядущего, победного города, пишет Юрий Черкасский:

*Пусть он в обломках, тёмн и изранен,
У нас в сердцах он песнею живет,
Всегда такой, как той весенней ранью,
Очищенный от мелочных забот.*

В плеяде донбасских писателей, писавших о Великой Отечественной войне, много имён. К сожалению, нет возможности в коротком очерке рассказать о всех. Остановимся на некоторых именах, чьё творчество запечатлело пламя Великой Отечественной войны, чьи строки помогают нам яснее понять правду о подвиге людей, сумевших не только выстоять в войне, но и принести человечеству Великую Победу 9 мая 1945 года.

Борис Леонтьевич Горбатов прошёл Великую Отечественную войну с первого дня до исторической капитуляции Германии в пригороде Берлина Карлсхорсте. Эти годы – время напряжённого труда писателя. Он пишет многочисленные очерки и корреспонденции, которые выходили в центральной прессе СССР. Часть из них вошла после в его книги – и по сей день публицистика Бориса Горбатова выступает ценным историческим источником. Так, во многом благодаря Борису Горбатову мир узнал о страшной «фабрике смерти» нацистов в Майданеке.

Особняком стоят «Письма к товарищу» Горбатова. Это пример гражданской публицистики высокого энергетического накала. Размышления о Родине и долге перед Родиной не голословны, не напичканы набившими оскомину штампами. Нет, Борис Горбатов уходит от банальщины и лозунгов. Лирично и взволнованно он пишет – будто своему самому близкому другу, товарищу – об охвативших его чувствах, когда он видит разрушения войны, убитых, калек, женщин и детей. Вроде бы простые слова, но как они будят чувства, как побуждают сознание действовать, чтобы остановить разрушение, спасти беззащитных и покарать вероломных захватчиков. Константин Симонов смело относил этот цикл Бориса Горбатова к вершинам военной русской публицистики.

Но для нас, жителей Донбасса, Борис Горбатов – это прежде всего автор знаменитой повести «Непокорённые», повести о настоящих донбасских характерах. Борис Горбатов принимал участие в начале освобождения Донбасса зимой 1943 года. В феврале 1943 года он приезжает в только-только освобождённый Красной Армией Ворошиловград (Луганск), здесь собирает материал, который намеревался использовать для написания очерков. Но увиденное и услышанное в Луганске вдохновило его написание небольшой, но ёмкой повести о донбасских людях, переживших оккупацию «европейских просветителей». Повесть предполагалось назвать «Семья Тараса», но позже автор решил назвать её более выразительно и лаконично – «Непокорённые». Это книга о страшной правде – как война ломает человека, принуждает его к подлости, заставляет спасать себя, а не другого. Но герои книги демонстрируют свою неподвластность силе и принуждению. Нет, таких людей не сломить, не покорить. Как здесь не вспомнить строки знаменитого донбасского поэта Павла Беспощадного, написанные им ещё в 1942 году:

*Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!*

Пожалуй, самым известным произведением о событиях Великой Отечественной войны в Донбассе является роман Александра Александровича Фадеева «Молодая гвардия». Свободолюбие и непокорность донбасской молодёжи, организовавшей в Краснодоне подполье для борьбы с гитлеровцами, не могли оставить равнодушным Александра Фадеева. Уже первые сообщения об этом привлекли его внимание, о краснодонцах и их подвиге он написал небольшой очерк для газеты «Правда», озаглавленный более чем красноречиво – «Бессмертие». Как и в случае с «Непокорёнными» Горбатова, Фадеев

решил использовать материал о краснодонской «Молодой гвардии» для создания большого литературного произведения. Собрать этот материал писатель решил в местах событий, для этого он приехал в Донбасс, некоторое время жил в Краснодаре, где смог собрать огромный материал о подвиге юношей и девушек из «Молодой гвардии». Саму книгу писатель писал в Москве, работая быстро и вдохновенно.

Роман «Молодая гвардия» увидел свет в 1946 году. Но политическим кругам не понравилось, что роман показывал донбасское подполье в Краснодаре безыдейно, чуть ли не как отсебятину, без главенствующей и руководящей роли коммунистической партии. Фадеев вынужден был принять это замечание и переработать роман, который вышел во второй редакции в 1951 году. Книга полюбилась многим читателям. И по сей день в ней ценят и высокую достоверность фактов (насколько это возможно для художественной литературы), и стиль изложения, и само бережное отношение автора к трагическим судьбам краснодонской молодёжи.

Очень жаль, что этот роман не входит в программу для обязательного изучения в школах Луганской Народной Республики.

Теме донбасской молодёжи, оказавшейся под немецкой оккупацией, посвящена автобиографическая повесть Михаила Макаровича Колосова «Бахмутский шлях» (1956). Здесь развёрнуто перед нами встаёт поколение подростков – самых обыкновенных донбасских мальчишек. Они не принимают порядков немецких захватчиков, не хотят мириться с силой и принуждением. И здесь перед нами – отражение силы донбасского характера, свободолюбивого и непокорного, упрямой тяги к чести и правде.

Человек, брошенный в стихию войны, оказывается в эпицентре внимания многих донбасских прозаиков второй половины XX века. Жгучим словом постарались они передать боль и чаяния, мужество и страхи, героизм и трусость людей, брошенных в пекло войны. Не только лакированную действительность, «парадную сторону» войны нам преподносят повести, романы, рассказы Владислава Титова, Степана Бугоркова, Тараса Рыбаса, Геннадия Довнара. Реалистичность их строк – следствие того, что сами они были очевидцами многих событий, некоторые из них прошли фронтовыми дорогами долгие годы войны.

Теме Великой Отечественной войны, подвигам красноармейцев посвящены многие стихотворения донбасских поэтов. Не раз об этом писали Павел Беспощадный, Михаил Матусовский, Николай Упеник, Владимир Сосюра, Яков Захаров, Степан Бугорков, Владимир Спектор, Владимир Гринчуков и многие другие. В их стихотворных строках отражены эмоциональные сгустки бытия – во время войны и после, когда остро переживается момент осмысления всех потерь, принесённых страшной войной. Возвращение в войну – через десятилетия, минуя расстояния и смерть друзей, – в этом главный посыл знаменитых строк Михаила Львовича Матусовского, написанных в 1963 году:

*Мне часто снятся все ребята,
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

На этой огненной черте продолжают стоять многие современные писатели Донбасса. К теме Великой Отечественной войны они обращаются не так часто, главным образом – в виде исторических очерков или обработок мемуаров очевидцев тех событий. Но тема войны обрела для донбасских писателей неожиданную актуальность в 2014 году, когда Украина развернула агрессию против мирного населения Донбасса.

И новая война нашла отражение в стихах, прозе, драматургии донбасских писателей. И здесь, конечно же, многие из них проводят параллели с событиями Великой Отечественной войны. В этом – проявление закономерности

премственности поколений, верных своей Родине и памяти своих сродников, погибших, сгинувших в войнах с многочисленными врагами России.

Мысль эта нашла отражение в стихотворении луганского поэта Елены Заславской «На Саур-Могиле»:

*На Саур-Могиле
Опять его убили.
Его убили снова.
Красивого, родного,
С глазами, как у мамки...
Арта. Пехота. Танки.
Как в страшном 43-м...*

И вечная логика бытия: повторять путь своих отцов и дедов, быть верным Отечеству и народу, не позволять захватчикам чинить беззаконие на твоей земле, не позволять им насаждать здесь культ Петлюры или Бандеры.

И квинтэссенцией в этом стихотворении Заславской высечены лапидарные строки, объясняющие, почему для нас нет земли красивее и роднее, чем наша Родина:

*Земли нет в мире краше.
В ней спят солдаты наши.*

Не в этом ли сокровенное объяснение тайной силы нашей родной земли, вдохновляющей наш народ на борьбу с врагом? Неразрывная связь с прошлым, ощущение сопричастности памяти предков – вот что вдохновляет на борьбу с врагом русских людей. Так было и в годы Великой Отечественной войны. И именно так сейчас происходит в Донбассе.

Этот глубинный смысл прекрасно понимают идеологи украинского неонацизма и, ловко перекраивая факты, встраивают его в собственную матрицу «вековечной борьбы» с «рашизмом». Смысловые противоречия их не пугают: они просто-напросто игнорируют их. И вот в их матрице Бандера и Шухевич легко уживаются с постоянными отсылками-сравнениями к героике Великой Отечественной войны. Ещё чуть-чуть – и Зеленский или высшие чины ВСУ сами начнут равняться на Жукова или Сталина, на мужество советского народа, боровшегося с всеевропейским нацизмом.

Но черная ложь украинской пропаганды схлынет: ей не на что рассчитывать. Сама земля против этой лжи, каждым памятником воинам Красной Армии, именами городов-героев, осквернёнными могилами Ватутина и Кузнецова восстаёт она и требует правды. И правда придёт: в свободный Донбасс, Одессу, Харьков, Киев.

МАРИЯ ВАТУТИНА (Москва)

Шёл солдат мимо шахт и пожарища,
На броне по лесочкам катил,
Восемь лет хоронил он товарищей,
Восемь лет у родни не гостил.

Его землю дырявили бедами,
Выжимали в чужой окоём.
«Только мы, – говорил он, – отседа
Никуда никогда не уйдём».

Старики на груди его хлюпали,
И светлели посёлки вдоль трасс.
Вот сажают цветы в Мариуполе
И завозят учебники в класс.

И чужая худющая матушка
Припадает на бронезилет:
«Вы теперь не уйдёте, ребятушки?
Не уйдёте? Не бросите, нет?»

Отвечал, наклонившись, как к маленькой,
Обещая откинуть врага.
Восемь лет он не виделся с маменькой,
До которой уже два шага,

Две положенных в степь батареечки,
Чтоб светилась священная степь.
И товарищ с осколочным в темечке,
И встречающих пестрая цепь.

Это родина. Вот его родина –
До колонки всего дохромать.
Дом разрушен, и мать похоронена.
Надо новую жизнь поднимать.

Они стреляли по донецким.
Они стреляли по луганским.
По сношенным пинеткам детским.
По каблукам и сумкам дамским.

По одеялам и подушкам,
Ночнушкам, шортикам, пижаме,
И в класс, где запрещённый Пушкин
По-русски говорил стихами.

По толстым словарям толковым,
По тощим козам, по колодцам,
Они стреляли по торговым
Палаткам и по огородам.

Они не подходили близко,
Стреляя в школьницу у дома,
Она была сепаратистка,
Она абстрактна, незнакома.

Невидимы в прицеле пушки
Её косички и ладошки,
Её забавные веснушки,
Припухлые ее губёшки.

Но в том абстрактном артобстреле,
Закрыв глаза на все детали,
Они – её убить хотели,
Они – по ней в упор стреляли.

С остервенением немецким,
С особой слабостью к гражданским,
Они стреляли – по донецким,
Они стреляли – по луганским.

Ева живёт не в саду, в аду.
Ей говорят – это рай.
Типа, не хочешь попасть в беду –
Яблоко не срывай.

Не выходи из надёжных стен,
Девочка, никогда.
Будет тебе зашибись взамен
И по ночам вода.

Ева в подвале сидит, а там
Яблоням и не цвествь.
Голод мешает её мечтам,
В рае хочется есть.

Ева знает, что наверху
Кто выходил – пропал.
Только она на своём веку
Видела лишь подвал.

Ей бы какой-нибудь там дичок:
Выбежит и стрясёт.
Но наверху – ложись на бочок –
Только война растёт.

Знай в неведенье загорай.
В подполе мрак и смрад.
Если такой у Боженки рай,
Какой же тогда – ад?

Манит воля через прицел,
Страх тянет назад.
Снится ей: кончился артобстрел,
Ева выходит в сад.

Ева видит, едва прозрев,
Что неизбежен грех.
И обнимает стволы дерев,
Всех обнимает, всех.

Ева выходит на божий свет,
Вешается на солдат.
Хочется нежности – мочи нет!
Космос над ней разъят.

Ева не спит. У неё в руках
Яблоко и портфель.
Ева согласна страдать в веках,
В муках рожать отсель.

Через неё всё придёт опять,
Всё повторится вновь.
Каина с Авелем ей рожать,
Приумножая кровь.

Ева согласна. Она мала,
Что ей до этой мзды.
Только бы яблоня зацвела
И принесла плоды.

Худая, дряхлая на вид,
Совсем иссохшая зимою,
Чужая мать в саду стоит
Над раскучуроченной землёю.

Дай обниму тебя, прижму,
Поглажу кукольные плечи.
Засею землю по уму,
Затеплю в доме печь и свечи.

Не ты ли вышла на задки
С отцовским знаменем советским,
Когда здоровые сынки
Пришли к своим задворкам детским?

Не твой ли флаг топтали тут,
Смеясь, подмётки вытирали?
И «куры, млеко и капут»
Тебе, затравленной, орали.

Чужая матушка моя,
Не пяться от сыновней злобы.
Твои дурные сыновья
Забыли свет твоей утробы.

Терпи и боль свою таи,
Считай, что это просто глупость.
Но тихо: «Это не мои», –
Она ответила, потупясь.

Я горе видела в упор,
Но равных нет минутам этим,
Как выносила приговор
Чужая мать родимым детям.

Антихарон

«Аня со всех фронтов, со всех разрушенных городов везёт домой потерявших кошек и котят и неустанно пристраивает их в добрые руки. Счёт этих кошек идёт минимум на десятки.

Такой вот военкор. Такая Аня».

Захар Прилепин

Из потустороннего ландшафта
Через реку, на своих двоих,
Девочка, красивая, как завтра,
Возвращает живность в мир живых.

Там, где на невиданных дорожках
Мёртвый русский – титульный народ,
Аня тренируется на кошках,
Аня скоро всех перевезёт.

Спи спина к спине, сидельцы рая,
Вечность снов подвальных огребя.
Аня, этих кошек покрадая,
Погоди, захватит и тебя.

Там, за Стиксом, где среди развалин,
Аня ищет к смерти антидот,
Человек проходит, как хозяин
Кошки.
Аня каждого найдёт.

Надо, чтобы что-нибудь случилось,
Чтобы жизнь убитая – вдогон
От дурацкой смерти излечилась, –
Например, такой Антихарон.

Этот ад, откуда кошки взяты,
Он не настоящий, так и знай.
Счистят сажу, сдуют пепел с хаты,
Откопают под завалом рай.

А когда и там отстроят зданья,
Первыми втолкнёт через порог
Кошек для повторной жизни Аня
И введёт тебя под локоток.

«Как я провела это лето»

Памяти Дарьи Дугиной

Отца лишили дочери
Мать со своею дочерью.
Вот кузов развороченный
Пылает у обочины.

«Дивись, якая гарная
Взвилась на небо дівчина...»
Москва стоит угарная,
На въездах непридиричива.

И падает тихонечко
Обугленное яблочко.
«О чём вздыхаешь, донечка?»
«О новом платье, матічка».

«А ты б – о школе, милочка,
Экзамене запоротом.
Отдай сюда мобилочку –
Я выброшу за городом».

Плывет лихого ялика
Команда похоронная.
А яблоня на яблоко
Глядит, непокорённая.

Как страшная симфония.
Как зарево трёхмерное.
«Ну, вот и всё. Эстония.
Через неделю первое».

А та, другая, явлена
Пред Господом – в окалине.
Ведь яблоко от яблони...
Ведь яблоко от яблони...

Времени – нет, но что-то всегда течёт,
Тикает в ухо, в календаре краснеет.
Скажем, полвека жизни пойдёт в зачёт,
Некий ребёнок вырастет, поумнеет,
Пять – география, русский – четыре-три.
Женится. В степь донецкую, как говорится,
Выйдет. А что кипит у него внутри
Вряд ли кому из будущего пригодится.
Вечная бледность, серый оттенок лба.
Выцветшая роговица светлей лазури.
И не поспоришь – сложилась его судьба,
Вряд ли кто пройдёт по партитуре.

Разве что в сквере, там, где его спустя
Восемь десятков, в следующем столетье,
Штурмом возьмёт, подсаживаясь, дитя,
Всё и всегда сканирующее на свете.
Пруд голограммой светится в полумгле.
Перелетают дроны с горой фастфуда.
Если полгода в детстве прожить в земле,
Жить на Земле, мой ангел, навеки – чудо.
С тем и уснёт на лавке своей, устал.
Тикает слабый пульс, но сбоят программа.
Снится одно и то же ему: подвал,
И за водой навечно уходит мама.

Правдивая история

Обустроимся, силу утроив.
Но пока – из шального ствола
Убивают народных героев,
По-подночь, из-за угла.

Нам не снилось такого захода,
Слишком просто для правды. Но ведь
Погибают любимцы народа –
И скорбит ошарашенно сеть.

Мы умеем хранить благодарность,
И на память не сетуем мы.
Но шипит прокажённая тварность
Из щелей, из опущенной тьмы.

«Твоя мамка умрет от саркомы,
Захлебнётся в кровавой моче», –
Пишет коммент мне червь незнакомый,
Черепушка на взрытой бахче.

У меня вся родня, что постарше,
На завалинке рая давно.
Но, признаюсь, не знала я гадше
Литер этих вот, слитых в одно.

Потому что гниющий вживую
Возжелал меня словом взорвать.
Кем ты раньше-то был? И какую
Колискову спивала те мать?

Подними лицо. Подними лицо. Посмотри вперёд.
Это всё – друзья мои, это мой народ.
И к спине спиной защитят стеной – только тронь.
Так во все века сохраняли пращурь наш огонь.

Потому что, если пламя – должно гореть.
Потому что, если душа, то должна болеть.
Потому что, если дружба – то все горой.
Опусти глаза, не встречайся взглядом, закрой.

Шевели губами, молись, тишину проси,
Чтоб ни точки тут не сдвинулось на оси.
На подходе отряды братьев моих – князей.
Кинул камень в мой огород, а попал в друзей.

Думал с рук сойдёт, думал, фарт пойдёт
и баранки гну,
Что запощу стон, петуха пущу, дам слабину.
Не учёл, что дружба – крепость, а я – внутри.
Ну, чего ты там говорил-то мне, повтори.

Тихий город в фонарях,
Словно море в янтарях,
Там товарищ мой, скрипач,
Еле сдерживает плач.

Он недолго там гостил,
Он средь города застыл,
Проклинает он зверей
В жёлтом свете фонарей:

«Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели».

Вели, вражий лепесток,
Чтобы каждый, кто без ног,
Вновь прирос к своим ногам,
Отдал боль свою врагам.

Мой товарищ, он рисков.
Он идёт среди лепестков,
Ну, куда ты? Не чудачь!
Но не слушает скрипач.

Потому что так звончей
Голос наших скрипачей,
И проклятие среди
Мин – сильнее из груди.

Пусть поднимется, как смерч,
Эта маленькая смерть,
И вернётся к тварям власть –
Не под ноги – прямо в пасть.

Пусть нажрутся палачи
Той библейской саранчи,
Тьмы и мора, крови вод,
И отпустят мой народ.

«Ну, подсаживайтесь, что ли, ко мне:
Каин слева, Авель справа – под бок, –
Говорил на небе Бог,
Говорил усталый Бог, –
Перетрём о восьмилетней войне.

И садились через стол сизари,
Две обоймы про запас папирос.
Каин финку на поднос,
Авель хлебушка принёс.
Третий спирта наплескал в стопари.

Затянуло гарью весь небосвод.
– Вам же сказано на вечность вперёд:
Ты возделываешь рожь,
Ты овец своих пасёшь,
На досуге продлеваете род.

Помнишь, Каин, я спросил, где твой брат?
Ты расстреливал как раз тот парад,
Где фильтрованный «Азов»
После каялся с азов,
Только не было дороги назад.

И не в том беда, что ты сгорячил.
В том беда, что ты ведь шанс получил,
Распластавшись по земле,
О грехе взрыдати мне,
Может, я бы убивать отучил.

И ходить тебе теперь в сторожах,
И не быть тебе ни с кем на ножах, –
Говорил горячий дед,
Говорил суровый дед,
В гимнастёрке полевой с буквой Зет.

Взял клинок убитый Авель в скорбех:
– Как же мне тебя теперь возлюбить?
Как о мире вострубить?
Разве хлеба нарубить,
Чтобы досыта хватало на всех.
Чтобы Господа хватало на всех.

Плач

вздогните Марс с Юпитером
смолкните мета с твиттером
плачь под личиной ирода
псевдоэммануэль
я пою всепредельную
всенощную колыбельную
всем новорусским сиротам
так что кипит купель

баюшки-бай душа моя
эллинская та самая
ника лежит под ставнями
мифов желает вновь
спи почернела горенка
я тебе тут не Горенко
рифмами непрерывными
я не омою кровь

спи половинка верхняя
спи половинка нижняя
тонкая спи и толстая
спи не кровотоци
ты же моя конфетная
ты же моя неслышная
ты же «куда ты босая»
спи ай качи-качи

алчущим мяса Цезарем
иродом власти страждущим
вырезана без возгласа
из материнских рук
агнцем лежит истерзанным
новым порядком грянувшим
бабка дерет се волосы
мать на руках подруг

вот она водит в воздухе
обльмикостенелыми
словно исправить странное
главное не отпустить
и не забудьте гвоздики
и украсьте омелами
и проверьте дыхание
он обещал восстать

сироты-долгожители
свежих могил родители
вам я пою в обители
тягостный этот сор
чтобы они ответили
чтобы на них отметины –
дети и дети дётины

пусть заступает хор.

*5 июля 2022 года погибла при артобстреле ВСУ 10-летняя Ника Бадина у
собственного дома в Донецке.*

Знаю, знаю, не во мне, не вовне,
Знаю, правда – на твоей стороне.
Знаю, знаю, где твоя сторона,
Не страна она теперь, а война.

Хлебосольные твои земляки
Побросали гарбузы, бураки,
Собирают по садам в хуторах –
Человеческие смерти и страх.

Даже если и живёшь стороной,
Ты страдаешь внутривенной войной,
Ибо замысел у Бога таков:
Кровь одна у всех у нас, земляков.

Запорошена, черствеет земля.
Заморожена, чернеет заря.
Безголосых птиц окрестный прилёт.
Кто не плачет – тот давно тут живёт.

Короткий волос, вид потусторонен,
В костюме брючном – кофта и штаны –
Привёз невестку старший сын Мотронин
В родительскую мазанку с войны.

Не жить, а навестить приехал рідних,
Привёз жену – москвичку, медсестру,
Нездешнюю, из малогабаритных,
Неподходящих этому двору.

Пока она в телеге восседала
Среди трофейных даровых даров,
Сбегались бабы, мать в саду взрыдала,
И сестры подхватились из дворов.

Воз встал, и молодуху сняли с трона,
И сын готов был шапку заломать,
Но бросилась суровая Мотрона
Сначала эту кралю обнимать.

На миг воскресла мёртвая сетчатка,
И матір запитала тишину:
– Так вот яка ти, однополчанка.
Та хто ж дитя відпустив на війну?

О, летописец! Летопись кропая,
Упомяни в истории села,
Как та Мотрона, издавна слепая,
Мою родную бабу приняла.

Потом неделю улица гуляла,
Петрович хвастал в силу естества.
И мать моя уже осуществляла
Своё деленье первое на два.

Если мы освобождаем Донбасс,
То и Донбасс освобождает нас.
Протирает оконце пыльное – вот, гляди:
Лупят по крышам грибные дожди,
Светятся кромки заборов, кочки дворов,
Светятся даже рога у коров,
Отливают белым светом бока
Утренней Зорьки, светятся облака
И в ведре молоко, блики бегут по стенам.
Пахнет кошеным лугом, постельным сеном,
Слышится песня сторожа, пастуха ли,
Светится музыка искренними стихами,
Ты к любви возвращаешься, оживаешь,
Из хрусталя встаёшь, к небесам зываешь:
Нам прибавилось силы, приросло, открылось,
Русское вона где сохранилось,
Вона где уберегли, что всего дороже.
Какие они тут красивые люди, боже.

С холма открывается город Марии:
приморские липы в начале тепла.
Мы только недавно с тобой говорили
про город, откуда Мария ушла.
Мария ушла до начала обстрела,
схватила детей, повязала платок.
Она, получается, чудом успела,
уборку и борщ отложив на потом.
Незримо прошла по предместьям садовым,
едва ощущая ступение зла,
в то утро, когда обернулся Содомом
тот город, откуда Мария ушла.
Разбитые стены и окна пустые,
обломки бетона, осколки стекла.
Как будто уже не вернётся Мария
в свой ласковый город, сожжённый дотла.
Но разве удержится горе навеки,
когда засинеют сквозь дым небеса
и в море уйдут бородатые греки,
вверяя Марии свои паруса?

Нынче правды в мире стало больше,
и она на нашей стороне.
А французы или, скажем, боши –
что они поймут в чужой войне?
Наша правда крепнет с каждым залпом,
прорастает в песнях и умах.
Это то, чего не сможет Запад
наскрести в армейских закромах.
То, чем не владеют англосаксы,
исстари народец воровской.
Есть у них лишь фунты или баксы,
правды нет за ними никакой.
Нашей правдой светится в полёте
дружная ракетная семья.
Наша правда бешено молотит
по бетонным норам бандерья.
И пускай ни капли ей не радо
лживое нацистское кубло,
можно жить без Gucci и без Prada,
а без правды будет тяжело.

Фронт катится вперёд, как белая гора,
сметает рубежи пылающая лава.
Сегодня фронт идёт быстрее, чем вчера,
и реет русский Спас над Святогорской лаврой.
Враг бьёт из всех стволов, но наши прут вперёд,
местами тяжело, местами бестолково.
Сегодня фронт идёт в четырнадцатый год,
чтобы сомкнуть ряды с ребятами Стрелкова.
Так через восемь лет сюжет пустился вспять,
сквозь тьму перипетий стремясь к своей завязке.
Убитые встают. Не время умирать.
Сирень слепит глаза, и фронт идёт к Славянску.

Подмосковные ночи, московские дни,
вечера между Марсом и Ригой.
Засыпаю над картой далёкой родни,
как когда-то над культовой книгой.
Как тогда Азazelло и кот Бегемот
кочевали по вешней столице,
так теперь по следам наступающих рот
глаз торопится, сердце стремится.
Перед ними Артёмовск. А это сельцо,
эта станция – взяты, не взяты?
Будто в озеро, я окунаю лицо
в смоляную воздушную карту.
Засыпаю без снов, но в четыре утра
польхает заря на востоке
и опять над Донбассом грохочет арта
и земные сдвигаются блоки.

А есть же где-то центры принятия решений,
и там ночами пляшут под песни Элтон Джона
трансгендерные девки, одна другой страшней,
и в тёплые бассейны сигают обнажённо.

А есть ещё и центры спасения – и сколько
в них ангелов небесных дежурит час за часом.
Но девочка в Донецке погибла от осколка,
и как такое вышло, не постигает разум.

Казалось, есть и крылья, и ласковые крючья,
и сеточки из шёлка, и лестницы из джута,
но всё не успевают – видать, судьбина сучья,
неловкое движение, неверная минута.

Ударить бы по центрам принятия решений
и выжечь всё живое, чтоб стала плоть попкорном.
Но тот, кто всё решает, превыше всех прошений
и кубок чёрной лавой ещё не переполнен.

Сегодня убили детей,
убили вчера при обстреле,
и нету других новостей,
а эти давно надоели.
Нам нечем порадовать свет,
всё это неинформативно.
Другой информации нет.
«Убили, убили». Рутинка.
Расстрелянный город Донецк,
Макеевки взрывы и стоны,
и тянутся ленты агентств,
вплетаясь в венок похоронный.

Пахнет мятой, пахнет недотрогой,
скоро лето съедет с косогора.
Я иду окраинной дорогой
вдоль большого серого забора.
Это вовсе не дорога смерти,
это мимо церкви и конюшни,

мимо облупившейся скамейки,
где кемарит путник простодушный.
Головой на сумке приспособясь,
как и я, не знает дня и часа.
Но под утро у него автобус,
голубой автобус из Донбасса.
Прозвенит будильник полупьяный,
подмигнёт автобусная касса,
и водитель, ангел неустанный,
снова двинет в сторону Донбасса.
Он не знает, живы ли родные,
он звонил с утра – не достучаться.
Он забыл, что делал здесь, в России.
Может, он погиб под Лисичанском.
На зелёном краешке столицы
он беззвучно дрыхнет до побудки,
и ему не могут дозвониться
золотые девочки-погодки.
Ангел, опаливший оперенье
в рейсе под стальными небесами,
прибывает ровно в воскресенье,
у него такое расписание.

Посёлок был под ВСУ,
теперь над облаками,
и не приблизиться к нему,
и не достать руками.
В посёлке были свет и газ,
а нынче гарь и щебень.
Враги не вымолят у нас
дёшевого прощенья.
Но там, над облачной грядой,
за перистой границей
стоит посёлок золотой
и небо им гордится.
Там племя башенок витых,
алмазные ворота.
Сирена там не бьёт под дых,
никто не ждёт прилёта.
И каждый молод и любим
под новым небосклоном.
И рядом Иерусалим,
за влажным терриконом.

ЮННА МОРИЦ (Москва)

Когда исчезнет санкций наркота,
Война останется единственным товаром,
Который наркотическим угаром
Одушевляет запад, чья мечта –
Господствовать, земным владея шаром.

Оракулом, пророком, Боже мой,
Не надо быть, чтоб ясновидеть тайну эту,
Равна которая ничтожному секрету:
На дармовщине санкций – путь прямой
К войне, где запад раскровавит всю планету.

На дармовщине санкций, на игле
Такой дешёвой наркоты, начнётся ломка
У запада, стонать он будет громко
От санкций собственных, болтаясь в их петле, –
Тогда помчится он, как ведьма на метле,

Войной всемирной гробить, грабить страны,
Устраивать пожар всемирный, ад,
Чтоб завладеть всемирной властью – над
Планетой, эти планы постоянны,
Наркотик власти этой – крови океаны...

Но победит страна, в которой неспроста
Строка «Скажи-ка, дядя, ведь недаром»!..
Когда исчезнет санкций наркота,
Война останется единственным товаром
Для запада, но кончится кошмаром,
Когда в России не пройдёт его мечта –
Господствовать, земным владея шаром.

Я не хочу, чтоб вы меня любили,
Слону дробина – ваша ненависть ко мне,
И ваша роскошь, изобилье – куча пыли
Для чувствознания времён в моей струне.

Когда вам кажется, что Родина моя –
Такое место, нет которого на свете,
Тогда окажется, что свора гитлерья –
Такое место вашей роли на планете,

Такое место, где в Одессе жгут живьём
Людей!.. Такое место вашей роли,
Чья русофобщина сравнима с гитлерьём,
Его ли место – лично я! – не знаю, что ли?

Такое место – Ваша ненависть к Донбассу,
К России ненависть!.. Такое место – вне
Закона высшего, где брать не надо кассу
Для чувствознания времён в моей струне.

Когда вам кажется, что Родина моя –
Такое место, нет которого на свете,
Тогда окажется, что свору гитлерья
Отсталинградит наше место на планете,

Отсталинградит вашу ненависть к России,
Где наше место – в глубине моей, во мне,
В священной вере и в священных смыслов силе –
Для чувствознания времён в моей струне.

О Чувстве Бога, о глаголе,
Чьи откровенья таковы:
«Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы», –

О Чувстве Бога эти строки,
Их несвергаемый закон,
Их нескончаемые сроки,
Где в космос выйдя челноком,
Был русский первым языком!

О Чувстве Бога, о пароле,
Когда поэзии волхвы:
«Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы», –

О Чувстве Бога эти строки,
В которых десять русских слов,
Их нескончаемые сроки –
В числе космических основ,
Где солнце всходит на востоке.

И в этом – соль, не ясно что ли,
Мы волей Божьей таковы:
«Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы».

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ (Москва)

ТРИУМФЫ И ТРЕПЕТЫ

Эхо

Где-то эхо войны раскатилось
По холмам, палисадам
Всё, что снилось и всё, что не снилось
Провожая я взглядом

Пробирается ночь вдоль забора
На огонь зажигалки
Ветер с моря. Шаги командора
Города-катафалки

Бьются волны нелепых расцветок
Гой вы, гипербореи
Вон генштаб всех на свете разведок
Будуар Лорелеи

Как тиха эта ночка! Как тихо
Спят подвалы-фавелы
Ой ты лихо! Скаженное лихо
По живым – артобстрелы

Бьют снаряды и пули поют же
Гуляй-Поле дымится
По живым бьют прицельно, как лучше
Или это мне снится

А над всем эти – крах мундиали
Перевалы и бреши
Мы рейхстаги ногой попирали
Душегубы всё те же

Поднимают, как встарь, колесницы
Столб из угольной пыли
Пусть выводят небесные птицы
Как мы пели и жили

Всё сбылось. Всё случилось и спелось
Вьётся дым самокрутки
Как любил я! Да вот расхотелось
Видно, кончились шутики

Ощетинилась даль Закарпатья
Усыпальницы, склепы
Это верно. Какие мы братья
Полицаи, Мазепы

Все, похоже, от нас отшатнулись
Шлют угрозы-депешы
Даже нищие духом очнулись
Душегубы всё те же

Голос панночки в небе качнётся
В паутинах-глубинах
Кто заплачет и кто отзовется
На холмах и руинах

Вот и эхо навзрыд раскатилось
Но держусь я за лиру
Чтоб напомнить, как высшую милость
Принуждение к миру

Дым и пепел

Рассекая декольте и фраки
Я вдыхаю тонкий дым сигар
Вновь пылают розы в полумраке
И встаёт за окнами кошмар
Но под рокот жалобной гитары
Что случится на моём веку
Серый пепел скрюченной сигары
Брошенные розы на снегу

По всем вселенным

Когда бы потонуть в тумане
Где всё – таинственность, испуг
Сыграть подружке на баяне
Чтоб все заслушались вокрут

А по ступенькам, как по стопкам
Пройти по жизни стороной
И вновь по разноцветным кнопкам
Пройтись безжалостной рукой

Пускай обступит неизвестность
С другой ли я иль ты с другим
Я разойдусь, как эта местность
Небесным Шубертом храним

Жги, инструмент! Вращай, турбина
Мой мир без видимых причин
И явь – как сон, и дом – чужбина
Рождений, свадеб и кончин

Здесь что ни шаг, то отпечаток
Земных страстей, чернил и слёз
Приводит в ужас беспорядок
Раскаты гроз, дыханье роз

Ах, жизнь! Ах, время золотое
Хлопушки, ленты, конфетти
Мечты, признанья – всё пустое
Спеть на прощанье и уйти

И раскатиться шумным креном
Во славу женщин и светил
Сыграв любовь по всем вселенным
Как Шуберт некогда учил

Парадиз

То не заводи стонут речные
Вновь заслушаюсь и загляжусь
Бьют куранты навзрыд крепостные
Пьёт и пляшет кабацкая Русь
Жизнь проходит в каком-то дурмане
Так штормит, что не видно земли

То по грудь, то по пояс в тумане
Проплывают подруги мои
Вроде пил я, а вроде бы не пил
Мать честная! Кругом – парадиз
Там, где звёзды сгорали, как пепел
Рассыпались и падали вниз
Вот и солнышко бросилось в море
Кто его мне расскажет? Никто
В дальних странах шатается горе
По себе подбирает пальто
Бредит век мой неслыханной новью
Словно некто стоит за дверьми
Разве это мы звали любовью
Разве так суждено меж людьми
Вертер спит. Успокоился Зибель
Крепнет в голосе давний упрёк
Ничего, что пророчит мне гибель
Раскалённый отчаяньем слог
Нет на свете поэта бесстрашной
Взор мой дерзок, и шаг мой упруг
Так вонзай же, мой ангел вчерашний
В сердце острый французский каблук

Позови меня тихо по имени

И. М.

Позови меня тихо по имени
Ключевой водой напои меня
Отзовётся ли сердце безбрежное
Несказанное, глупое, нежное
Снова сумерки входят бессонные
Снова застыт мне стёкла оконные
Там кивают сирень и смородина
Позови меня тихая родина

Позови меня
На закате дня
Позови меня
Грусть-печаль моя

Знаю, сбудется наше свидание
Затянулось с тобой расставание
Синий месяц за городом прячется
Не тоскуется мне и не плачется
Колокольчик ли? Дальнее эхо ли
Только мимо с тобой мы проехали
Напылили кругом. Накопытили
Даже толком дороги не видели

Позови меня тихо по имени
Ключевой водой напои меня
Знаю, сбудется наше свидание
Я вернусь. Я сдержу обещание

Навь и чары

Вольный баловень забавы
В тёмный лес тебя влекут
Девы, жёны, шлюхи, павы
Сладострастные отравы

Так из нас верёвки вьют
Для тебя в чащобе злачной
Бьёт кастальский ток прозрачный
Как сердце любовный жар
Ты, кого зовут в постели
Рассыпая свист и трели
В глухомани навьих чар
Всюду феи и колдуньи
А взглядишься – лгуньи, лгуньи
Где-то люди, воля, свет
Но туда мне ходу нет

Сила чувств

Любовь, тоска, надежда, рок
Всё то, что за душу хватает
Всё – сладкий дым! всему свой срок
А только кто об этом знает

Высокий голос падал ниц
По лукоморьям и посадкам
А в тёмном небе стая птиц
Вослед катилась камнепадом

Среди всемирных показух
Казалось, всё еще вернётся
Круг босяков и потаскух
На клич поэта отзовётся

И вновь я силу обрету
И покачнутся наши тени
Под сенью девушек в тату
Раздвину чьи-то там колени

Любовь. Тоска. Надежда. Рок
Неслыханная блажь на свете
Всё остальное – между строк
Запомните хоть это дети

Желтые погоны

Семафоры. Станции. Перроны
Тонкий дым московских папирос
Словно птицы, жёлтые погоны
Свет и шум порывистых берёз

У разъезда мы с тобой прощались
Глаз от глаз не в силах отвести
Так стояли здесь и целовались
Дальше расходились все пути

Как по сердцу – медных два удара
Два звонка – и тронулся перрон
Скрипнет портупея комиссара
И рванётся поезд под уклон

Стрелки на часах сошлись и сбились
Пассажирский набирал разбег
Только слёзы скупно покатались
По лицу, застывшему как снег

Мчался поезд в мерном колыханье
И судьбы катилось колесо
Как забыл я чувства и дыханье
Пальцы, губы, волосы, лицо

Семафоры, станции, перроны
Тонкий дым московских папирос
Словно птицы, жёлтые погоны
Ровный шум порывистых берез

А когда я вернусь домой

Непроглядная ночка осенняя
Выплывает со мной из забвения
То ли жизнь начинается заново
То ли плачут невесты Иваново
Всё забуду, что помнил я смолоду
И бреду я по первому холоду
По дороге туман завивается
Видишь, мама, твой сын возвращается

А когда я вернусь домой
По задворкам на склоне дня
Мне откроется рай земной
Но узнает ли мать меня

Ах, ты Русь моя, красное солнышко
Как же так, дорогая сторонюшка
Я кричу, а друзей – будто не было
Никогда не дожидаться им дембеля
Полыхают осенние сполохи
По листве прокатились шорохи
А дорога бежит, не кончается
Видишь, мама, твой сын возвращается

Пьян не пьян от заморского зелия
То ли с хмеля, а то ли с похмелия
Но бреду я, как будто по ниточке
Мне б дойти до своей до калиточки
Ах, ты жизнь моя! Годы окольные
Ах, берёзы мои белоствольные
А вдогонку всё псы заливаются
Видишь, мама, твой сын возвращается

Казачи ехали

Казачи ехали, казачи ехали
Гайда, гайда, гайда, весёлый свист
Гуляй набегам, живи утехами
В обозе девочки и гармонист

В сапожках лаковых, в папахе бархатной
Гайда, гайда, гайда, наш атаман
Под буркой маузер, на шее ладанка
А по степи плывёт, как дым, туман

Раззудись плечо
Размахнись рука
Разъюнайтедстейтс
Оф Америка
Шашки наголо

Чубы по губам
Казачи ехали
Да через Дон-Кубань

Копыта цокали, копыта цокали
Гайда, гайда, гайда клубилась пыль
Казачи ехали, девчонки охали
Да бился на ветру степной ковыль

Ах, лейтенант мой лейтенант

Всю ночь в порту гуляет лейтенант
И всюду хор гремит: налейте нам
Мне грустно и смешно
Теперь мне всё равно
И нравится мне белое вино

А лейтенант глядит, прищутив глаз
А мы вот-вот пойдем в десятый класс
Мы выпьем за народ
И за военный флот
И лейтенант по новой нам нальёт

Ах, лейтенант, ах, лейтенант
Налейте нам, налейте нам
В моей душе вы адмирал,
Мой лейтенант, мой лейтенант
Ах, лейтенант мой лейтенант
Пойдём ко дну, поправив бант
Я не ревную вас к подруге, лейтенант

Четвертый день гуляет лейтенант
И музыкой звучит: налейте нам
Ну что же я тяну
Мы все пойдём ко дну
Какой вы, право, гордый, лейтенант

Кильватерной колонной корабли
Исчезли снова в голубой дали
Давайте, лейтенант
За юность и талант
Так выпьем за разлуку, лейтенант

Дым орды

Где ты, конь мой, сабля золотая
Косы полонянки молодой
Дым орды за Волгою растаял
В синем небе утренней звездой

Подо мной хрипели птицы-кони
Знал я холод на краю земли
По ночам всё тот же след погони
Посвист пуль и пропасти земли

Не узнать вам – кто я и откуда
Кто в беде мне руку протянул
Но давным-давно не жду я чуда
И в душе звучит неясный гул

Я бы мог небесный свод обрушить
Где стоит над миром пыль столбом
Только звёзд над Волгою не слушать
С другом не сидеть мне за столом

Снова мир в желаниях расколот
И до смерти я загнал коней
Как давно я весел был и молод
Жарче крови и копья острей

Где ты конь мой, сабля золотая
Косы полонянки молодой
Дым орды за Волгою растаял
В синем небе утренней звездой

Любовь неземная

Прикрыл собой любовь я неземную
От встречных пуль и бешеных погонь
Сомкнулась бездна. Косу золотую
Я намотал с улыбкой на ладонь

Но время шло, а я и не заметил
Как треснул наш неповторимый мир
– Ты кто такая? – Это я, – ответил
Чужой мне голос. Это я, мессир

Открыт всему я, точно на отшибе
И подо мной уж раскачалась твердь
Она мне чай готовит, как погибель
Безжалостно обдумывая смерть

Бремя страстей земных

Снится мне путь и срок
Бремя страстей земных
Велес, Перун, Сварог
Сумерки всех святых

Храп на земле стоит
Как в преисподней шум
Где же невеста? Спит
Плющит шурум-бурум

Брошусь ли за порог
Или в гипнос качнусь
Там – я уснуть не мог
Здесь – я уснуть боюсь

Что ни кошмар – печаль
Снится камням Сизиф
Лени фон Рифеншталь
Узники замка Иф

Велес, Перун, Сварог
Гранд-опера, Бизе
Все мы без задних ног
Топим во всей красе

Всем бы нам харю мять
Дрыхнуть туда-сюда
Всё, что хотел проспать
Снится теперь всегда

Вновь наважденья гул
Словно в последний раз
Сон я рукой смахнул
Не открывая глаз

А на фронтах дремот
Звёздные спят миры
Падают сны с высот
Снятся гостям пиры

Снится им столб огня
Снится дитя-суккуб
Снится с женой грызня
Снится тамтам-трезуб

Даже во сне Кармен
Пляшет под болеро
Выше колен Кармен
Облако, сон, зеро

Девушек сон хранит
С разных, считай, сторон
Всё, что там сладко спит
Снится реке времён

Морок да пыль дорог
Сон мой! восторг, эдем
Там я проснуться мог
Если бы знал зачем

Дорога

За собой веду слепую
Любопытную такую
Что там? Что там, ангел мой
Тень церквушки над рекой
К небу тянется крестами
Смотрит синими глазами
А поверх житейских битв
Вздохи трепетных молитв

Прислонясь к чужим воротам
Слышу голос: что там, что там
Тьма накрыла как напасть
Негде яблоку упасть
В чистом поле ветер веет
Светит солнце, да не греет
Нет ни песен, ни вина
Лишь вполнеба грусть одна

Вновь Христос идёт по водам
А вослед мне: что там, что там
Надоела, говорю
Что молчишь? Да так. Смотрю

Разошлись под взглядом пади
Что там, что там, Христа ради
Что скрывает ночь во тьме
В непроглядной кутерьме

Подступает к сердцу холод
Раскатился вздох души
Был я весел, был я молод
Что осталось? Миражи
Нет ни Моцарта, ни Баха
Ни разгула, ни размаха
Лишь созвездие Стрельца
И дорога без конца

Обет молчанья

Я был когда-то весельчак
И вёл себя потешно
Носил приталенный пиджак
Застегнутый небрежно

Писал для будущих веков
Романсы и эклоги
Держался выше облаков
И содрогались Боги

Так и кружил среди облав
По праву неприступный
Безмолвный. Как орёл двуглав
Нахальный и беспутный

Давно ль изыскан и жесток
В молчанье реял строгим
Скрывая тайну между строк
При разговорах с Богом

Не просто так поэт молчит
На берегу пустынном
Не просто так орёл парит
В молчании орлином

Молчит великая любовь
Лишь малая болтает
Затишье перед боем вновь
Меня переполняет

О том, пехота, не пыли
По всем полям сраженья
Стеной молчанья мы прошли
Не зная пораженья

Что ни любовник, то герой
Трезвонит с нервным тиком
Как был он каменной стеной
В молчании великом

Вблизи не разглядеть лица
А в радости – печали
Но мы держались до конца
Под пытками молчали

Нелепой выглядит порой
Фигура умолчанья
Умри, мой стих, как рядовой
На гребне мироздания

Останься тайной между строк
Торжественным обетом
Как был я в юности жесток
Изысканным поэтом

Реплика

Под флагом Америки, в замках Европы
Не надо грозить нам осадой Кремля
Мы встретимся взглядами. Будешь? Еще бы
На этом и держится наша земля

Есть душа в той далекой стране

Есть душа в той далёкой стране
И сгорает, и рвётся ко мне
Безутешна, светла и грустна
И, как я, одинока она
Все мне чудится лёгкий твой шаг
Так изгнаннику снится очаг
Так шумит морякам океан
Так волнует любовный дурман

Есть душа в той далёкой стране
Все никак не пробьётся ко мне
Все грустит на чужом берегу
И забыть я тебя не могу

Эти строгие лики святых
В эту ночь мы забудем о них
Но всё так же я вижу во сне
Как, сгорая, ты рвешься ко мне
В очи смотрится тёмная мгла
Говорят, ты сгорела дотла
Там от утренней розы любви
Нам останутся только шипы

Ой, вы кони, залётные кони

Отшумели, как в сказке, погони
Но всё тот же азарт и разгул
Ой, вы кони, залётные кони
Через степи к тебе я махнул

Видно, черт притаранил вам сбрую
Вылетают – была не была
И несутся враздробь, врассыпную
И несутся, и рвут удила

От ливонской волны до Валдая
Пронесутся навзвон и навзрыд
Ах, ты воля моя кочевая
Этот звон о любви говорит

Коренник рвет копыта стальные
Брызжет пена до ржавой травы
Эй, родимые, ну, пристяжные
Докатились до самой Москвы

Дробь враздробь, чтобы степь врассыпную
Из конца раскатились в конец
Колокольчик гремит удалую
Громко вторит ему бубенец

Отшумели, как в сказке, погони
А в крови не утихнет разгул
Ой, вы кони, залётные кони
Кто бы в душу мою заглянул

Забутый полк

Они лежат, не требуя наград
Они застыли и сомкнули строй
Я пью сегодня за твоих ребят
Забутый полк, я пью за твой покой

Пусть не оплакать и не счесть могил
И дым забвенья устилает путь
Я пью за тех, кого я пережил
За тех, кого оттуда не вернуть

Забутый полк уходит на закат
И гонит ветер пыль издалека
Давай, Россия, вспомним всех ребят
Последний путь забытого полка

Моё окно открыто на закат
Я пью до дна, я знаю в этом толк
Я пью, Россия, за твоих ребят
Я пью за каждый твой забытый полк

А в чистом поле

Посмотришь на небо – там звёзды одни
Мне гроздь салюта напомнят они
Кому-то напомнят они, может быть
Принцессы Дианы жемчужную нить

Летят самолёты, плывут корабли
Обломки Нью-Йорка в небесной пыли
Вся жизнь проплывает, как будто во сне
А глянешь на небо – там звёзды в огне

А в чистом поле система «Град»
За нами Путин и Сталинград

Простые ребята седлают коня
Ну как там они на войне без меня
Талибы считают последние дни
А глянут на небо – там звёзды одни

Soldaten, Feuer! Spazieren Grad
Wir lieben Putin und Stalingrad

ВАЛИК

Валик родился страдальцем. Горе питало душу, тем самым укрепляя жизненную позицию. Мир оглох вокруг него, превращаясь в засохшую жевательную резинку. Валик сплёвывал дни, тянул жилы из молчания, ничему не учился. Ощущая себя жертвой, поражённой проказой вселенского несчастья, он поминутно жаждал сочувствия, вслепую пытаюсь нащупать радость в муках.

Однако парню не повезло. Никто из многочисленной родни ему не сочувствовал, слова доброго о нём не замолвил. Но, в отличие от шипящего клубка родственников, Валик искренне верил, что они страдают, обожают, более того, нуждаются в его присутствии. Ведь он так много значит для них: он жертва войны, социального строя, мошенников, воров. Без Валика жизнь каждого оскудеет. Чужие страдания поднимают личную самооценку каждого из родственников. И стоило Валику только подумать об этом, как он ослабевал от собственной значимости. Даже оттенок сомнения по поводу преданности родни ему неведом, что само по себе уже счастье, пусть даже бескостное.

Снаряды, точно большие брюхатые звери, со скрежетом ложатся на землю. А потом они шрапнелью-дождём разносят весть о своём прибытии в мир живых. И тогда происходит неизбежное. Дом умирает вместе с хозяином. Но не только дом, умирают вещи, теряя прежнюю подвижность, уходят солнечные блики, пыль, выпорхнув из форточки, уже не принадлежит погрузившим предметам. Ведь в мёртвом доме вещи не могут оставаться живыми.

И тогда наступает острая потребность вмешаться в происходящее, став частью страдания.

– Валик звонит, – шепчет с придыханием женщина. – Или родители погибли, или дом сгорел. – Зачем он звонит?! Господи!

Валик – вестник страданий. Родной брат Харона из Тартара.

По мнению Валика, злых предметов в разрушенных домах значительно больше, чем добрых. Но почему это так? У каждой вещи есть память. И эта память не всегда приносит искреннее умиротворение и покой.

Как туман оседает каплями вязкой влаги на наших одеждах, так грусть морозом проникала в душу Валика. Но, к своей чести, он справился с этим страшным недугом, лишив поочерёдно каждый разбомбленный дом мёртвых предметов. Обобрал до последнего гвоздика. К войне привыкнуть противоестественно, жажда выживания пробивается в нас сквозь поры на изрезанной осколками коже. И тогда ты ужасаешься простоте, с которой вещи, знакомые с детства, вещи, определявшие движение крови в сосудах, вещи, пусть умершие, предали тебя. Не осталось ни материнского дыхания в ярких шалях, ни отцовской грусти в старых стульях. Ничего. Что не сгорело, позаимствовал Валик.

И вот к нему, как бандероль, пришёл остаток недоданного счастья.

Каким ветром Ларису занесло на его огород? После дождя остро пахнут цветы, ветер гуляет рябью по воде в старой бочке, а небо синью ложится на плечи. Грудастая нимфа в калошах активно присваивала чужие помидоры «Бычьё сердце». Валику бы применить излюбленный метод борьбы с ворами: облить зелёнкой, купоросом, пальнуть из берданки солью. Но он позволил женщине лакомиться салатиком. С этого самого момента и начался долгоиграющий роман губастого Валика и рыжей Ларисы. От женщины пахло помидорной ботвой, приторным запахом созревшего лета. Она не просто крала чужое, она отнимала у Валика покой. То примитивное душевное равновесие, которым он так гордился.

Валик таскал ей конфеты, целовал в укромных местах, смял всё сено в округе. Он был счастлив скорее не от самого счастья, а от отчаяния. Лариса сокращала расстояние между ним и его свободой. Едва мамаша Валика заводила разговор о свадьбе, как он тут же отвечал:

– И причём тут свадьба? Вы же не строите планов на будущее, когда я иду на рыбалку. Просто мне нравится это занятие с Ларисой.

Каждое дело имеет начало, но не всегда окончание – это то самое, на что рассчитывает человек. В завершении присутствует элемент предательства самого

себя. Лариса при всей её широте бёдер, косою сажени в плечах и лёгкой, почти парящей походке, от которой у Валика дёргался правый глаз, понимала, что развиваться любовный роман без помех не может. Время меняет, крошит, перекраивает на свой манер их с Валиком отношения. С каждым днём она становилась всё более нетерпеливой, чаще заводила разговор о доме за балкой, наследстве матери, где они бы с Валиком могли зажечь счастливой семейной парой.

А вскоре их маленький шахтёрский посёлок, вовлечённый в сложный процесс политического противостояния, обстреляли вначале гаубицами, а затем установками «Град». Когда впервые снаряд снёс теплицу в огороде Валика, он так и не понял, почему именно к нему погибель заглянула на огонёк в XXI веке. Смерть, она ведь тоже жить хочет в нас, в людях. Она может погостить у соседа, у любого из родственников, но только не у меня. Каждый верит свято: он особенный, горе пройдёт стороной, не коснётся. И Валик не исключение.

Просидев до позднего вечера в яме с мусором, Валик остался жив, но омерзительно вонял. Этот запах сделался для него чем-то вроде навязчивой мании. От залпов орудий начинал дёргаться ещё и левый глаз. Удушливый запах отхожего места вдруг брал за горло, не давая покоя. Валик пытался достучаться до президента страны. Включал телевизор и кулаком гатил по крышке. Но президент говорил, говорил, говорил. Понял только одно: он, Валик, лишняя деталь в огромной машине страны.

Койки в погребах устраивались в два яруса. Вместить всех страждущих сложно, пока один лежит наверху, другой внизу, а вместе, кто сидя, кто покатом, с каждым выпущенным снарядом, подхваченные взрывной волной, летят вместе с родной страной в преисподнюю.

Мамаша Валика перед очередным обстрелом демонстрировала боевую готовность, а именно – пекла оладьи. Она нервно переворачивала их на сковородке, лила пахучее подсолнечное масло, ловко слизывала языком последнюю каплю с горлышка бутылки. Первый залп приводил мамашу в сильнейшее волнение, отчего оладьи подгорали. И только когда Лариса постукивала костяшками пальцев по оконной раме, старуха приободрялась, в глазах её появлялся лукавый блеск.

С утра шипящие звуки орудий напоминали фейерверк. Пахло палёным саманом, землёй, старыми тряпками. Увы, погреб Валика не мог вместить в себя даже хозяина. Родители перебежками бросились к сестре, а Валик – к крёстному (не пустил), к соседу (каков хам!); показал кукиш и скрылся под землёй. И только Лариса раскрыла свои жаркие объятия.

Женщина восседала на деревянном крыльце и красила ногти.

– Ну, – спросила Лариса, – что ты решил?

Валик как-то сразу осёкся и замолчал. Лариса оглядела мужчину своей мечты и тут же подумала, что не лучше ли дожидаться, когда закончатся снаряды у армии? Засев по балкам и ярам, солдаты начнут свой обед, и Валик в образовавшейся тишине воспрянет духом, что позволит ему наконец принять решение. Лариса улыбнулась так, как могла улыбаться только она: продавливать поставленную цель и просить прощения одновременно.

– Заходи, – показала в сторону подвала.

В подвале было уютно. Выбеленные стены, деревянные полаты, вино в бутылки играло свою мелодию, хрустел огурец в кадушке, пьяная слива спала в макитре. Лариса продолжила красить ногти, бесстрастно поглядывая, как на полках пляшут трусливые банки варенья.

– Сильно бомбят, – прошептал Валик, чтобы избежать предстоящего объяснения с Ларисой, но та мягкой ладонью провела по его волосам и прижалась к нему тёплым, пахнущим вишней, летними смолами, телом. От неё исходил запах некой благодати, сердце сжалось от любви.

– Пойду погляжу, кончилась ли бомбёжка. Не ровён час ещё тебя зацепит, любимый...

Лариса всё не возвращалась, Валик разомлел от квашеных слив и задремал.

И даже во сне он старался себя приободрить, убеждая, что ещё не время жениться, хотя любовь к Ларочке скрутила его по рукам и ногам. Она роскошная женщина, но стоит ли того, чтобы он, любимец и баловень, жертвовал своей свободой? Сейчас у него болит голова, он очень хочет спать, ну а потом он

вернётся к разговору о сливах, бомбёжках, независимости своей одной-единственной области и уж никак не о женитьбе.

Проснулся Валик, когда на часах было пять. Без утренней яичницы с маслом он выполз из погреба. На улице было удивительно тихо. На том месте, где стоял дом Ларисы, зияла остывшая воронка. Он подошёл поближе и осторожно, затаив дыхание, заглянул в чёрное месиво.

Подёрнутому жаром небу, кузнечикам, трубившим славу утренней росе, эмалевому рассвету над грядками моркови не было дело до ненависти, с которой люди истребляют друг друга. Под листьями лопуха он увидел руку с крашеными ногтями. Всё, что осталось от Ларисы, было отдано на откуп вороватым курам, разгребавшим кучи то там, то здесь. Лариса была многообещающе широка и красива и погибла так же прекрасно. Она была повсюду: на грядке клубники, среди кустов чайной розы; волосами она зацепилась за жасминовый куст, сливаясь синью глаз с небом в бездонных, перистых облаках. Он внезапно ощутил странную боль в каждой клетке своего тела, будто не Ларису разорвал на части снаряд, а его.

Когда Валик вернулся домой, мамаша уже знала о трагедии.

– Бедняжка, – плаксиво произнесла она.

– Зато не будет тащить меня в загс, – огрызнулся Валик. – Изловила и в погреб повела. Вот липучка, эта Лариса, – пожаловался он по привычке, постно поджимая губы.

В комнате воцарилась зловещее молчание. И только Валик, переживший очередной обстрел, смерть любимой женщины, не припал душой к этой напряжённой, мутной тишине. Доедая остатки оладий, он заглатывал сметану – шумно и жадно. Оладьи напоминали ему по форме человеческое сердце.

– Валик, мы завтра с отцом уходим с беженцами. Твой дядька договорился насчёт машины, – тихо сказала мамаша.

– Да, – произнес Валик. – Я готов.

– Чего? – пробурчал отец. – Только не думай, пожалуйста, что поедешь с нами. Выбейся сам!

Валик не поверил своим ушам. С большим трудом доковылял он к крестному, но тот только пожал плечами и захлопнул дверь перед носом. То же произошло и у брата. Все отказались от него. А ведь он был так убеждён, что крепче, чем родня, его никто не любит на этом свете.

Луна своей тяжестью продавливала небесный свод, звёзды осыпались на голову Валика. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, он тихо подвывал, прижимая к груди дедовскую берданку. Он поглаживал шершавой ладонью приклад, сопли текли по щекам, а перед глазами стояла Лариса.

Валик ушёл на войну.

Журавли

Здесь каждый новый день – не смена даты,
Здесь на полях сгорает хлеб несжатый.
Здесь знают, верят, ждут и не забыли,
Что сила в правде, но и правда в силе.

Сотри, что видел. Дом милей неволи.
Здесь в каждом шаге стон и крики боли.
Но если не идти, придут чужие,
Похожие, но всё-таки другие.

Чтоб жизнь прожить свою, а не чужую,
На Родине, не по углам кочуя,
Здесь никогда не встанут на колени.
Здесь в каждом слове память поколений.

И мы пошли, роня кровь и слёзы,
Вперёд в гранит, в кресты и тонны бронзы,
А за спиной – проспекты с тополями.
Нам рано становиться журавлями!

Город

Мой город болен.
Оспины воронок
Уродуют красивое лицо.
На валидоле,
Подскочив спросонок,
Разглядывает миллион рубцов.

Мой город дышит.
Дышит полной грудью,
Дыханием согрел своих людей.
Стал даже выше,
Растекаясь ртутью,
В пыли дорожной становясь белей.

Мой город выжил,
Он залечит раны,
Не пожалеет тех, кто предаёт.
Он не обижен
Болью постоянной.
Мой город жив, пока в нём жизнь живёт.

ИРИНА БЕЛОКОЛОС (Донецк, ДНР)

Кошка походкой капризной стервы
Крышу исследует осторожно...
Нервы... Конечно же, это нервы...
Паники лёгкий укол подкожный...
Звуки грозы? Или звуки Града?
Мы научились ценить минуты
Безотносительно звуков ада...
Мы беззащитны. И мы же – круты.
Дом затворился на все окошки.
Город живёт параллельной жизнью.
Падаем кучно. Как те же кошки.
Не рассыпаемся мелкой пылью.

20.08.14

Когда проснусь, то я вернусь с войны,
И будет солнце, будет смех и слёзы,
И будут вёсны, вьюги и морозы,
И море светлой, громкой тишины.
Я в дом зайду и удивлюсь ему.
И заново узнаю стены, крышу,
И тиканье будильника услышу.
И снова, снова встречу тишину.
Когда проснусь, то будет ровно пять.
И Винни Пух попросит чашку чая.
Алиса взвизгнет, кролика встречая,
И время ринется внезапно вспять.
И дождь за окнами тихонько будет капать.
И маки на могилах будут плакать.

12.12.19

А сердцу хочется кричать, кричать...
О всех несовершенствах судеб, мира,
И шёпот бестелесый «Тише, Ира...
Вначале просто научись прощать...»
Кто шепчет мне в заоблачной дали?
И стоит ли мне этот шёпот слышать?
А мир пока живёт. Живёт и дышит,
И лёгкой тенью в небе журавли...

08.01.16

ЮРИЙ БЕРИДЗЕ (Москва)

Кому нужно?

На границе зимы и весны
оборвались спокойные сны
и сменились тревожащей дрёмой,
и смятенное сердце в ночи
то споткнется, то вновь застучит,
как чеканный отсчёт метронома.
Ночь пройдет, но при свете дневном
сердце так же в силке временном,
в неизбывной и острой тревоге:
сколько люду под смертным огнём
подчистую, под корень сведём
мы во славу своих патологий?
Мир стечёт, словно кровь, за холмы,
и не взять нам другого взаимы,
наш добъём и останемся нищи.
Пропадём мы – единый народ,
и чужой посмеётся урод
на свободном от нас пепелище...

Не говорится

Я хочу говорить о нашей войне,
но слова не даются мне –
рвутся, как мины на поле брани,
прямо в гортани.
Я хочу говорить о мире нашем,
не дает молчанье павших
на этой войне злосчастной. Нашей –
вот тем и страшной...

Русская земля

Чтобы небо
было сине
и светлый день
не утопал во мгле,
идёт солдат по Украине,
по русской,
нашенской земле.
Не прячется
за валом огневым
и за катком –
тяжелым, броневым,
он твёрдо знает:
так идти нельзя,
ведь Украина –
русская земля,
и среди горестей и смут
здесь не чужие –
русские живут.

Доброволец

Он не стал тем, кем отроду не был,
но, начав не с пустого листа,
он встал в это русское небо,
в эту русскую землю встал.
И ни разу его не спросили,
ни в одном из прошедших боёв,
отчего, не рождённый в России,
он готов умереть за неё...

Императив

Еще очнётесь вы, очнётесь
и морок сможете изгнать,
и с книги в чёрном переплёте
сорвать обманную печать,
и чёрно-красную расцветку,
и колер жёлто-голубой
вы чёрною сочтёте меткой,
толкнувшей в гибельный разбой.
Еще очнётесь... Не сегодня,
но это всё ж императив,
иначе вам от преисподней
и на шажок не отойти.

Весна остается весной

Вот время сейчас перетянет струну –
и мир наш на выброс...
Какие грома возвещают весну,
какого калибра?
Какие зарницы пылают в ночи,
откуда несомы?
А песни какие поют станкачи
по просьбе главкома?
Кому самый свой нынче самый несвой?
Не станет, как прежде?
А всё же весна остается весной.
И пахнет надеждой...

Фронт

Сухонькая – лет девяносто –
в белой любимой косынке,
бабушка на перекрёстке
шепчет: хай грэць тоби, сынку.
На украинском, молдавском,
на белорусском наречье
парню, который обласкан
пулей, ножом и картечью.
Парень, который не помнит
кровного братства законы,
Он ли славянский потомок,
благословенный иконой?

Сухонькая – лет девяносто –
в старом поблёклом халате
бабушка, словно подросток,
прячет измятое платье.
– Это моя захоронка,
туфли вот жаль – потеряла...
Бабушка плакала громко,
в гроб не найдя одеяла.

Что же ты, сынку, наделал?
нет ни крестов, ни погостов,
нет для могилы надела,
а от креста – только остов...

Сухонькая – лет девяносто –
бабушка ждёт своей смерти,
кем же ты выплакан-создан,
хай тоби грэць, за бессмертье.
На украинском, молдавском,
суржике, на белорусском
век её смертью обласкан,
словно тогда, на Миусском.
Сколько фронтов повидала,
сколько смертей и лишений
голос был звонким металлом,
тело – открытой мишенью.

Сухонькая – лет девяносто –
ищет родные пенаты.
видит: пред нею апостол,
дальше – солдаты...
солдаты...

Люди-тени

Гардины постирать, прибраться в кухне,
Сходить на почту, оплатить квартиру,
Нога которой день в колене пухнет,
В аптеку бы еще – купить растирку.

Ах да, соседке позвонить – там зреет
Закваска под воскресную окрошку,
И почему её старик звереет,
Когда в подъезде кормят чью-то кошку?

Присела у стола испить водицы,
Смахнула пыль с окна. Разбила вазу...
Всё это правда или только снится?
Распространился в кухне запах газа...

Но что ей газ, ведь не болит колено.
Прихлопнула назойливую муху,
Потом, как тень, взметнулась над вселенной –
Воспряла духом.

А там, внизу, присела на дорожку
Соседка Валя – ей бы только плакать.
В подъезде одиноко плачет кошка -
Чертяка.

Запевалы

Они стояли молча и робели,
Когда раздался крик из колыбели,
Седьмой этаж без стен и новых окон,
Дом – кокон.

Они стояли, словно на вокзале,
И к ангелам с вопросами зывали,
Но ангелы, как птицы, улетели
В апреле.

Они в окопах каждый день на промке,
По лезвию ножа идут, по кромке,
Им стыдно лишний раз просить у Бога:
Не трогай.

Они идут в атаку, словно в море,
И подвигом ломают цепь историй,
Чтоб взрывы не громили колыбели, –
Запели.

Не говорите мне, что сына нет

Не говорите мне, что сына нет –
Не верю! Не дождётесь! Не заплачу!
Он крестик взял с собою на удачу,
И материнский оберег – браслет.

Не говорите мне, что сына нет –
Он рядом, в каждом вздохе и молитве,
Я верю, он живым остался в битве,
Ну вот же его форменный берет.

Не говорите мне, что сына нет,
Летят осколки, словно птицы в стае,
И ничего, что я совсем седая
В свои неполных тридцать девять лет.

Не говорите мне, что сына нет!
Он в сердце, в голове, в молитве этой,
Я жду его домой с победой летом –
И это материнский мой ответ.

Не говорите мне, что сына нет!

Дойти!

Ярославу ЛОКОМОТО. Вечная память.
Вечная слава!

Пропахший порохом и дымом,
Уставший до корней волос,
Не знаю, был ли молодым он,
Но знаю: до войны дорос.

Он рваным берцем по породе
Притопнул, словно в землю врос,
И пошагал. И взрослый, вроде,
Не мамку выбрал, а форпост.

Гремит на промке канонада,
Гудит в полнеба самолёт,
А парню до Победы надо
Дойти живым. И он дойдёт.

Пропахший порохом и дымом,
Уставший, словно век не спал,
Вернётся к матери седым он,
Ведь парень Родину спасал.

Пароль

Я сжался в комок до сердечного спазма –
Огонь! И еще раз огонь!
И вижу, в меня снова целит, зараза.
А есть ли от смерти пароль?

И вдруг, запаролив себя от обстрела,
Я встал и пошёл на врага,
Не радуга в небе огромном пестрела,
Не дождь омывал берега.

Убежища нет. Под ногами – планета,
Я встал во весь рост и пошёл.
И взрывы не здесь, и «Катюша» не спета,
И я не упал в суходол.

Стою среди поля избранником века,
Себя подставляя огню.
Попробуй, планета, убить человека,
Ведь я и в огне не горю.

ВАДИМ КОМКИН, ГЛЕБ БОБРОВ

РОМА + ЮЛЯ

Оригинальный сценарий

ИЗ ЗТМ

НАТ. АВТОДОРОГА У ВЪЕЗДА В ПОПАСНУЮ – ДЕНЬ

На повороте трассы к Попасной стоит свадебный кортеж – несколько украшенных легковых машин и пожарная водовозка с ленточками на боковых зеркалах. Рядом с машинами молодежь и служебная СОБАКА.

Молодожены по старой городской традиции собираются навязать на ветки большой раскидистой березы у перекрестка свадебную ленту со своими именами. Все дерево пестро от разноцветных ленточек.

Жених РОМАН обнимает и целует невесту ЮЛИЮ, все радостно смеются.

Пожилой ВОДИТЕЛЬ пожарной машины показывает на дерево и подсаживает Романа. Тот повязывает красную ленточку. На ней видна надпись золотом: «Рома + Юля».

Собака, склонив голову набок, внимательно наблюдает за происходящим, открыв чуть ли не улыбающуюся пасть.

НАТ. СТОЯНКА У ПОПАСНЯНСКОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ – ДЕНЬ

На автостоянке у Попаснянской больницы возле пожарной машины разговаривают Рома и Юля. Он в робе, она в хирургическом костюме и медицинской шапочке. Молодые радостно улыбаются друг другу.

Юля передает Роме пакетик с «тормозком». Из открытой кабины на них смотрит собака и, радостно виляя хвостом, порывается выскочить наружу. Старый водитель придерживает ее за ошейник.

Юля целует Рому, и он направляется к машине. Она нарочито строго грозит пальцем собаке, но та, вне себя от радости, приветствует вернувшегося хозяина.

НАТ. КАБИНА ПОЖАРНОЙ МАШИНЫ – ДЕНЬ

Машина едет по разбитому городу. Рома сидит на пассажирском месте возле водителя, собака рядом у окна.

Рома разворачивает «тормозок», один бутерброд с колбасой отдает водителю. Собака кладет лапу ему на бедро и внимательно смотрит прямо в глаза. Рома отдает колбасу из второго бутерброда собаке.

НАТ. ПОЗИЦИИ АРТИЛЛЕРИСТСКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВСУ – ДЕНЬ

Чуть вдали от орудий гаубичной батареи стоит раскладной столик с аппаратурой – ноутбук, планшет, пара портативных радиостанций. У столика два офицера в наговской форме, на рукаве шевроны с американским флагом. Третий капитан ВСУ с артиллеристским шевроном и жовто-блакитной символикой на форме, подобострастно вытянувшись, стоит рядом.

Американцы смотрят в планшет и утвердительно кивают капитану. Тот берет радиостанцию и отдает команду.

Залп орудий батареи.

НАТ. ДОРОГА В ПОПАСНОЙ – ДЕНЬ

Пожарная машина включает сирену и, тяжело накренившись, быстро разворачивается посреди дороги. Все остальные машины прижимаются к обочине. С ревом сирен машина мчится назад.

Впереди по курсу видны поднимающиеся дымы пожарища.

НАТ. СТОЯНКА У ПОПАСНЯНСКОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ – ДЕНЬ

Машина останавливается у горящего здания больницы. Экипаж выскакивает и разворачивает шланг брандспойтов. Тем временем персонал и сами больные выносят из здания раненых и убитых.

Роман оборачивается и вдруг, бросив рукав, кидается к зданию. В нескольких метрах от входа лежит тело Юлии. Роман падает на колени, ощупывает безжизненно тело и прикладывает ухом к груди. После чего начинает сердечно-легочную реанимацию.

К нему подходит старый водитель, молча смотрит на безуспешную работу Романа и кладет руку на плечо, мол, хватит – все кончено. Роман зло сбрасывает руку, чуть не отталкивая водителя, и продолжает реанимировать девушку.

В какой-то момент она вдруг выгибается дугой, делает судорожный вдох и, вскинув руку, открывает глаза. Роман прижимает ее к себе и беззвучно рыдает.

Старый водитель делает два шага назад и ошеломленно крестится.

НАТ. ЗАПИСЬ КВАДРОКОПТЕРА – ДЕНЬ

Камера квадрокоптера показывает, как к горящему зданию съезжаются машины с проблесковыми маячками и бегут люди.

НАТ. ПОЗИЦИИ АРТИЛЛЕРИСТСКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВСУ – ДЕНЬ

Два американских инструктора смотрят запись с квадрокоптера на планшете. Один из них сверяется с часами и вновь утвердительно кивает капитану ВСУ. Тот поднимает переговорное устройство.

НАТ. СТОЯНКА У ПОПАСНЯНСКОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ – ДЕНЬ

У пылающего в полный рост здания больницы рассеивается дым. Вокруг горят машины. Из боков побитой осколками цистерны пожарной машины бьют струи воды.

Уронив голову на руль, замер старый водитель. По свесившейся правой руке стекает струйка почерневшей крови.

У входа в здание видно тело Романа, накрывшего собою Юлию. Оба неподвижны.

Чуть поодаль сидит собака. Она поджала переднюю лапу, запрокинула морду к небу и протяжно воет.

НАТ. АВТОДОРОГА У ВЪЕЗДА В ПОПАСНУЮ – ДЕНЬ

У перекрестка на въезде в город пылет раскидистая береза. Языками пламени одна за другой вспыхивают повязанные на ее ветви свадебные ленточки.

ЗТМ

Клятва

Мы вернёмся в свои города,
Что с боями оставлены нами,
В те, что заняты нынче врагами,
Мы вернёмся, так было всегда.
По полям, опалённым войной,
По погостам, наполненным болью,
Сжав в руке чёрный хлеб с серой солью,
Ну и флягу со спиртом – в другой.
Злое время течёт, как вода,
Мы удары терпеть научились,
Но не струсили и не склонились.
Мы вернёмся в свои города!
Мысли яростны, души чисты,
Но, не тратя эмоций впустую,
Если надо, сжигаем мосты
И встаём как один в штыковую.
И мы верим – отступит беда,
Станет небо высоким и синим,
С нами правда, Господь и Россия,
Мы вернёмся в свои города!

На западном фронте

А на западном фронте по-прежнему без перемен,
Перемирие залпами градов гремит непрерывно,
И, как старый, заезженный, полузабытый рефрен,
Мантры Минских иллюзий звучат и смешно, и наивно.
А на западном фронте по-прежнему нет тишины,
Жёлто-синие флаги сливаются с красным и чёрным,
И жиреет в степи обожравшийся падали ворон,
И поленьями люди сторают в горниле войны.
А на западном фронте по-прежнему горечь утрат,
Там пацан, что сжимает приклад онемевшей рукою,
И ни шагу назад, это значит ни шагу назад.
Отходите, а я остаюсь, я прикрою.
А на западном фронте стремятся пройти на восток,
Но пружина возмездия до невозможности сжата.
Это значит окончатся игры, наступит итог
И покатится фронт неизбежно с востока на запад!

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ (Луганск)

Записки Ветерана Апокалипсиса

Всё что мне нужно: нож, кэш и нательный крестик,
Хотя достаточно и одного креста.
Это мой меч, оружие против бесов
В темные дни Апокалипсиса

1

Это не гром пушек,
Это мир сбрасывает старую кожу,
Падают, как игрушечные,
Деревья, дома, прохожие.

«Войнушка! Войнушка!» –
кричали дети,
То самое поколение «бумер».
Войнушка – всего лишь игра на планшете:
Движение пальцем и враг твой умер.

На самом деле так и бывает,
Палец на крючке спусковым,
И прежде чем тебя убивают,
Ты успеваешь подумать о том –

Успел ли ты сохраниться?
В облаке, в доме, в родимых лицах?
В рыжем мальчишке,
так на тебя похожем,
Может быть, в песне? Может быть, в книжке?
Может быть, может быть, может быть...

Потом, прикрывая руками рану,
Ты падаешь в грязный февральский снег,
И кто-то живой своё дыхание
Тебе отдаёт при всех.

2

Ничего не оставляй на завтра!
Завтра война! Мировая. Гибридная. Третья. Четвёртая...
Сухпаёк военторга съедая завтрак,
Ты увидишь, как катятся к чёрту
Твои ипотеки, кредиты, пузатые хаты...
Карты биты.
Ты гол как сокол.
И не верится.
Ты лежишь среди дикого поля.
Под тобою Большой Суходол.
Над тобою Большая медведица.

3

Когда распадалась империя,
Как же мы верили
В мир, дружбу и жвачку,
Биг-мак, кока-колу,
Потёртые джинсы,
Последней заначкой

За все эти прелести не дорожили.
Какими ж мы были наивными, глупыми, жадными!
Но мир этот сгинет,
Охваченный новым пожаром!

4

Завтра эвакуация.
Завтра мобилизация.
Поезд отходит от станции
Город Дебальцево.
Ну же, останься,
Не бойся,
Так уже было:
И бронейными били,
И мы уходили
Без боя,
Чтобы вернуться
К своим алтарям и могилам,
Чтобы остаться,
Чтобы остаться
Собою.

5

Мне снится Зорро
В своём сомбреро!
А раньше снился город
Под миномётным обстрелом.
Взорванная Горловка
И её Мадонна.
И слёзы во сне подступали к горлу,
А на иконе
Плакала Богородица.
А может, мне показалось.
И луч восходящего солнца
Сквозь тьму пробивался.

6

Окопная линия обороны.
Воды по колено, и глина, глина...
Земля пропитана потом и кровью.
Господи, из этого месива ты создал мужчину?

Видны обнажённые корни,
И пролесок синий-синий.
Засмотрелся на цветок воин
И вспомнил глаза любимой.

7

Причастие битвой.
Причастие ветром.
Причастие светом
В бою со смертью.

Лети, молитва
Моя, сквозь тризны.
Дай силу в битвах
Сынам Отчизны.
Причастие верой
Во имя Жизни.

Когда наши возьмут Киев,
 Мы станем другими.
 Мы станем совсем другими.
 Какими?
 Я не знаю, что мне тебе ответить,
 Но я верю в жизнь после смерти.
 И в мир после нашей победы!

2022

Не бойся

От пшш до калаша...
 Гуляй же, русская душа!
 Гуляй и ничего не бойся!
 Жизнь невозможно хороша,
 Но вот не стоит ни шиша,
 Коль только для себя живётся.

2022

Маргиналии дикого поля

На окраине третьего Рима –
 Маргиналии дикого поля.
 Бродит здесь одинокий инок,
 Удалой здесь гуляет воин.
 Спины крепкие терриконьи
 Подпирают небесные своды.
 Погляди же на наше раздолье!
 Ощути этот дух свободы!
 Мы надеемся здесь на Бога
 И на снайперку Драгунова.
 В горизонт убегает дорога,
 А дойдёшь – убегает снова.
 Что в конце пути – неизвестно.
 По следам я иду жемчужным.
 У меня есть дорога и песня,
 Больше мне ничего и не нужно.

2022

Живая песня

Когда будущее туманность,
 Когда прошлое мне приснилось,
 Есть только одна данность:
 Ощущенье небесной силы,
 Что во мне, как росток, прорастает
 Сквозь тёплую глину тела.
 Ангелы сбились в стаи,
 На деревья расселись и пели,
 Вся небесная эскадрилья,
 Тихий хохот, щекотный щебет,
 И мои застонали крылья,
 А без крыльев душа ущербна.
 Но как трудно, как, братцы, трудно
 Бремя тягот и тяготения
 Превозмочь и взлететь прилюдно,
 Раствориться в листве весенней,

Воплотиться в живую песню,
Больше мне оправдаться нечем.
Пусть летит она в дом небесный,
Покидая сердца человечьи.

2022

Степная птица

Мне снятся сны. В них тоже нет покоя.
Врут, будто сон есть маленькая смерть!
Мне снится поле. Это поле боя.
И снится степь.
Мне снятся лица тех, кто с нею слился.
Горел! Пылал. И в миг один остыл.
Душа моя проносится, как птица,
Над разнотравьем полевых могил.
Порою безымянные герои:
Иваны, Сашки, Мишки, имярек
Одной судьбою и одной землёю
Уж связаны навек.
А я? А как же я? Скажите?
Мне остаётся груз моей вины
И память, как небесный Вседержитель,
И эти сны.

2022

Навстречу солнцу

Где-то в поле под Трёхизбенкой,
В злом, тревожном феврале,
Мой соколик сизокрыленький
На сырой лежит земле.
Так прикрой же пулеметчика,
Схорони от вражьих пуль
Твоего сыночка-срочника,
Силу дай, опорой будь,
Чтоб весенний цвет, что целится
В расползающийся мрак,
Не топтал своими берцами
Хитрый и коварный враг.
Так душа моя, как горлица,
Бьётся, молит об одном:
Мать-земля, как Богородица,
Нерушимым стань щитом
Нам живым да против нежити.
Сын мой знает твой завет...
И весны твоей подснежники
Пробиваются на свет!

2022

Весточка

Эти короткие весточки
Через друзей,
Как треугольные письма
военных дней:
Жив-здоров. Наступаем.
Все будет ок!
... и целая жизнь помещается между строк.
2022

Вечная битва

Ни слов, ни слёз,
Лишь скрежет стали...
Соль выступает на броне.
Мы в миг один сильнее стали,
Мы научились на войне
Так жизнь любить, как в мирной жизни
Мы не любили никогда!
И боль потери и стыда
Скрывать от всех на горькой тризне!
Так что же, дело молодых...
И мы идём, и дух наш молод,
И вьётся стяг, и льётся стих
В пыли дорог. О, как мне дорог
Твой образ, Родина моя!
Твои поля, берёзки, избы
И безымянным сыновьям
Поставленные обелиски...
Что ж, может быть, и мне такой
Когда-нибудь в степи воздвигнут.
И для меня все битвы стихнут,
Кроме одной,
За то, чтобы взошла заря,
Заря любви, заря отваги,
Чтоб от Луганки и до Ганга
Сияла родина моя!

2022

ИРИНА КАРЕНИНА (Минск)

За нами мёртвых больше, чем живых.
Мы – пасынки расстрелянного века,
Мы слеплены из точек болевых,
Нам не видать ни мёда и ни млека.

В разрывы сердца ломится весна
И на погостах расцветает пышно.
И музыка отчаянья слышна –
Затем, что больше ничего не слышно.

Мы не взрывали мостов, не поджигали Рима,
При слишком больших запросах получали по бороде,
Но в жизни неповторимо то, что неповторимо,
Да и оно уходит, подобно слепой воде.

Мы не срывались в атаку на Карфаген и Трою,
Не становились к стенке, бледные, как стена.
Но первое – всё же смерть, и жизнь потому – второе,
Хотя и она проходит, как будто прошла война.

Может быть, мы слабее кентавра или спартанца,
Может быть, мы унылы, не рыцарственны ничуть,
Но только у каждой эпохи – свои роковые танцы,
Свои винтовки и копья, целящиеся в грудь.

Смотрим в себя – безглазы, будто античный мрамор,
Смотримся, как героини на фоне гламурных дев.
Здесь главное – удержать душу и спину прямо,
А это легко даётся вращением в барельеф.

В этих гиблых местах заброшенных,
В этом тёмном, глухом краю
Я блуждаю, как гость непрошенный,
Тёмной кровью тебе пою.

Низкий берег реки Смородины
Да проклятый Калинов мост...

Полегло же здесь вас, молоденьких,
Всех оплакать – не хватит слёз:
По болотам да по кустарникам,
За сто вёрст от родной земли.

...Заросли те поля татарником
И пустырником заросли.

Андрею Дмитриеву

Мы выйдем живыми из этих плохих историй –
И сердце, как ни старайся, не разорвётся,
Но прошлое станет прошлым, и этой болью
Наполнятся заброшенные колодцы.

Мы выйдем живыми в поле, где каждый воин,
Где зубы дракона выросли и несметно горе.
Мы держимся на последних остатках воли,
Мы жили в обиде – так хоть не сдыхать в позоре.

Не праздновать труса – но прорываться с боем,
Не падать всё ниже, а пасть на полях сражений.
Погибшим или живым – но уйти героем,
Не знающим окончательных поражений.

Защитникам Донбасса

...И ловят руки не меч, но меч,
И держат руки не меч, но мир.
Врастаешь сердцем в родную речь
И горькой нежностью – в свой фронтир.
Укореняешься в мятеже
Во веки вечные, и аминь,
На горизонте, на рубеже,
Где корни неба вонзились в мир.
И жжёт ладони горячий снег,
И горе вплавлено в белый лёд,
И наш короткий и страшный век,
Как ночь последняя, настаёт.

И страсть к предательству в крови,
И в сердце червь, и в строчках горе...
В какой бессмысленной любви
Нам прозябать, в каком позоре!

Как наглухо прикончен век,
Что начинался еле-еле,
Где был ты – просто человек,
Лишь имярек в холёном теле,

Листая глянцевого сны,
Смешно хандрил, блажил, как сука...
Где – только б не было войны,
И вот она вошла без стука.

...А в Лунинце уже клубника –
Давай, поехали туда,
Затем, что надо жить без крика,
Затем, что надо – и когда
Горит земля вокруг и рядом,
Планета вертится волчком,
И каины идут парадом,
И авели лежат ничком,
Душа от горечи стареет,
И ненависти пробил час...
Но ягода, как прежде, зреет,
И мир пребудет после нас.

С каждой войны – найди, кого знать и ждать,
Кто под крылом твоим будет и жив, и цел.
Сердцу наказано долю не выбирать,
Так вот и бьётся, взятое на прицел.

Войн же у нас – что кровавых ягод в горсти,
Мирному миру не привыкать к беде.
В каждой погибели ищешь, кого спасти,
В каждой воде – следы Его на воде.

Вдовьи беседы – это не для чужих.
Страшные: что да кому положили в гроб,
Как покупали, какие там виражи
Бабьей судьбы, обо что расшибали лоб,

Где не сложилось, где просто не повезло,
Где не успели – могли бы, не довезли...
Вдовьи обиды – колотое стекло,
Кромка кровавая, мука и соль земли.

Что вы поймёте, не шедшие тем путём,
Вас ли, бессильных, под руки провели?
Вдовьи приветы – в глину и чернозём,
В травы пожухлые, колкие ковыли,

В вихри метели, что леденей ножа,
В зимнюю полночь, выстуженную тьму...
Холодно, Господи, людям в земле лежать.
Как мне обнять его, руки согреть ему.

Когда-нибудь споём и это,
Что сердце рвет напополам:
Что чёрным бешенством согрета
Душа, измученная в хлам,

Что горше горе, чем бывало,
Когда слеталось вороньё,
Что я уж всех попредавала
Во имя нежное твоё,

И вот стою в лесу морозном –
Спокойна, искренна, одна.
И мне ничто ещё не поздно.
И будто кончилась война.

Голос зажму в кулак.
Скулы свело от слёз.
Жизнь, я тебе не враг,
Мир, я тебе не пёс.

День – не видать ни зги,
Ночь за хребет берёт.
Выкрикнуть не моги
То, что на части рвёт.

Вырваться из огня...
Что я могу, когда
И посильней меня
Сыпались, как слюда?

Что я – дышу, молчу.
В горле – занозой – стих.
Имя давать мечу –
Выбери из моих.

Пусть будет век без боли и войны,
И бытие – светло и непорочно.
...Я просто сплю, я просто вижу сны,
Опять вишу на ниточке непрочной.

Я просто жду, надеюсь и дышу
С размеренностью звезд, травы, корней, и
По ниточке серебряной скольжу,
Пляшу и, как паяц, деревенею.

Да не бей ты меня, ох, не бей ты меня, отпусти,
Ну к чему тебе – чтобы болело, кровило и жгло?
Ни словами, ни взглядами – сердце зажато в горсти, –
Говорю: не травми мою душу, родимое зло.

Мой беспечный язык – соловьиная звонкая речь –
Отчего тебе встал поперёк разливанной души?
Отчего за него мою голову сносишь ты с плеч?
Да не бей ты меня, погоди убивать, не спеши.

Ну давай хоть немного – безумная тетка, родня! –
Мы с тобой на прощанье попробуем поговорить...
Что ж ты скалишься, что же ты матом орёшь на меня,
Что ты с пеной у рта все долдонишь «убить» да «убить»?

И подолом трясёшь свои бомбы, и корчится прах,
И глядят в твои мутные бельма – глаза мертвецов...
А когда они ночью встают у тебя в головах –
Как ты воешь, когтями своё раздирая лицо!

Рапунцель

Главное – вовремя пойти на сделку
С причиной и следствием,
Предложить размен,
Добровольно надеть ошейник,
Взять на себя сколько вытянешь, сколько получится.
Обещала – не стричь никогда волос,
Не обрезать памяти,
Не облегчать своей участи:
Оберег тому, кто когда-то любил меня.
Жив будет, цел будет
Тот, кого я когда-то любила,
Тот, кто давно не любит меня.

Мимо, мимо все беды,
Мимо, мимо все пули,
Растите, растите, волосы,
Пригибайте голову тяжестью,
Тянитесь за мной плащом,
Что ещё?

Заплетайтесь змеиными косами,
Оплетайте нить судьбы накрепко:
Чем вы длиннее, тем дольше линия жизни.

Что бы ему ни грозило – на мою голову.
Что бы ни наболело – на мою голову.
Что бы ни блазило – на мою голову.
Пока змеями вьются волосы,
Тот, который давно не помнит меня,
Дышит,
Живёт,
Дышит,
Живёт,
Дышит,
Живёт.

Да мало ли что было до войны –
Какая там любовь, печаль, тоска и
Какие восхитительные сны,
Мечты какие сердце нам ласкали.

Да мало ли какой была игра,
Теперь-то что, дела пошли другие,
И только жизнь по-прежнему щедра,
Хоть и болит в груди, как невралгия.

И на губах обветренных печать:
Ни нежности, ни брани, ни упрёка.
И лишь душа готовится прощать –
И ёжится под ветром одиноко.

Кто уцелел? Ау, сорокалетние!
Мне выживших считать по головам.
Мои братки, бродяги, безбилетники,
Играющие в легкие слова,

Что наши жизни? – Просквозили мимо и
Сгорели влёт в огне тревожных дней.
Мы – пасынки, мы – дети нелюбимые
Для Родины возлюбленной своей.

К чему форсить обидами и ранами,
И жалиться на горькое житьё?
Уже почти ненужные, незваные,
Но кроме нас – кто встанет за неё?

Крепкие на рану, ломовые,
Знающие цену седине, –
Кто нальёт нам наши фронтовые
В этой необъявленной войне?

Век мой – враг мой, в бесконечной боли,
Задыхаясь, в расставанье плыть...
Ты ли, я – никто не приневолит
Ни жалеть, ни плакать, ни любить.
Беззащитны перед настоящим,

С памятью и сердцем не в ладу,
Ты ли, я – мы все сыграем в ящик,
Ты уходишь, ну и я уйду.

Бывшей дружбы горше не бывает,
Уходя – не помни, не пиши.
Хинная настойка фронтная –
Через край и с горкой, от души.

Кто эту бабочку раскрасил, дал ей совиные глаза
На бархатистых лёгких крыльях, кто имя, имя произнёс?
Кто человека наделил таким непоправимым горем,
И голос дал, и руки дал, чтоб землю тёмную скребли?

Я научилась без тебя: дышать и заходить на кухню,
Бездумно чайник кипятить, а там привычно, как во сне,
На скатерть молча выставлять одну чашкой больше, больше –
И так же молча убирать, покорно сглатывая крик.

И эта рыба немота меня когда-нибудь задушит.

Что есть у нас? – Бесстрашие, браток.
Не смей кричать, молчи, грызи платок,
Вымучивай усмешку и осанку.
По небу – что там – дым ли, облака?
Рука моя тверда, душа легка,
И по плечам дожди, и взгляд подранка.

Спаси меня, блаженный Айболит,
От прошлого, что у меня болит,
От этой тихой, безвозвратной муки!
Пусть отгремят обиды и бои...
Я вас люблю, любимые мои, –
И в пустоту протягиваю руки.

Когда-нибудь развеется, как дым,
Всё то, о чём теперь не говорим,
Всё то, что у меня не заживает.
На ладанке моей смеётся Че,
И волк набит на раненом плече,
И в кожу въелась гарь пороховая.

ЕЛЕНА АДИНЦОВА

ВИКТОРИЯ СЕМИБРАТСКАЯ (Донецк, ДНР)

НОЧНОЕ

– Не, дядько, мне город больше нравится, – вихрастый худой подросток недовольно шмыгнул носом и попытался устроиться поудобней на куцем коврикe, – там рынок, лавки, дома.

– Город – хорошо, – согласно кивнул невысокий крепкий мужчина средних лет, – да, только разве может, Сашко, цыган не любить степь?

Мужчина глубоко вдохнул терпкий воздух, оглянулся на спящих неподалёку спутников. Окинул опытным взглядом силуэты стреноженных на ночь лошадей и повернулся к мальчонке.

– Я был чуть младше тебя, когда мы первый раз кочевали табором по землям войска Донского. Не сильно-то любят нас казаки, да уж больно у них кони хороши, – хмыкнул мужчина и замолчал, погрузившись в воспоминания.

Пряная летняя ночь катила по небу золотой червонец Луны. В слабых бликах догорающего костра Сашко видел отражение лица дядьки Ангела. Мальчишка не мог разобраться: то ли усталость легла тенями, то ли думы.

– Тогда ещё была жива твоя прабабка – мудрая Донко. Не встречал я больше таких мастериц рассказывать истории. Да и гадалок, подобных ей, не припомню. Много ведала она, да я был больно мал, не всё понимал. Но историю эту слово в слово запомнил.

Однажды, когда табор раскинул свои шатры недалеко от того кургана, где мы сегодня проезжали, пошла твоя прабабка собирать травы. Эх, Сашко, какой спрос был на её зелья у баб. Кому приворотное, кому и пострашнее в надобность, – дядька сорвал травинку и впился белыми крупными зубами в сочный стебель. – Нарвала любистка, чабреца, дело-то к Троице шло, травы самую силу взяли. Только разморило её на жаре. Прилегла, и приснился ей сон...

На вольную степь надвигается море человеко-коней. Их было так много, что казалось – на земле не останется ни одной не примятой копытами травинки. Волосы людей были цвета половы, а глаза синие, как небо в июньский полдень. Донко почувствовала большую мощь, исходящую от чужаков. Они не были цыганами, но любили странствия не меньше нашего. Шли со стороны восхода солнца, с берега великой реки. Путь был такой длинный, что они, как и мы, жили в нем. Рождались, женились, умирали под скрип повозок и стук копыт.

Сашко лежал на спине, слушал дядьку и смотрел на звёзды. Млечный путь, рассыпанный на черном бархате неба, казалось, подмигивает, внимательно слушающая рассказ.

– Я думал, только нам Бог оставил шлях, – буркнул негромко Сашко, но мужчина услышал.

– Эх, – прищёлкнул языком цыган, – знаешь, как раньше называлась эта земля? Дикое поле. И край, и рай здесь человеку, – голос мужчины стал тише. Какие-то особенные ноты появились в голосе. – Ты знаешь, Сашко, много дорог истоптали мои ноги, да только степь даёт крылья. Жаль, грамоте не обучен, а то написал бы, как рождается в степи весна.

На короткое время, кажется, жизнь притихает. Серо, пусто. Взгляду скучно, не за что зацепиться. В это время происходят невидимые события. Земля собирает живые соки, делает глубокий неспешный вдох. Чаша переполняется, щедро выплёскиваясь наружу. Жизнь начинает стремительно проявляться из Небытия.

Позади яркие ветра, лютые морозы. Земля просыпается. Нежно отпускает к солнцу своих деточек – степные травы. Матушка отдаёт им все бережно собранные силы. Знает, деревья не напоить. Не место им в степи. Степь – это простор, Сашко. Свобода благодатью Божией увенчана.

Дикое поле превращается в холст. Безвестный художник не жалеет красок. Он увлечён созданием нового полотна. Ему хочется поразить мир новыми оттенками, удивить своей безудержной фантазией. Ты, Сашко, лавки вспоминал,

– Ангел прикинул, куда смотрел малец, и поднял глаза в чёрную бездну. – Разве есть такой купец, такие товары, чтобы пестрело, как тут?

Подвизался как-то одному аптекарю травы поставлять, работа выгодная. Дай Бог ему здоровья, научил меня многому. Давно дело было. Только по сей день – еду по степи и замечаю: вон тяжёлые синие кисти шалфея поникающего. Им лечат тебе, молодому, неведомую болезнь стариков – подагру. Белоснежные островки катрана татарского не просто красивы. Отвар из травы и корней укрепит болящего, цингу излечит. Розовый зопник клубненосный стоит солдатиком в нежно-фиолетовой пушистой шапочке. Лечит воспаление, останавливает кровотечения.

Учёному человеку здесь раздолье. От любого недуга найдётся цветок, травинка, листок. Растительности тут великое множество, даже я всю не знаю, – Ангел умолк. Прислушался к разноголосию летней ночи. – А воздух, Сашко? Густой, душистый, как цыганский чай, хочешь – дыши им, а хочешь – пей.

И даже не в одном воздухе дело. Тут кругом под ногами жизнь. Ящерка пробежит, гадюка погреться выберется. Волк или лиса за зайцем метнётся. Рыжая может и хомяком не побрезговать. Байбак с сусликом, опять же, по делам своим шастают. А уж мелочи всякой степной и счёту нет. Полёвка, мышь, хорёк, ласка, полоз, медянка, уж, гадюка степная, жабы, лягушки.

Ангел замолчал. Тишину мелодично заглушали сверчки. Бескрайнее небо не отпускало взгляд. В нём, бесконечном, как в зеркале, отражалась такая же вольная степь. Алмазные поляны цветных звёзд казались тёплыми и близкими. Мерцание уравнивало и придавало ощущение причастности к чему-то большому. Только протяни руку и прикоснёшься, может, к самой главной тайне: «Как на небе, так и на земле».

– Ты про Донко не досказал, – Сашко решил вернуть дядьку к интересующей его теме. – Что дальше было во сне, прабабка рассказала?

– А то! – вернулся из своих дум Ангел. Длинным острым лезвием ножа поворошил остывающие угли – Она увидела большую свадьбу. Был последний месяц весны. Дикая пивония покрыла степь праздничным красным ковром. Половецкий хан брал в жёны первую красавицу племени.

– Такую, как Рада? – Сашко вспомнил лучшую певунью и плясунью табора, перед чарами которой никто не мог устоять.

Ангел ухмыльнулся в густые, черные, как смоль, усы.

– Донко рассказывала о богатом празднике. Гостей щедро угощали мясом: говядина, конина, зарумяненные на огне. Выпечка, украшенная особыми символами. Коровье молоко.

Невеста и впрямь была хороша. Соплеменники поговаривали, что в свадебном наряде она была точным воплощением богини Умай.

Донко видела, как девушка подняла ввысь небесно-синие глаза и, не отрываясь, следила за полётом орла. Белокурые длинные волосы походили на густую гриву дикой лошади. Собранные в две туго сплетённые косы, опускались ниже пояса. Голову венчал причудливый головной убор, похожий на башенку. Он вытягивал и без того стройный силуэт девушки.

Хан не сводил глаз со своей избранницы: «Тонкая талия, упругие округлые бедра. Она станет хорошей матерью моим сыновьям, новым воинам племени». К празднику хану и невесте сшили одинаковые кафтаны, рубахи, сапоги. Только украшения для поясов были разными. У невесты на талии красовались зеркальце и сумочка с девичьими безделушками. У хана, как и положено воину, оружие.

Стемнело. Гости ещё вкушали угощение. Хан легко подхватил молодую жену на руки и увлёк в манящую степь.

– Дядько Ангел, они прожили счастливую жизнь? – в груди Сашко защемило предчувствие нерадостного конца истории.

– Спать пора, Сашко, завтра в седле не удержишься, свалишься сонный, что мамке твоей скажу?

– Мамка говорит, я в седле родился, никого ловчее меня в таборе нет. Дядько, доскажи, сам не усну и тебе не дам.

Ангел прищурился, припоминая сказ Донко. Помолчал. Тяжело вздохнул и продолжил:

– Счастливая у них была жизнь. Только недолгая. Высокие, густые травы в этих местах такие, что и конному легко спрятаться. Попал хан в засаду. В тот

раз мало с ним было воинов, но дрались они отчаянно. Жестокая была сеча, да силы неравные.

– Они все полегли? – севшим голосом спросил мальчишка, ярко представляя картину кровавой битвы.

– Почти, – кивнул дядько. – Смертельно раненного хана привезли уцелевшие воины.

– Раненого? – в голосе Сашко высокими нотами прорезалась надежда.

– Смертельно, – повторил рассказчик. – Донко видела, как убивалась его молодая жена, как богато, богаче, чем хоронят у нас барона, провожало племя своего вожака. Как насыпали высокий холм и ставили каменного истукана лицом на восток. Он и по сей день охраняет покой кургана и первым встречает солнце. Всё показал Дух степи Донко. И радость, и боль. И как уходило племя дальше.

– Они ушли из-за гибели своего вождя? – глаза Сашко уже слипалась от навалившейся сонливости, но он хотел разобраться до конца в истории.

– Нет. Близилась зима, и люди двинулись к морю, где им легче было устроиться на зимовку. Донко узнала тайну. Во сне почувствовала, как под сердцем молодой жены хана забились новая жизнь, она ждала сына.

– Степь снова стала безлюдной? – засыпая успел спросить мальчишка.

Ангел слышал, как сладко засопел Сашко, и всё-таки ответил:

– Эти земли никогда не были безлюдными. Они испытывали многих и давали приют. Когда-нибудь я расскажу тебе о свободолюбивых предках нынешних казаков.

Мальчик не слышал последних слов дядьки Ангела. Удивительный сон омутом поглотил парня вместе с его думами о пророческом видении прабабки Донко. Сашко почувствовал, как отрывается от земли и стремительно набирает высоту. Глаза стали зорче, руки мощно рассекали воздух, улавливая потоки. Взмах, ещё один. Да это крылья!

Степным вольным орлом взмыл Сашко над просторами Дикой степи. Всмотривался в горизонт. Не видать края волнуемому серебристым ковылём морю. Отражают солнечный свет целебные родники живой воды, восходят на поверхность из древних глубинных пластов земли, собрав мудрость и любовь предков.

Степь с её бесконечными просторами стала для многих народов символом свободы. Вольный ветер, нашептывающий сказки диким травам. Древние курганы, хранящие тайны. Табуны диких лошадей, разбивающие копытами непанную твердь, открывая ходы к солнцу прорастающим семенам. Простор, который заполняет душу каждого, кто хоть однажды вдохнул пьянящий воздух целинной земли.

Сашко, свернувшись калачиком, спал. Дух степи нёс его на крыльях державной птицы. С высоты полета мальчишка видел реку и даже откуда-то знал её название – Грузский Еланчик. Сашко вдруг ощутил: в степи нет однообразия и монотонности. Он всматривался в её тело, прорезанное небольшими балками с пологими склонами. Вдоль берега реки белыми костями сказочных чудовищ вышли известняки. Особенным, недоступным ни людям, ни птицам зрением Сашко видел поразительные картины за пределами степи. Мир менялся со скоростью движущихся картинок в синемафотографе. Год назад в посёлке Юзовка Сашко бывал в одном таком. «Сатурн» В. Ю. Шмидта называлось то место.

С восторгом и страхом наблюдал мальчишка, как рождались новые города и поселения. Как всполохи жестоких битв окрашивали небо. Как преобразилась земля человеческим трудом. И только Дикое поле, наполненное первоначальной силой, оставалось нетронутым. «Степь, Сашко, – главный оберег этой земли. Теперь ты за неё в ответе», – донёсся до мальчишки незнакомый голос.

– Я услышал тебя... – прошептал во сне Сашко.

– Хорошо, – улыбнулся дядько Ангел и заботливо укрыл мальчишку кожухом.

Зайчата

Принесли Сашуле заек
Сине-бежевого цвета.
Ушки, носик, лапки, хвостик.
Он всю жизнь мечтал об этом.

Разноцветные зайчата
Жили у него в шкафу,
Саша их тягал за лапу
И игрался на полу.

Он поил зверюшек чаем,
Одевал их, обувал.
А когда ложились спать все,
Нежно ночью обнимал.

Но однажды синий зайка
Ухо где-то потерял.
Саша мучился вопросом:
Где же он? Не ел, не спал.

Не играет теперь зайка.
Он грустит, повесил нос.
Как прожить ему без уха?
Нет ответа на вопрос.

Утром в среду того хуже,
Зайки наши-то пропали.
Нет на полках, нет в игрушках.
Где же зайцев потеряли?

Саша маму очень просит:
Сделай что-нибудь скорей.
Мне без заек очень плохо,
Помоги вернуть друзей.

Через две недели Саша
Шел из садика в надежде,
А на стульчике у окон
Зайки чай пьют, как и прежде.

Как увидел заек Саша,
Стал плясать, в ладоши хлопать.
Просто мама бедных заек
Отдала в ремонт заштопать.

Про машинки

Мне на день рождения крёстный
Три машинки подарил:
Красный мерседес гламурный,
Белый форд и черный джип.

Я в моделях всех машинок
Прямо с детства знаю толк.
У меня по всей квартире
Разместился целый полк.

Вот на пульте управления,
С батарейками внутри.
Их родители меняют
В день, наверно, раза три.

Как возьму во двор машину,
Все ребята тут как тут.
И мальчишки, и девчонки
С нетерпением встречи ждут.

В понедельник, как обычно,
В семь пошел во двор гулять.
Вновь беру я джип на пульте,
Буду ракурс подбирать.

Прямо, влево, назад, вправо,
Управляю как хочу.
Нажимаю кнопки пульта
и колёсами верчу.

По дороге ровной, гладкой
Едет транспорт без проблем.
А у камня и на плитах
Нету сладу с ним совсем.

Интересно, как он ездит
На площадке по земле.
Тормозят всю колёса
И буксируют в песке.

Подошли ко мне мальчишки
И кричат: дай поиграть.
Я же щедрый, дружный парень,
Дал машинку покатать.

Запускали транспорт с горки,
Пролетал вниз, как стрела.
Джип катали на качелях,
Веселилась детвора.

В общем, мы эксперименты
Проводили как могли.
Проверяли джип на прочность
Под давлением воды.

Напоследок мы решили
Под мопедом марш-бросок.
Отвалился задний бампер,
Отлетело колесо.

Я сегодня на площадке
Самый модный из детей,
У меня в руках машинка
Без стекла и без дверей.

Букашки

Завелись у нас в крупе
Мелкие букашки.
На кухонной полке спят
Наглые мордашки.

Целый день с мамулей мы
Рис перебирали.
Гречку выложили в таз
И фасоль стирали.

Перемыли все шкафы,
Перетёрли полки.
Старый мой кувшин нашли,
Нитки и иголки.

Проводили как могли
Тщательно уборку.
Подключали пылесос,
Добавляли хлорку.

Я устал, хочу гулять,
Начал жутко злиться.
И зачем и для чего
С чистотой возиться?

Возмущаюсь и кричу:
Не хочу трудиться.
А мне мама говорит:
«Опыт пригодится».

У бабули погощу,
Вечером в субботу
От труда передохну,
Позабыв работу.

Только бабушке сказал,
что изгнал букашек,
Как зашёл я в туалет,
Вижу таракашек.

Художник

Как-то раз остался сын
с папой дома, не один.
И не кушал, и не спал,
В мячик весело играл.
Ну и как-то между делом
По привычке захотел он
Красками порисовать.

Взял фломастеров охапку
И зелёную тетрадку,
Сел за столик у окна
Разукрашивать орла.
И в процессе за работой,
Окружив дитя заботой,
папа вышел на балкон.

Сколько было удивленья
И простого сожаленья,
Что оставила их мама
Без присмотра быть вдвоём.
В доме явно перемены:
Разукрашены все стены.
Эти Сашины шедевры
Мы вовек не ототрём.

Мама плачет что есть мочи
И грозитя, между прочим,
И грозитя, между прочим,
Развестись с его отцом.
Апогеем этой сцены
Стал, конечно же, ребёнок
с разукрашенным лицом.

Колыбельная

Закрывай глаза, мой ангел,
День за окнами исчез,
Пусть приснится тебе сладкий,
Яркий мир страны чудес.

Пусть в нём будут сны о лете,
Перьевые облака,
Лучик солнца на рассвете,
Разноцветные луга.

Высыпайся, мой комочек,
И не думай ни о чём,
Высыпайся, мой цветочек,
Спи, родной, волшебным сном.

Папа с мамой будут рядом
Сон твой бережно хранить,
Защищая тебя взглядом,
Облик твой боготворить.

Будем гладить твои ножки,
Ручки нежно целовать,
Пёрышком водить по щёчкам,
Пальчики твои считать.

Наблюдать, как с каждым годом
Ты становишься взрослей,
Как уверенно считаешь
И становишься умней.

Как идёшь сначала в садик,
А потом и в первый класс.
Как понравилась девчонка
И подрался в первый раз.

В жизни много приключений,
Поскорее засыпай.
Отвлекись от увлечений,
Спи, мой ангел, баю-бай.

Про Машу

Маша знает в парнях толк,
Ей идет третий годок.
Обаятельна, жеманна,
Очень здорово поёт.
Маша – это центр вселенной:
То игрушки разбрасывает,
То случайно упадёт.

А однажды к нам во двор,
Совершая свой дозор,
Проходя мимо с собакой,
Заглянул военный.
Дрессированным был пёс,
И послушно в пасти нёс
Мячик здоровенный.

Пёс собрал весь двор ребят,
Они в рот ему глядят,
Наблюдают, как собака
Выполняет ряд команд.
Как сидит, лежит, бежит,
Лапу подаёт, скулит,
По кустам и напролом
Резво скачет за мячом.

Тут Машуна увидала,
Как за псом летит толпа,
Взяла шариков охапку
К центру действий понесла.
Стала Маша посредине,
Наблюдая за детьми,
И из рук как бы случайно
Шары ветер унесли.

Тут поднялся такой плач,
Всем двором рванули вскачь
Догонять шары для Маши,
Позабыв про пса и мяч.
И мальчишки, и военный,
Все старались как могли,
И для нашей мисс вселенной
Каждый шарик принесли.

Стоит Маша, улыбаясь,
В руках шарики держа,
И, довольная вниманьем,
Разжимает не спеша
Вновь и вновь свои ладошки.
Отпуская понемножку
Разноцветные шары.
И откуда в года три
столько знаний о любви?

Так гоняла наша Маша
Всех мальчишек во дворе.
Что же в ней одной такого?
Объясните кто-то мне.

Всюду встретишь ты такую (девчонку),
В каждом доме и саду,
В школе, в университете,
На площадке и пруду,
Что заставит всех мальчишек
Бегать так, как нужно ей.
И не пёс в центре вниманья,
Это Маша – центр парней.

За Донбасс! За Россию!

С последней буквы алфавита
Начало строк нашей истории,
Нам Родины важна защита,
Мы воЗвращаем территории.
– ЗА что? – вопрос у украинцев,
Горит огнём наша страна,
– Пошли вы по дороге немцев,
ФашиЗм пригрев в своих домах.
Против нас вы пошли в АТО,
В Одессе вы живых сжигали,
Кричите вы теперь «За что,
за что на нас СЕЙЧАС напали?!»
Затмивши прошлого заветы,
Вас озарил Европы свет?!
Но был фашизм источник света,
И мы сполна дадим ответ...
ЗА честь Земли и наши нравы,
ЗА матерей, жён и детей,
Гремят кругом войны удары,
Вздымаются столбы огней.
И Киев будет спать спокойно,
Чернигов, Харьков, Сумы, Львов,
И будут люди жить достойно,
Фашизм предав огню котлов...
ЗА жизнь! ЗА мирную, простую,
ЗА память предков-ветеранов,
Без страха смерти на передовую,
ЗА мир без лжи и без обмана...
Когда Зажгём победы свет,
Народа муки Завершая,
На много сотни тысяч лет
Подарим мы свободу краю!

16.02.2022

Сердце большого Донбасса

Получаем тревожные вести,
И всё больше горюет душа...
Помню, жили едино мы, вместе,
Богатела лишь наша страна.
Города во что превратили?!
Больше некуда даже взглянуть.
Земли ваши то освободили,
Только близких уже не вернуть...
Всё отстроится, время лишь нужно.
Всё наладится, нужно лишь ждать.
Жить будем вместе, единокоренно,
От позиции не отступать!
Потерял кто-то мужа, кто сына,
Иль остался без крыш и домов.
Ощутил вдруг, отчаявшись, силу
И бежал, схватив пару узлов.
Лишён памяти кто от ранений
Или просто остался один.
Скажем прямо и без сомнений:
Дочь Донбасса, Донбасса сын.

Вы наши! И никак иначе!
Вас принимаем как своих.
Мы, зная судьбы ваши, плачем...
И молим, чтобы бой утих.
Вам не услышать в помощи отказа,
И повторять я не устану сотни раз:
Бьётся сердце большого Донбасса
И каждый из нас – это ДОНБАСС!

28.03.2022

Над Донбассом не стоит лить слёз сожаления

Над Донбассом не стоит лить слёз сожаления,
Слов тревожных писать из жалости,
Год седьмой уж идет – подросло поколение...
Им слова... придают только смелость без наглости!
Не грустит молодёжь о, возможно, потерянном,
Цель иная у них жить здесь и сейчас,
Коль война к нам пришла преднамеренно,
То Россия как мать поддержала Донбасс!
И судьба нам такая дана – испытанием,
И во имя свободы русской земли,
Что нас ждёт впереди, безусловно, не знаем мы,
Но уверены – сыновья отстоят честь страны!
И, сплотившись военной мощью единой,
Друг за другом в отряд ополчения став,
Пойдут в бой, как отцы шли ради мира,
За российский Донбасс свою юность отдав!
И, едва полюбив тех невест не случившихся,
Будут помнить глаза, среди жара огня
Вспомнят лица родных, в дыме боя клубившихся,
Будут мстить за народ, за тебя, за меня...
Было много чего в эти годы военные,
Был Славянск и Донецк, Иловайска котлы,
Уходили из жизни солдаты, а пленные,
сохраняя свой дух, все держаться могли.
Дни и годы идут, но ничто не забыто,
И мы верим, наступит у жизни тот час,
Когда гордый наш край, смело кровью добытый,
Подтвердит право зваться русский Донбасс!

25.01.2021

План неведомого города
На неведомой земле
Нарисован лапкой холода
На трамвайном на стекле.
Может, их границы внешние
Снежные
Каждодневно не бомбят?
Я смотрю на них с надеждою,
Но насквозь проходит взгляд,
Где у нас другой расклад:
Тут враги побед не празднуют,
Тут мой город ленинградствует
Сколько лет уже подряд.

Мы стоим дозором в степях Дикого поля.
Мы лежим узором на полях летописей о воле.
Поля, цветущие маком-кровью,
На полях, не знавшие пашни,
Засеянные болью,
Помнящие о страшном.
В которые мужчины молча, без пустословья
Ложились в белой домотканой рубашке,
В белом, в домотканом...
Поля, линейные вместо строчек
Окопами рваными.
Увенчанные вместо восклицательных точек
Величественными курганами...
Там сколько тысячелетий и метров, если
Вниз по мерной, равномерной ленте...
И я люблю это место
Больше всего на свете.

Собаки, похожие на лисиц.
Люди, похожие на живых.
Город-страна пристрелянных границ,
Целиком помещаемый в античный стих.
Город, отвечающий за слова,
Но я всё же их говорить дерзну!
...Город, откапываемый едва
Из-под снега, пришедшего под весну...

Бубухают – как выбивалка
Бьёт по ковру. Упёрто бьёт.
Поёт и плачет циркулярка,
И нам ни холодно, ни жарко...
Машина едет. Жизнь идёт,
Хоть от неожиданного подарка
Не застрахован, в свой черёд,
Не застрахован, вот ремарка,
Любой, кто долго здесь живёт,
Живёт в экстриме без экзот –
Донецк, конечная, Смолянка.

...Уже как будто и не драма,
Поёт и пляшет пилорама,
Витое золото ползёт
На землю крошеную прямо,
Под небеса лихих щедрот.
Душа болит за курткой прямо.
Финал открыт,
Огонь несут.
Но знаешь, мама,
Я верю – будет враг разбит.

На деньги Молоха как молот
Бил тут, на ближнем рубеже...
Уже к утру найди осколок!
Он ржавчина к утру уже.
Вот так бы обнулялись списки,
С утра, добела и сполна,
Чтоб снова на гранит припиской
Не добавлялись имена...

Прощались наскоро с милыми.
В лифт запрыгнул и был таков...
Громыхало какое-то перемирие над городком.
К беде нельзя приготовить.
Внезапно прилёт...
Внезапно придёт она...
Всё лето под соловьёв в шелковицах шла война.
И мыслится – все наладится.
Дайте время, и будет толк...
Уже который год мается бессонный мой городок...

Скорые кричат и носятся,
Молния мелькнет, бела.
Будто с них единых спросится
За вселенский шабаш зла.
Что ответим нерождённому,
Но собравшемуся в путь?
Наши гнезда – разорённые,
Наше небо – по чуть-чуть,
Наши окна злые, чёрные,
Через одного беда...
Только Ангелы и скорые
Не девались никуда.
Не оставят никогда...

В ночь с февраля на март
Снег смывается с карт.
Мерный в ночи бой
Не знаю каких курант.
Родина, мир с тобой
Пусть, пока над землёй
Весна говорит – стой.
Февралю говорит март...

ВРИЙ МАКУСИНСКИЙ (Санкт-Петербург)

Битва

У каждого времени свой Карфаген,
своя вавилонская башня.
Люгуют враги у разрушенных стен,
и друг твой погиб в рукопашной.

Для нас эта музыка, брат, не нова –
мы просто и вечно солдаты.
И снова рыдает над гробом вдова,
кровавые снова – закаты.

В России у каждого рода война
в крови поколений, но в душах
весеннею песней звенит тишина,
которую радостно слушать.

Пасхальная музыка эта всегда
помощница в скорби и бедах,
и пусть над страной нависла беда,
но будет великой – победа.

06.08.2021

Война в Киеве

Зима на Подоле – разбой и разнос,
и пуще неволи повальный склероз.
Булгаковский демон крышует дома,
и вмиг опустели сума и тюрьма.

Холодное небо. Какой с него спрос,
что юнкер убитый за осень подрос,
что смерть набивает свои закрома
и к людям приходит без спросу – сама?

На спуске Андреевском быстро, без слёз,
мещане готовят прощальный обоз –
дорога из ада войны непряма,
но голод не тётка и сводит с ума.

Строчит пулемёт и крепчает мороз.
Крещение скоро. Снегами оброс
гранитный Крещатик. Война и зима.
Клубится над Лаврою синяя тьма.

26.11.2014

Белая гвардия

Деникин и Врангель в Царицине,
в Сибири – ученый Колчак,
в Кремле перелётными птицами
советы сидят кое-как.

Холопы устали от ситцевых
рубашек – им шёлк подавай
и общих доярок – так снится им
их коммунистический рай.

Ах, Белая гвардия, – принцы вы,
князья и бароны, но сплошь
свои же вы предали принципы,
которые в принципе – ложь.

Полковники стали убийцами,
иудюю – каждый второй
из тех, кто считался патрицием
и христианином порой.

Хотел бы за вас помолиться я,
но память бунтует не зря:
полковники с бледными лицами,
вы предали Государя!

И где-то в степях под Царициным
холопы замёрзли в раю,
полковники без репетиции
погибли в последнем бою.

27.01.2022

Рабы

Пристойно жить, достойно умереть
хотелось бы, но где оно – мерило
достоинства? Свистит над ухом плеть
погонщика и вечно чьё-то рыло

в глаза хохочет и рычит: не смей
из ряда – вон! Ты нищий и бескрылый
холоп и раб – рабу и жизнь, и смерть
положена безликая уныло.

Но кто на нас набросил эту сеть
покорности, лишив любви и силы,
кто научил ползти, но не лететь,
душе от страха надрывая жилы?

Шепнёт мне кто-то горько и любя:
– Вы сами в рабство продали себя.

26.10.2021

Русская ночь

Народ молчит. Безмолвствуют – и царь,
и патриарх, и ратники, и дума,
и бедный люд простой, и толстосумы,
молчит юродивый и скалится шинкарь,

но тоже молча. Так бывало встарь,
так и сейчас – безмолвно, бессловесно
живёт страна, и лишь по дням воскресным
бубнит под нос рождественский тропарь.

Читаю внуку дедовский букварь,
там просто всё: там «азъ» и «буки» с «веди»,
там на Руси живут одни медведи,
и вечно – снег и водка, и январь.

Но, стало быть, я тоже не бунтарь –
мне хорошо, уютно спать на печке,
я под подушку спрячу старый «стечкин»
и обновлять не стану календарь.

Ночь за окном – мороз, пурга и хмарь.
По телевизору орут сплошные бесы,
я выключу их – тварей бестелесных,
пусть нами правит молча государь.

26.11.2021

Гуляй-Поле

*Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне, –
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Э. Багрицкий*

Сизый месяц в ночи скукожился,
над Днепром – золотые звёзды.
Мы на Млечном Пути прохожие,
нам любая эпоха – поздно.

Чумаки, казаки? Холопы мы!
Плачем горько, как от цибули, –
мы такую страну прохлопали,
нас опять паны обманули.

Хуторяне – трудяги скромные,
Но, забыв Богдана Хмельницкого,
они быстро и жадно вспомнили
простоту ремесла бандитского.

Опанас разлюбил вареники
и ходить к обедне по праздникам,
он воует теперь под Жмеринкой
то ли с белыми, то ли с красными.

Комиссары в гаях повешены,
офицеры в ярах постреляны:
Гуляй-Поле – страна для бешеных,
но не красная и не белая.

Гуляй-Поле – страна отважная,
воевать нам – дело привычное,
за кого и за что – неважно нам,
пусть решают паны столичные.

Гуляй-Поле – страна особая,
степь безбрежная – желто-синяя,
мы себя и её угробили
по привычке и от бессилия.

Отплясал Опанас с маричками,
отмайданил винтовкой Мосина,
извалялся в грязи коричневой
и устал задавать вопросы, и

он гниёт уже год под Уманью,
а жена его ждёт под Киевом,

всё гадают – живой ли, умер ли? –
глядя горестно в небо синее.
Сотня лет пролетит мгновением,
и потомки забудут подвиги
твоего, Опанас, поколения –
частью смелого, частью подлого.

И опять загудит набатами
злая степь. Зазвенит копытами
по дорогам страны проклятая
и чужая война – забытая.

Сизый месяц парит над кладбищем
и Чумацкий Шлях – над могилами,
травят душу дымами капища –
всюду бесы чадят кадилами.

Украина хрипит отчаянно –
круто взнуздана, щедро взболтана.
Над Славутичем – синь печальная,
и везде – гуляй-поле желтое.

09.03.2016–24.01.2022

Мене, текел, фарес

Вновь исходит гнев и сила
из пророчеств Даниила:
продолжается кошмар –
в ночь пирует Валтасар.

Смотрит зло на наши лица
вавилонская блудница
в Вашингтоне – на крыльце,
нет любви в её лице.

Не берёт Европу в плен
современный Карфаген,
и плетёт обман и вздор
царь Навуходоносор.

У Китая всё в порядке –
топчет рисовые грядки,
чтоб остались без обеда
немцы, викинги и шведы.

И спасти я не берусь
даже Киевскую Русь:
от кого спасать – неясно
и, наверное, напрасно.

Много люда на планете –
инвалиды, бабы, дети.
Нет ресурсов, вашу мать,
так зачем детей рожать?

Есть надежда на Россию,
чтобы вышло все красиво –
только бы хватило сил,
так считает Даниил.

09.08.2021

Мадонна с именем Людмила

В больничной палате было тепло и неуютно. Нет, кровати «либерти», холодильник и умывальник могли запросто разбавить первое впечатление, но в пространстве витало что-то грустное, тяжелое, нежеланное. Пожалуй, это был запах больницы. На дальней тумбочке лежал очищенный мандарин. Вот он, запах! Аромат цитрусовых с йодом, постным маслом, физраствором – та еще гремучая смесь.

Людмила медленно подошла к свободной койке и аккуратно присела на краешек:

- Здравствуйте, я приехала на операцию.
- Здравствуйте. Вы откуда?
- Из Шахтерска. Вернее, из Шахтерского района.

Раньше разговор начинался с пол-оборота, стоило только войти новенькой в палату. Сегодня все иначе. У каждого в руках мобильный телефон. В гнетущей тишине Люда натягивала домашний пододеяльник и наволочку на казенное имущество, развешивала домашние салфеточки, аккуратно выставляла средства личной гигиены в дальний угол тумбочки. Ну и ладно, будет еще время поговорить.

– Добрый день, новенькая, – вошла в палату доктор. Она была в брючном костюме темно-синего цвета, мягкая улыбка обволакивала сразу всех, находящихся в палате. Эта женщина умела обнимать улыбкой. На шее висел фонендоскоп, а на лбу, словно на троне, восседал отоскоп, или, как говорят между собой доктора, – «фара».

- Пойдемте в смотровую, побеседуем. Как настроение?
- Немного боюсь, – ответила бледная молодая женщина, выходя из палаты.

* * *

Лето 2014 было жестоким и кровавым. Никто еще не осознавал, что именно это лето разделит семьи, друзей, поступки, характеры всех без исключения жителей Украины. И когда встал вопрос: уехать в Мариуполь в полное подчинение руководству службы ГАИ или остаться дома без средств для проживания, Люда и Алеша решили, что остаются дома. Здесь все родное: дом, родители, дети, розы. Люда любила свой дом.

Семьдесят пять кустов роз – ее гордость и зависть соседок. Всего шесть соток земли, но так по-хозяйски обустроены, что здесь соседствовали и овощи, и фрукты, и сад, и цветник. Проблемы не заставили себя долго ждать. К Шахтерску подходили войска ВСУ. О фашизме и нацизме знали только из художественных фильмов и книг по истории. Никто не мог представить, что несет с собой эта непонятная война.

Нет, бросить все на произвол судьбы молодая семья не могла. Каждый кирпичик, каждое бревнышко и старенькая изношенная автомобильная шина были родными. Кто, как не эта семья, знает, как трудно достается новый коверик у порога, новый плафон и кастрюля.

* * *

Люда родилась в обычной рабочей семье, где не знали излишеств, но привыкли работать честно и добросовестно. Она никогда не считала себя бедной. Роскошные черные волосы и светло-голубые глаза были настолько контрастными, что привлекали взгляд любого, кто проходил мимо девушки. Так уж вышло, что, когда встал вопрос о дальнейшей учебе, родители решили, что и дома работы хватает, нечего разъезжать по чужим городам. Врожденная грамотность, чувство такта, уверенность в своих силах – отличные качества для дальнейшего роста девушки, если только родители дадут хоть малейший толчок для самореализации.

Самореализовалась Люда в новой роли жены. Рано вышла замуж, рано забеременела и рано начала рожать. Муж только на людях был добропорядочным семьянином. Оставаясь наедине, мог ни с того ни с сего отвесить жене оплеуху.

А после и, совсем распоясавшись, мог избить беременную женщину. Родив недоношенную девочку, спустя двенадцать дней, крошку потеряли. Некрещеную, но с именем, похоронили в конце огорода под роскошным деревом. Казалось бы, пора остановиться и подумать, что в жизни пошло не так, но на этом муж не успокоился. Обиднее всего было видеть, что все хамские выходки сына поддерживала его мать. Когда стало невыносимо терпеть побои, собрав кое-какие пожитки, Люда ушла.

* * *

Алеша появился неожиданно. Не веря в тепло, девятнадцатилетняя молодая женщина избегала встреч. Не могла поверить в добрые и теплые отношения. Парень был настойчив.

Никто из домашних не одобрил новый выбор девушки. Домашнее хозяйство требовало рабочих рук и времени. Отец любил выпить, поэтому не только женская, но и мужская работа легла на плечи Люды. Это и не пугало, и не тревожило. Она привыкла так жить. Сколько еще жить в этой привычке, она не знала, пока в один из дней Алеша не настоял на том, что пора с этим заканчивать. Родителям можно помогать, не находясь в их доме круглосуточно.

Вторая попытка семейной жизни началась с того, что молодые полностью перешли на собственные хлеба. Золотые руки мужа и такие же, не менее драгоценные, руки Люды творили чудеса мастерства и изобретательности. Из любого бросового материала девушка мастерила всевозможные поделки, которыми был украшен дом, двор, огород. Соседи с любопытством, иногда со злорадством наблюдали за тем, как выживает молодая семья, которая никогда не обратилась за помощью и никогда не пожаловалась на нехватку денег. Алексей завел цыплят, кроликов, по квадратному метру облагораживал и дом, и двор. Люда научилась шить, вязать, мастерить всевозможные поделки. Когда она поняла, что скоро станет мамой, счастье ожидания поселилось в доме, пока...

Беременность резко прервалась, чудом оставив жизнь несостоявшейся матери. Затем новая тревожная беременность и снова – испытание.

* * *

Виолетта родилась совсем крошечной и совсем одинокой. Жизнь в ней теплилась только благодаря докторам и чужой женщине, которая практически ежедневно подходила к барокамере и шептала что-то непонятное и родное. Наверное, она была мамой. Прижаться бы к ней, услышать сердцбиение и уснуть. А мама стояла у барокамеры и потихоньку напевала колыбельную песню, считая минуты и секунды, когда сможет забрать доченьку домой. Алексей наблюдал со стороны за тем, как два совершенно посторонних человека на глазах становятся не просто родными, их сходство обескураживало. Неужели так бывает?

Оставив работу секретаря, Людмила полностью утонула в домашних хлопотах. Декретный отпуск был как нельзя кстати. Забыты апатия, слезы, бессонные ночи, отчаяние. Она – мама! Самая настоящая, которая никогда не даст в обиду собственное дитя. Соседи перешептывались, уверенные в том, что не справится молодая и неопытная с таким «подарком» судьбы. Ждали, что придет поплакаться, что будет жаловаться на нехватку денег и знаний по воспитанию детей.

Виолетта росла забавным шкодливым ребенком, получая любовь родителей, пока в один из дней у них в доме не появился братик Сережа. «Родился» он таким же способом, как и старшая сестричка. Малыш был болезненным, капризным, замкнутым. Это не пугало Людмилу. Это ее сын, и она сделает все, чтобы малыш был крепким и здоровым.

В свои год и два месяца Сережа не понимал ласковых рук, памперсов, колыбельных. Доктора отдали ребенка с букетом серьезных диагнозов, из которых следовало, что у него врожденный сколиоз, рахит, тугоухость. Ребенок, узнав руки мамы, ни за что не хотел оставаться в кроватке один. От постоянного ношения на руках Люда сорвала спину. Дедушка-костоправ, куда поехала Люда за помощью, умелыми движениями вправил диски на место и попросил показать ребенка, которого взяли с собой только по той причине, что не на кого было оставить дома. Синюшного цвета позвоночник не привел в замешательство

деда. Несколько ловких движений, и малыш успокоился. А рахит был и вовсе не рахитом, а заболеванием кишечника.

- Ты где взяла ребенка? – спросила мать, переступив порог дома.
- Родила.
- Зачем он тебе нужен? Тебе одной Виолетты мало?
- Мало. Нам с Алешей мало. Это наши дети. Я их родила. И на этом разговор закончен. Ты меня поняла? Я их родила.

* * *

На Шахтерск надвигались войска украинской армии. Люди метались по дорогам, выискивая еще свободные лазейки, по которым можно уехать из города. Оставив все мысли об отъезде, Люда с Алексеем на всякий случай подготовили подвал, собрали с огорода весь урожай, созревший к тому времени. Как еще можно подготовиться к войне, никто не знал. И тут позвонили родители с просьбой забрать урожай томатов. На все про все было несколько минут. На стареньком «жигуленке» всей семьей поехали к родителям.

Мимо сновали машины и автобусы с беженцами, где-то далеко над соседним поселком в небо тянулся столб дыма, слышались залпы орудий. Только бы успеть. Дома не было хлеба. Алексей остановился у ближайшего магазина.

Внезапный удар в заднюю часть машины был такой силы, что никто не успел сгруппироваться или спрятаться. Опомнились, когда к машине подбежали ополченцы. Одни вытаскивали окровавленного Алексея, который головой разбил лобовое стекло и сломал челюсть, другие помогали выбраться матери с ребенком. Ее голова напоминала синюшный оплывший шар. Из ушей и лба текла кровь на испуганного Сережу, который чудом остался жив только потому, что мать словно вобрала его в свои крепкие объятия, не давая смерти их разорвать.

Кто-то уже усаживал раненых людей в машину, как Людмила закричала, что в машине еще осталась дочка.

- Какая дочка? Там никого нет.

Люда рванула к машине с криками, что она была с ними, что она здесь, и что никуда не поедет, пока не найдет Виолетту.

Ополченцы нашли девочку на полу автомобиля зажатой между сиденьями. Аккуратно достав истекающую кровью малышку, рванули в ближайшую больницу.

На месте определили, что сложные переломы и вывихи могут исправить только в Донецке, надо торопиться – дорога каждая минута. Недолго думая один из ополченцев сказал, что они с другом готовы везти мать с ребенком в областную больницу на своей машине, только бы успеть. Виолетта была в коме. Ее уложили на заднее сиденье, подсоединили капельницу и в сопровождении доктора отправились в сторону Иловайска.

Иловайск и Зугрэс бомбили с неба. Самолеты словно брили лесополосы, низко летали над дорогой, сбрасывали снаряды. В этой каше легко было погибнуть на месте, но останавливаться опасно. Заехав на несколько минут в зеленку, решив переждать артоналет, заметили, что к ним приближается «скорая». Это спешили на помощь доктора из Калининской больницы Донецка. Машина была наполнена ранеными солдатами и мирными жителями. Никто не тронулся с места, пока не перенесли раненую девочку. Ехали на огромной скорости, не включая сирены. Кроме бомбежки – помех не было. Дорога была пуста.

* * *

Для девятилетней девочки многочисленные гематомы и кровотечения, накол черепа, сломанные нос и челюсть – тяжелейшие испытания на выносливость. Да просто на жизнь. Ребенка тут же положили на операционный стол. Доктора делали все возможное в той ситуации. Ведь многие специалисты, не выдержав испытания войной, уехали из города. Остались самые сильные и выносливые. Затем была реанимация и приговор – нужна серьезная пластическая операция по выравниванию челюсти.

Взрыв прогремел так неожиданно, что некоторые просто полезли прятаться под кровати, забыв, что в больнице есть бомбоубежище. Снаряд лег недалеко от отделения, где лежали Людмила с дочкой.

Спустя несколько дней Люда гуляла с малышкой по больничным тротуарам. Перезнакомившись с людьми, волею судеб попавшими под обстрелы, мамы с детьми гуляли по больничной территории, боясь отлучиться на более дальние расстояния, ведь в любой момент их могли обстреливать. Странно было осознавать, что самое мирное место – больница – может подвергаться таким интенсивным обстрелам.

Как-то заметили, что в одно и то же время некая белокурая женщина с девочкой прохаживаются в одном направлении. Это стало заметным, потому что, по логике, все сворачивали на соседнюю дорожку, где было удобно гулять с колясками, а эта незнакомка продолжала путь мимо недостроенного корпуса. Вопрос решился сам собой. Вечером в фойе больницы кто-то включил телевизор, где в новостях рассказали о женщине, которая за мизерное вознаграждение ставила «маячки» на корпуса, после чего происходили целенаправленные взрывы. Диверсантку взяли быстро. Но как гадко было на душе у всех, кто так или иначе косвенно был причастен к этой трагедии. Видели – и не предотвратили. Но разве можно было распознать в матери с ребенком диверсанта?

* * *

От наркоза Людмила отходила тяжело. Казалось бы, легкая лор-операция, а столько неудобств. Болезненная бледность лица ее совсем не портила. Ни разу не застав, не попросив помощи и обезболивающего укола, она полулежала на высоко поднятой подушке и дышала ртом. Нос был закрыт туго смотанным валиком из бинтов и ваты, который постепенно пропитывался кровью. Ночь была бесконечной. Соседи по палате спали. Чтобы скоротать время, Люда вышла в коридор и присела на диван. Когда-то, в 2014 году, она не могла вот так спокойно сидеть в коридоре. А сегодня – ни выстрелов, ни взрывов. Благодарь! Она вернулась в палату, потихоньку достала из сумки пакет с бумагой и клеем и снова вышла в фойе.

Когда рано утром в палату вошла медсестра с препаратами для инъекций, на кровати Людмилы лежали огромных размеров разноцветные новогодние снежинки.

– Ух ты! – в один голос воскликнули соседи по палате.

– Какое чудо! Какое красивое утро!

А Люда сидела в фойе и дремала. Перед ней стояла задача – поскорее выздороветь и вернуться домой к деткам. Как там они без нее? Не обидел ли кто, не скучают ли.

По коридору шел Алексей и крепко держал сына за руку. Рядом шла Виолетта.

– Мамочка, привет! Нам без тебя плохо, – прижался к матери Сережа. – Можно я останусь с тобой?

– Ну что ты, сыночек, – улыбнулась уставшая Людмила. Мама скоро будет дома. Хочешь каши манной?

– Сама наварила?

– Нет, нас здесь хорошо кормят.

– Мамочка, тебе больно? – спросила Виолетта.

– Немного. Но я потерплю.

– А кому ты приготовила столько снежинок?

– Всем докторам. Я посмотрела, что в больнице очень скучно, и решила сделать маленький праздник всем, кто сюда попадает. Смотрите, как здорово расцвел в углу пенек. словно сказка ожила.

Мимо прошла Доктор с «фарой» во лбу и улыбнулась детям. Она помнит те страшные дни 2014, когда больницу обстреливали, а они с докторами и медперсоналом часами стояли в операционной. Но это было так давно, что сегодня не хочется об этом думать. Сегодня надо подумать, как облегчить боль этой замечательной молодой женщине так напоминающей Мадонну. У нее такое простое имя. Мадонна Людмила.

ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ (Москва)

(из «Донбассского цикла»)

КЕНОТАФ НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

I

Я видел Гераклита – он спал на земле, он спал,
обняв рукой автомат, бряцающий, как кимвал,
Я видел Гераклита – он спал на земле, ничей,
и ползал снег по нему наподобие белых вшей,
и мирная жизнь приходила к нему во сне;
война лежит в основе всего, но только не на войне.

Корни в земле пускающий, как женьшень,
Гераклит говорит, что сердце моё мишень,
Гераклит говорит, что сердце моё лишь цель...
для бессмертной любви, и оно превратится в цвель,
в дым, бетонный пролёт, ржавый чугунный прикид,
в мост и звезду над ним,
которая говорит.

II

В краматории, в крематории
на пригорках горят цикории,
словно венчик природного газа,
голубого русского глаза.

В краматории, в крематории
на дорогах потёки крови и
вылезают из-под руки
бледно-розовые кишки,

и клюёт некормленный петел
человеческий жирный пепел,
это, мамочка, ничего,
это братское торжество,

что заходит над детским садом,
самолётик, смазанный салом,
и глаза с голубым оскалом
эуропэйские у него.

III

Молодому лётчику нынче снится,
как он нижним фронтом бросает ФАБы,
в воздухе летят, запрокинув лица,
дети нарисованные и бабы.

Вот ещё одна голова взлетела,
поглядела глазом пустым в кабину,
«Что же ты наделал, – прошелестела, –
как же не узнал ты родного сына?

Спрятался я, папа, в кусты картопли,
потому что я маленький и глупый,
мама надо мной испускает вопли,
видишь, как у мамы дёргаются губы?

Но зато теперь не пойду я в школу,
поднимусь по лесенке в свет кромешный,
помни своего сыночка Миколу,
приноси мне камешки и черешни».

Лётчик спит, и свет ползёт к изголовью,
аки тать, и нет никого,
в небесах, объятых огнём и кровью,
лесенка стоит для него.

IV

В гору поднимается душа без изъяна,
перед нею Пётр в чинах эцилопа,
«Я жена взрывателя, – говорит мембрана, –
в бежецком котле за пучком укропа
варятся мои промокшие берцы,
жёлтая мабута, покрытая солью,
будь так добр, апостол, подай мне смерти,
я свои грехи искупила кровью,
что же ты глядишь на меня, улыбаясь,
где моя желанная смерть вторая?»

Пётр, гремя ключами от гравицапы,
рукавом космического хитона
отирает лицо от кровавого крапа
чуть живой души, из ларингофона
сквозь помехи доносится голос Бога:
«Всё в порядке, Камень, не медли, трогай».

V

Солдат удачи и Ко» начинает сезон продаж
внутренних органов – печень, кишки, куपाж
из костей и нервов – хотите нервов?

Мальчика на запчасти? – Всё равно он теперь ничей.

Мистер Шмайден торгует мышцами палачей,
вагинами малолеток... Надоело жить по старинке? –
купи себе новые лёгкие и учись играть на волынке.
Покупайте оптом, дешевле, почти что даром –
мы теперь всегда с ликвидным товаром!..

Они сыграют ему «Янки Дудль» напоследок,
они приспустят флаг над лужайкой жёлтого дома,
звук на миг зависнет над стайкой рабов и деток,
над могилой папочки-дуролома,
важный пастор скажет – не время пустых речей,
разбирайте беднягу Шмайдена – он ничей...

Яблоки в саду на земле, полумрак, холод,
нас несёт в неизвестность, нас окружает бедность,
и неважно, какой это год и какой город,
ибо ты излучаешь свет и моя нежность

спрятана глубоко в тебе,
спрятана глубоко в тебе,
как янтарь в кембрийской сосне,
как бабочка в тишине,
как солдат, летящий во тьме
в пылающем вертолёте.

V I

Вертолёт – души убитых танков,
чи глаза забиты кровью и глиной, –
словно чуя свой же мертвецкий запах,
долго кружат над сонной ложиной,

ничего не видя на экранах прицелов,
что случилось толком не понимая,
огненное небо на новое тело,
как бушлат прожаренный, примеряя,

а потом уходят в сторону света,
и мне улыбаются их пилоты.
Жаль я не узнаю, зачем всё это,
кем потом становятся вертолёт.

V II

В поле дует суховей.
Выйдешь с древняя иконы
Богородице своей
бить о дождике поклоны.

Вот такие наши дни,
вот такое наше лето,
снова человек войны
обернулся вспышкой света,
снова человек труда,
чтоб мы жили как в европах,
не вернется никогда
из оплывшего окопа,
из размытого весной,
точно горькими слезами,
ну давай, пойдём со мной
в гости к украинской маме,
ничего не скажем ей,
ткнувшись в старые колени, –
матери своих детей
ищут по долине тени,
только те в ответ молчат,
кто на русском, кто на мове,
изувеченные, спят
в черных лужах общей крови.

V III

Злонамеренных мёртвых прошу подавать свой голос
на листочках без подписи,
тех, кто погиб в Афгане
или Чечне – на бурых, залитых кровью,
малолеток, сгоревших на киче,
прошу прилагать уголь,
старый полкан Хоттабыч,
спаливший детей бензином, и ты,
свинорылый кум Маргарин,
в твоих глазах, голубых, как медбатская грелка,
однажды мелькнула жалость, ну вот,
приложи один глаз вместо вотивной таблички,
он пойдёт за двоих, ты всегда был пьян, а ещё,
кто там стоит в отдалении, тихо воя?
Девочка кладёт голову на плечо
тощей старухе, зачем они снова плачут?

Нет, это всё ни к чему, мирняк расстрелянный – мимо,
им нельзя давать голос, их слишком много,
они должны быть в раю... И так, у меня вопрос:
остаёмся мы здесь, товарищи, или
ищем себе новые воплощенья
и приносим в мир ещё более благочестья?
Ад готов нас принять, но у меня в руке
пара носков шерстяных, их связала мне бабка,
слепая как крот, наощупь, теперь это что-то
вроде монгольской пайзцы, пропуск на путь обратный,
в мир, где цветёт черемуха и на болоте
вереск дрожит, и так тихо, что слышно,
как ворон, крылом рассекающий воздух,
летит, летит, летит... но о чём это я, голосуйте
или за новую жизнь, или за ту, что привычна,
с жаром, котлами и прочими ништяками.

IX

Вата переходит в дым,
в дым над белой хатой,
улыбаются живым
дети и солдаты.

Как инверсионный след,
как в груди осколок,
вата переходит в свет,
переходит в холод.

Улетает налегке,
дарит нам прощенье,
лишь у девочки в руке
красное печенье.

2014–2016

Девятый год войны. Погибшее железо.
Погибшая земля, погибшая трава.
Ворона на суку расстрелянного леса.
Жизнь сомневается, а смерть всегда права.
Сыта ли, голодна – твердит своё воронье:
«Что мучиться, боец? Ослабь же турникет.
Усни, смотря, как кровь струится по ладони».
В ладони у бойца клубится лунный свет.
Над ним кружится дрон.
Над ним звезда горит.
Ветра над ним шумят.
Рука его болит.
Девятый год войны.
Весна. Упадок сил.
Ворона на суку.
Ползи, боец, ползи.

ЛИЛИЯ ПОЛШКОВА (Донецк, ДНР)

Не волнуйся, мама, я вернусь,
просто нынче Родина в опасности.
Я ж теперь спокойно не усну –
как-то неуместны стали радости.
Тут без нас сирени расцветут,
кулички да крашенки посвятите.
Мы уходим, позабыв уют,
подросли, как мнилось мне, солдатики...
Я – за наших, даже не бойсь!
Берегите девок! Нам же надо,
как вернёмся, строить свою жизнь.
За неё идём, не за награды...

Куда-то подевались воробьи...
Смотри ж ты, вроде стреляный народец,
и к сытой жизни толком не привык,
а вот поди-ка, тоже... сделал ноги.
Туда, где тише, легче и сытней
и можно под стрехой спать без тревоги...
А мы уж тут прокормим голубей –
Они уже привыкли к «непогоде»...

А утро начинается не с кофе...
С тревог, звонков, разгадыванья снов,
Что провожают ночь тяжёлым вздохом,
Откладывая страхи на потом.
Растрезанный очнётся на Голгофе
Рассвет, не видя за собой вины.

...

Тут утро начинается не с кофе.
Тут утро начинается с войны...

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ (Донецк, ДНР)

Я видел пробитые навывлет панели,
я слышал, как пули срезают ветки,
я знаю, как вести себя при артобстреле,
я умею отличать «прилёт» от «ответки».

Я видел, как дети боятся неба,
я слышал, как мать рыдает над сыном,
я знаю, как город выживает без хлеба...
И я не сумею простить Украину.

2019

Год за два на войне, год за два.
Наливается болью трава,
и скорбят без коры дерева,
и уже не звенит тетива.
Год за два на войне, год за два...

Год за три на войне, год за три.
Если сердце без фальши внутри,
поднимайся, иди и смотри,
и дорогу другим протори.
Год за три на войне, год за три...

Год за пять на войне, год за пять.
Ты уже разучился мечтать,
ты уже разучился летать
и бредёшь через гиблую гать.
Год за пять на войне, год за пять...

Год за семь на войне, год за семь.
В бесконечном больном колесе,
из которого выйдут не все
по польни в кровавой росяне.
Год за семь на войне, год за семь...

2020

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут, почти что без надежды,
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, –
долой тоску! –
рекой стальной БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

2021

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит несломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

2022

Я — Россия

Над горькой землёй возреяв,
Дым и пепел смиряют имперский жар.
Я не дам в обиду моих евреев,
И мою Чечню, и моих татар...
Не без грешников в нашем засечном стане,
Но попробуй изъять из моих глубин
Голубиные рокоты Пиросмани
И лозы кахетинской живой рубин...
Да, ладони мои – и нежны, и грубы,
Но любовь так искренна и чиста,
Что дробят мне дыхание ритмы Кубы –
И огонь Хиросимы палит уста
До сих пор...
При петливой степной дороге,
Там, где братской рукой уничтожен брат,
Льются слёзы мои, и мои тревоги
Умножаются по миру во сто крат.
Да, как ржавая жёсть, мои тайны пёстры,
Но когда пожар в дому лютовал,
Дорогие братья мои и сёстры,
Кто вступался? Кто руку вам подавал?
Да, на вечность вперёд провиденье слепо:
Дождь смывает следы, время стены ест...
Кто ж за русских заступится? Только небо.
Богородицын плат. Нерушимый крест.

Это война. Я иду по дороге войны.
Нервы мои оглушительно оголены.
Скрип, или стон, или ветер ворвался в трубу?
Пленных не брать – ведь не я начинала пальбу.
Хочешь – поверь, а не хочешь – пойдя и проверь:
По околотку свирепый бесчинствует зверь,
Всюду ворует младенцев и душит старух,
Чтобы в народе огонь совокупный потух...
Чтобы от страха кто выдохся, кто озверел –
Неумолимо идёт планомерный отстрел.
Снайперы ада зрачками вращают в толпе,
Рано ли, поздно ли – сталь полоснёт по тебе,
Вырвет из сердца и друга, и сына, и мать...
Мир – под прицелом! И нечего тут понимать!
Нечего ждать благосклонности дальних небес –
Здесь и сейчас обнаглевший орудует бес,
Не прикрываясь, в победные трубы трубя...
Силы небесные действуют – через тебя!
Встань! Отшвырни от ворот ядовитую тварь!
Зверь размножается: вспомни – и первым ударь!
Кончились сроки витийствовать и умолять.
Я выхожу на дорогу. И. Буду. Стрелять.

Что, небрат, не спастись от тоски?
Обнимать – так, поди, покалечим...
Всё простим: и долги, и плевки.
Лишь тоску твою вылечить нечем.
От неё в предрассветную рань
Лечат разве что райские звуки –
Жаль целебные слёзы разлуки
Свеял ветер за Тьмутаракань,
А другого найти не берусь
Над постигшим отчизну разломом...
Вот и песня моя – за шеломом,
Как за станом родительским – Русь...
26.01.18

ГЕННАДИЙ ГОРЕЛИК

Карловка

Да воздастся каждому по делам его.

Евангелие от Матфея

Нас было трое – не очень молодых и внешне совершенно не похожих друг на друга вооруженных людей. Мы медленно шли по полуразрушенному дачному поселку, пытаюсь отыскать все еще оставшихся в нем живых людей, чтобы помочь им убраться наконец-то из этого ада.

Впрочем, жителей в поселке практически не осталось. Несколько женщин, старик с орденскими планками, цыганка с двумя детьми да несколько стай одуревших, ничего не понимающих дворняг. Вот и все, кого нам пока удалось отыскать, даже кошки куда-то подевались. Всех обнаруженных людей мы отправляли к месту общего сбора возле старой автобусной остановки. Потом еще нужно будет пешком перевести их через дамбу, куда за нами и должен приехать автобус.

– Слышь, Синай, ты там не очень-то резвись, аккуратней, и под ноги смотри! – окликнул меня старший нашей тройки с позывным Дядя.

Синай – это я, так меня прозвали совсем другие ополченцы еще в Славянске. Я думал, пошутится – забудется, а вот как-то прилепилось, и теперь это мой позывной. Впрочем, мне нравится.

Итак, наша тройка неспешно движется по грязной, измочаленной минами пыльной улочке. Старший (хотя по возрасту моложе всех), окликнувший меня, Юра, или дядя Юра, или просто Дядя, – крепкий, лет тридцати парень. Он у нас не просто старший, он за все отвечает. Дядя – очень опытный, все видит, все слышит, а также очень грамотно руководит, планирует и опекает. Хотя опекает он только меня, потому что третий член нашей группы – маленький, верткий, неопределенного возраста татарин с позывным Анчар – в опеке не нуждался. Он двигался метров на пятьдесят, семьдесят впереди нас, периодически перемещаясь с фланга на фланг мягким, скользящим шагом. Иногда он замирал, поднимая руку, и тогда мы тоже замирали и приседали на месте, готовясь ко всевозможным неожиданностям. Анчар – снайпер, дядя Юра – пулеметчик и сапер, ну и я – не пойми кто. Дядя и Анчар – хорошо сработанная двойка, и им для таких действий, как разведка и минирование остатков дачного поселка, никто третий совершенно не был нужен. Да я и оказался с ними случайно.

Моя задача была собрать и вывезти из поселка немногих все еще оставшихся там людей. Украинская артиллерия долбала поселок уже не меньше недели, постепенно превращая его в груды развалин. Наши отступили за дамбу, и почти все жители тоже покинули свои дачные, и не только дачные, жилища. Остались лишь те, кто в силу разных обстоятельств не успел или не смог уехать до того, как в поселок перестал ходить автобус, а своего транспорта не имел и, соответственно, выбраться оттуда самостоятельно не мог. Вот их-то я и должен был эвакуировать из зоны обстрела.

Автобус за людьми на нашу сторону дамбы должен был подъехать часам к семнадцати, а я прошел в поселок в шесть утра, чтобы найти и организовать все еще оставшихся в полуразрушенных домах людей.

На пару разведчиков я наткнулся минут через пять моего пребывания в поселке. Точнее «наткнулся» – это не совсем правильное определение того, что произошло. Решив, что поиск оставшихся в развалинах жителей лучше всего начать с дальнего края поселка, я закинул на плечо трофейный, еще со Славянска, карабин и не спеша направился по середине того, что осталось от центральной улицы, к дальней окраине поселения, по пути зорко (как мне казалось) оглядывая окружающую меня местность.

Сказать, что они появились неожиданно, а также сказать, что я испугался, – значит вообще ничего не сказать!

Сзади, чуть левее направления моего движения внезапно раздалась команда: «Стоять!»

Голос был негромкий, но для меня он прозвучал громом среди ясного неба, и неожиданно впереди, чуть правее меня, из развалин появился еще один человек с наведенной мне в лицо снайперской винтовкой.

Команда не двигаться была явно лишней, я и так застыл, как соляной столб.

– Карабин держим на плече, – продолжал тот же голос, – вторую руку под-
нимаем, резких движений не делаем, медленно поворачиваемся.

Руку поднял, карабин держу, о резких движениях даже не помышляю, повернулся.

На меня внимательно смотрел высокий, под метр девяносто, здоровенный парень с большим рюкзаком за плечами и пулеметом, который в его руках смотрелся как-то несерьезно, хотя никакими шутками тут не пахло.

– Кто такой? Откуда?! Что тут забыл? Отвечать!

Вопросы с обеих сторон следовали один за одним, не оставляя ни секунды на осмысление происходящего. Однако я уже успел разглядеть на рукаве здоровяка нашивку с надписью «Вежливые люди» и, хотя это могло вовсе ничего не значить, немного успокоился.

– Спокойно, свои.

– Да мы спокойны, а какие свои, ты нам сейчас расскажешь.

– Депутат я ДНРовский, людей вывозить приехал, к пяти часам за ними автобус на ту сторону придет, вот я и приехал раньше, чтобы всех оставшихся отыскать.

– Документы есть?

– Есть, в кармане, да вы с нашими свяжитесь, они знают, что я сюда прошел.

– Давай сюда, – здоровяк протянул руку.

– Только медленно, без глупостей. Анчар, свяжись!

Пока парень с пулеметом не спеша разглядывал мое удостоверение, сзади раздался чуть слышный шепот говорящего по радиации второго бойца.

– Свой это, – раздалось через несколько минут, – и вправду депутат, позывной Синай, пацаны хорошо его знают и про автобус за беженцами тоже в курсе.

– Свой – это хорошо, ты, мужик, расслабься пока, руки опусти, я сейчас со штабом переговорю, и разберемся, что с тобой делать. Анчар, посматривай!

Парень отошел метров на десять в сторону и начал что-то коротко и как-то не по-доброму говорить в радиацию. Ему отвечали. Речь явно шла обо мне, я, естественно, начал прислушиваться, и, хотя до меня долетали лишь обрывки фраз, стало ясно – мое неожиданное появление в поселке этих двух бойцов совершенно, не обрадовало.

– Охренели! А если?! Каким образом?! Почему один?! Кто?! Он?! Издеваетесь?! Почему не предупредили!

И все это сопровождалось, мягко говоря, нетрадиционной лексикой.

Наконец дискуссия закончилась. Парень выключил радиацию, опустил пулемет на землю и посмотрел на меня каким-то странноватым взглядом.

– Ну вот скажи мне, депутат, что с тобой теперь делать? Где ты, б...дь, взялся на мою голову?

– Да ничего не надо делать, мы же свои, я пойду людей искать, а вы по своим делам. Что-то же вы здесь делали.

– Слышь, Анчар, он еще и издевается! Синай, бл...дь! Людей он выводит! Моисей тут, сука, выискался!

– Да ладно тебе, дядя Юра, не пыли, ты же уже все решил, командуй.

– Значит так, Синай, слушай внимательно, повторять не буду. Идешь с нами, это не обсуждается! Анчар впереди, мы метрах в ста сзади. Ты справа от меня, чуть что – на землю и не отсвечиваешь, пока не скажу, понял?

– Понял, но в чем, собственно, дело? Задание у меня простое, походил, покричал, собрал, кого нашел, и к своим.

– Походил, говоришь? А ты в курсе, где уже заминировано? И не только нами! Сюда укры как к себе домой шастают, они километрах в полутора за поселком, в любой момент сюда зайти могут. Чем воевать будешь? У тебя с БК что?

Мне поплохело. Я прекрасно понимал, что дядя прав во всем. И дело было даже не в том, что патронов было всего десять штук, то есть одна обойма, просто я отчетливо понял, как мне повезло, что разведка оказалась своя, а не укропская. О минах думать вообще не хотелось.

– Ну и что мне делать? У меня задание!

– Я тебе уже все сказал. Идем тройкой, не шумим, в остатки жилья заходим осторожно. Анчар первым, мы страхуем. Если кто живет, увидим, не сомневайся.

Всех, кого сможем, соберем. И смотри, в случае чего в бой не вступаешь, забираешь всех, кого успеем собрать, и бегом через дамбу. Понял?

– Понял, а вы как?

– Мы уйдем, не сомневайся. И учти, нам без тебя легче будет, так что никакого геройства!

В общем, поладили. Так и ходим – уже четвертый час. Сорок пять минут движемся, пятнадцать отдыхаем. Это, как сказал Анчар, чтобы глаз не замылился. Честно признаюсь, не знаю, что бы я вообще без них делал. У меня не только БК, воды с собой не было, про еду я, естественно, тоже не подумал. А вопрос, как бы я поступил, если бы наткнулся на раненых, кроме стыда у меня уже никаких чувств не вызвал. Даже бинта у меня с собой не оказалось!

– Ты, Синай, не обижайся, – говорил дядя Юра на одном из привалов. В следующий раз умнее будешь, запасешься. А еще лучше – сам не ходи больше, что там у вас, помоложе никого не нашлось?

– Да не подумали как-то об этом.

– Ну вот и учись, а лучше думай и заранее планируй. Сегодня, я думаю, уже все, десяток домов всего осталось, сомневаюсь, что кого еще отыщем, но и то хлеб.

Он, конечно же, оказался прав. Кроме еще одной женщины, вышедшей к месту сбора самостоятельно с маленькой девочкой на руках, никого мы больше не обнаружили. Хорошо хоть раненых не было.

Я уже собрался было пройти еще разочек, благо время позволяло, как шедший впереди Анчар вдруг поднял руку и, не ожидая наших действий, юркнул куда-то в развалины.

– Тихо, Синай! Чую, накликали.

– Я ничего не слышу.

– Я пока тоже, но Анчар точно что-то услышал, у него слух такой, что собаки завидуют. Да и чуйка, слава богу.

Через несколько мгновений мы тоже услышали какой-то не совсем ясный гул, явно приближающийся со стороны украинских позиций.

– Ну вот и все, дружище, – не спеша произнес дядя Юра, – быстро уводи людей, сюда не возвращайся, нашим скажешь – они в поселке будут минут через двадцать-тридцать. Но сюда так просто не доберутся, не зря же мы все проходы минировали. Плюс наши их из минометов накроют, тут все давно пристреляно. Так что успеете с запасом. Да и мы с Анчаром, если что, подсобим. Он стрелок классный, а хороший стрелок, да с фланговым пулеметным прикрытием, это тебе не хухры-мухры. Но, надеюсь, что до стрельбы все-таки не дойдет.

Я очень хотел что-нибудь сказать на прощание, в конце концов – просто пожелать удачи. Но все слова вдруг стали казаться мне никому не нужной банальностью, и я просто молча кивнул.

– Вот и молодец, и запомни: в следующий раз не ходи. А сейчас бегом давай, тебя люди ждут.

Я оглянулся на остановку, а когда через мгновение повернул голову, дяди Юры рядом уже не было. Когда успел? Как при такой комплекции можно двигаться совершенно без звука? Черт, что-то сказать все-таки надо было. Ну да ладно, бегом так бегом, времени осталось немного, да и старик, скорее всего, не сможет двигаться быстро, плюс дети, плюс кое-какой нехитрый скарб на двух маленьких тележках. Да и несколько неподъемных даже внешне сумок оптимизма мне не прибавляли.

Но все обошлось, дамбу перешли минут за пятнадцать, а там уже были наши.

На этом, собственно, мои приключения и закончились. Нас накормили, автобус пришел вовремя, корочка, чай, пряники! Если, конечно, не считать минометных залпов, которыми наши изрядно попортили кровь укровермахту, который, видимо, посчитал, что получит остатки поселка совсем уж даром.

– Это все вы молодцы! – радостно сообщил мне командир минометчиков. – Все проходы разведали. Координаты сообщили, еще и в процессе откорректировали. Так что мы отстрелялись, как на учениях.

В том, кто на самом деле молодец, у меня не было ни малейших сомнений, и я в число молодцов не входил ну никоим образом. Впрочем, наших

минометчиков это совершенно не волновало, и, поразмыслив, я понял, что они совершенно правы.

На мой вопрос, что же произошло с разведгруппой, мне ответили, что они навели мины на цель и спокойно, без боя ушли по запасному четвертому маршруту.

В тот момент у меня больше вопросов не было, а потом пришел автобус, и началось. Разгрузка провизии, медикаментов, погрузка раненых, беженцев, все это на какое-то время поглотило меня полностью. Короче, о том, что мы с разведчиками даже не попрощались, до меня дошло только на следующий день. Не попрощались? Да мы, в общем-то, толком и не поздоровались. Ничего, думаю, еще пересечемся, шарик маленький, а пообщаться хочется, уж больно мужики колоритные и какие-то свои в доску. Опять же, торчу я им и воду, и сухпай. А то, что воду мы при встрече обратим в водку, можете даже не сомневаться! Синай я или не Синай! Да и на закуску что-нибудь получше сухпая найдем! В общем, при встрече разберемся, были бы все живы – здоровы. И пускаяй будет мир!

*Донецк
Апрель 2016*

Горько

Ты стоишь высоко на крыше,
Для прохожих – скрипучий флюгер.
В облака позвало затишье,
Мир-война в неизменном круге.
На ладони блестит осколок,
Свежий вестник залётной брани.
Дождь сочится в утробу дома,
Забинтуешь сквозную рану.
Год восьмой ни ночей, ни свадеб,
В рост полынь, полыхает зорька...
Август. Нивы и нервы сжаты.
Гул снаряда взрывает «Горько!»

Весна пришла

А всё-таки весна пришла –
В колючей шали снегопада
Под гул взбесившихся снарядов,
За восемь лет им нет числа.
Смотри в окно, весна пришла.
Снесла границы, страхи, всхлипы,
Восторг вдыхается по-рыбьи
С неверой скорого тепла.
Заныла грудь. Весна пришла.
Не завтра солнце, зелень, трели,
Вернутся к жизни люди-цели
В краю могучего угля.
И всё-таки, весна пришла!
Не обманула ожиданий.
Мир монохрома утром ранним
Раскрасит землю добела.
Но только раньше горько-красным...

Медведи просыпаются весной

Снега соболю, тропы заморожены,
Срывает страхом нервы волчий вой,
Не видно солнца, в сердце червотчины.
Медведи просыпаются весной.
Терпеть и верить – время бесконечное,
Куда ни глянешь – старая с косой,
Горят холмы мерцающими свечками.
Медведи просыпаются весной.
Раскаты грома, жаворонки звонкие,
Затянет раны тоненькой корой,
Мир возводит идём путями Божьими,
Медведи просыпаются весной.

Фронтовая

На восемь лет войны мы стали старше,
Печальной ношей серебрят виски.
Взрослеет ребятя в походном марше,
Взрослеет ребятя в походном марше,
Домой приходят старики.

Война бедой вне времени, вне даты,
Вне человечности горят дома.
Смыкают строй уставшие солдаты,
Смыкают строй уставшие солдаты,
Который май идёт война.

Растут холмы, рыжеет глиной поле,
Из тела души изгоняет брат.
Огнём сочится и войною болен,
Огнём сочится и войною болен,
Уходит ввысь прощальный залп.

На восемь лет войны мы стали старше,
Блокады тяжесть на плечах несём.
Идём к святой весне победным маршем,
Идём к святой весне победным маршем,
Стоим незыблемым щитом.

Октябрьское

Поспел Октябрь, срывает листья памяти,
Иду Октябрьским по дороге слёз.
Убитый дом сражался с диким пламенем
До черноты, до хрупкости берёз.
Скрипит калитка – ржавые отметины,
Хрипят ворота, в Небо вопиют,
Молитва белым яростно расстреляна:
«Здесь люди! Не уехали, живут».
Из рваных ран побеги к солнцу тянутся,
Бельмом подушка – слепнет окон свет.
Не слышен лай, лишь тишина стеклянная.
Октябрьский жив. Октябрь не допет.

СВЕТЛАНА СЕНИЧКИНА (Луганск)

Не вылечить гангрену заговорами,
Таблетками, молитвами, компрессами.
Лишь скальпель. Зная: будет очень больно,
И неизвестно, выдержит ли сердце.
Фашизм нельзя утихомирить «минсками»,
Подачками задобрить, смягчить просьбами.
Он понимает только язык выстрелов
И на другом общаться – неспособен.

Память – в душах,
А не в шарах воздушных.
Память – в сердце.
И лишь тогда – жива.
Помнить – значит
Делать, чтоб было иначе,
А не бросать на ветер
Пафосные слова.

Чем утешится сердце?
Чем душа успокоится?
Тем, что строки останутся –
На бумаге, в сети?
Тем, что имя моё
Хоть кому-нибудь вспомнится,
Когда будут в апреле
Абрикосы цвести?
Как увериться в том,
Что мой путь не бессмыслен?
Что забвенью волною
Вмиг не смоем следы?
Все уходят.
Банальная, горькая истина.
Может, это взросление –
Осознать, что – и ты.

**Ландшафтный дизайн:
от проекта до воплощения**

Миномётный расчёт
Напоминает рок-группу;
Грохот металла влечёт,
Время быстро течёт,
Вдали остаются трупы.

Достаточно трёх человек –
Словно в группе Nirvana!
(Весомая часть рок-культуры)

Недолго идёт саундчек,
Гитары и барабана;
Они грузят аппаратуру.

Рок-музыка из гаражей,
Ракеты тяжёлые рифы.
Ночи длинных ножей,
Парят беспилотники-грифы.

...Порой, занимаясь ландшафтным дизайном,
Невольно смиряешься с йедендасайном...

Мерзость Запустения

Царила мерзость заустения,
А сквозь разбитые дома
Сплетались южные растения,
Росла египетская тьма.

И в этой тьме я шёл без помощи,
Ведь я – совсем не Даниил;
А люди-звери, люди-овощи –
Никто себе не изменил.

Как прежде, ищем Рай Искусственный,
У Девы-Ночи, на краю;
А сон тревожный и бесчувственный
Царит в Искусственном Раю.

Я разгадал тебя, Утопия,
Колосс на глиняных ногах!
Ты – лишь стакан с кристаллом опия,
Сказанье о Былых Богах.

Башня из слоновой кости

Я вырос в башне из слоновой кости,
А люди были, как германцы-ости.

В библиотеки местные был вхож,
А вечером носил с собою нож.

Жизнь книжного червя и бюхервурма –
Прелюдия для мятежей и штурма.

Ночного неба звёздного хрусталь
Напоминал о Лени Рифеншталь.

И жил я в башне из слоновой кости,
И книги я читал, о Холокосте.

Эсфирь, Давид, Исайя и Наум
Тревожили мой кровожадный ум.

Так начинался Неохолокост;
Будённовск, Волгодонск, Беслан, Норд-Ост.

И было мне забавно, признаюсь,
Понять, что я живу, как Юде Зюсс.

Я мог бы быть как некий Химмельштос
И пылких юношей водить за нос.

Я мог бы вам играть, как Крысолов,
В игре, где остаются без голов.

Но я из башни из слоновой кости,
Мне не хватает подлости и злости.

Прости меня, но я – не Эренбург;
Всё, что вершил я, – дело моих рук.

А где же правда? Думаю, такая:
Достойней – убивать, не подстрекая.

Бесстрастный, безупречный холодок,
Немногословный Южный Городок.

А что же башня из слоновой кости?
Разобрана! И кирпичи – в блокпосте!

Как там, на Юго-Востоке?
Солёные, из жёлёз
Льются с экрана потоки
Крокодиловых слёз
Из социальной сети
Они говорят, говорят –
А как же убитые дети,
Как же нам жалко ребят.
Их кровью зря будет вымочена
Южная эта земля,
Пока мы уроки не выучим
Басаева Шамяля.
Урок Иисуса Навина,
И важность Господних слов:
И жён, и мужей, и невинных...
Ну и, конечно, ослов.

АЛЕКСЕЙ ИВАКИН (Вятка — Одесса — Луганск)

(13.08.1973 – 18.08.2020)

Второе мая, Одесса

Вроде бы и жарко на улице, а вроде и прохладно, когда начинал дуть ветер с моря. Поэтому Иванцов надел кожанку, если что расстегнуть можно. Да и если там, в центре, серьезный замес, то кожанка чуть смягчит какой ни то удар. Хорошая куртка, американская, похожа на полицейскую. Броник бы, конечно, не помешал, но чего не было, того не было. Бейджик прессы повесил на шею, но пока спрятал под кожанку. Ну и стандартный набор – фотик, ноут, несколько флэшек, смарт.

Иванцов не работал на какое-то конкретное издательство, но ему платили за блог. Платили за то, что он хотел писать. История, психология, политика – стандартный набор стандартного креакла. Тем более что писал-то он, но темы и информацию ему подбирали «негры». Он только обрабатывал ее в своем фирменном стиле. Иногда стебном, иногда пронзительно-тоскливом. Слезы выжимать он умел. Профессионал, чо. Новое поколение стрингеров.

Такси прибыло быстро – старая «шестера» с георгиевской ленточкой на зеркале. Иванцов забрался на переднее сидение. Поехали по Люстдорфской.

– И шо там за центр говорят?

– Шо, шо. Пидоры понаехали, наши на Куликово собираются, щас махач будет, – ответил таксист.

– Серьезный?

– Я тебе отвечаю, серьезный. Будут трупы, вот увидишь.

– Надеюсь, уродов. Откуда они?

– Та разные, суки. Я вчера возил от вокзала – харьковских понаехало, уууу. Да и других есть. Я тебе отвечаю, какие-то в Лукьяновке лагерем стоят. Я не видел, но на Привозе говорят. Приехали и бегают. Бегают и кричат славу Украине. А где здесь Украина? Ты ее видишь? Проспект Жукова, а не Шюхевича. Тут Одесса, прекрасный город, а эти Украину понастроили вокруг Мамы. Они приехали свои порядки строить. Оно мне надо? Та куда ты, сволочь, тормозишь! Не видишь, мы едем немного воевать! – заорал он в полуоткрытое окно.

Выехали на Пушкинскую. Иванцов хотел доехать до Дерibasовской, но милиция перекрыла центр. Пришлось выйти на Жуковского. Таксист еще кого-то обматерил, на этот раз в телефон, лихо развернулся, не обращая внимания на ментов, и умчался обратно. Его «шаха» так чихала двигателем, что казалось, должна была вот-вот развалиться. Ан нет. Пердела да ехала.

Иванцов шел в сторону Греческой площади. Оттуда доносился глухой гул – так ревет толпа. Не однотонно, нет. Гул то усиливается, то спадает, то взрывается радостным воем, то скуля, почти исчезает. Толпа – живой организм, со своими законами и своей анатомией. Если взлететь на вертолете над толпой, то можно увидеть ее центральное ядро, полупрозрачные мембраны, даже митохондрии. Ядро толпы тянется к объекту внимания, обтекает его и готовится жрать, жрать. У толпы нет разума, если ей не управляют. А ей легко управлять. Внутри такой толпы человек-вирусы. Если их отметить, ну, например, красными куртками – сверху хорошо будет видно, как они снуют туда-сюда, подталкивая толпу к еде. Человек в толпе безумен. Он готов на такие поступки, которые никогда бы не позволил себе в нормальном состоянии. Интеллект в толпе стремится к минимуму. И вот люди начинают бить витрины просто так, выламывать булыжники, зачем-то таскать палки, скамейки и покрышки, строя нелепые баррикады. Толпа моментально заражается различными эмоциями, причем одновременно. Страх, паника, ярость, гнев вызывают судороги у этого животного, и оно мечется из стороны в сторону, грозя раздавить, в том числе и организаторов. У человека в одиночестве тоже бывают приступы и паники, и гнева. Но когда он видит и чувствует лица таких же, как он, его чувства усиливаются вдвое, втрое, вчетверо. И другие видят усилившуюся его ярость, и растет их гнев. Реакция циркулирует, циркулирует, как в воронке. Растет ее скорость, напор, мощь. Ударить бы водометами по этой толпе, заставить этот мощный, но непрочный организм развалиться на мелкие части.

Но у милиции в тот день не было водометов. У большинства из них не было даже дубинок, не говоря уж о табельном оружии. Брюки, короткие рубашки да фуражечки – вот и все оружие против огромной толпы. У немногих были щиты. Те стояли в первых рядах вместе с куликовцами. Падали тоже вместе.

Иванцов растерянно смотрел, как мимо вели молодого пацана в милицмейской форме. Фуражки на нем не было, руками он закрыл правый глаз. Из-под рук вытекала кровь – спокойно так текла, но уверенно. Синяя рубашка неотвратимо наливалась красным. За ним бежали медики с носилками. Рука свисала с них и болталась в такт шагам.

На Иванцова никто не обращал внимания: он был безоружен и никуда не бежал. Со стороны он казался всем слегка испуганным, нервным обывателем. Такие погибают случайно. Или попадают под горячую руку. Ну, то такое.

Выскочив на Греческую, Иванцов обомлел. Он увидел каменное небо. Натуральное каменное небо. Стрелки майдана бежали ручейком. Выхватываешь из кучи камень, бежишь, набираешь скорость, меташь, бегом возвращаешься, и так несколько кругов, потом на отдых. Бегают несколько рядов по несколько десятков человек. Камни в воздухе висели постоянно. В это время стрелков прикрывали щитоносцы, отражая немногочисленные ответы куликовцев.

Возле одной из тумб отдыхал один из дружинников. Лицо его было закрыто арафаткой, но, несмотря на это, Иванцов узнал приятеля:

– О, Андрюха! Привет! Как вы тут?

– А, Санчес... – парень стащил платок, утер рукой влажный лоб. – Черт его знает, как мы тут. Куда-то народ весь делся. Нас тут сотни три всего. А этих тысячи понаехали.

В районе Соборки что-то бахнуло. Андрюха отмахнулся:

– Петардами швыряются у себя. Дух поднимают. Но на всякий случай будь осторожен: муйдауны скотчем обматывают их. А между слоями скотча обломанные зубочистки. Если попадет несколько десятков таких заноз – хирург замучается искать. Рентген их не берет. Не глубоко, конечно, попадают, но несколько десятков. А это, на минуточку, немного больно. Так что держись подальше от них. Все, мне пора.

Андрюха поднялся, натянул арафатку на лицо, взял фанерный щит, зашагал было в сторону шеренги милиционеров и куликовцев, но вдруг обернулся:

– Сань, сбегай на Соборку, глянь, шо там упыри думают. Держи вот ленточку, шоб не палиться, – Андрей протянул Иванцову желто-голубую ленточку. – Трофейная.

– У меня есть. Я еще в марте у Дюка ее надыбал.

– Давай через Дерибасовскую, там спокойнее.

Ни Андрюха, ни Иванцов не знали, что больше они никогда не увидятся. Андрюхи не будет ни в списках погибших, ни в списках арестованных. Длинный и носатый одессит просто исчезнет. Заявления о пропаже не примут новые украинские милиционеры.

А пока Иванцов быстрым шагом шел к Дерибасовской мимо торгового центра «Афина». Возле него стоял микроавтобус с надписью «Донбасс – Одесса. Вместе мы сила». Когда он выскочил на самую знаменитую улицу Одессы, на его груди уже болталась жевто-блакитная ленточка. Георгиевская лежала во внутреннем кармане курточки.

А на Дерибасовской народ активно снимал происходящее, сидел на заборе городского сада, пил пиво на летних площадках «Пивного сада» и «Фанкони». Мимо пробегали какие-то невменяемые люди в камуфляжах немецкого типа и хрипло орали: «Москали человека убили!» При этом они махали руками словно крыльями. Создавалось впечатление, что в Одессу прилетело племя каких-то безумных птиц с окровавленными клювами. Только вместо крови красно-угольные повязки.

Возле памятника Утесову в Иванцова вцепилась обеими руками жирная тетка. Безумным взглядом она впилась в лицо Сашки:

– Где у вас тут Соборка??? Там раненые, там сотни раненых, им нужна моя помощь!!! – в руке она держала пакетик, из которого торчала вага.

– Где, где... Прямо! – до Соборной площади было метров двести по прямой. Ни один одессит или хотя бы турист, приехавший в Маму второй раз, не задали бы этого вопроса.

Тетка, смешно ковыляя по брусчатке, побежала в сторону площади. Тонкое бледно-розовое платье в обтягончик: чисто поросенок Фунтик. Она бежала, размахивая кульком, из него падали куски ваты. Их поднимал ветерок, но летающие комочки тут же затапывали тяжелые берцы мирных болевельщиков.

Чем ближе к углу Дерибасовской и Преображенской, тем больше было этих ультрас. Одни в шортах и с голым торсом: футболки или тельняшки намотаны на голову. В руках палки, дубинки, биты, железные прутья. Другие в полной экипировке: каски, флектарн, берцы с вшитыми в носки металлическими пластинами, щиты, в том числе и «беркутовские», и опять – дубинки, но уже с гвоздями, заостренные палки, а у некоторых и «вогнепальна зброя». По крайней мере один, скалящийся мелкими зубами, с обрезом мимо прошел. Спустя какое-то время Иванцов узнает оскал на фотографиях из зала суда, где его, убившего как минимум трех человек, признают патриотом Украины и отпустят на все четыре стороны. В отличие от тех, кто не убил никого, но сидит в СИЗО уже четвертый год.

На углу же Дерибасовской и Преображенской лежал труп. Крови было мало. Труп был накрыт простыней. Время от времени его зачем-то перетаскивали с места на место. Милиции рядом не было, а медиков «Скорой» почему-то к трупу не подпускали. Бригада, сев кто на корточки у автомобиля, кто на дверную ступеньку, мрачно курила, не глядя на людей.

– Мужики, что случилось? – подошел Иванцов к медикам.

Фельдшер, или кто он там, знаков различия же на них нет, так вот: фельдшер выплюнул бычок и, не глядя на Иванцова, забрался в машину. Водитель просто захлопнул дверь. Пришлось спрашивать у майдаунов:

– Хлопцы, що робите? – мовой Иванцов не владел, но тут отдельная фраза вдруг вспомнилась. Слава Богу, на москальский акцент никто внимания не обратил. Впрочем, в Одессе все с таким акцентом...

– Що, що, сепары нашего убили, – раздраженно ответил один из полуголых хлопцев.

– Как? – перешел на русский Иванцов.

– Ну как, как. Подкрались и в спину выстрелили.

– И никто не заметил?

– Не...

Иванцов оглянулся. Куликовцы стояли в переулке вице-адмирала Жукова. Перед ними в три ряда милиционеры со щитами. Затем уже Дерибасовская с зеваками, затем Горсад и стеклянные витрины пивного ресторана. Это получается, кто-то из толпы куликовцев выстрелил из-за спины строя милиции? Тогда пуля вылетела на Дерибасовскую, свернула под углом в девяносто градусов направо и, огибая празднующихся туристов, как манекены, понеслась в сторону Соборки, где и нашла подходящую жертву. Бред какой-то. Как и бред то, что якобы невидимый боевик подкрался вплотную к жертве с Калашом-Веслом под плащом, скоренько пульнул и так же незаметно скрылся.

Если бы у бойцов Куликова поля был хоть один настоящий АК и они бы открыли огонь – ни одна пуля не прошла бы мимо. Следственная группа не найдет ни одного следа от пуль по направлениям от куликовцев. Зато массу следов от шрапнели над «Гамбринусом» – это убивали безоружных милиционеров и антимайдановцев.

Обойдя лужи крови, Иванцов вышел на Соборную площадь. Колокола молчали, зато били барабаны. «Путин – хуйло! Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла!» Под треск барабанов выходили на площадь со стороны Садовой шеренги мирных ультрас. В бронежилетах и касках. Ботинки высекали искры подковками. Шли слаженно, в ногу. На жовто-блакитных нарукавных повязках у некоторых были нарисованы нацистские зиг-руны. А у некоторых надпись – «Дивизия СС «Галичина»». По-украински, конечно.

– Бачиш? – закричал кто-то за спиной. – Це наші. Двадцять перша сотня Майдану! Івано-франківські! Зараз будуть сепарів вбивати!

Колонны молниеносно разворачивались в коробочки, готовясь к штурму Греческой площади. Грамотно их в лагерях тренировали. Зря мы не верили. Иванцов начал дрожащими пальцами набирать СМСку. «Идут штурмовать по Греческой. Боевики, не фанаты».

Галичане. Неведомое горное племя, называющее себя истинными украинцами. Но поставь галичанина рядом с крымским татаринцом – не отличишь тюрка от тюрка. Впалые смуглые щеки, крючковатые носы, блестящие, как сливы, близко посаженные глаза, узкие подбородки. На круглоголовых, белобрысых киевлян они похожи, как черный кофе на белую сметану. Смесь тюрков и поляков, немцев и венгров, прожившие в рабстве пять сотен лет. Им запрещали входить в города, учить детей родному языку, молиться Богу предков – и они забыли себя, рабье племя. А когда им дали в руки оружие из захваченных арсеналов воинских частей и областных УВД Западной Украины, они решили, что свободнее их на планете не существует. Человек всегда кричит о том, чего ему не хватает. Голодный о еде, одинокий о любви, раб о свободе.

Иванцов выбрался из толпы, ускорил шаг в сторону переулочка, где только что стояли наши.

И едва не споткнулся о стайку милых девчонок, разливавших бензин прямо посреди Дерibasовской. Разливали не спеша, без суеты. Иванцов достал камеру, начал снимать. Старшая из дивчинок улыбнулась ему: «Привет!» И не будет потом дня, не будет ночи, чтобы Иванцов не жалел об одном: надо было бросить спичку в лужу бензина...

Вдруг краем глаза он заметил мельтешение: проехал какой-то автобус. Развернувшись, он увидел, как милиционеры стали спешно грузиться в этот автобус. Растерявшиеся куликовцы опускали щиты, глядя, как их союзники покидают поле боя. Мгновение – и три сотни бойцов Куликова поля остались один на один против четырех тысяч привезенных в Одессу харьковчан, киевлян, ивано-франковцев, днепропетровцев, даже грузин из майданного подразделения «Сакартвело».

Заготовленные девочками бутылки полетели в куликовцев. Те, уворачиваясь от коктейлей Молотова, начали отступать к торговому центру «Афины» – круглому стеклянно-бетонному уродцу. Вот запольхала машина «Донбасс – Одесса». Появилась пожарная машина, но на нее тут же забрались бабуины с палками, вытащили водителя и застрелили его, пожарный же расчет пинками отогнали от автомобиля. Странно, но толпа не бросилась штурмовать здание, в котором спрятались куликовцы. Толпа материлась, прыгала, орала «Русских на виселицу» и «Украина превыше всего», трясла дубинками. Но ни одного камня, ни одной бутылки не полетело в витрины магазинов. Какой-то придурок разбил все же дверь и попытался полезть внутрь. Но его тут же схватили свои и оттащили назад. Разбитые стекла порезали придурка, и его отвели в тыл.

Завибрировал телефон:

- Санчес, как там обстановка?
- Андрюха, ты где?
- В «Афине».

Сквозь грохот толпы было трудно разбирать слова, а тем более говорить. Иванцов сглотнул. Он увидел Немировского – губернатора Одессы. Тот стоял с двумя бугаями в черных очках и тоже с кем-то говорил по телефону. В навороченной экипировке и американских кепках, они держали в руках винтовки, больше похожие на тяжелые бластеры из фантастических фильмов. Ни одной гримасы, ни одного движения, словно терминаторы. Иванцов понимал, что достаточно одного шага в сторону губернатора, и его размажут, как картопляник по сковородке.

- Сейчас вас будут убивать, – как можно спокойнее сказал Иванцов.
- Твою мать...

Сказал и ошибся. Иванцов не знал, о чем и с кем разговаривал Немировский.

Но через пару минут к одному из входов «Афин» вплотную подъехали воронок и автобус. Из автобуса выскочили «космонавты», окружили воронок, не давая к нему подобраться евромайдаунам. Впрочем, те особо и не набрасывались на машины.

В этот момент кто-то положил руку на плечо Иванцова. Он вздрогнул, оглянулся.

- Генка, фу, черт полосатый, напугал...
- Живой?
- Целый...
- Куда наших повезли, не знаешь?

– Откуда... А ты как?

– Ушел дворами, сделал крюк. Я же тут родился, каждый закоулок знаю. В отличие от этих.

С Генкой познакомились еще до майдана: тот торговал крымским вином. Вначале он даже поддерживал еврошабаш. Янук – вор и все такое. Реально задолбали поборы участковых и прочих чиновников. Ничего нельзя было решить без взятки. Иногда конвертиком, иногда десятком бутылочек. Сдуру повез пару бочонков в Киев. Но, увидев, что там творится, резко разочаровался. Оказывается, милых и добрых студентов только в стримах показывают. Сам же майдан заполонили какие-то бомжи, рагули да непонятная молодежь под флагами со свастикой и портретами Бандеры. А на сцене орал в микрофон те же люди из власти, которые никак не могли нажраться вдоволь. Денег им уже не хватало, требовали крови. Один даже себе кулю в лоб просил, шатаясь пьяным у микрофона.

«А шо так мало?» – спросил какой-то не то женственный сотник, не то мужественная сотница, когда Генка выгрузил бочонки. Когда же узнали, что он из Южной Пальмиры, то едва не побили, пообещав, что доберутся до клятых сепаров и москалей и там.

А когда уплыл Крым, Генка резко захотел уйти вместе с ним. Нет, бизнес тут ни при чем – каналы доставки остались, да и вино он брал у полулегальных торговцев. Просто понял, что нельзя продавать свою Родину за тридцать евро – стоимость визы в Европу. «А Родина моя – Советский союз. Мой дед бандер гонял, что, я с ними в одном строю стоять буду? Не могу. Не имею права. Янук, несомненно, овощ. Но это зло из ада».

Он постоянно говорил, что этот ад выплеснется из Киева и адской вонючей волной захлеснет Украину. С ним соглашались, ему поддакивали, но никто особо не верил в это. Что Украина по сравнению с Одессой? Тьфу, пустячок. Посмеивались, как всегда. И вот – на «поездах дружбы» украинский ад приехал в новороссийскую Одессу.

– Ты гляди, опустело как! – огляделся Генка. Внезапно евромайдановцы – и фанаты, и боевики, и примкнувшие местные кастрюлеголовцы – куда-то исчезли.

– Бля буду, на Куликово поперлись. Давай за ними!

Вышли на Преображенскую, пошли вслед за беснующейся толпой, перешагивая через битые стекла и лужи крови. Вот разбитые окна какого-то бутика. Возле него топчется растерянная молодая продавщица, названивает кому-то. Ее трясет от страха. Вот в подворотне лежит человек, похожий на окровавленную отбивную. Над ним склонилась женщина и кричит в то, что раньше было лицом: «Я же тебе говорила, никуда не ходи, никуда не ходи! Куда ты поперся, старый дурак!» Наверное, она уже вызвала скорую?

Бьют, ломают, крошат без причины – просто так. И ни одного патруля. Попробуй открыть какой-то турист бутылку пива – они были бы тут как тут, снимая полтинничек, а с дураков и соточку гривен. А здесь – никого. Языком слизало. Только у здания областного УВД мнутя вдоль стенок пузаны с полковничьими погонами. Рядом памятник погибшим в боях с бандитизмом ментам. «Похоже, сегодня еще несколько имен добавятся», – машинально подумал Иванцов.

Воспользовавшись случаем, забежали за угол, туда толпа не заходила в силу своей боковой слепоты. Разъяренная, она смотрит только перед собой. В магазинчике, как ни странно, открыто, взяли по бутылке пива. Между прочим, это еще и оружие, какое-никакое.

И оба одновременно звонили по всем знакомым телефонам, крича вполголоса: «Уходите с Куликова! Толпа туда идет!» А в ответ уже кричали, что они ушли и уже горят палатки. Про то, что кто-то ушел держать оборону в Доме Профсоюзов, пока молчали.

Генка и Иванцов оторопели, когда вышли на Куликово поле. Орущая, визжащая толпа, умело направленная командирами сотен, подогреваемая изнутри профессионалами, бесновалась возле сумрачного Дома Профсоюзов. Бывший обком КПСС равнодушно нависал серой громадой над площадью, глядя куда-то в сторону моря. В дубовые мощные двери летели коктейли Молотова. Двери нехотя, но разгорались. С крыши в ответ тоже летели бутылки, но изредка.

Они падали на асфальт грязными кляксами. Их никто не тушил, они были безопасны для нападавших.

Чего не скажешь о горящих смесях на парадном входе в Дом.

Иванцов остановил одного из пробегавших мимо правосеков.

– Извините, можно вам задать вопрос? – и сунул тому бейдж в нос.

Каска, обтянутая натовским камуфляжем, на голове, очки хипстерские на косоглазом лице, лицо замотано шарфом «Черноморца». И голосок такой... Педиковатый, как сказали бы невоспитанные люди. Ну или свободноевропейский, как сказали бы воспитанные. Иванцов был из первых.

– Да, конечно! – раздался тонкий голосок из-под сине-черного шарфа.

Иванцов включил камеру на видеорежим:

– Что вы скажете о происходящем?

– Мы одесситы, и со всей Украины съехались люди. Нам не нужна Россия, у нас уже есть страна. Нашу страну разваливать не надо. Они это здание не строили. И теперь его придется сжечь вместе с ними, потому что они к нам пришли с мечом на Соборную площадь

Затем он показал знак «Виктори» и побежал в центр площади, где догорали палатки куликовцев.

– Давай разделимся. Я по часовой обойду здание, ты против. А может, тебе смыться? Вдруг узнает кто из местных? – сказал Иванцов.

– Уйду чигирями, – буркнул Генка. – Да и местных тут нет. Смотри, мусора из Киева стоят, терки трут с металлюгами.

– Где мусора? – не понял Иванцов.

– Динамовцы из Киева. Приехали на чужие терки. Не по футбольным понятиям это.

– Ты шо, из фанов? – удивился Сашка.

Генка помялся и ответил:

– Уже нет.

В этот момент на площади раздались выстрелы. Стреляло несколько человек: толстый в синей рубашке и бронежилете поверх, длинный с дробовиком и еще двое с калашами-укоротами. Били по окнам: время от времени стекла еще советской эпохи лопались и звонко падали на асфальт. Тоже еще советский. Видимо, его клал малолетний косоглазый пидаренок до своего рождения.

А пламя разгоралось все сильнее. Дым уже валил из окон второго и третьего этажей. Языки огня уже вылизывали первый этаж. Стрелки били не по людям, нет. Они вышибали стекла, чтобы пожару было чем дышать.

– Все, идем, – они пожали друг другу руки, надеясь, что встретятся в этом же месте через... А кто его знает, через сколько.

Иванцов зашагал к правому флангу Дома, если стоять к нему спиной. Он щелкал, щелкал и щелкал, стараясь, чтобы в кадр попадали лица убийц. И делал короткие видео.

Начали раскрываться окна, из которых клубами валил черный дым. Из проемов стали показываться люди. Они вылезали на подоконники, на парапет между этажами. Кто-то терял сознания и тряпичной куклой летел вниз. Некоторые выживали, но их, с переломанными костями, оттащивали в сторону и запинывали до смерти. Или забивали железными трубами. В стоящих же на парапете летели камни. Кто-то удачно метнул бутылку с бензином, она разбилась над головой какой-то девчонки, у нее вспыхнули было волосы. Стоящий рядом парень, балансируя на полукруглом парапете, руками погасил этот огонь.

Один парнишка вылез из окна на последнем этаже, схватился за провод, улегся под окном, из которого тоже повалил черный дым.

Горел главный проход. Горели холодильники с «Кока-колой» в холле первого этажа. Горели стены, вернее, огромные пенопластовые плиты, выкрашенные серым под сталинский ампир. Обугливались лакированные перила. На лестницах горели люди. Горели насквозь, до костей: их крики были слышны на площади. Они перекрывали рев бандеровской толпы.

И падали, падали, бросаясь из огненной смерти в смерть от избиений.

«Скорые» стояли шеренгой поодаль. Медиков не подпускали к Дому. А рядом с ними стояла огромная колонна «космонавтов».

– Алена, ты дура? Это не наши менты, это не наши! – оттащивала от колонны одна девчонка другую.

Иванцов все же подошел к ментам:

– Ребят, вы чего? Там же поубивают всех сейчас!

Крайний справа поднял забрало шлема и улыбнулся, глядя на Иванцова:

– Та хай горят, москали кляты.

Иванцов так опешил, что аж отскочил. Нету на майдане нацизма, да... И в этот момент он вдруг увидел, что на пожаре нет... Пожарных машин. Ни одной.

Откуда-то с третьего этажа донесся отчаянный женский крик:

– Ребятки! Не надо! Я прошу вас, не надо!

Иванцов оглянулся, увидел, как в здание со стороны правого бокового входа толпа правосеков и самооборонцев взломала уже двери и протискивалась внутрь. В смоченных масках и противогазах.

С тыловой части здания творилось то же самое. Люди прыгали из дымящихся окон, там их добивали ногами и дубинками.

Но тут было и другое. Подъехала «Швядка медична допомага», из нее выскочил фельдшер, к нему внезапно подбежал «космонавт», из орущей толпы бросился парень в тельняшке и шортах, на голове бандана, на груди желто-голубая лента. Иванцов неожиданно для себя схватился за четвертую ручку носилок. Побежали к Дому. Лежит в луже крови тело. Вроде бы мужское, но закопченное, не поймешь возраст. Переложили на носилки, «космонавт» кому-то врезал в живот. И побежали...

«Боги, боги, какой абсурд, какой кровавый абсурд», – подумал Иванцов, когда они дотащили раненого до «Скорой». «Откуда взялся этот милиционер? Нарушил приказ стоять и побежал вытаскивать раненого. Или этот, с ленточкой майданутых? Одни добивают, другие спасают». И тут взгляд упал на свою ленточку, так он ее и не снял, жовто-блакитную. Может, у этого парня под тельняшкой наша, колорадская?

Или просто человек нормальный?

Появились еще «Скорые», еще люди стали помогать таскать носилки. А некоторые стояли вдоль коридора и старались пнуть, ударить тяжелораненых и обгоревших. Били по переломанным костям и ожогам третьей степени. По кашляющим кровью и потерявшим сознание. Били и по тем, кто таскал носилки.

Иванцов принялся за свою работу.

Генка куда-то пропал, что немудрено в такой толпе.

Темнело. Иванцов обогнул здание, там, где столовая. Навстречу ему вышли трое. Немецкий флектарн, немецкие каски, немецкий ремень с пряжкой «Гот мит унс». Захотелось схватиться за оружие. Но его не было.

Лежала какая-то девочка. Один из реконструкторов поднял ногу, поставил на ее голову. Второй его сфотографировал. Третий поржал. Молодцы. В эти сутки им можно все. Наверное, именно так им сказали кураторы.

А время тянулось и бежало. Тянулось время внутреннее – казалось, прошло всего лишь несколько минут. А внешние часы бежали с огромной скоростью. Слишком много событий в единицу времени. Когда на твоих глазах погибают десятки людей и смотрят в твои глаза с безнадегой, а ты ничем не можешь им помочь... Ворваться в толпу без оружия и дать по башке одному правосеку – да, совесть твоя будет чиста, а смерть бессмысленна. Или стоять и бесстрастно фиксировать на камеру массовое убийство, а потом жить с этим?

Струсил, да. Струсил сжечь тех девок на Дерибасовской, струсил вцепиться в горло убийцам здесь, на Куликовом...

А на Куликово как раз подъехала пожарная машина. Вместо того чтобы начать тушить пожар – уже догоравший, конечно, – пожарные развернули лестницу к вышке, на которой висел флаг Одессы, под ним русский, украинский и белорусский флаги. Ловкий и юный майдановец в советской каске вскарабкался по лестнице, сорвал три флага из четырех. Толпа радостно взревела, полетели в черное небо петарды. И рев молодых глоток:

– Ще не вмерла Украина...

Взявшись за руки, бесы скакали под гимн окровавленной Родины. Мелькали прожектора, горячий пепел Одессы вздымался вверх. В это самое время депутаты и журналисты радостно рассказывали друг другу, что совесть нации убила десятки приднестровских и русских наемников в одесском Доме профсоюзов.

В это же самое время в прямой эфир шел стрим Леши «Скотобазы» Гончаренко, где он шарил по карманам трупов и доставал из них украинские паспорта.

Там погибли депутаты Одессы и поэты Мамы. Студенты и пенсионеры. Инженеры и конструкторы. Уборщица, пришедшая поливать цветы. Парень из Винницы, проходивший мимо. И много, много кого еще. И все они были гражданами бывшей Украины, стремительно превращавшейся в кровавый котел Европы.

Генку Иванцов так и не встретил, только получил СМС: «Норм». Домой добрался на такси, купил в круглосуточном бутылку водки, выпил половину из горла, но не опьянел. Попытался уснуть, но не смог в одиночестве. А в шесть утра поехал обратно...

Не мое кино

Война, как всегда, началась внезапно.

И где?

Где начинается война обычно? На дальних рубежах, у западных границ.

А тут после майдана западные границы резко сдвинулись на восток. Несколько мгновений, и внучка уже научилась отличать минометы от «Градов».

– Минометы делают так – пуф, пуф, а «Грады» – вжиу, вжиу, вжиу! – Оленька каждый вечер выглядывала в окно, радуясь салютам.

По ним еще не стреляли, улица все еще надеялась, что их не заметят. Горели дома, школа дымила, поселковая Рада. У по Дальней улице еще не стреляли, хотя у некоторых уже вылетали стекла.

Газа не было – газ польхал синим пламенем из разорванных желтых труб, и некому было его починить. Вода шипела в кранах. Хорошо, что в прошлом году зять Пашка успел сделать насос артезианки. Теперь вся улица ходила к тете Тане за водой. А еще есть летняя печка на угле – поэтому жить можно. И электричество еще дают. А вот банкоматы уже не работают.

Зять и дочка уехали отдохнуть в Крым, позвонили, что выехали, потом позвонили, что подъехали к Мариуполю.

Вот уже не звонят шестой день. Потому что нет связи у бабы Тани и дочки Оли. Они обязательно приедут.

– Баб Тань, опять бабахнули! – крикнула внучка из зала.

– Отойди от окна! – бесполезно крикнула Татьяна Леонидовна, бывшая учительница, начинающая пенсионерка.

Стреляют далеко, в километре от дома. Осколки еще ни разу не попадали в дом Татьяны Леонидовны. Хотя по улице валяются вон, черные, с рваными краями. Внучка Оленька не выходит из дома, боится, но на взрывы смотрит. Она снимает взрывы на дорогой свой телефон. В сентябре она будет хвастаться этими снимками и видеосъемками в своем киевском классе. Еще бы, побывала на настоящей войне. Она бы и сейчас похвасталась, но нет связи, нельзя пока выложить в ютуб эти свежести. Из-за этого Оленька нервничает и переживает. Две русые косички летают над костлявыми лопатками – девочка ищет ракурс. Баба Таня же печет пирожки. С вишней и с абрикосовым вареньем, с яйцом и зеленым луком. Запах стоит... Ммм... Дом опять вздрогнул.

Хорошо же, что есть еще электричество и серо-серебристый холодильник «Либхер» басовито урчит, храня в себе молоко соседкиной козы, полкаравая серого хлеба, разную зелень, круг копченой колбасы.

– Ой, баб Тань, негры идут, ты погляди! – восхищенно сказала Оленька, в страхе сползая с табуретки.

– Ну какие негры, какие негры, что ты выдумываешь? – отмахнулась баба Таня.

В стекло летней кухни ударило. Татьяна Леонидовна вздрогнула. На подоконнике сидел обалдевший шмель, ударившийся башкой о стеклопакет.

– Бисова ты тварына! – махнула рукой Татьяна Леонидовна. В ответ контуженное насекомое помахало крыльями и, тяжело гудя, унеслось в неизвестном направлении.

В первый день канонады исчез Жучок, кобелек неизвестной масти, приращенный еще покойным мужем и дедом Федором. Хорошо, что шахтер дядя

Федя помер до всего этого непотребства. Кот Степан из дома выходить не собирался. Толстошей, он только повернул голову, когда в дом вошли четверо.

Баба Таня повернуться не успела, как эти четверо моментально проскользнули через летнюю кухню в комнаты, заглянули в ванную и в туалет, вывернули наизнанку двери шкафов. Послышался визг Оленьки. В кастрюлю с тестом упало клубничное варенье.

На кухню визжащую внучку вволок за косы жилистый, но мелкий дядька.

– Да что вы делаете, изверги! – вскинулась Татьяна Леонидовна.

Длинный, как шпала, пнул ее в бедро. Она рухнула в угол, испачкав обои клубничным вареньем.

– Заткнись, мужики где? – вместо лица у него был платок с черепом.

– Муж умер, сын в Крыму, отдыхает...

– Сепары, значит, – приглушенно сказал долговязый Череп. И внешней стороной ладони легко ударил Татьяну Леонидовну по лицу. Так легко, что закапала кровь из носа на линолеум. Странные мысли посещают людей в такие моменты. Совершенно не контролируемые разумом. В углу хныкала внучка, над ней стояли вооруженные люди в масках, с жовто-блакитными шеvronами на рукавах. А она подумала, что не успели с Федором линолеум перестелить. Этот старый уже, почерневший в углах...

– Тащите их на улицу, – сказал Череп. – И не трогать!

Мелкий схватил под мышки внучку, поволок к выходу. Оленька завизжала.

Татьяна Леонидовна потянула к ней руки, капая слезами и кровью на халат, но тут ее тоже потащили к входной двери.

А на улице палило солнце, грохотала канонада, были слышны выстрелы. Ужасно что-то гудело, скрипело и скрежетало. Взывая разными голосами, орала танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, грузовики и микроавтобусы. Во всем этом Татьяна Леонидовна не разбиралась. Она слышала лишь дьявольскую, потустороннюю какофонию звуков, сквозь которую пробивалось хныканье Оленьки. Ее по серой жужелке тащил тощий. Колени ее обдирались на острых камешках, дорожный шлак темнел от крови и тут же покрывался белой пылью. Из дома вышел долговязый. Он снял платок и жрал пирожок. По модной бородке стекал темно-красный сок. Он махнул рукой с пирожком, тощий тут же подопнул Татьяну Леонидовну. К дому подбежала какая-то военная машина: сломала забор и завоняла топливом. Желтые нарциссы полегли под тяжелым колесом.

Татьяна Леонидовна наконец встала, схватила Оленьку, подняла на ее руки.

Долговязый кинул тощему пару пирожков. Тот их ловко, по очереди, поймал, перекинув автомат за спину.

– Бабушка, вот это война, да?

– Да, – машинально ответила она.

А вокруг из каждого дома выгоняли людей. Старух и детей. Женщин и детей. Инвалидов и детей. Вот падает Трофимыч, у него нет ноги, потерял лет двадцать назад – завалило в шахте. Воем кричит Сергеевна, у нее сердце, она по жаре ходить не может. Пашка выскочил, пацан, через две недели ему пятнадцать. Он перескочил забор, побежал через сад. Автоматная очередь ему вслед. Мужиков нет никого. Ушли на войну. Но ЭТИ пришли с другой стороны.

Из каждого дома выводят, выталкивают, выволакивают людей, проживших здесь десятки лет. Постепенно формируется колонна, вдоль которой идут молодые парни с платками на лицах. И с черно-красными повязками под жовто-блакитными шеvronами. На некоторых шеvronах было написано черным: «Перша украинска дивизия СС «Галичина»».

«Боже мой...» – подумала Татьяна Леонидовна. «Боже мой, это на самом деле, что ли?»

Ей вдруг показалось, что идут съемки фильма.

Ну вот просто фильм снимают, а они с Оленькой просто персонажи фильма. Нет, не главные, потому что нет слов. А второстепенных героев всегда убивают. Значит, надо стать главным героем в этом фильме.

– Куда вы нас ведете, сынки? – спросила Татьяна Леонидовна.

Вместо ответа «Сынок» ударил короткой очередью перед ее ногами. Взвизгнули пули, фонтанчики белой пыли взметнулись в воздух. С вишни Трофимыча с гвалтом взлетели серые воробы.

Они шли по улице, хромая и кашляя – пенсионеры и дети. Женщины и подростки. Кто-то плевал кровью, кто-то держался за окровавленный нос, кто-то за глаз. Того, кто останавливался, били прикладами. Кололи ножами ниже спины отстающих.

Упал Трофимыч, к нему подошел конвоир, приставил автомат к затылку, выстрелил.

«Это не наше кино!» – хотела закричать Татьяна Леонидовна, но лишь закусила губу и зажмурилась, переступая через струю крови.

Оленька хныкала.

– Терпи, хорошая моя, терпи.

Они шли и терпели, окровавленные, под солнцем. Никто не знал, куда их вели. Но вели недолго. Тут ведь расстояния маленькие, на Донбассе. Плюнул из окна – вот и другой город.

До другого города они не дошли. Над другим городом взмывались клубы дыма. Это горел убиваемый Луганск.

Колонна прижалась к обочине. Мимо пронеслась военная колесная машина. К бортам машины были приварены под сорокапятиградусным углом пружинные койки. Между бортами и койками были навалены матрасы, ковры, холодильники, телевизоры всех мастей.

Еще кого-то уставшего пристрелили на обочине.

Из вяло горящего магазина солдаты спешно вытаскивали полиэтиленовые упаковки с пивом на шесть полторашек. Подул восточный ветер. Он дул лениво, не торопясь. Забивая пылью глаза и свежие раны.

Казалось, что шли они долго. На самом деле, минут пятнадцать. Может, и меньше, кто смотрел на часы?

Один из конвоиров все время смеялся. Без остановки. Упал человек – убил его. Смеется. Взрыв на соседней улице – заливается хохотом. Хихикает, когда бьет прикладом между лопаток.

Внезапно вырос храм в конце улицы. Народ стали загонять в него. Когда загнали, вошел, жуя жвачку, украинский офицер:

– Вести себя тихо. Не кричать. Тогда, возможно, будете жить. – Толпа глухо выдохнула в ответ человеческим стоном.

Двери моментально заколотили.

В храме сначала было прохладно и тихо. Потом начал стонать один, за ним другая, потом еще. Храм наполнился криками и жалобами. Из-под купола взирал суровый старец. С икон бесстрастные лики смотрели на текущую в церкви кровь из ран верующих и неверующих.

Храм был осквернен кровью людей.

В храме может быть только кровь Христа.

Храм был освящен кровью новых мучеников.

Разве не равна кровь детей крови Христовой?

О богословии Татьяна Леонидовна не думала. Она думала о том, как успокоить Оленьку. С трудом оторвала от халата кусок ткани. Этот кусок порвала кое-как еще на несколько частей, после чего забинтовала колени и руки девочки. В церкви темнело, наступала ночь. Где-то рядом грохотало, здание трясло. Тряслись подсвечники, качались иконы, сыпалась штукатурка. Полетели стекла – кто-то опять потек кровью. Зато стало не так душно.

Люди лежали на полу, прикрывая телами детей.

Храм... Древнее славянское слово – «Храм», «Кром», «Дом». Место защиты. И «кормить» – оттуда же. Из века в век любой храм – мечеть или кирха, костел или собор – всегда были местом защиты. Но вот пришло новое время, и храм стал местом казни.

Сначала люди находились в притворе и кафоликоне. Но места было мало, они лежали друг на друге. Поэтому тех женщин, кто с детьми, отправили по скользкому от крови полу в алтарь.

Потом пришла усталость, и люди стали засыпать. Они заворачивались в ковры и одежды священников и диаконов, найденные в ризнице.

Утром, в ризнице же, нашли и чайник. Обрадовались, потому что в одном из притворов нашлась и крещальная купель. Там была вода.

Водой размачивали просфоры, давали раненым. Обмывали раны, стирали кровь.

Святые не думают о святости предметов. В глазах святых нет заботы. В глазах святых спокойствие. Да, они кричали, когда им вытирали раны мокрыми ризами. Но взгляды их были спокойны и потусторонни. У икон такие взгляды.

Там, за храмом, за Ковчегом, что-то постоянно взрывалось и бабахало. Иногда здание, как корабль, качалось на волнах взрывов. Тогда люди ползли к накренившейся стене, а со вздымающейся стены падали плоские, светящиеся осколки витражей. Эти осколки падали с высоты стеклянной гильотины, прорезая в человеческих телах новые дыры. И снова текла кровь.

И был это день первый.

И был день второй – из купели сделали туалет. Три бутылки же «Кагора» разливали по золотой ложке самым слабым, в том числе и Оленьке.

А когда «Кагор» кончился и золотая ложка опустела, у старца под куполом не было половины лица, но руки он все еще распахивал, обнимая измученных людей. Лицо его было разбито миной.

«Это не мое кино» – думала Татьяна Леонидовна и гладила по голове Оленьку, и стряхивала чужую сухую кровь с ее когда-то шелковистых волос. Это не ее фильм. Это фильм про Великую Отечественную. А у нас же совершенно другой сюжет. Или этот же? Вот так бывает – в двадцать первом веке? И нацизм есть, и интернет есть. Но приходят чужие люди с оружием и тащат тебя в церковь заложниками? Свои люди, соседи? Это какое-то чужое кино, неправильное.

И настал день третий. Затихла земля, перестала ворочаться. В разбитое войной окно влетел сизый голубь. Кивнув головой, он закурькал. В дверь стали долбить. Толпа зашевелилась, люди поднимались с мраморного пола. Окровавленные струпья волос мерно качались на головах.

Двери распахнулись. В храм ворвались лучи солнечного света. В этом свете появились три фигуры. Свет обтекал их золотом, не давая разглядеть лица. Вострубил один из них:

– Люди, граждане, выходите. Мы вернулись.

Люди, не веря голосу, осторожно поднимались с пола, протирали глаза и смотрели на фигуры в золоте.

Татьяна Леонидовна подняла спящую Оленьку и шагнула к выходу. Как больно старым костям, Боже...

В дверях внучку осторожно принял на руки человек.

– Батька, ты? – сквозь нездоровый сон спросила Оленька.

– Я, – ответил знакомый и незнакомый одновременно мужчина с георгиевской ленточкой на автомате.

– Пашка, – простонала Татьяна Леонидовна. – А доча...

– Да здесь я, здесь, мамо! Держи ей руку, сейчас вколю. Держи руку маме. Вот, все. Все хорошо будет, мамо. Мы здесь, мы вернулись. Несите ее! Дочка, иди ко мне...

Остывали автоматы. Догорали дом и БТР. Валялся в кювете холодильник «Либхер». Раздавленные пирожки пылились в кювете. Мертвых людей с черно-красными повязками закидывали в «Уралы» люди с георгиевскими лентами. На косом заборе сидел толстый кот Степан и с презрением смотрел на суетливых людей. Где-то взорвался боекомплект украинского танка.

– Мамо, а война уже кончилась? – спросила Оленька. Над луганскими степями вздымались дым, ответить дочке было нечего.

Се кровь моя

Мы сидим в привокзальной кофейне. У меня через двадцать минут рейс до Луганска. У него вечность впереди.

Ростов шумен и деловит. Я растерян. Он сосредоточен. Мы прихлебываем кофе. Я бы предпочел пиво, он бы предпочел водку. У меня ранен желудок, у него ранено все. У меня впереди граница и всякие дела. Я еду инкогнито, он живет инкогнито. Мы одинаковые. Детали роли не играют.

Нам не о чем говорить.

Но говорить надо. Мне не надо, ему не надо. Нам надо молчать и пить кофе. Или пиво. Или водку. И молчать. Импрессионизм бытия заставляет говорить.

– А потом что?

– Они ему позвонили. Ну, понимаешь, это же еще июнь был четырнадцатого. Я понимаю. Июнь четырнадцатого, июнь сорок первого. Просто переставить цифры. В остальном разницы нет. Детальки? Кому они нужны, детальки? Когда я хоронил лейтенанта и медсестричку, которых накрыло одной минометкой, какая разница, были ли у них тогда мобильники? Это все детальки.

– Ты не понимаешь. Через полгода нас бы засекли и накрыли. Но тогда ЭТИ еще не умели.

– Сейчас умеют?

Ростов мирно шумит. До войны полтора ста километров.

– Сейчас еще и не это умеют. Тогда не умели. Ну, позвонили они ему. С телефона жены. Мы не поняли, шли уже до располаг, тут ему звонок.

– Местный был?

– Да у нас все местные были. И казаки, и шахтеры. После уже с Одессы появились, с Киева, с Житомира, да со всей Украины. Даже с Франика были. Харьков, Винница, Ужгород – мы не смотрели, кто откуда. Позже с России начали приезжать. Потом с Европы. Чехи, сербы, поляки. А какая разница?

– Да никакой, я про того парня.

– А, да... Извини, сбиваюсь. Столько всего. В общем, эти ему позвонили. Он как раз из местных был.

Подходит девочка в белом переднике, приносит пиццу.

– Спасибо, барышня, – улыбаемся мы девочке в накрахмаленном фартуке.

Эх, было бы мне лет на пятнадцать меньше! Похоже, такие же мысли и у собеседника. Мы улетаем пиццу и запиваем горячим кофе. Где-то плавится под солнцем асфальт.

– Они ему звонят, и через минуту он кричать начинает.

– Почему?

– Вот и мы не поняли «почему». А он телефон бросил, лицо руками закрыл и на землю упал. Начал валяться, как оглашенный. За «укорот» было схватился. Еле отобрали. Знаешь, костяшки у него такие белые были. А потом он заорал. Мы его держим, а кто-то из наших телефон на громкую связь включил. Я водки еще выпью, можно?

Я кивнул и отодвинул пиво. Мне стало стыдно.

– А там этот... Он не назвался. Ну он комментировал – что там происходит. И, сука, на чистом русском. Западенцев там не было. Знаешь, как гвара от мовы отличается?

– Знаю.

– Они резали сына для начала. Медленно. Пацану пять лет было. Потом трахали его жену на глазах у сына. Потом убили их. И все это транслировали по телефону. Последним его отец был. Мы сидели и слушали.

– Блядь...

– Да.

Я не знаю, что сказать. Он молчит и смотрит вглубь себя. Потом давит из себя.

– Они смеялись и кричали в трубку: «Клево кричат, да? Скажи «Героям слава!» И мы кончим все».

– Он сказал?

– Конечно.

– И?

– Там ржали и продолжали.

Пиццу мы доели. Это просто топливо. Вкуса у еды больше нет. Пицца как уголь. Кофе как нефть. И крик в ушах. Крик, которого ты не слышал, но он всегда с тобой. А если ты его слышал – какой кислотой его вытравить?

Всей крови земли не хватит.

Жена моя. Сын мой. Отец мой.

Се плоть моя. Се кровь моя.

Двадцать второе июня

Война – лучшее средство от бессонницы.

Сначала ты разгружаешь, потом загружаешь, затем опять разгружаешь ящики по восемьдесят килограмм. Вас двое и два «Урала». Потом ты картоху

чистишь. Потом ты дежурный на тапике. У тебя четыре часа сна, но тебя дергают, потому что надо срочно выехать на позицию. А там ты копаешь, копаешь, копаешь. Падаешь под дерево, закутавшись в бушлат, немного дрыхнешь. По тебе ползают ожившие под апрельским солнцем муравьи, но ты спишь легким сном и тебе все равно.

Когда добираешься до располагии – засыпаешь в тот момент, когда твоя голова летит к подушке. Хорошо, если успеешь берцы снять. И тебе снится темнота и тишина.

Старшине роты Хохлу повезло, в ту ночь, когда уже начало светать, он берцы не успел снять. Расшнуровал, оперся на стену и уснул в присяде. Наверное, это его и спасло, когда в четыре утра за окном разорвался снаряд.

Хорошо, что не было стекол. Проемы, разбитые еще в четырнадцатом, бойцы затащили полиэтиленом и шерстяными одеялами. Если бы были стекла, Хохла, наверное бы, посеколо. А так просто рамы вместе с одеялами и полиэтиленом вынесло взрывной волной внутрь вот и все.

В расположении никого не было, кроме Хохла и кошки Алиски. Кошке было три месяца. А еще она была трехцветной и любила спать на шее. Вроде бы все, что можно сказать о ней.

А, ну еще Рамзаныч – водила «Урала», в эту ночь ему выпало быть дневальным. Каморка Рамзаныча была на первом этаже, он был прикрыт бетонным забором, туда взрывная волна не долетела.

Когда спишь на войне, самое неприятное – это тишина. Когда стреляют, это понятно. Куда, чем и зачем стреляют. А когда тишина... Непонятно, куда прилетит снаряд.

Именно поэтому Хохол сразу и не проснулся. Бахнуло и бахнуло, фигня какая. Второй снаряд выбил несколько кирпичей и уронил штукатурку на Хохла. Он вскочил, упал на пол, перевернулся на спину, начал подтягивать шнурки.

Проснулся он в тот момент, когда увидел, что из открытого рта кошки Алиски, прибитой к дощатому полу кирпичом, текла кровь. Глаза ее стекленели, она все еще подергивала лапами, потом затихла.

Хохол ничего не сказал. Он вскочил, побежал на первый этаж.

– Рамзаныч! Рамзаныч! Оружейку! Оружейку открывай.

Задрезбезжал тапик.

Рамзаныча звали Сашка, он был из местных. А позывной ему дали такой, потому что башку он брил, а бороду нет.

– К-к-какого черта... – сказал он, дергая правой половиной лица. Нервный тик. Контузия. – Вы все ор-орете...

– Яволь, рейхстаг, – привычно он ответил в трубку тапика. Потом неожиданно проснулся, вытаращил глаза и совершенно без заиканий сказал Хохлу:

– Хохол, у нас война опять началась...

– Я понял! – гаркнул Хохол. – Первый раз, что ли?

– Всех свободных вызывают к горисполкому...

– Оружейку!

Всех свободных было двое.

Хохол, Рамзаныч и Фил. Остальные были на позициях. Ну, еще «Урал», но он же не человек...

Одного надо оставлять на базе. Потому что связь, все дела. Даже без обсуждений было понятно – остается дневальный Рамзаныч, остальные рвут к площади.

Рация орала, что мама не горюй. В городе разрывались осколочно-фугасные снаряды. Зачем-то прилетело по террикону возле бывшей шахты. Видимо, украинские артиллеристы посчитали, что там сидят луганские наблюдатели. Ошиблись. Бывает.

В этот самый момент старшина Хохол и сержант Фил выскочили к рынку.

– Я сигареты забыл, – тяжело дыша, сказал Фил, прислонившись каской к киоску.

– Твою мать, я тоже, – ответил Хохол, гулко ударив бронежилетом о прилавок киоска. – Может, ломанем?

– Я сейчас тебе ломану, щас ломану, – закашлялся Фил. – Бегом!

Хрен знает, кто в такой ситуации старше, но старшина и сержант, пригибаясь, побежали через аллею к горисполкому. А там, через деревья, уже виднелись грузовики и автобусы.

И люди. Много людей. Очень много.

– Алиску убило, – сказал Хохол на бегу, тяжело дыша.

– Яку? – Фил закинул автомат за спину.

– Нашу...

– Как нашу? – не понял Фил и споткнулся.

– Хохлы, – ответил сержанту Хохол и сплюнул.

– Вот же ж...

А в это время в городе рвались снаряды.

Артиллерия может работать по-разному. Она может бить точно, может бить квадратно-гнездовым способом, то есть по площадям. А может и совмещать. Одни батареи лупят куда попало. Вот тебе квадрат, ты его обрабатываешь. А другие выцеливают конкретные объекты. Гром гаубиц и самоходок, скатившийся в один грохот, не позволяет звуковой разведке противника определить: кто и откуда лупит.

Кто-то стрелял по конкретным объектам, кто-то создавал «белый шум». И казалось, что идет вал артиллерийского огня, причем со всех сторон. Казалось, что город в окружении.

И кошка Алиска была всего лишь первой жертвой.

Вершины многоэтажек осветились восходящим солнцем. Начинаясь самый длинный день в году. Заканчивалась самая короткая ночь.

Фил и Хохол выбежали на площадь.

Ухнул еще один снаряд – где-то в районе городского пруда.

– Вы где шляетесь? – лейтенант с фамилией Медведь и, естественно, с таким же позывным немедленно наорал на них.

Хохол, с его опытом сидения на зонах разного типа, никак не мог понять командира роты Медведа. То он добрый, то он злой. То он орет, что не прибрано у печки, то спокойно смотрит на пьяного того же Хохла.

– Вот как-то так получилось, – развел руками Фил.

А Хохол просто поправил автомат на груди.

– Бегом в оцепление, – спокойно сказал Медведь.

– Мы? – саркастично ухмыльнулся Фил.

– Вы, – серьезно ответил лейтенант и отвернулся.

Если арту ставят в оцепление, значит, все очень серьезно. Наводчиками не разбрасываются.

А Хохол ничего не сказал. Он смотрел на очередь людей. Медленной толпой они шли от «Народного» магазина, очередь их терялась за каким-то поворотом. Они шли молча, подходили к автобусу, а если не было автобуса, то к грузовику. Солдаты в пиксельной форме принимали из рук матерей и отцов детей. Совсем младенцев грузили в «Скорые». Тем, кому больше трех лет, доставался другой транспорт. Любой другой, кроме гражданского. На блокпостах стояли ополченцы. Легковушки с детьми из города не выпускали. Дети – только централизованно.

Не плакали матери, дети не кричали.

Подошел Медведь. Посмотрел на Хохла, на Фила...

– Если прилет сюда будет, накрывать детей.

– Чем? – не понял Хохол.

– С собой, – Медведь хотел добавить крепкое слово, но рядом были дети.

– Командир, я ж тяжелый, да еще во всем этом... – Фил непонимающе ткнул пальцем в бронезилет. – Я ж раздавлю...

– А ты не дави, – ответил Медведь, отвернулся и пошел вдоль строя.

Люди шли, молча отдавая своих детей солдатам «Призрака». Потом отходили в сторону, кучковались, смотрели в сторону уезжавших в направлении Стаханова, Брянки, Алчевска, а лучше бы в сторону России, детей. Пусть дети носят чужие фамилии. Пусть они не будут помнить родителей. Пусть дети будут живы.

Никто не кричал. Белые лица смотрели из автобусов, белые лица смотрели на грузовики.

Никто не кричал двадцать второго июня две тысячи семнадцатого года, когда украинские «Гиацинты» решили отметить свой праздник.

Люди закричали, когда машины без детей вернулись.

И те солдаты, которые стояли в оцеплении, начали садиться в «Уралы», «Камазы», а кому повезло – и в штабной желтый автобус.

Город Кировск закричал:

– Не бросайте нас! Родненькие! Рооодненькие!

Толпа бросилась под колеса. Водилы гудели, но это было бесполезно. Женщины стучали в окна – руками, туфлями, палками. Кто-то пустил слух, что «Призрак» уходит и отдает Кировск на растерзание украинцам.

– Не оставляйте нас! – гул толпы становился все сильнее.

Сантиметр за сантиметром, сантиметр за сантиметром, сантиметр за сантиметром.

Кричал Аркадич. Кричал Добрый. Кричал Оскар и Цукер. Кричали все:

– Женщины, спокойно! Мы остаемся здесь!

Но «Призрак» бросил их. Хохол, Рамзаныч, Фил, все другие – бросили их. Всех бросили. Всех тех, которые видели в них защиту.

Солдаты уехали на передовую. Не выславшиеся, голодные, уставшие. И сразу давшие ответку по позициям нациков.

Несколько десятков СМС осколочно-фугасного типа прилетело по передовой украинской армии.

Где-то к полудню установилась тишина.

Одним было нечем стрелять. Водители, типа Рамзаныча, спали под тентами, а «Уралы» были уже пусты.

У тех, других, с другой стороны линии фронта стрелять было некому. Все умерли или стонали под завалами. Умудрились даже пару «коробочек» поджечь.

Рамзаныч потряс головой, попытался вытряхнуть залпы из ушей:

– Я так з-з-заикаться п-п-п-ерестану...

И над степями и терриконами Кировска вновь установилась тишина. До вечера. Но дальше передовой украинцы больше не стреляли. А это не страшно.

«Мы – мясо. Мы – броня. В нас застревает железо, которое должно было убить детей. А школа? Придет время – восстановим и школу» – как-то так подумал Фил, сняв бандану и вытирая ею пот на лице.

Но вслух об этом никому не сказал.

На следующий день ОБСЕ сообщила, что нарушений Минских соглашений на линии соприкосновения не зафиксировано.

Обе же соприкоснувшиеся стороны обвинили друг друга в провокациях.

То такое. То бывает.

Да пошла ты нахер!

Обычно Москва встречала Иванцова солнцем, провожала дождем. И этот раз стал не исключением. В шесть утра небо было синее-синее, а днем уже случился ураган. Правда, ураган Иванцов проспал. Заехал к другу, там его и вырубило так, что он не слышал ни ударов грома, ни грохота поваленных деревьев, ни воплей автомобилей, ни звона разбившихся стекол. Спал. Когда же проснулся, обалдевший Леха ему сообщил:

– Вот ты спал, да? А пока спал, в Москве шестнадцать человек погибло от удара стихии.

– Да? – удивился Иванцов, разминая лицо. – У нас безопаснее, пожалуй.

– Хм, как сказать, – неопределенно ответил Леха.

А потом они поужинали и без лишних сантиментов попрощались. Леха ехал на работу в ночную смену, Иванцов – на Курский вокзал.

Как ни странно, поезд «Санкт-Петербург – Челябинск» шел через Москву и останавливался на час как раз на Курском. Остальные до Кирова шли с Ярославского.

В десять вечера уже шел мелкий дождь. А вот тучи фиолетово и страшно-вато клубились – шли они низенько. Нет, не так. «Низэнько».

В переходах метро Иванцов, как обычно, запутался. И вместо того, чтобы выйти сразу в здание вокзала, вышел под дождь. Пришлось бежать, морщась от струйки, затекавшей за воротник. Хорошая форма «пиксель», но не в дождь.

До отправления еще час. Еще можно выпить чаю. Или какао. Да, лучше какао.

На входе в вокзал его остановили. Иванцов скинул на ленту рюкзак и сумку. Суровые дяденьки в черной форме уставились в мониторы. Тут же подскочил наряд милиции. Ой. Полиции. Милиция сейчас – это он, рядовой Иванцов. С красным флагом перечеркнутым Андреевским крестом на шевроне левой руки. А на правой эмблема ОМБР «Призрак». Которая уже давно не ОМБР. Но к этому шеврону даже коменданты Алчевска и Луганска претензий не имели. А тут российская полиция.

– Поднимите руки, пожалуйста.

– Да без проблем, – Иванцов заложил руки за голову и расставил ноги.

– Сидел, что ли? – бесстрастно спросил полицейский.

– Чего вдруг? – изумился Иванцов.

– Ну так, – пожал плечами сержант. – Знаешь, как правильно вставать.

– Да меня за последние сутки пять раз обыскивали.

– Это где? – глаза полицейского сощурились, а его напарник потянулся к дубинке.

– Где-где. На луганской таможне, на российской, на «Красногвардейской», станции метро, а не таможне. Потом на «Речном вокзале». Два раза. Вот вы шестые.

– Рюкзак откройте.

– Да ради Бога, – Иванцов знал, что нельзя мешать ребятам выполнять свою работу. Наоборот, надо даже помогать.

– Это что?

– А? Да книги же.

– А чего такие толстые?

– «История Украинской ССР», – похвастался Иванцов. – В двух томах, а шо?

– Ни шо, туда?

– Оттуда. В отпуск по ранению.

– Давай, брат, будь аккуратен. Не пей.

– Не пью, – почти не соврал Иванцов. – Спасибо.

Полицейские отошли в сторону, не выпуская, впрочем, Иванцова из поля зрения. Забавно, конечно. Если бы он переоделся и поехал в штатском, то вопросов к нему не возникло бы. От слова «совсем». Надо быть полным идиотом, чтобы ехать в форме через границу и везти с собой оружие. Хотя такие балбесы встречаются. Луганский пограничник сказал, что каждый пятый с собой то патрончики везет на память, то гранаты. А один как-то «Стечкина» попытался вывезти в разобранном виде, ага.

И только Иванцов шагнул вглубь вокзала, его окрикнул охранник:

– Парень, стой! Ты с ДНР?

Иванцов оглянулся:

– С ЛНР, а что?

– Ну как там?

– Да нормально.

– Стреляют?

– Есть немного.

– А вы?

– И мы немного.

– Че платят?

– Пятнашку.

– Мало.

– Так к хохлам езжай. У них примерно столько же плюс премия.

– Большая?

– Ага. Пуля от нас.

Охранник подвис, а потом натужно засмеялся:

– Ну ты шутник...

Иванцов пожал плечами и зашагал дальше.

Так, где здесь какао дают? Ну или горячий шоколад?

Ага, вот кафешка какая-то. Иванцов не любил, как многие, стандартные забегаловки типа «Макдака», «Старбакса» и прочих «Шоколадниц». Еда не должна

быть конвейерной. В еде должны быть любовь и солнце, а не технологии и маркетинг. Впрочем, каждому свое.

В маленькой, на четыре столика, кофейне сидела одна парочка. Они так яростно были увлечены друг другом, что на Иванцова не обратили никакого внимания. Ну и славно.

– Порцию какао, пожалуйста, – а потом он посмотрел на цены. Мда. Стаканчик стоит сто рублей. Однако. Хотя... это же вокзал.

Три дня назад он шагал в патруле по городу Кировску. Украинцы его переименовали в Голубивку. Луганчане на это переименование не обратили внимания. В городке до войны было сорок тысяч людей. Сейчас осталось десять тысяч. Остальные или уехали кто куда, или погибли. За полтора часа до наступления комендантского часа патруль зашел в кафешку «У водопада». Решили выпить кофейку. Потому что еще гулять и гулять по городу. Гонять алкашей и обыскивать запоздавших полицейских. А как вы хотели – война. Власть на войне у Народной Милиции. Поэтому заголовки в прессе «Милиционеры задержали пьяного полицейского» не то, чтобы не редкость, но случаются. Впрочем, не об этом речь. Иванцов попросил хорошего кофе. Он даже подчеркнул тогда голосом:

– ХОРОШИЙ кофе у вас есть?

Девушка достала, невинно хлопая ресничками, пакетик «Нескафе».

В этой кофейне работал парнишка. Круглолицый и улыбчивый, он моментально сварганил какао на молоке.

Из динамиков чуть слышно хохотал «Камеди Клуб». Лучше бы Ван Клиберн, конечно. Но на вокзалах нельзя капризничать.

И тут улыбчивый вдруг спросил Иванцова:

– А хотите я вам кокосового молока плесну?

– Что? – не понял Иванцов.

– Молока кокосового. Вы не волнуйтесь, вам бесплатно.

– Почему?

Иванцову должно было вот-вот стукнуть сорок пять. Его молодость пришла на девятьностые. Поэтому за любым «бесплатно» он инстинктивно ждал нападения, развода, рэкета, в конце концов. Бесплатный сыр бывает только для либералов.

– Ну я же вижу, что вы с фронта едете. Вот вам кокосовое молоко в какао. Просто так.

– Прости парень, но... – Иванцов все же протянул стакан кофейщику. Ну или как его называть? Бариста, что ли? Тот лихо схватил стакан, подплеснул туда чего-то прозрачного... И, блин, правда стало вкуснее.

– Ну как?

– Спасибо! – искренне сказал Иванцов, наслаждаясь божественным напитком. Напиток кончался быстро. Поэтому рядовой сунул руку во внутренний карман и достал оттуда последнюю купюру. Купюра была пятитысячной, поэтому и вопрос был резонный:

– Сдача будет?

Парень поморщился и ответил, что сдачи нет. Это было жаль, Иванцов как раз хотел разменять деньгу, чтобы не напрягать проводника.

– Я вам за счет заведения сделаю, – внезапно сказал парень и опять улыбнулся, как утреннее солнце.

– Да как-то неловко, – смутился Иванцов. Но деньги спрятал. В конце концов, солдат жрет все, что дают, пока это дают бесплатно. Солдат же.

И потом пил вторую кружку какао на кокосовом молоке уже растягивая удовольствие. В этот момент барышня по радио объявила, что поезд «Санкт-Петербург – Челябинск» отправляется с восьмого пути через десять минут. Пора идти. От кафешки до платформы три минуты. От выхода до вагона еще минута. Проверка электронного билета на планшете – еще минута. Теперь можно выкурить две сигареты подряд. Потому что в поездах запретили даже парить электронку, ханжи клятые. Ну да ладно, двенадцать часов можно и перетерпеть.

– Второе место, – сказал проводник, сверившись со своими записями.

– Спасибо, – ответил Иванцов.

– Не задерживайтесь, скоро отправляемся.

Иванцов кивнул. Солдату собраться – что подпоясаться, а покурить – что два пальца об асфальт. За пять минут можно до китайской границы добежать, не то что втянуть в себя двойную дозу никотина. А потом лечь на верхнюю полку, раскрыть первый том «Истории Украинской ССР», насладиться десятком страниц и уснуть до самой Вятки. Ну, можно еще во Владимире курнуть, на перроне. И в Нижнем Новгороде. А в перерывах – спать, спать, спать.

– Добрый вечер! – сказал Иванцов, заходя в купе.

– Ну, вот и наш сосед! – благодушно сказала седоволосая пожилая женщина благообразного вида, присаживаясь на своей полке.

Иванцов закидывал багаж на третью, когда через пару секунд выяснилось, что женщина совсем не женщина, а так, вполне себе тетка. Причем, базарная.

– Вы до Челябинска?

– Нет, я до Кирова.

– До Кирова он, – внезапно нахмурилась женщина и в этот момент превратилась в ту самую тетку. – Когда вы уже город переименуете.

– Простите, что? – изумился Иванцов, сев на противоположную нижнюю полку. Там лежала женщина того же возраста, но она молчала.

– Что, что. Город переименовывать надо. Вся страна в именах убийц.

– Простите, народ как-то против.

– Какой народ? Какой народ? Я их каждый день на экскурсиях вижу. Это не народ, а быдло безграмотное. Они даже не знают элементарных вещей. Я им показываю дом, где арестовали Гумилева, а они просто делают эти их селфи на фоне подъезда.

– Селфи зло, это несомненно. Но причем тут наш город?

– Потому что ваш город – олицетворение зла. Этот ваш Сталин...

«Да пошла ты на хер, дура старая» – подумал Иванцов, но вслух этого не сказал. Его воспитали в вежливое советское время. Тогда было модно уважать старших и чужое мнение. Ну и милиционеров.

– Знаете, если у нас губернатор начинает говорить о переименовании города и развитии туристического потенциала, то он заканчивает свою карьеру в тюрьме.

– Это кто? – сощурилась мадам-экскурсовод. Ну или экскурсоводша.

– Никита же Белых.

– Ай, он просто предал свободу ради системы и система его сожрала.

– Взятки брать не надо, – парировал Иванцов.

– А вы солдат, да? – внезапно переменила тему тетка.

– Ага, есть немного.

– А где...

– Чай, кофе? – возник в проходе плацкарта проводник.

– Не мешайте, у нас тут мировоззренческий спор, – обрубил тетку проводника, и Иванцов остался без чая. Впрочем, чая ему уже не хотелось.

Больше всего ему хотелось лечь спать, и он начал злорадно развязывать шнурки на берцах. В вагоне ухудшилась атмосфера.

– Так где вы служите?

Иванцов показал на шеврон Новороссии.

– Хохол! – торжествуя тыкнула тетка пальцем в рядового.

– Кто? – не понял Иванцов.

– Вы. Все. Понаехали. А мы вас кормим. Жаль, вас Сталин не всех голодом уморил.

«Да пошла ты на хер!» – второй раз подумал Иванцов, но вслух опять сказал другое:

– Я гражданин России, вообще-то.

– Какая разница? Получил паспорт и гражданин? Я петербурженка в третьем поколении, между прочим.

– А я кировчанин в третьем поколении, и что? Как вы меня кормите?

– А ну-ка расскажите, что у вас там происходит?

– Война у нас там происходит. Стреляют по детским садам и убивают детей. А мы защищаем.

– Ну конечно, вы посмотрите на этого защитника. Носки постирать не может, а мифических детей защищает.

Иванцов с наслаждением перелез в тапки и пошевелил пальцами на ногах.

– И что вас заставило ехать на войну и убивать украинцев?

– Я был в Одессе второго мая.

– А что там было? Ну-ка расскажите? Нам очень интересно, – обратилась она к женщине, лежавшей на противоположной полке. Та закрыла железнодорожной простыней лицо.

– Вы что, не в курсе? – опять удивился Иванцов.

– Я не смотрю телевизор, там одна путинская пропаганда.

– Причем тут телевизор, есть интернет...

– А у меня нет интернета. Я требую, что бы вы как очевидец...

– Требуете? – вдруг взорвался Иванцов. – Какое право вы имеете требовать и судить?

– Как вы со мной разговариваете? – на этот раз она ткнула в рядового очками.

– Как заслужила. Вы же глухари. Вы никого не слышите, кроме себя. Вы все время требуете, требуете, требуете. Я ведь помню вас, какими вы были в девяносто первом и чуть раньше. Это вы же орали, что хотите перемен. Я еще в школе учился, вам верил. А вы? У вас на устах Сталин каждые пять минут. Воистину, ваше племя не от Бога и не от обезьяны. Ваше племя от куриц по имени глухарь. Токуете, токуете. Я зайти не успел, а вы начинаете оскорблять и учить жить...

– Да я...

– Заткнитесь. Не прячьте хамство за красивыми словами. Вы же, по Вашим словам, ничего не знаете об Украине. Но вы судите, не имея права. Судите людей, прикрываясь красивыми словами.

– Вы, вы... Вы убийца!

– Я убивал, да. И вам повезло, что мы в России. Которую вы так ненавидите.

– Иначе что?

– Иначе – всё.

Иванцов запрыгнул на верхнюю полку, закончив свой разговор. Раскрыл первый том «Истории Украинской ССР» на странице об экономическом положении Западной Украины в восемнадцатом веке.

Баба внизу забормотала:

– Нет, ну вы посмотрите, какие невоспитанные хохлы понаех...

Иванцов повернулся и посмотрел вниз:

– Еще раз вякнешь, в окно выкину. Поняла? Я тоталитарист, мне можно. А еще у меня этот... Как его... Постравматический синдром. Заткнись.

Тетка молчала. Молчала и женщина на другой полке, отвернувшись к стенке. А на четвертой лежало тело неопределенного пола в хипстерских очках и чего-то слушало в наушниках. Телу было пофиг.

Иванцов же, еще раз посмотрев вниз, добавил:

– Кстати, давно вам хотел сказать... Да пошла ты нахер.

Экскурсоводша не ответила.

Она молчала во Владими́ре, потом в Нижнем, где Иванцов выходил курить. Она молчала до Кирова, где Иванцов вышел. Потом, наверное, она телу и соседке начала жаловаться. На хохлов, Никиту Белых, Путина и Иванцова. Но рядовому было уже все равно, он приехал домой, да.

АНДРЕЙ СИЗЫХ (Иркутск)

Январь нам выдал счёт «по первое число»,
Когда сначала всё снегами занесло,
А после снегопада были стужи.
Когда дома окуклились снаружи
И пешеходы, и машины стыли,
Как мухи на лету в хрустальной пыли.
Мороз делил на два сто градусов, но с ветром,
А город молча превращался в лёд
И спал, расчерченный Небесным Геометром,
На прошлый – Старый и на Новый год.
А ты светилась звёздочкой в проёме
Заледеневшего узорами окна,
И было нам тепло в остывшем доме,
И счастья на двоих хватало нам сполна.
Спал город зимний, словно Бер в берлоге,
Наевшись в святки и напившись всласть.
Трещал мороз, но прошлые тревоги
Уже над нами потеряли власть.

Кто любит войну? Кто в беде наслаждение имеет?
Проклятое время, сводящее всё к одному.
Когда даже сердце в горячей груди каменеет,
Когда все решенья душа доверяет уму.
Что ждёт впереди? Иль победа над нами проблещет,
И зыбкое счастье даровано будет в бою?
Иль вечная гибель страны и проклятие женщин,
Чьи пали сыны и мужья за Отчизну свою?
Нам русская доля на всех и на каждого снова
Поделена щедро, отсчитана веком и роком.
Оно – наше счастье любви – беспощадно сурово –
Хранить от бесчестия Родину в мире жестоком.

Не сломать тебе этой прозрачной стены,
За которой скребутся вчерашние сны,
Где проходит на цыпочках время.
Все цыганские тройки, под визг и под лязг,
Без гулянки-попойки оставили нас.
Что с них взять – асмодеево семя.
Так руби под собой недорубленный сук,
Вспоминай недолюбленных в юности сук
И стучи кулачками в застенок.
Погулял казаком по широкой стране,
Промотал капитал на игре и вине,
Чорту душу продав за бесценнок.
Что тревожить теперь свою совесть в ночи?
Не поможет никто и, кричи не кричи,
Не придёт, не вернёт, не излечит.
Разве только на родине, в церкви худой,
Поп отпустит грехи, выпьет водки с тобой
И молитвой тебя обеспечит.

A la guerre comme a la guerre

Война – не мир, но что за время нынче?
Когда одним приказано идти
На запад и в кровавом клинче
Победу или смерть свою найти.
А у других всё те же «жили-были».
Обычные житейские дела:
Пхукет, пиво, кафе, автомобили –
Не для войны их мама родила.
Живёт страна, поделенная на два.
Одним снаряды и ракетный дым,
И маленькая подленькая правда
Непомнящим уже родства иным,
Что прожигают жизнь в «Хава нагиле»
И, празднуя кто труса, кто лжеца,
Не преклонят колена на могиле
За их страну погибшего бойца.

Бесы в голос орут: амба московским оркам!
С неба ответом им – Град со Смерчем и гром.
Мы устроим привал где-нибудь под Нью-Йорком.
А когда отдохнём, на Варшаву рванём.
Всем воздадим по списку, всё возвратим, что должно.
Петлюрам и прочим шведам напомним, чей борщ жирней.
Из православных храмов изгоним попов безбожных,
Как гнали Марину Мнишек и ляхов, и бесов с ней.
Гудят над отчизной осы – турецкие байрактары,
В Киеве мелкий ирод нюхает порошки
И гонит на скотобойню гражданской войны отары
Несчастных тупых баранов, где выпустят им кишки.
Нас ждут города родные, захваченные хазаром,
Обманутые Обамой и геями всех кровей.
Русь – Первозванная Родина горит мировым пожаром,
Но Князя Владимира солнышко уже восходит над ней.

я маятник себе воздвиг,
и каждый миг или изгиб
движения часов
я ощущаю на себе,
как ключ в замке, как болт в резьбе,
как между скоб засов.
Как только маятник замрёт,
Само движение вперёд
умрёт на этом месте.
И никогда не оживёт,
И бой курантов не пробьёт,
И время не воскреснет.

не роняй Галатея мраморных слёз
не вернётся художник из ада.
выйди из дому в поле в пургу и мороз
под целебный покров снегопада.
и скатай на здоровье и радость себе
человека из снежного теста
докрасна свои пальцы сожги в серебре
ледяная как камень невеста.

я пью степной кумыс, а там цветёт инжир –
мой сказочный Тунис, мой ласковый Алжир!
мой радостный Танжер, мой пагубный Каир,
кто он, тот инженер, построивший мой мир?
И всё в одном лице, и всё в одном плену –
В торжественном дворце, в божественном Крыму!

В небе кружат вороны да голуби.
На каком вы говорите языке?
Все рождаются в этом мире голыми
И с душою в третьем позвонке.
Все детьми останутся до старости
В этой самой – в крошечной душе.
От чего ж вам не хватает смелости,
Чтобы зла в ней не хранить вообще?
Чтобы только свет, добро и Дух Святой
Из неё сияньем изливались,
Чтоб, светясь небесной красотой,
Вы как божьи дети оставались.
В небе кружат ангелы и демоны.
Разве важно, как звучат слова?
Не глухи и не бездушно немы мы,
Если в нас ещё любовь жива.

ВЛАДИМИР СКИФ (Иркутск)

Рассечённое жало войны..

Гнездо

После третьей войны Мировой
Всё исчезло на грешной земле,
Будто язвой смело моровой
Всех, кто в городе жил и в селе.

Сколько минуло лет? может, сто?
После 3-й войны Мировой...
И кружилось на небе гнездо.
Может, в нём кто остался живой?!

2009

На встрече с властью

Александру Муравьёву

На встрече с властью,
 где народ мой скорбный
Стоял униженный, полуживой,
Один художник горестно исторгнул:
«Мы – инвалиды Третьей Мировой!»

Властители гремели в упоенье
Своей гордыней, властью над толпой,
Не слыша, как нашёптывали тени:
«Мы – инвалиды Третьей Мировой».

Зал мёртвым был,
 он, молча, власти слушал,
Он был российской точкой болевой,
Где, кажется, кричали сами души:
«Мы – инвалиды Третьей Мировой!»

Как улыбалась Городская Дума!
Как губернатор в «Форд» садился свой!
Он, отъезжая, про народ подумал;
«Вы – инвалиды Третьей Мировой...»

Зал опустел. Струилась кровь заката.
А рядом время плакало вдовой,
И в небе длань простёрлась,
 как расплата
За инвалидов Третьей Мировой.

2010

Украина

(Цикл стихов)

1. Чёрные дыры

В небе чёрных дыр всё больше,
Всё плотнее пустота.
Вон в дыре исчезла Польша,
Жаль, хоть Польша и не та.

В чёрных дырах, словно тина,
Мрак – и днём, и поутру.
Но за Польшей – Украина
Так и ломится в дыру!

2. Майдан

И вот она замедленная мина
Сработала! Европой старт был дан.
Затмилась незалежна Украина
И взорвалась, и захрипел Майдан.

Здесь Русь секли, следили, чтобы фразу
На русском и еврей не произнёс.
Сошлись Бандера и Мазепа сразу,
Как будто чёрт их на Майдан принёс...

С прохожих рвали кожу или платье,
Стреляли в необстрелянных парней.
И отливали пули и проклятья,
Чтоб опорочить дружбу прошлых дней.

Кромсали жизнь свою или чужую,
Стреляли для Европы – напоказ,
Взрывали ночь и Родину большую,
И «Беркуту» выкалывали глаз.

Да что с тобой случилась, Украина,
Ведь Крым другой и Харьков, и Донбасс.
Ты – порох и горящая резина –
Твой нынче запах поражает нас.

Ты грелась и питалась от России!
Предатели во чреве подросли
И дружбу нашу, как осот, скосили
И памятник Кутузову снесли.

Уже и Гоголь стал тебе не нужен,
Не то чтоб Достоевский и Москва.
Сама себя ты скоро съешь на ужин,
Ты унтер-офицерская вдова.

Мы – русские, и мы к тебе готовы
Придти на помощь – дети и отцы.

Но к власти рвутся, рвут твои основы
По меньшей мере, просто подлецы.

Горит Майдан, болит душа за сына,
У каждого, кто помнит о войне.
Попомни наше слово, Украина,
Что ты соришь в оранжевом огне.

Останется от прежней Украины,
Которая и вправду не жива,
Пустой Майдан, горелая резина
И чёрная Бандеры голова.

3. Реквием

Памяти Юли Изотовой

Кровавое солнце упало во тьму,
И Родина пеплом покрыта.
Скажи, Украина, – зачем? почему
Изотова Юля убита?

Ей было немного. Всего двадцать два,
Неужто убита – за это?
В родном Краматорске трепещет листва
И катится яблоко света.

И яблони цвет набирают в Крыму,
И в поле засеяно жито.
Скажи нам, Турчинов, – зачем? почему
Изотова Юля убита?

Бандеро-фашистское ваше гнездо
В угоду Америке свито.
И мы понимаем сегодня – ЗА ЧТО
Изотова Юля убита?

Мы знаем, что вам недоступна слеза,
Что вы – под прикрытием пушек.

Смотрите в её голубые глаза,
В её просветлённую душу.

И пусть её облик вам спать не даёт,
Проклятья в ваш адрес несутся...
Великий Господь по делам воздаёт –
Убийцы уже не спасутся!

Когда-то мы взяли Берлин. С нами Бог!
Судьба добывается нами!
За Юлю, за пламенный Юго-Восток
Поднимем победное знамя!

4. Хатынь XXI века

Сгорели... Сгорели... Убиты...
Растерзаны... ЭТО – ХАТЫНЬ!
Простите живых, одесситы!
Сгоревшим и павшим – Аминь!

Предвидел ли кто катастрофу?
И кто мог подумать вчера,
Что сбудется – путь на Голгофу,
Прочерченный «из-за бугра»
Что город Одесса заплачет...
Несломленный город-герой
Фашистами будет захвачен,
Зажжён украинской дырой.

Что будут до смерти забиты,
Объяты смертельным огнём,
Восставший народ – одесситы,
Сгоревшие в доме живьём.

Над всей украинскою длинью –
Над Родиной – горестным днём –
Оплавилось небо Хатынью
И вспыхнуло море огнём.

Хатынь двадцать первого века
Затмила и душу, и плоть.

У солнца задёргалось веко,
И в небе заплакал Господь...

5. Апокалипсис

Тяжёлый смерч поднялся над Майданом –
Невиданный – из пагуб и невзгод,
Он пронёсился шумным ураганом –
И падал на Крещатике народ.

Смерч уронил живой обрубок века
В пылающий, клокочущий котёл.
Жестокий снайпер целил в человека –
И вот он первый выстрел произвёл.

...Дымился город, задыхалось небо,
И здравый смысл являться не хотел.
Как чёрт с Майдана, Тягнибок нелепо
За Сашкой Билым в бездну полетел.

Залитый шоколадом Порошенко
Кричал: – Долой Луганщину, Донбасс!
В петле из кос убогой Тимошенко
Зеленский-карлик
 ждал свой смертный час.
Боксёр Кличко свинцовой перчаткой
На площади страдал фронтовика,
Кормил Турчинов
 свой народ взрывчаткой,
Уж лучше б накормил Яценюка.

А Фарион отплясывала ловко
Среди горящих шин и тополей,
И нёс Аваков крепкую верёвку,
Чтоб на Майдане вешать москалей.

6. Манкурты

Враг России злобой дышит,
Мировой идёт процесс.
Про Галицию напишут,
Как про вотчину «СС».

Посреди Одессы тело
Русской женщины горит.
О фашистах то и дело
Телевизор говорит.

Киев-град. Там правят урки,
Крови высится фонтан...
От Бандеры – до манкурта
Расстояние в майдан.

2014–2022

Крым

Светозарно и престранно
В нашу жизнь явился Крым.
Укрепился Русским Станом
И развеял горький дым

Безучастности, сиротства,
Серых буден, тяжких дел.
В Русском Доме благородство
Вместе с братством углядел.

Избежал в разломах века
Навсегда – на все года –
Страшной мести «правосеков»
Из фашистского гнезда.

Избежал кровавой бойни,
Неоправданных смертей...
Жить в России вам спокойней
За себя и за детей.

2015

Наши сердца – раскалённые тигли:
Бьёмся и в войнах горим всякий раз.
В наших сердцах мы заставы воздвигли,
Где полыхает боями Донбасс.

Небо остыло, и сердце озябло,
Встань и держись, неубитый солдат!
Наша твердыня ещё не ослабла,
Нас согревают рассвет и закат.

Жив Севастополь и жив Мариуполь!
Сколько вбивается в небо ракет,
Будто иглой зашивается купол
Алых небес и встаёт Пересвет.

Дрогнут враги, и раскрутится пламя,
В чёрных долинах, как будто в аду.
И боевое раскроется знамя,
Как над Рейхстагом в победном году!
2022

Двери не заперты. Выйду из дома.
Брошусь, как в воду, в траву.
Свет из земли полыхнёт незнакомый.
Кто там? – в тиши позову.

Кто там? Быть может, далёкие предки
Светят величием своим.
Райская птица воспрянет на ветке,
В небо – и пламя, и дым.

Кто там? И выйдет из недр
Радонежский,
Явится Дмитрий Донской,
И над полями поднимется Невский –
Скажет с душевной тоской:

– Что же ты пал, богатырь, среди поля,
Где твой норóвистый конь?
Где твоя доля? И в поле доколе
Меч не поднимет ладонь?

Вымолвит Сергей: – Отчизну забыли,
Прóдали вечную Русь?
Пели, речами трезвонили, пили:
Вот вам и нерусь, и гнусь

Встали над вами и треплют Россию,
Мера запретов пуста.
Душу России, как плоть, износили,
Нет ей пути и Креста.

Дмитрий Донской, низко долу склонённый,
Старцу в ответ произнёс:
– Как же виниться земле полонённой,
Коли ей путь – на погост!

Встанем за правое русское дело,
Мы ли не бились за Русь?
Отче, направь моё брренное тело,
Я до врага доберусь.

Невский воздел в небеса свои руки:
– Благослови нас, Господь!
Всё на своя возвращается круги:
Битвы и дух наш, и плоть.

И осенил их крестом Радонежский,
Как наречённый Отец,
И оказались Донской вместе с Невским
В танке, спешащем в Донецк.

2013

МЯСНИК

В его руках топор тяжёлый,
Он к туше ласково приник
И хряснул так, что у монголов
В степях летучий смерч возник.

Орда проснулась Золотая,
Затрепетала вдалеке,
В иных веках, не забывая
О грузном русском мяснике.

Среди гремучего базара
Топор значенье обретал,
И звук свистящего удара
До континентов долетал...

Топор вздымался на полсвета,
На небе пряталась луна...
И Вашингтону мнилось: это
Летит ракета «Сатана»!

2016

Пластинка

Пластинка моя, как судьба, долговечная. Пластинка моя – вечеринка моя.
Вдруг ты появилась – девчонка беспечная, Упавшая с неба, чтоб высмотрел я

Живые глаза, в коих огонь вылетающий, Сжигает дотла, призывает любить.
Я, жизнью избитый и сердцем не тающий, Не смог ни пластинки, ни глаз позабыть.

Пластинка, будь нежной и долгоиграющей,
Как в юности жизнь, что нельзя покарать...
Мне в жизни греметь.

Жизнь беспечная та ещё,
Где мне веселиться, в любви угорать.

Пластинка из детства пропавшего катится,
Где летнего запаха пряный настой.
Там песни и боль, там желаний сумятица,
Там солнца пластинка и сон золотой.

2

Пластинка, пластинка. Звучали то Глинка,
То Григ, то Вивальди. Утёсова хрип.
Но в тёмной ночи разрывалась пластинка,
И дыбилось время, как атомный гриб.

Я время царапал в скучающем классе,
Крутилась земля, просыпалась семья
И пела: «Давно не бывал я в Донбассе»,
Хрипела: «Тянуло в родные края...»

И первые рифмы сквозили так рано,
В ночи учащённо дышала земля...
Пахнуло горячей резиной с Майдана,
Жабрей, как татарин, стремился в поля.

Что стало с Донбассом,
скажи мне, пластинка?
На съезд верлибристов я ездил в Донецк,
А нынче другая предстала картинка:
Там бомбы и танки. Неужто конец

Тебе, моё доброе воспоминанье,
Тебе, мой усталый и верный Донбасс?
И где ты, из детства живое дыханье,
И где ты, пропавший во времени, класс?

3

Пластинки не стало и поля не стало,
Качаются в небе стихи и цветы...
И льются дожди... Кто-то скажет устало:
– Ты пишешь ещё и влюбляешься ты?!

Мне верится, что возродится пластинка,
Могучий Утёсов взойдёт, как утёс...
И ласковый колос взойдёт из суглинка,
И явится Родина та, что я нёс

На сердце и в сердце с любовью, тревогой,
Какие в себя ещё в детстве вобрал...
Просторы земли были верной подмогой,
Чтоб свет нашей Родины не умирал...

У края судьбы появилась тычинка
И стала цвести. Это ты или я?!
Но, чу! Некий звук...

Зазвучала «Калинка»... Вернулась пропавшая даль бытия...

Запели Шульженко и поздний Вертинский,
И, вздрогнув, ожили родные края.
И крикнула ты: – Прикатилась пластинка! Пластинка твоя – журавлинка
твоя...

2016

Бескрылый Ангел

– Где ты, Россия,
и где ты, Москва?
– В небе врагами зажатый,
Это бросает на ветер слова
Ангел с последней гранатой...

Юрий Кузнецов

1

В штольнях века плыли наркоманки, Пел калека или Божий птах.
По России шёл бескрылый Ангел
В синяках, коростах и шипах.

Покрывалось время серой пылью, Всюду билась дольняя печаль.
– Где, бескрылый, потерял ты крылья? – Чёрный демон Ангелу кричал.

– Эй, пернатый!
Что ты ходишь-бродишь?
Не летаешь в Божьих небесах?
– Раздавались голоса в народе,
И звучала горечь в голосах...

Ангел, видно, многого не помнил,
Он смотрел в тревоге на людей.
Крыльев нет – он это сразу понял,
Где найти их – не было идей...

2

Ангел вспомнил: вечером остылым
Он спустился с облачных небес...
Это где-то над Полтавой было,
Мимо мчался торопливый бес.

Всё, как будто, рядом, близ Диканьки, Но среди размоленной земли
Пахло чёрным порохом и танки
По дорогам Украины шли.

Вергилий

Что возле ада нам скажет сегодня Вергилий,
Ставший для Данте – прославленным поводом?
Мы с ним соратники, адовы слуги, враги ли?
Данте в аду, а кого мы ещё подберём?

Ждут нас Горгона и Цербер, и фурий преграда,
В коих таится последнего вздоха цена.
Данте и девять кругов злополучного Ада,
Круг замыкался, и падала в бездну стена.

Помнил Вергилий все камни и все закоулки,
Где проходил неземной, неизведанный путь,
Но всякий раз запинался в безвременье гулком,
Мыслил обратно в пустынную брешь повернуть.

Стану Вергилием жизни, а кто станет Дантом?
Как страстотерпца, подобного Данте, найду?
Где же мне взять эту бездну ума и таланта,
Чтобы Вергилием быть в современном аду?

Крикнет ворон за чёрною далью,
Зазвенят в небесах провода.
Отзовётся им светлой печалью
Позабитая небом вода.

Вздрагнет мир от последнего боя,
Будут насмерть стоять пацаны,
И в чугунную пашню зароят
Рассечённое жало войны.

И нацедится дождик целебный
В смертоносную пагубу дней,
В ямы снов и окопов, и склепов,
Поднимая погибших парней.

Потекут реки крови обратно
В жилы тех, что навеки ушли.
И аукнется память стократно,
И затянутся раны земли.

АНДРЕЙ КОКОУЛИН (Санкт-Петербург)

Украинские хроники

В городе N

Витька в первый раз видел, чтобы Палыч плакал.

Крупный, седеющий мужик сидел на лавочке, всхлипывал и растирал кулаками слезы. Плечи его тряслись.

– Кольку! – повторял он. – Его-то за что? Кольку моего!

Все они, цеховая смена, стояли вокруг, сунув руки в карманы грязных, уляпанных спецовок, и темнели лицами. Михал Михалыч сплевывал на потрескавшийся асфальт злой, накопленной, видимо, аж с четырнадцатого года слюной. Толик пробовал носком бота жестяную урну – бомм, бумм. Леха-рыжий скрипел прокуренными зубами.

От острого, почти физического ощущения чужой беды Витька ознобно повел плечами. В животе смерзлись кишки. Он видел, как мама плакала, когда умер отец, Танька ревела у него на груди после возвращения из магазина, где ее выпихнули из очереди и порвали рукав пальто, но тогда это почему-то не вызывало ощущения бездны, разверзшейся под ногами. Тогда было по-другому, тухло, но не так безнадежно.

Плачущий Палыч – совсем край.

– Может, он спровоцировал чем-то? – предположил Леха.

Бымц! – отозвалась урна на новый удар Толика.

– Чем? – поднял мокрое лицо Палыч. – Тем, что шел?

Левый глаз у него покраснел, на щеке обозначились венозные жилки.

– Может, сказал не то.

– Ага, сказал не то, посмотрел не так, знаем, – проговорил Толик сквозь зубы.

Леха прикурил сигарету и сунул ее Палычу в пальцы. Палыч благодарно кивнул, но так и не затянулся. Смотрел куда-то в пустоту между Михал Михалычем и Витькой. Сигарета обгорала.

– А полиция что? – спросил Витька.

– А ничего! – ожив, с остервенением сказал Палыч. – Свидетелей нет, показаний от Кольки...

Из горла его вырвался скулеж, который бывает у побитой, бессильной собаки.

– Палыч, ты это... – пробормотал Витька, которому от этого скулежа совсем поплохело.

– Суки.

Палыч, вывернув шею, уткнул щеку в плечо и затих, прикрыв глаза. Лицо его сделалось каким-то резким, угрюмым. Мертвым.

– «Правый сектор»? – спросил Леха.

– Они.

– Тогда, понятно, бздит полиция.

– А ты храбрый, да? – усмехнулся Толик, сплюнув. – Полицейским тоже жить хочется. Они теперь так, для красоты.

Леха выматерился.

– Палыч, дай, если не будешь.

Он потянулся за сигаретой в пальцах сидящего. Палыч с мелькнувшим в глазах слабым удивлением о наличии у него сигареты отдал. Столбик пепла упал под ноги.

Леха затянулся.

– Колька-то жив?

– Жив, – глухо ответил Палыч. – В больнице. Черепно-мозговая и, в общем...

Он шумно втянул носом воздух и умолк.

– Деньги нужны? – спросил Михал Михалыч.

Палыч изобразил губами вялую усмешку.

– А известно вообще, кто? – в очередной раз пнув урну, спросил Толик. – По именам? Или они в «балаклавах» были?

– Двоих сразу задержали, – сказал Палыч. – Только через час и отпустили. Мол, случайные прохожие, даже избиения не видели.

– Менты все-таки козлы, – сказал Леха.

– А мы лучше? – спросил Толик.

– А мы че?

– Вот именно. Мы – че? Грузовики для АТО стальным листом обшиваем, и ниче.

– И что ты предлагаешь?

Толик посмотрел Лехе в глаза.

– Вылавливать по одному.

– И что? И убивать?

– Или калечить. Глаз за глаз.

– Не, – сказал Леха, – партизанщина – этодохлый номер.

– Почему это? – прищурился Михал Михалыч.

– Потому что мы – говно, – сказал Толик.

Витька вздрогнул.

– Я могу, – сказал он. – Раз они, то и я могу.

– Не страшно? – спросил Леха. – У этих сук тормозов нет. А у тебя? И ты один, а их – компания придурков.

Витька пожал плечами.

– Не терпеть же.

Леха бросил окурок в урну.

– Тут как раз многие за то, чтобы потерпеть. Не лезть на рожон. К лету, говорят, освобождение будет.

Палыч поднял голову.

– Кого освобождать, Леша?

– Нас, Сергей Палыч! Вроде приказ есть. Мы с Харьковом – первые на очереди.

– А чего нас освобождать? Зачем? Мы же вроде как не нуждаемся. Сидим себе тихо, лишь бы чего не случилось.

– Потому что чего – в пустую-то? – нервно спросил Леха-рыжий. – Меня шлепнут – всем лучше будет? Или Витьку того же?

– Это значит, Леша, – сказал Толик, – что если тебя шлепнут, то, по крайней мере, кто-то здесь борется, кому-то поперек горла нынешние порядки. Понимаешь? Не смирились, не все равно. Когда люди готовы жертвовать собой ради других людей, ради другой жизни, значит, не потерянные еще люди. Места живые.

– Ага, только мне уже будет все равно, – сказал Леха.

Толик хмыкнул, скривил морщинистое лицо с пятном давнего ожога.

– Был здесь парень такой, Вася Пжинский, на бывшей Советской жил. Полгода назад трое этих, из «сектора», вломились к девчонке в квартиру. Девчонка красивая, живет одна. Родители где-то под Донецком с год как без вести пропали. Чего б и не вломиться к сепаратистке? Вдруг у нее в трусах запрещенная литература? Только не учили, что Вася у нее соседом по лестничной площадке оказался. На крик выскочил, те даже дверь закрыть не успели. То ли сторожил он, то ли еще что, может, чувства питал. Одному руку сломал, другого по яйцам отоварил, третьего уroda из окна выкинул. Этаж, жалко, второй был.

– И что? – спросил Леха.

– Арестовали Васю, дали, кажется, четыре года.

– Так и я к тому же! – радостно заговорил Леха. – Чего жопу рвать? Россия отмашку даст, всех тварей перевешаем.

– Я к тому, что ты бы ни хрена не сделал со своей философией! – резко ответил Толик. – Пялился бы в «глазок», пока девчонку насиловали. Достоинство тербил. А вешать после драки все горазды! В первых рядах!

– О! Наезды пошли! – Леха развернулся на каблуках. – Я покурил, хватит. Мне такие разговоры не нравятся.

Он прошел в высокие ворота цеха и пропал в полутьме, прорезаемой искрами электросварки. Витька посмотрел в небо, на рваные весенние облака, похожие на еще не сошедший местами снег.

– Вы простите, мужики.

Палыч несколько раз шмыгнул носом, отер щеки ладонями.

– Что делать-то будешь? – спросил его Михал Михалыч.

– Не знаю. Передумал бы.

Палыч медленно сжал пальцы в кулак.

– Ты лучше посиди еще. Подумай, взвесь, – сказал Михал Михалыч, присев рядом. – Караулить будешь? С молотком? С топором? И чего добьешься? В одиночку все же нельзя. Организация одиночек на раз щелкает.

– И что предлагаешь? – мертвым голосом спросил Палыч.

– Пока – собирать данные: где, когда, сколько, имена и фамилии, места проживания. И все аккуратно конспектировать.

– Для кого? Для СБУ?

– На будущее.

Палыч хмыкнул.

– Ты уверен, что оно будет, будущее-то?

– А это уж в наших руках.

– О, мужики!

Из-за здания цеха, улыбаясь, вышел, прошмыгнув мимо чахлах кустов Саня Лесоватов с термического участка. Ему было около сорока, крепкий, поджарый, он всегда двигался вихляющей, хулиганской походкой.

– Чего сидим?

Чумазый, в черной робе, подойдя, он по очереди пожал руки собравшимся. Витька от рукопожатия даже сморщился и украдкой несколько раз тряхнул кистью – больно крепкий у Лесоватова оказался хват.

– У Палыча сын в коме, – сказал Михал Михалыч. – Того и сидим.

Лесоватов помрачнел.

– Это как?

– Нацики, – сказал Витька.

– Понятно. Что полиция?

Палыч посмотрел на Саню Лесоватова.

– А что полиция? У нас есть полиция? У них версия, что Колька сам... упал затылком... а потом ребра отбил...

Он умолк. На шее его вздулись жилы, словно слова застряли в горле. Пальцы, все в черных точках окалины, белея, сцепились в «замок». Лесоватов сковырнул ногой случайный камешек.

– И что думаете делать?

– Не знаем пока, – сказал Толик.

– Чего тут знать? – сказал Лесоватов со странной улыбкой. – Что у нас, нормальных мужиков не найдется?

– И что? – спросил Михал Михалыч.

– А ты, дядь Миша, подумай.

– А и думать нечего, – качнул головой Михал Михалыч. – Ну отлупим мы их, так их дружки на следующий день по домам пойдут. Ты, Саня, без семьи, а людям как? Вывезут да запытают. Или подстрелят, как Гришку Матвеева.

– А я разве предлагал отлупить? – сплюнул Лесоватов.

– Убить? – тихо спросил Толик.

Лесоватов кивнул.

– Они вроде как у «Вероники» тусуются. Жрут, спят, срут. Сколько их там? Два-три взвода, человек сорок, если по максимуму. Значит, нам нужно человек шестьдесят. Грамотно сделаем, всех накроем, – он скрипнул зубами. – Всю погань. А на нет и суда нет.

– Ты это, Сань, – оторопело проговорил Михал Михалыч. – Там же половине и двадцати нет, ты и их предлагаешь?

Витьку продрало будто теркой – уж больно страшным сделалось лицо Лесоватова, заострилось, оскалилось.

– Уже жалеешь их, дядя Миша? – медленно произнес он. – А я скидку на возраст делать не собираюсь. Это убийцы, дядь Миша! Убийцы. Сорок человек делают в городе что хотят, убивают за русскую речь, насилуют, и я должен им в паспорт заглядывать? Ах-ах, молодому засранцу еще нет восемнадцати!

Лесоватов наклонился.

– Это мой город, дядя Миша.

– Так-то так, – склонил голову Михал Михалыч, – тут спору нет. Но где ты возьмешь еще за полсотни таких как ты?

– Я, наверное, пойду, – сказал вдруг Палыч.

– И я, – произнес Толик, как-то мгновенно мрачней и сжимая губы.

И по урне снова засадил – бом-м!

– У меня еще пяток парней същется, – сказал Лесоватов.

– А я не пойду, – сказал Михал Михалыч, – и другим отсоветую. Почему? Чем больше народу, тем больше вероятность «казачка» из СБУ. Пересажаят да переубивают вас всех, дурней. Вы еще только кучковаться будете, а на вас уже папки с именами-фамилиями приготовят. И камеры в недостройке где-нибудь на отшибе.

– Дядь Миша, – сказал Витька, – вы еще скажите, что вас все устраивает.

– Не устраивает, – скривил губы Михал Михалыч, – не устраивает. Только я никуда не набиваюсь. Из соображений безопасности. Как вариант предлагаю только собирать информацию, фиксировать. Оно надежней. И предать некому. Я тебе скажу, Витька, что народу подняться на гроши у нас только глазом поведи. Возможно, больше, чем вы на свою задумку соберете. Лучше уж тогда действительно по одному отлавливать.

– Не ходят они по одному, – сказал Палыч. – Гопотой ходят, компанией.

– Я, вот честно, не провоцирую, – сказал Михал Михалыч. – Мне уже и не нужно ничего. Ни гривней, ни радости. Но вам-то – жить!

– И зачем так жить? – спросил Толик.

– Тогда уезжайте! Благо, Россия близко.

– Гонишь, дядь Миш? – ухмыльнулся Лесоватов.

– Гонию! – с вызовом произнес Михал Михалыч. – Ты подумай, Саня, чего хочешь. Ну соберешь ты людей, не проболтается никто, ладно. Ну, положите вы этих... А дальше что? Все само рассосется? Хрен!

Он показал Лесоватову мосластый кукиш.

– Ты про полицию? – спросил Лесоватов.

– И про полицию! И про хреницию! И про нацбаты!

Витька поежился.

Нацбатовцев он видел из окна, когда они орущим маршем шли по городу в сопровождении полиции. Прохожие спешили забиться в подворотни или ныряли в магазинчики. Нацбатовцы нестройно орали про Украину и погибших героев, которым слава. Попавшийся на обочине автомобиль просто сожгли.

А еще, днем позже, проходя мимо, видел, как пятеро уродов, кажется, из «Вольни», грозилась расстрелять тетку из ларька как сепаратистку. Витрину у ларька в результате разбили. Водку и сигареты реквизировали. «Мы тебя защищаем, а ты, сука...»

– Что ты молодежь-то пугаешь? – сказал Лесоватов, заметив Витькину реакцию. – Будут нацбаты, разберемся и с нацбатами.

– Как?

– Как получится.

– Нет, Саня, – сказал Михал Михалыч, – пока они в силе – не получится.

Пока у них есть поддержка...

– Чья? – перебил Толик. – Народа?

– И народа тоже. Но в первую очередь, власти, конечно же. И пока эта поддержка есть, не в наших возможностях что-либо сделать. Потому как это уже будет государственное преступление.

Лесоватов скривился.

– Как ты интересно все поворачиваешь, дядь Миша.

– Я не поворачиваю, я трезво смотрю на вещи, Саня. Я пожил, извини, я застал и Хрущева, когда он МТО позакрывал, и Брежнева, и много кого еще. Всякое было, и смертей я повидал достаточно. Я чего хочу сказать? Ты послушай, – Михал Михалыч придержал Лесоватова за рукав. – Люди постарше, как я, в силу самой природы человеческой накапливают большой опыт. Он ведь состоит из совершенных ими же глупостей и ошибок. А дальше приходит понимание, что эти ошибки и глупости совершает каждый! Если не те же, то похожие. Мы, старики, через все это прошли и знаем, поэтому глядим на вас, молодых, снисходительно – все это уже было, все это уже испробовано. И бунтарство, и максимализм, и желание справедливости. Поэтому я и прошу тебя, Саня, выбрось из головы своих тараканов. Не бери греха на душу.

– Почему?

– Потому что не время еще. Не настало время. Семьи у людей пожалей. Детей, женщин. Стариков, как я.

Лесоватов покивал.

– Время не то, да? Люди это время делают, дядь Миша, люди его двигают, чтобы оно было то, которое надо. Ты вот отговариваешь всех, а знаешь, почему? Страшно тебе, дядя Миша. Еще пожить хочется, хоть враскорячку, хоть под фашистами, а пожить. Случись же, что пойдут по домам, а ты украинского не знаешь. Шлепнут, как есть, такого хорошего.

Михал Михалыча выстрелило с лавки.

– Тебе, Саня, кто право давал меня дерьмом поливать? Не страшно мне ничего! У меня, если хочешь, сын погиб!

– Где?

– В Афганистане!

Лесоватов прищурился.

– А не по пьяни в кювет вылетел?

– Что? Погиб он! Под этим, как его... под Кандагаром! И ты, Саня, щенок еще, чтобы мне такие слова говорить! Я ж тебя на двадцать лет...

Михал Михалыч несколько раз ткнул в Лесоватова корявым пальцем.

– Я вам всем добра...

Он выматерился и, толкнув Витьку плечом, потопал в цех.

– Так его сын в Афганистане?.. – спросил Витька. – Или здесь?

– Здесь, на семнадцатом километре вылетел, – сказал Лесоватов. – Но и в Афгане был, правда, недолго.

Толик недобро посмотрел старику в спину.

– Не заложил бы, – сказал он, когда тот скрылся в искрящей цеховой полутьме.

– Мужики, вы уж это... – выдохнул Палыч. – Хватит уже, пойдете, что ли, поработаем. Я уже все.

Он поднялся. Лесоватов, не отступая, сунул кулаки в карманы рубы.

– Сергей Павлович, вы действительно хотите все так и оставить?

– Саша, Саша... – Палыч ладонью легонько похлопал его по груди. – Миша на самом деле прав. Не способны мы, вот случится край...

– А это не край? – округлил глаза Лесоватов. – Сергей Павлович, у вас сын в коме! И это не край? Они тут гопака на трупах должны плясать?

– Саш, ты убить готов? – спросил Палыч. – По-настоящему?

– Готов.

– А я нет, Саша, – печально произнес Палыч. – Руки если только переломать, это готов, а убить... Не смогу, нет.

– Хорошо, – оскалится Лесоватов, – пусть руки. Этого достаточно. Остальное на мне, я не боюсь, я слишком хорошо этих гнид знаю, их надо с корнем. Только нам бы еще надежных ребят добрать.

– У меня брат двоюродный – водитель «маршрутки», – сказал Толик. – Там мужики давно уже на нациков зуб имеют.

– Это по разговорам или так, по ощущениям?

– «Сектор» требует своих бесплатно возить. И попробуй, сука, еще вякни что-нибудь. Мужика одного прямо в автопарке подкараулили. Избили за то, что он одного такого в пешее эротическое послал. Кажется, руку сломали и ребро.

– А остальные смотрели? – спросил Лесоватов.

– Против «калаша» да пистолета – куда?

– Так и сейчас получится так же.

Толик хотел пнуть урну – промахнулся.

– Да там на грани было, брат рассказывал, уже с монтировкой сбоку подбирался, чтобы автоматчику череп проломить, думал, все, понеслась, да и эти вроде как струхнули – водил человек пятнадцать было, а нациков – семеро, кажется.

– И чем кончилось?

– Полицейские нациков увели. Они их вроде сопровождали. Ну, как сопровождали... Не светились, но контролировали.

– Понятно, – потер переносицу Лесоватов. – И сколько таксистов готовы идти до конца?

- Не знаю, – сказал Толик. – Может, те же пятнадцать. Я спрошу.
- Ну а ты, Витька? – спросил Лесоватов.
- У меня нет никого, – покраснел Витька.
- А сам?
- Сам пойду.
- Не боишься?

Витька надулся.

- Дураки не боятся. Боюсь.

– Значит, после работы дуй к нам, в «термичку». Только не сразу, понял? К восьми, – сказал Лесоватов.

Витька кивнул.

Пропускной режим уже, наверное, с год соблюдался абы как. Своих знали и позволяли им шабашить по вечерам. И так зарплаты мизерные. А металла – хоть задницей ешь, халаявный, никому не нужный, стащенный со всей области на нужды как бы министерства збройных сил. Тем более давно уже велись разговоры, что завод закروют к хренам собачьим.

И газ тратит, и электричество расходует. Украинской нации такие заводы не нужны!

Витька усмехнулся, вспомнив, как месяца три назад по цехам носился толстый мужичок в вышиванке и с чертежами и агитировал начальство перейти на биотопливо, то есть на кизяк, то есть на высушенное дерьмо и солому.

Мол, дерьма и соломы в стране – завались.

Планы были наполеоновские. Там – силосные башни и ферма. Здесь – сушилки. Там – прессовочный цех. Здесь – специальные котлы.

Нужен только небольшой первоначальный взнос в размере хотя бы одного миллиона гривен.

– Здравствуйте, дядь Рома, – сказал Витька охраннику в будочке за барьером.

Тот поднял глаза от стакана с чаем.

- О, Витька! Снова-здорово! Не поздно?

– Да попросили тут с ключами помочь.

– За деньги хоть?

– По дружбе, – Витька крутнул турникет.

– Понятно, – вздохнул дядя Рома. – Спасу нет от этих друзей. Вон худой какой. Пусть хоть покроят тебя потом.

– Наша дружба и опасна и крепка, – сказал Витька.

– Неуч! – фыркнул в седые усы дядя Рома. – Про службу это пелось!

– Я знаю.

Витька вышел из проходной, миновал подъездные пути, по которым за всю его работу всего лишь раз пускали локомотив, и разбитой дорогой зашагал к цехам.

Заводууправление и склады остались по левую руку. Над цеховыми воротами тускло светили фонари. Где-то внутри гулко, с отяжкой, ухал кузнечный пресс. Груды металлоконструкций на неосвещенных площадках у забора лежали поверженными великанами-трансформерами. Вот рука из ферм, вот нога из балок.

К «термичке» Витька пошел, обходя загогулину инструментального участка.

Можно, конечно, было добраться и проще, не давая кругая, все-таки и инструментальный, и термический цеха размещались в одном здании, и краны у них были общие, ездили от и до, но Витьке не хотелось никому из шабашников попадаться на глаза. Он был не чужд конспирации и думал, как отговориться, если вдруг что.

Широкие ворота термического были закрыты, а сам цех казался вымершим.

Маленькая дверца в воротах была не заперта. Витька прошел внутрь, в полумрак, оказавшись в окружении заготовок, столов и труб разного диаметра.

Одна лампочка висела высоко над головой, вторая – метрах в двадцати дальше. Чернели боками печи, тянуло прохладой от охлаждающих колодцев.

«А если никого нет?» – подумалось Витьке.

По настилу он двинулся вперед, сторонясь раструбов вытяжек и выставленных в проход агрегатов. Над головой позвякивали цепи и вились провода. Тенью протянулась крановая балка.

– Стой! – сказали ему вдруг.

Витька встал.

– Повернись.

В лицо Витьке посветили фонариком.

– Я... меня сюда... – проговорил он, растерявшись.

В мозгу пронеслось: это СБУ или свои?

– Чего надо?

Тьма сбоку шевельнулась и приобрела очертания человеческой фигуры. Чуть ближе – и Витька обнаружил, что смотрит на «балаклаву» с прорезями для глаз.

– Имя?

– Вить... Виктор.

– Откуда?

– Отсюда.

– С термического?

– С ремонтного.

– С первого или второго?

– Так всего один, – удивился Витька. – Наполовину сварочный.

– Верно.

Витьку одобрительно хлопнули по плечу.

– Кто там? – раздался знакомый голос.

– Я! – крикнул во мглу Витька. – Витька Леоненко.

– Пришел-таки.

Лесоватов выплыл навстречу, беззвучно, будто «Летучий Голландец». Витькина ладонь снова заняла от рукопожатия.

– Пошли.

Лесоватов повел Витьку за собой.

За одной из печей, выгороженный кирпичной переборкой, открылся и плеснул светом закуток – стол из поваленной набок катушки, ряд жестяных шкафчиков для переодевания и две лавки.

Обе лавки были заняты.

Витька узнал Толика и Палыча. Двое сидели в «балаклавах». Еще один парень был, кажется, отсюда, с термического. Последних двух Витька на заводе не видел.

– Так, это Витька, – представил парня Лесоватов.

Он подал ему ящик, сам сел на второй.

– М-да, – сказал один из незнакомцев в «балаклаве».

Витька услышал в междометии сомнение насчет своего присутствия и покраснел.

– Теть, давай без этого, – сказал Лесоватов.

– Без чего? – спросил незнакомец.

– Что тебя не устраивает?

– Детский сад не устраивает.

Лесоватов усмехнулся.

– Сам давно ли заматерел?

Названный Тетей шевельнул плечом.

– Ты нас, Саня, для чего позвал? Кажется, для серьезного разговора. А он получится, серьезный разговор?

– Получится.

Лесоватов выложил на катушку и развернул склеенную из нескольких листов карту, придавил ладонями.

– Ребята, кто хочет отказаться, скажите сразу. Потом придется идти до конца, вы понимаете? Без отговорок.

Он обвел взглядом сидящих. Никто не возразил. Палыч только то ли кивнул, то ли втянул голову в плечи.

– Понятно все, – с мягким южным акцентом сказал усатый гость с печальными глазами.

Витька подумал, что это представитель таксистов. А второй с ним рядом – Толиков двоюродный брат. Похож слегка.

– Тогда давайте, что ли, поближе, – сказал Лесоватов.

Собравшиеся сдвинули лавки. Насмешливый Тетя в «балаклаве» вообще встал.

– Из гугля что ль печатал? – спросил он, разглядывая карту.

– Из него, из него, – Лесоватов разгладил линию сгиба. – Без гугля теперь никуда.

На карте была изображена улица Шевченко и несколько домов декоммунизированной улицы маршала Рокоссовского.

Прямоугольник в центре был подписан как «кафе «Вероника»». Жирные, от руки сделанные, линии обозначали окна и два выхода – основной и запасной. В самом здании пунктиром были выделены зал, туалет, кухня и подсобные помещения.

На доме напротив стояла зеленая точка, еще две точки зеленели в переулках поблизости от кафе.

– А это? – Тетя стукнул пальцем по синему прямоугольнику сбоку от «Вероники».

– Полиция, – сказал Лесоватов.

– Ага.

Несколько секунд все в молчании изучали карту.

– Извините, что вы предлагаете? – спросил усатый южанин. – Штурм?

– Почти, – Лесоватов поднял голову на мигнувшую лампочку и продолжил. – Сначала я думал о ночной операции.

– Самое разумное, – кивнул Тетя.

– Только ночью там то еще веселье. И полицейских машин становится две, – шариковой ручкой Лесоватов пририсовал лишний квадратик. – Вломиться тоже проблема. Они опускают ставни, открытой остается только задняя дверь, которую и сторожит вторая машина. Кроме того, ночью нам будет сложнее ориентироваться, мы скорее друг друга перебьем, чем нациков. При нашей-то никакой подготовке.

– Так. А спят когда?

– Утром.

– Во, как раз.

– Я думал. Не вариант.

– Почему? – спросил второй человек в «балаклаве».

Голос у него был сдавленный, сиплый.

– То же самое – ставни опущены, двери закрыты. Часть уродов, насколько я понимаю, спит в зале. Часть на втором этаже, там шесть номеров. Коридоры узкие. Достаточно человека с «калашом» на лестнице, и операцию можно сливать в унитаз.

– Да херня все это.

– Может быть, – согласился Лесоватов. – Только нам желательно, чтобы в здании никого из нациков не было.

– Пожар? – спросил Тетя.

– Нет, – сказал Лесоватов. – Хотя было бы неплохо. Две-три зажигалочки... – Он умолк, обдумывая, потом тряхнул головой. – Нет, дымовую еще куда ни шло. Это, пожалуй, организовать можно. Но давить мы их будем в полдень.

– Почему?

Лесоватов усмехнулся.

– В полдень у них что-то наподобие пионерской линейки. Смотр цвета опухшего украинского лыцарства. Уроды строятся на площадке перед «Вероникой», считают члены и поют «невмерлу». Это минут десять-двадцать нашего общего удовольствия.

– Да, это годится, – сказал сиплый в балаклаве.

– Здесь, – Лесоватов нацелил палец, – проезд между кафе и жилым домом, сюда загоняем фургон. На этом месте часто паркуются, подозрения не вызовет. Второй фургон, по мысли, должен встать здесь.

Он переместил палец.

– Сразу задний двор перекрывается, – кивнул Тетя. – Еще сдать на проезжую часть...

– Обязательно, – кивнул Лесоватов.

– А полиция? – спросил усатый южанин.

– Полицию беру на себя, – сказал Тетя.

– Фургон, правда, пока один, – стукнул по карте Лесоватов, – есть трактор с прицепом, но это не вариант.

– Автобус? – спросил южанин.

– Вызовет подозрения.

– Так если быстро...

– Его полиция сразу попросит, – сказал Лесоватов. – Потом, видно же, кто едет. А нам желательно на месте быть чуточку заранее и чтобы никто раньше времени не всполошился.

Витька кашлянул. На него посмотрели.

– Есть мысль? – спросил Тетя. – Давай, молодой, выкладывай.

Витька покраснел.

– Ну, у нас в ремонтном два автомобиля стоят, мы их обшиваем. Один грузовик точно на ходу. И дуги под тент есть.

– О-па! Точно, – сказал Лесоватов. – Это я ступил. А ключи?

Витька кивнул.

– У мастера. Мы во дворе обкатывали.

– Тогда грузовик подгоняем как транспорт для «нациков», – сказал Тетя. – Красим в блакитно-желтый, полиция сразу побоку.

– Он и так покрашен. Только это на тоненького, – подал голос Толик.

– Согласен, – кивнул Лесоватов, – но нам не до жиру.

– Почему? – пошевелился Палыч.

– Потому что, чем дальше разрыв в планировании акции и самой акции, тем больше набирается неучтенных факторов.

– Так мы завтра что ли? – внезапно охрипнув, спросил Толик.

Лесоватов оглядел собравшихся.

– Не завтра, послезавтра.

– Как-то второпях, извините, – сказал южанин.

– Что, не получится? Не будет людей? – резко спросил Лесоватов.

Таксист вздохнул.

– Будет. Человек двадцать будет. Просто... Хорошие люди, не хочется, чтобы застря. Или чтобы их потом СБУ ловило.

– Это уже от нас всех зависеть будет.

– И оружие.

– Свободный ствол всего один.

– Остальные с чем?

– С железками, с битами, с дубинками. Что найдете.

– А у этих?

– То же самое. Пистолеты при себе только у командира и двух-трех бойцов. Сработаем быстро, может, и выстрелить никто не успеет.

– Детали?

Лесоватов поднял голову, нашел глазами Витьку.

– Вить, покури снаружи пока.

Витька не сразу сообразил, что Лесоватов таким макаром просто избавляется от лишних ушей. Покурить так покурить. Тем более что сухо во рту. И в душе маятно. Это же значит – послезавтра уже...

Витька вышел за ворота.

Покачивалась прущая сквозь разбитые бетонные плиты трава, небо, мягко темнеющее, где-то глубоко-синее, с простуженной краснотой, стреляло звездами.

К девяти уже, наверное.

Витька судорожно вдохнул теплый, пахнувший окалиной и смазкой воздух. Послезавтра. Если к двенадцати, это как дожждаться?

Пальцы с трудом выцепили сигарету.

Разве так должно быть? Чтобы полиция – за уродов? Чтобы уроды убивали людей и им за это ничего...

Витька мотнул головой. Пусть я даже умру...

– Дай-ка и мне.

Незаметно подобранный Толик сунулся своей сигаретиной к прикуренной Витькиной.

– Че-то меня потряхивает, – сказал он, затаившись. – Витька, слышь, это серьезно все.

– Я знаю.

– Знаешь ты, – отозвался Толик. Он сплюнул. – Лет тебе сколько, знающему?

– Девятнадцать, – ответил Витька.

– Чувствую, содохнем все. А от моголизации ты, получается, откосил?

– Повестки не было.

– Это правильно, – согласился Толик. – Не было, и все тут, – глаза его сделались тоскливыми, он задрал голову. – Посмотри, какая красота. И завтра останется, и послезавтра. Воздух какой сладкий! У тебя нет такого... – он по-медлил. – Ну, будто у тебя этого завтра-послезавтра уже не будет?

Витька неопределенно шевельнул плечом.

– А мы точно против них выйдем?

– Против «Сектора»? – Толик затаился. – А куда дальше? Сам посуди. Целый город под бандой, под отморозками, которым все можно. Если не раздавим, скоро за косой взгляд, за слово убивать будут. И данью обложат, как в средневековье. С правом первой ночи.

Они постояли еще минут пять. Огоньки сигарет перемигивались, посылая сигналы в темноту, где, едва видимые, мешались с небом заводские корпуса.

– Ну что, по домам? – выщелкнул окурок в сторону урны Толик.

– Надо, наверное, Лесоватова предупредить, – сказал Витька.

– Если он еще там.

– А как он...

– Через инструментальный.

– А-а... Но все равно это не правильно как-то. Слово мы самовольно.

– Ладно, – сказал Толик, – иди. Я тебя за проходной подожду. Только в темпе. Не больше пяти минут.

– Ага, – кивнул Витька.

Дверь стукнула, запуская его в густую темень неработающего цеха.

Пришлось ждать, пока глаза привыкнут и из мрака вылупятся контуры печей и перегородок, магистрали воздуховодов над головой и дыры колодцев от прохода справа.

Где-то близко позвякивала цепь.

Витька пошел вперед, обмирая и нащупывая ногами настил. Сверзиться в один из колодцев не хотелось. Поломаться можно влет.

– Дядь Саша, – шепотом позвал Лесоватова Витька.

Ответа не было.

Что-то прошуршало, прокатилось по трубе. Мусор? Крыса? Крысам вроде здесь пожить нечем. Витька сделал шаг и едва не вскрикнул, когда на него качнулась бесшумная, легкая тень.

Тряпка, блин! Тряпку кто-то повесил на хомут!

Он откинул тряпку в сторону. Испуг угас, ссыпался между лопаток к копчику. В закутке, где они только что сидели, свет был погашен. Пахло дымом. Витька чуть не запнулся о лавку и прошел дальше, огибая железную тележку.

– Дядь Саша.

Шальной отсвет фар проплыл по своду, потерялся в крановых балках.

Витька пересек цех, глядя в темноту и пытаясь расслышать хоть какие-то голоса. В инструментальном шипел стравливаемый воздух. Смутно виднелись станки и стеллажи с заготовками. Злым красным зрачком горел огонек пульта.

Впереди вдруг плеснул свет – кто-то выходил из цеха наружу, под фонарь. Одна фигура, другая. Витька ускорил шаг. Дверь он нашел ощупью, распахнул и ослеп. Пока проморгался, прижимая ладонь к глазам, чуть не своротил дощатый щит пожарной безопасности, с которого давно уже украли и багор, и пожарное ведро.

Выходящие за это время успели раствориться в вечерней темени.

Рассудив, что раз Лесоватов уже ушел, то и отпрашиваться не у кого, Витька решил двигаться к проходной. Он почти выбрался на финишную прямую, когда впереди, за кустами и дырчатой ржавеющей фермой, расслышал голос Палыча.

– Александр, вы же понимаете...

– Нет, не понимаю!

Второй голос, раздраженный, рассерженный, принадлежал Лесоватову. За кустами качнулась голова. Витька замер, боясь пошевелиться.

– Мне страшно, Саша, – сказал Палыч.

– Именно сейчас? Именно сейчас страшно? – спросил Лесоватов, и Витьке представилось, как он узит глаза. – Сергей Палыч, а раньше? Раньше, до Кольки, вас все устраивало?

– Мне ты страшен, Саша.

– Вот как.

– Да, Саша, – сказал Палыч. – Ты жаждешь крови.

Последовал выдох. Скрипнул каблук.

– Да, – сказал Лесоватов, – я жажду крови. Я хочу всех их убить. Всех. Чтобы ни одна фашистская тварь не ушла от наказания.

– И кто мы будем, Саша?

– Людьми мы будем! – голос у Лесоватова перехватило от напряжения. – Как прадеды, как деды наши! Они такими вопросами не задавались, Сергей Палыч. Они немца зубами, голыми руками рвали! Кто они, звери? И не стоит про то, что это, мол, нас как-то испортит, поставит вровень и прочее. Нет зла большего, чем оставить зло безнаказанным. Нет большего зла! Я дышать одним воздухом с этими тварями не могу. Я жить не могу! Потому что они – это чья-то смерть, чья-то погубленная жизнь, дети без отцов и матерей, кровь, боль и слезы. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра. С корнем! – в горле у него заклокотало. – Их надо рвать с корнем! Чтобы ни одной твари не осталось!

– Это все верно, Саша...

– Хорошо, пусть! – зашипел Лесоватов. – Не хотите мараться, я все возьму на себя. Крови боитесь? На мне будет кровь. Видеть не хочется – не смотрите. Но жалеть я нациков не буду. Ни раненых, ни убогих.

– Эх, Саша, Саша.

– Сергей Палыч! – едва не простонал Лесоватов. – Ну все же у вас перед глазами! Пожалел, амнистировал Хрущев бандеровцев и прибалтийских «лесных» братьев, какие «ягодки» повылезли? Убийцы и уроды! А тридцать миллионов населения забило по хаткам и молчаливо поддерживают...

– Саша...

– Да-да, поддерживают! Не протестуют, языки в жопу засунули, ах, как бы чего!.. Страшно им! Пусть другиедохнут! Так ведь сами тоже сдохнут, памяти не останется. Хуже смерти вещи есть. В тысячи раз хуже. Потом только не удивляйтесь, что вы никому не нужны. Да и самим себе...

Лесоватов умолк.

– Я пойду, Саша, – сказал Палыч.

Витька расслышал удаляющиеся шаги.

– В СБУ? – крикнул Лесоватов.

– Домой, – прозвучал ответ.

– Ну, хоть так, – тихо произнес Лесоватов. Потом повернул голову, и лицо его смутно забелело поверх кустов. – Витька, это ты там?

– Я.

Витька вышел.

– Слышал? – спросил Лесоватов.

– Слышал, – сказал Витька.

– И что думаешь?

– Думаю, что вы правы.

– Но страшно, да?

– Немного.

Лесоватов хмыкнул.

– Погоди еще. Пошли что ли. Поздно уже. Тебя родители небось ждут.

Они медленно двинулись к проходной.

Витька ежился, сжимал кулаки в карманах. Лесоватов горбился. Было темно, только когда миновали здание заводууправления, всплыли уличные огни, пятна окон за забором.

– Знаешь, что плохо? – сказал Лесоватов. – Даже если мы сейчас нациков перебьем, останутся еще СБУ и полиция. Без внимания они нашу работу не оставят. И чтобы они не стали отлавливать нас по одному... Понимаешь?

Витька кивнул.

– Их тоже.

– Это-то понятно, – вздохнул Лесоватов. – Я к тому, что пути назад не будет. Невозможно будет сказать: все, здесь я не играю. А там или на Донбасс бежать, или свою республику строить. И никакой тебе прежней жизни.

– Ну и что? – спросил Витька. – Прежней жизни и так нет.

Лесоватов усмехнулся.

– Молод ты еще, Витька. Большинство людей будут цепляться за эту иллюзию до последнего. Пусть с нациками, но пока не трогают, то и хорошо. Человеческое сознание очень инертно в этом плане. Пока в дерьмо по макушку не уйдешь, все кажется, что тепло и мухи не кусают. Некоторые еще сами в нацики пойдут и в крови по горло измажутся... Ладно, – оборвал себя Лесоватов, – не бери в голову.

Они по очереди скрутили турникет на проходной. Дядя Рома, отвлекаясь от телевизора в своей будочке охранника, выглянул в окошко:

– Поздновато вы.

– Бывает, – сказал Лесоватов.

– Ключи-то сделал? – спросил дядя Рома Витьку.

– Что? А, почти.

Дядя Рома хмыкнул в усы.

– Саня, ты б помог молодому поколению.

– Сам разберется, – подыграл Лесоватов.

– Ну, дело ваше.

Они вышли наружу. Толик не дождался Витьки и слинял. Белел когда-то выкрашенный в цвет украинского флага столбик ограждения. Мигал предупредительным сигналом светофор на перекрестке.

– Ну, пока, – подал руку Лесоватов.

– А как мы теперь? – спросил Витька.

– Завтра машину вашу обкатаем, там и сообразим.

– А потом?

– Завтра, хорошо? Завтра.

Лесоватов махнул рукой и растворился во тьме.

Казалось бы – ничего не изменилось. Но Витьке вдруг стало жутко. У него было такое несколько раз, когда предчувствие беды сжимало сердце, подмораживало в животе и колело пальцы ног. Невозможно было ни сдвинуться, ни дышать, а внутри тела тонко, как стекло, звенела душа, готовая разбиться от боли.

Ощущение это проходило быстро, с каким-нибудь незначительным звуком, отвлеченной мыслью о чем-то другом, пустяковом, не имеющем продолжения, и обычно ничего в результате не случалось. Предчувствие обманывалось, и только как отзвук, как эхо накатывала вызванная им слабость.

Но сейчас все было не так.

Жуть выросла над городом, впитала город, повисла невидимым пологом и пощипывала Витьку, покусывала, как грязь, забивалась всюду, протекала медным, кровавым запахом, густела, сливаясь с небом.

Здесь, я – здес-сь.

Жуть тенью стояла за спиной, перетаптывалась мурашками по плечам и шептала мертвым голосом в Витькиной голове: «Все умрут, все. И ты, и Лесоватов, и Толька, и Палыч. Конец будет только один – смерть».

Жуть колыхалась в Витьке и была. как пакет, затянутый на голове, – мало воздуха, и все плывет перед глазами. Какие-то фигуры, угол дома, пятно света.

Страш-шно?

Когда Витька, переломив себя, все же двинулся через перекресток, жуть никуда не делась.

Это ощущение жило в Витьке весь следующий день.

Незримой стеной оно отделило его от родителей, их лица размылись, их голоса звучали словно издали, понять сказанное удавалось с трудом, и Витька больше улыбался и отвечал невпопад.

Завтрак – бутерброд с чаем.

На работу? Что? Да, на работу. Не закрываетесь еще? Что? Нет, мы это... варим-обшиваем. У нас – военный заказ. Не дело это, сынок. Какая война? С кем? Я знаю, знаю. Ты не заболел ненароком?

Мамина ладонь на мгновение прикоснулась ко лбу.

– Я в порядке, – ответил Витька, стряхивая ее.

На завод пришел словно и не он. Кто-то за него переставлял ноги, заходил в цех, пожимал ладони Толику и рыжему Лехе, переодевался, держал, таскал листы металла, навешивал их на борта и составлял обратно. Жуть танцевала рядом, прячась от прямого взгляда. Не поймаешь, не поймаешь! Бу!

Брызгала искрами сварка, уныло звенел выправляемый кувалдой лист. Свет бродил по цеху, цепляясь за стропы и полосы железа.

Завтра, думалось Витьке.

Все вокруг было пустяками и ерундой, кроме завтра. Может, ничего завтра уже и не будет. То есть будет утро, а после двенадцати – ничего.

Цех плыл как в тумане.

Или это Витька плыл?

Лесоватов отловил его, издергавшегося, в конце дня, кивком показал на ворота. Под прищуренным взглядом Лехи Витька вышел наружу.

Лесоватов подвинулся на скамейке.

– Садись.

Витька сел.

– Ну, как настроение? Боевое?

– Страшно, дядя Саша, – сказал Витька. – Может, не будем?

– Витька, в хатку захотелось?

Лесоватов посмотрел в глаза.

– Это мой город, Витька, – сказал он. – И твой город. Палыча и его сына. Твоих родителей, а не их! – он ткнул пальцем в сторону забора. – Понимаешь? В наш город пришла банда недобитков, уродов, умеющих только жрать, убивать и насиловать.

– А полиция – за них, – сказал Витька.

Лесоватов усмехнулся.

– Так и не полиция здесь власть. Получается что, любой упырь может теперь творить, что хочет? Нет, так не пойдет. Если полиция за упыря, значит, она вместе с упырем. И лежать должна мертвая вместе с упырем, рядышком.

– Просто...

– Ты хочешь отказаться? – в упор спросил Лесоватов.

– Нет, – мотнул головой Витька. – Я уже решил.

– Тогда держи.

Лесоватов вытянул из-за пазухи короткую белую полоску, неровно нарезанную то ли из простыни, то ли из скатерти.

– Что это?

– Повяжешь завтра на рукав в машине. Это чтобы по своим у кафе не лупить. Ключи от самостийного шушпанцера достал?

– Да, – скомкав полоску, Витька сунул ее в карман и вытащил брелок с ключом. – Там бензина пол-бака всего.

– А куда больше?

Лесоватов хлопнул ссутулившегося Витьку по плечу.

– Ну! Что ты, парень?

– Не знаю. Думаю, может, и не будет меня завтра.

– В смысле?

– Убьют.

Лесоватов хмыкнул, достал сигареты и зажигалку. Из ворот вышел Палыч, потоптался, глядя на сидящих, плюнул, пропал в сизом от искр цеху.

– Мы все умрем, Витька, – сказал Лесоватов. – Мне умный человек знаешь, что сказал? Ему к чертям бок порвало, у меня руки трясутся, я кое-как бушлатом рану ему зажимаю, кровь толчками, он белеет...

Лесоватов затыкнулся, выдул дым через ноздри. Взгляд у него сделался отсутствующий, пустой, а рот пополз вкривь.

– В общем, умирал он. И умер минуты через три. Начитанный был парень, даже нынешнему мне не чета. И вот он сказал мне, слабо так, одними губами. Люди боятся не смерти, Саня, а неизвестности. Но если ты знаешь, за что собираешься умереть, то умирать не так уж и страшно. А еще, сказал он мне, люди боятся боли.

– И что? – спросил Витька, когда пауза, взятая собеседником, затянулась.

– Ничего, – сказал Лесоватов. – Он не договорил. Но я думаю, он мог бы сказать: да, люди боятся боли. Но когда чужая боль жжет сильнее собственной, та боль, которую испытываешь ты, не имеет никакого значения. Миллионы людей умирают бессмысленно, по глупости, по старости или болезни. Умереть ради того, чтобы зигующие твари не ходили больше по земле, по-моему, Витька, более чем достойная смерть. Только лучше не умирать. Не ко времени, понял?

– Понял.

– Тогда завтра как обычно.

– Как? – удивился Витька.

– Грузиться будем здесь. Место удачное, на отшибе. Ни люди подозрения не вызовут, ни грузовик, отсюда выезжающий.

– А фургон?

– А часть, с Тетей, погрузится в фургон. У них – своя точка, у нас – своя. Мне вот тоже беспокойно. Все на скорую руку, пока горячо. Почти спонтанно. На «а ну как выдохнется». Ты железку себе подобрал?

– Ага.

– Рукоятку сделай из ремешков, чтоб не выбили.

– Я думал.

– Ладно, – Лесоватов встал. – Береги себя, Витька. Завтра для нас всех, для города – очень важный день, где решится, предпочитаем мы под фашистами жить или все-таки понимаем жизнь по другому.

Вечером Витька вяло клевал разогретые макароны с тушенкой. Жуть глядела из окна, трогала сердце и словно висела на плечах, заставляя клониться все ниже к тарелке.

Я здесь, здес-сь. Завтра.

Отец зашел в кухню из комнаты, посмотрел на работающий без звука телевизор. Показывали Раду.

– Ты смотришь? – спросил отец.

Витька мотнул головой.

– Как на работе?

– Никак, – сказал Витька.

– Этих видел?

– Кого?

– Радетелей Украины. Сегодня магазин тети Иры разгромили, что через дом. Не на украинском захистникам, видишь ли, ответила. Они и оторвались. Прилавки разворотили, холодильник сломали, товар побили. Ира рада, что жива осталась. Честное слово, был бы рядом, навалал бы по шеям уродам.

– Застрелили бы, – сказал Витька.

Отец стукнул кулаком в стену.

– Тогда ты бы за меня встал! Встал бы?

– Да, пап.

Несколько секунд отец смотрел, не отрываясь, на Витьку, будто силился разобраться в том, что за человек сидит у него за столом.

– Верю, – сказал он наконец. Лицо его смягчилось. – А полицейские, представь, сказали, что их можно было и не вызывать.

– Почему?

– А сама виновата, вот так! Тебя убивают, ты сам и виноват.

– Скоро все изменится, – сказал Витька.

– Ой-ли?

– Завтра.

– Да какое там завтра, – вздохнул отец. – Ни завтра, ни послезавтра. Ни через год. Ты на упырей в Раде смотрел? Одна надежда, Путин там чего-нибудь скумекает.

– А мы сами? – спросил Витька.

– А ты выйди против них! Вон, на Донецк с Луганском уголовников и армию бросили. Каждый день долбят. Нам-то много ли нужно? Мы вообще городок маленький, артиллерийский залп – и нет нас.

– Пап, ты же сам сейчас...

– Цыц! Не время пока, сынок.

Витьке сделалось горько.

Он не помнил, как заснул. Проснулся рано, приоткрыл форточку.

Дышалось так, как никогда в жизни не дышалось. Воздух наполнял легкие, скользил в горле острым, сладким невероятно холодком. Витька принял холодный душ, натянул чистые трусы и майку, надел джинсы, почти не ношенные.

– На праздник что ли? – спросила мать.

– На работу, – буркнул Витька.

– Так рано еще.

– Халтура.

– Еще бы деньги были! – крикнула ему мать, когда он сбегал от нее и от завтрака вниз по лестнице.

Половина седьмого. Наверное, самый сон у нациков. Да и город еще спит. Прохожий редок, как та птица, что долетит до середины Днепра. Пустынные улицы, копошение у мусорного контейнера. Крысы или люди?

Город подталкивал, торопил Витьку вперед. То ли ноги были пружинки, то ли снизу, из-под земли, упруго подбивало пятки.

Проходная. В будочке – никого. Так даже лучше.

Ветер шелестел травой, листьями на кустах, позвякивал железной пластиной на ржавеющей ферме. Отвалилось за спину заводоуправление, отползли влево темные туши складов.

Витька смотал цепь с ворот, раскрыл их на полную, впуская в помещение цеха свет и воздух. Увешанный железом «КрАЗ» шурился на двор сквозь бронестворки. Желто-синяя полоса марала дверцы и ныряла под наваренные листы. В дальнем конце ждал своей очереди на военную модернизацию побитый пикап.

Из хлама, сваленного к стене, Витька выкопал обрезок трубы, тут же, из висящих на гвоздях мотков проводов и проволоки ножницами настриг себе и того, и другого, а из ящика достал моток изоленды.

Он возился со своим оружием где-то час, а может быть, и все два. Жуть уважительно стояла поодаль. Ей не то что обрезок не нравился, ей не нравилось деловитое Витькино спокойствие и то, что ему было чем занять голову. Надо же сообразить, где прижать, где согнуть, где зачистить конец.

Рукоятка в результате получилась замечательная. Провод вился спиралью в охват ладони, а скрученная в два ряда проволока изгибалась импровизированной гардой. Черная изоленда приводила Витькино творчество в грозный и боевой вид. Ладонь не соскочит, защита какая-никакая есть.

– Витя?

Витька вздрогнул.

– Да?

Спрятать оружие уже не получалось.

– Ты чего здесь?

Палыч застыл на границе цеховых ворот, с опаской разглядывая предмет в Витькиных руках.

– Да вот... – Витька повертел обрезок трубы. – Мастерю тут...

– Против гопников? – спросил Палыч, не двигаясь.

– Не только.

– Ну да, ну да, – покивал Палыч. – Какие теперь гопники?

Витька внезапно понял, что они с Лесоватовым не предусмотрели, что делать с цеховой сменой, на глазах у которой они будут угонять грузовик. Тем более, что через час или два к цеху подтянутся двадцать, а то и тридцать незнакомых, решительных человек. Не убивать же? Ни на Палыча, ни на Михал Михальча, даже на Леху-рыжего рука у Витьки не поднялась бы. А Палыч уже вот, здесь.

– Я против нациков, – сказал Витька.

– Для самообороны?

Палыч все же шагнул внутрь, осторожно снял куртку.

– Вы не бойтесь, Сергей Палыч, – сказал Витька. – Вы же не нацик.

– Я и не боюсь. Только ты это, не размахивай.

Палыч ушел к шкафчикам, оглядываясь, принялся переодеваться.

– Я, возможно, сегодня последний день, – сказал Витька.

– Уезжаешь куда-то?

Палыч отряхнул штанины полукомбинезона и включил лампы над станками.

– Да нет, – сказал Витька. – А как ваш Колька?

– Лежит. К аппарату подсоединили, вроде как дышит, – Палыч прошел по цеху к сложенным в низкий штабель обрезкам. – Говорят, ждать надо.

Он загремел железом.

– А сколько времени? – спросил Витька.

– Ждать?

– Ну, да.

– А бог его знает, – ответил Палыч. – Мы как, с грузовиком все?

Витька пожал плечами. Палыч приблизился к шушпанцеру, разглядывая его будто гвоздь, подло продырявивший подошву и вонзившийся в пятку.

– Ну да, куда тут еще лепить? Чтоб они все сдохли.

– Сергей Павлович, они не сдохнут просто так.

– Сдохнут, Витька, – сказал Палыч. – У каждого своя судьба. Сдохнут.

И Лесоватов твой тоже смерти ищет. В нем ненависть кипит и разъедает его, разве не видишь? Он как зверь-людоед, ему кровь разум помутила.

– Так что, терпеть теперь этих?

Палыч вздохнул.

– Молод ты еще, Витька. Молодые все безголовые, им что жизнь, что баррикады...

Витька тряхнул головой.

– Вы просто боитесь! – сказал он. – Так можно всю жизнь бояться, только от страха ничего точно не изменится.

– Витька, жизнь – не красивые, пламенные слова, это другое. Люди ведь в войну и под оккупацией жили.

– И что?

– Не понять тебе.

Палыч скрылся за грузовиком, завозился там, зазвенел инструментом, считая разговор оконченным. Витька подумал, что и понимать, в общем-то, нечего. Трусость можно много чем объяснить, закамфлировать, выставить обстоятельствами, даже чуть ли не геройством подать, но она так и останется трусостью. В глаза как смотреть потом? Прятать?

Слова, горячие, злые, обидные, теснились у Витьки в горле, но он смолчал, с досады ударив своим оружием в бетон пола.

Бум-м!

– Что за шум, а драки нет?

Веселый Лесоватов возник в воротах, подопнул камешек, и тот со звоном впечатался в какую-то железку. Гонг! Брейк! В стороны!

– Твой протеже вон уже оружие мастерит, – ворчливо отозвался Палыч.

– И правильно мастерит!

– А что дальше?

– А скоро увидите, Сергей Палыч, – пообещал Лесоватов. Подошел, хлопнул Витьку по плечу, шепнул в ухо: Готов?

Витька, помедлив, кивнул.

– Надо что-то с ними делать, – шепнул он в ответ, показывая на Палыча глазами.

– С Палычем?

– Со сменой, когда соберутся.

– Ну, соберутся, придумаем.

Лесоватов лениво оперся о капот грузовика, бросил взгляд на часы на запястье. Лицо его сделалось задумчивым, затем озабоченным.

– Где, кстати, все?

Витька пожал плечами.

– Не знаю.

– Леха в отгуле, – сказал Палыч. – У меня отпросился. У родственников какой-то праздник. То ли свадьба, то ли именины.

– А Толик?

– Про Анатолия ничего не знаю.

– А Михал Михалыч?

– Так он с Жирновым вроде в заводоуправление намылился. У него ж бизнес, все элеватор брошенный раздербанить пытается, ищет партнеров.

– Ага, – сказал Лесоватов, – это удачно. Ты, Палыч, тогда в каморке мастера посидишь пока. Ты ж не с нами. И телефон сдай, хорошо?

– Не понял, – сказал Палыч.

– При тебе ж было – договорились, что грузовик реквизируем.

Палыч криво усмехнулся.

– Все-таки решились, да? Вы хоть понимаете, что задумали? Это тебе, Витька, за этим и железка понадобилась?

Витька кивнул.

– Понятно, – Палыч выудил из штанин телефон, брякнул на стол. – Ох, Саня. Зря вы это, зря.

Он заложил руки за спину, став похожим на подконвойного.

– Ведите.

– Я тебя запрю, а вечером тебя или мы, или Михал Михалыч выпустит, – сказал Лесоватов, провожая Палыча в каморку. – Если что, скажешь, что нас было много, мы были уроды, и ты сопротивляться не мог.

– Ты уж извини, Саня, – глухо сказал Палыч. – Перегорело во мне желание.

– Кольке своему это скажешь.

Лесоватов запер за Палычем дверь, подергал ее и оставил ключ рядышком на табурете.

– Что-то никого, – сказал Витька, взглядываясь в пустоту между цехами.

Лесоватов сплюнул.

– Пойдем пока грузовик выгоним.

Они сели в кабину. Громяхающий и скребущий железом «КраЗ» под управлением Лесоватова выкатил из цеха. Лесоватов сдал чуть в сторону, развернулся, с усилием крутя рулевое колесо, и, отдуваясь, заглушил двигатель.

– Все, ждем.

Сначала было десять, потом половина одиннадцатого. Лесоватов несколько раз доставал свой телефон, вертел его в руках, видимо, сомневаясь, стоит ли звонить, не опасно ли. Откладывал. Барабанил пальцами по пластику рулевого колеса. Сгонял Витьку за ключом от каморки и телефоном Палыча.

Ветер качал кусты. За лобовым стеклом тянулась и сворачивала за фермы, за земляной холм бетонка.

– Ну-ка, сбегай к углу, – попросил Лесоватов, – посмотри, что там.

Витька сбегал.

Где-то у заводоуправления вроде бы мелькали фигуры. В остальном было тихо, пусто. Холодно. В инструментальном возился незнакомый парень, что-то резал.

– Никого, – сказал Витька, забравшись обратно в кабину.

– Ясно. И на проходной?

– Там далеко, но никого вроде.

Лесоватов помрачнел. Тренькнул и умолк телефон Палыча. В животе у Витьки что-то медленно и противно принялось дрожать. Он до боли сжал обренок трубы. Где же все? Уже должны были собраться. Или – СБУ?

– Суки, – произнес вдруг Лесоватов.

Витька вздрогнул.

В скрипе сидений, в перекурах и попеременных прогулках у автомобиля, в постукиваниях по колесам и тоскливом перегляде часовая стрелка прошла еще один круг. Телефон доставался, телефон убирался.

Половина двенадцатого.

– Все, – сказал Лесоватов.

– Как – все? – спросил Витька.

– Никто не придет.

– Почему?

Лесоватов оскалился.

– Потому что суки. Понял, Витька? Зассали. Струсили. Все до одного! Русский город! Какой, к дьяволу, это русский город? Раньше был, а теперь... Теперь место. Нет, мисто. Отхожее, скорее всего. Здесь фашистов в войну...

Лицо его стянуло гримасой.

– Одни осторожные остались. Как бы чего не вышло. Умер мой город, – он тряхнул головой, перегнулся через Витьку к пассажирской двери, открыл. – Все, давай, вылезай.

– Куда? – испугался Витька.

– Наружу!

Лесоватов подождал, пока Витька сползет на бетонку.

– Через час откроешь Палыча, там уже все равно будет. Хороший ты парень, правильный. В общем, бывай.

– А вы? – выкрикнул Витька.

Лесоватов посмотрел на него из дверной щели.

– А я убью, кого смогу. Задавлю и размажу эту погань по асфальту. А еще двух-трех надеюсь пристрелить.

Дверца хлопнула.

«КрАЗ» взревел и, гремя, покотил прочь. Витька смотрел, пока грузовик, свернув, не скрылся из виду, а затем, очнувшись, опомнившись, побежал следом.

Воздух обжигал горло. Ветер высекал слезы из уголков глаз.

– Дядя Саша, – отчаянно шептал Витька, – дядя Саша.

Жуть висла над ним, застилая солнце. А потом со звоном протараненных на проходной ворот клюнула в сердце и проросла там.

Прогон

Десять минут отдыха.

Кравцов помешал ложкой тающие кубики сахара в стакане с чаем, звонко – день-день-день, но пить не стал, отвлекся.

Диктор в телевизоре посмотрела Кравцову в глаза.

– С сегодняшнего дня в Прибалтийском федеральном округе вступает в силу закон об ответном поражении в правах латышского, эстонского и литовского населения, не знающего русского языка и истории российского государства. Они больше не имеют права устраиваться на государственные должности и участвовать в избирательном процессе.

Дверь скрипнула, и к столу пробрался Жучков, цапнул галету, застыл. Диктор продолжила говорить уже для двоих:

– Кроме того, вводится запрет на изучение латышского, эстонского, литовского языков в государственных образовательных учреждениях. Коммерческие и иные образовательные учреждения имеют право вести обучение на этих языках при регистрации и внесении образовательного сбора в утвержденном размере.

Кравцов хлебнул из стакана. Чай продрал горло, будто наждак, и он заперхал, склонился к столу, пережидая боль.

– Может, я, Александр Владимирович? – участливо сбоку спросил заместитель. – Весь текст я уже наизусть...

– Отставить, капитан, – прохрипел Кравцов.

Он выпрямился как раз к концу короткого видеосюжета о новых школьных учебниках для новых россиян.

– Напоминаем зрителям, – сказала диктор, – что пока страны Эстония, Литва, Латвия не присоединились к России, в них существовала законодательно закрепленная дискриминация русскоязычного населения. Поэтому симметричные меры, принятые правительством на срок в тридцать лет – а именно столько длилась языковая дискриминация, – являются шагом, направленным на восстановление справедливости и не противоречат тому, что Евросоюз с девяностых годов не признавал противоправным.

Новости закончились. Пошла реклама.

– Как-то круто, – сказал Жучков.

– В самый раз. Они что, думали... – Кравцов выдернул из кармана кителя ингалятор и сунул его в рот. Пшик! – Они думали, что им с рук сойдет?

Он поднялся. Его резкий профиль запечатлелся на фоне широкого окна. За окном плыли серые облака. Тенью вдалеке мелькнул квадрокоптер. У среза подоконника скручивала острые рожки колючая проволока.

– Каждый должен отвечать за свои дела, – Кравцов спрятал ингалятор и обернулся. – Прощать можно только раскаявшихся.

– Да я так, товарищ полковник, от удивления, – потупился Жучков.

– Нельзя нам быть добренькими, Иван, никак нельзя.

Над дверью зажглась красная лампочка. Оба посмотрели на нее, Кравцов оправил китель и подхватил фуражку.

– Как выгляжу?

– Грозно.

– Горло горит. А сейчас еще полчаса кричать.

Они вышли на высокую, пристроенную к зданию площадку. С площадки открывался вид на огромное пустое пространство, за дорогой разделенное на забранные сеткой секции с минималистскими конструкциями из труб, обозначающими скамейки и укрытия.

Слева стояло несколько автобусов, из ближнего выбирались люди. Конвой подталкивал их вперед, к Кравцову, к массивным воротам. За воротами людей ждал квадрат десять на десять метров плотной, утрамбованной земли, обнесенный трехметровыми кирпичными стенами.

Квадрат звали предбанником, тамбуром и прогоном.

– Выводи караул, – кивнул Кравцов Жучкову.

Сам он направился к трибуне, установленной на стенном выступе напротив ворот. Огоньки на маленьком пульте горели зеленым – динамики, усилители включены. Несколько секунд, и на высоких башенках, нависающих над прогоном, появились снайперы. И левый, и правый махнули обернувшемуся Кравцову рукой – готовы.

Четверо приведенных Жучковым солдат разбежались по площадкам на углах.

Кравцов огладил трибуну ладонями, посмотрел в пустоту прогона сверху вниз и произнес в черную головку микрофона:

– Запускайте.

Ворота, лязгнув, подергиваясь, стали расходиться в стороны. В прогон, как в колодец, хлынула толпа, набиваясь вплотную к передней бетонной стене.

– Двести семь человек, – сказал, вставая справа, Жучков.

– Ясно.

Люди теснились. Задние ряды подбивали передних. Плотнее, плотнее. Створки, смыкаясь, пошли обратно. Заревел ребенок.

– Что вы делаете?

– Изверги!

– Гореть вам в аду!

Кравцов в который уже раз слышал стоны и сиплое дыхание толпы, возгласы, плывущий, поднимающийся над ней однообразный шум, в который лепились слова, смотрел на макушки и лысины, на платки и кепки, на плечи, на вздернутые к нему глаза, и лицо его оставалось безразлично-спокойным, безучастным.

Когда-то он видел и другое. Видел мертвых людей, едва присыпанных песком, покалеченных, ослепленных, разлагающихся, запытаных и убитых просто так, из ненависти, от скуки, из удовольствия. Видел детей и стариков, лежащих во дворах после минометного обстрела. Видел однажды вскрытый осколком череп. Видел собак, лижущих кровь.

При прогонах Кравцов вызывал эти картины в памяти, и в груди у него становилось пусто, холодно, всякое сострадание умирало.

Каждому, думал он с остервенением, каждому – по заслугам.

Толпа дышала, волновалась живым морем, заключенным в четыре стены, взывала, тянула руки, открывала рты.

– Товарищ военный! Товарищ военный! – взывал поверх головчей-то пронзительный фальцет. – Меня взяли по ошибке!

– Я русская! – перебивал его другой, женский голос. – У меня родственники в Омске! Волчановы! Проверьте, пожалуйста!

Кравцов ждал, пока они накричатся, наплюют слов в небо. Взгляд его невольно заскользил прочь, за границы прогона, к шоссе, к дымке на горизонте. Хорошо бы дождь, да, было бы замечательно.

Он наклонился к микрофону, машинально поправляя ремень.

– Прошу тишины!

Колонки рявкнули, и толпа оглушенно, обморочно притихла. Кравцов чуть убавил звук, скосив глаз на Жучкова.

– Граждане бывшей Украины!

Он сделал паузу. Молчат, не возражают. По горлу скребло ногтем.

– Вы находитесь здесь, потому что ваша бывшая страна производила геноцид на территориях Донецкой и Луганской областей, этноцид русского населения, проводила агрессивную и враждебную политику по отношению к народу России. И это – мера ответная и необходимая. Указом Президента народ Украины подлежит...

Кравцов намеренно остановился, слушая, как из тесноты прогона вскипает паника, подхлестываемая страхом близкой смерти. Твари, подумалось ему. Кто-то бухнулся на колени.

– ...денацификации.

Выдох.

Что-то мертвое застыло в глазах ближней к трибуне женщины. В неуверенной, шепчущей тишине вдруг прорезался голос:

– Это что, яйца резать будут?

Жучков побагровел, сохраняя серьезное выражение лица. Сорвется ведь, стервец.

– Яйца резать не будут, – кашлянув, сказал в микрофон Кравцов. – Денацификация означает...

Договорить ему не дали – заголосили вразнойбой.

– Мы же свои, мы же люди!

– Отпустите!

– Боженьки, боженьки мои!

– За что?

– Я не стоял на майдане!

– И я не стоял!

– Иуды! Это я не стоял!

– Держите людей ни за что! Не имеете права!

– Упыри! Убийцы!

– Что мы вам сделали?

Толпа безуспешно попыталась выплеснуться из четырех стен, и, глядя на оружие, раскрасневшиеся лица, на зло сверкающие глаза, Кравцов подумал, что зря пообещал не резать яйца. Даже это, сказанное смягченным голосом, люди в прогоне восприняли как слабость. Не как рядовое, в общем-то, разъяснение, а как слабость. И сразу стали давить, кричать, возмущаться, ожидая попятной и во всем остальном.

Что за твари?

– Тихо, – сказал Кравцов.

Его не послушали, и тогда один из автоматчиков выпустил вверх короткую, но оглушительно прозвучавшую очередь.

Импровизированный майдан тут же заткнулся, втянул слова и свои ублю дочные манеры, как черепаха голову.

Кравцов оценил – смотрят, молчат.

– Тихо, – повторил он. – Денацификация означает, что отныне для вас не существует ни Украины, ни украинских законов и порядков, ни украинского языка.

– Чого-чого, пане червоний комісар? – взвился насмешливый голос.

– Говори, говори пока, здесь еще можно, – сказал Кравцов, поиграв желваками. – Но выйдешь из прогона и никто твою дурную речь не поймет.

– Нічого, ми ще до Москви дійдемо, – ответил тот же голос.

Кравцов выцепил взглядом смельчака. Мужик, видно, был третий, пооббитый, коротко стриженный. Лет сорока. Бывший АТОшник. Куртка, джинсы. Руки в карманах, чтобы не заметили мозоли и вьевшийся в кожу рук порох.

– Зачем тебе в Москву, родимый? – обманчиво ласково спросил его Кравцов.

– Цікаво.

– Заслужишь трудом – поедешь.

Мужик громко фыркнул, обретая привычную наглость от того, что с трибуны говорят с ним как с равным. А может, под наркотой был, под каптагоном.

Смелый.

– А так, на екскурсію?

– По телевизору посмотришь.

– Ех, зустрілися б років п'ять тому на Донбасі...

Кравцов сощурился.

– И что?

– Так відомо. Я б тебе довго мучив. Кацапа чим довше мучиш, тим він тихше.

Кравцов кивнул.

В какой-то мере он был даже благодарен этому АТОшнику. Никогда, сказал он себе, никогда не думай о них как о людях.

Врага всегда необходимо расчеловечивать, иначе в нужный момент ты дрогнешь, отведешь руку, признавая в нем право на жизнь, представляя его родителей, его жену, его детей, лишаящихся сына, мужа и отца.

А он тебя убьет.

Кравцов через силу улыбнулся.

– Значит, убил бы?

– Убив. А що?

– И не страшно тебе, родимый? Ты где находишься?

– А що, застрелиш? Без суду і слідства?

– Так ведь другим наука.

– Яка?

– Така. Леша...

В следующий миг с одной из вышек щелкнул выстрел, и голова АТОшника взорвалась брызгами. Его отбросило назад, и люди как море отхлынули к стенам, крича и давя друг друга. Вокруг убитого мгновенно образовалась пустота. Песок у простреленной головы потемнел от крови.

Как-то совсем бесславно лежал АТОшник, чуть скособочив челюсть и подогнув ноги.

– А-а-а!

Секундная стрелка на наручных часах рванула прочь от многоголосого вопля, но обежала лишь круг. Кравцов дал схлынуть людской панике. Страшно? Да, вижу. Страх смотрел на него многоглазо.

Ах, как они жались друг к другу!

– Никогда, – напряг он горло. – Запомните, никогда не угрожайте русскому человеку смертью! Мы научились верить таким словам. Мы больше не ждем, когда за словами последует действие. Мы убиваем первыми.

Белые лица. Раскрытые рты.

– Вам понятно?

Стало тихо.

То ли ни черта не было им понятно, то ли осознание вползло-таки в головы людей страшной каракатицей.

– Понятно, граждане? – снова спросил Кравцов.

И люди зашевелились, закивали, отлипая от стен, сбиваясь обратно к центру прогона, но оставляя прореху с мертвецом.

Кто-то всхлипнул.

– Поняли.

– Мы поняли.

– Да.

– Замечательно, – сказал Кравцов. – Объясню суть вашей жизни на новом месте. Слушайте внимательно. Главное – это труд. Труд коллективный и честный. На первое время вам дается кредит в виде продуктов и вещей, который подлежит отработке. Работы много, отлынивать от нее не получится, обособиться тоже. Тот, кто не работает из воспаления хитрости или убогого ума, можетдохнуть с голоду, жалеть не будем, не Советский Союз.

Из центра толпы несмело поднялась рука.

– Да? – сказал Кравцов.

– А дети?

– Дети школьного возраста учатся. Для остальных вам придется самостоятельно организовывать сады и ясли. Можете скооперироваться со старожилами, если они согласятся. Школьники будут жить отдельно, у них для этого есть интернат, но по воскресеньям их отпускают по домам. Сделано это для того, чтобы выросли они нормальными людьми.

Из задних рядов кто-то еще протянул вверх руку.

– Да?

– А мы, получается, ненормальные?

Кравцов усмехнулся.

– Вы себе-то честно ответить можете?

– А что мы? Что мы? – заволновалась толпа. – Разве мы на что-то могли... Это в Киеве, на Галичине... Мы ни в чем... Они же звери! Куда нам против них...

– Поймите, – надрывно выкрикнул кто-то, – мы ничего не решали!

Кравцов хищно улыбнулся.

– А почему вы думаете, что сейчас вам кто-то даст что-то решать?

Прогон притих.

– Вы сами себя определили в терпельцев и теперь хотите что-то решать? Вот! – Кравцов показал загиб руки. – На все рыло! Будете отвечать все! И за все! За просранную страну, за молчаливое согласие на поджоги и убийства, за страхи свои, за бандеровцев, за расстрелы и беззаконие. Как мы отвечаем в своей стране. Каждый своей мерой. Это называется ответственностью, и мы вас этой ответственности научим! Если понадобится, вобьем в зубы.

Несколько секунд он молчал, наблюдая, как слова корежат и расшатывают толпу.

– Мы не добренькие, запомните это! Халявы больше не будет. Хотите горячей воды – заработайте. Хотите мяса к столу – берите лопату в руки. Свобода передвижения только в пределах лагеря. Телевизор исключительно вечером, российские каналы. Пятьдесят процентов заработанного идет на пособия пострадавшим от действий ВСУ и террбатов и восстановление разбомбленных областей. За украинскую речь на работе – штраф. В зависимости от результатов труда практикуются кнут и пряник. И еще, повторяю для тупых: норма будет общей и выполнить вы ее сможете только совместно. Поэтому вам всем придется отвечать друг за друга. Возможно, хоть это вас чему-то научит.

– А если больной? – спросил кто-то.

– Если кто больной, коллективом выделяете ему койку и ухаживаете за ним. Минимально необходимые лекарства и осмотр вы получите. Все остальное – сами. Норма не меняется.

– Люто.

– Честно и справедливо. Напомнить, что для русских планировали вы? Напомнить? Ямы, пытки, унижения и расстрелы. При выполняемой норме и отсутствии нареканий поражение в правах снимается через три года. Через пять сможете селиться, где хотите.

– Пять лет ишачить на дядю? – выкрикнул из толпы худой мужчина с хитрыми глазами.

– С таким отношением, урод... – Кравцов кашлянул в кулак. – С таким отношением будешь ишачить и десять. Я тебя запомнил.

– Сука!

Мужик нырнул вниз, опасаясь выстрела, присел на корточки, но толпа раздалась, оставляя его наедине со смертью. В двух метрах стыл на песке мертвый АТОшник.

– Я же просто так! – вскрикнул не любитель ишачить и сноровисто кинулся в ноги стоящим поблизости.

Кравцов смотрел, как он пробивается к дальнему углу, чтобы спрятаться, закрыться телами людей.

– В общем, так, – сказал он, – сейчас вам ставят изотопные метки, и вы селитесь в пятнадцатый и шестнадцатый бараки, приводите их в порядок. Этот день у вас свободный. План работ вам доведет ваш куратор, он будет к вечеру. Территория контролируется камерами с квадрокоптеров и камерами

в помещениях – мы все видим. Поэтому упаси вас Бог изображать из себя паханов или председателей барака. Такие люди будут попросту исчезать навсегда. Старайтесь жить по справедливости.

Бетон под ногами Кравцов завибрировал – в стене под трибуной открылась пропускная щель.

– Проходите по одному, оголив правую руку. Добро пожаловать в исправительно-трудовой лагерь «Винницкий-6».

С минуту он наблюдал, как толпа стягивается к щели, дышит, толчется, недовольно урчит, вытесняя на периферию слабых.

До мертвого АТОшника никому не было дела.

– Женщин и детей в первую очередь, уроды, – выдохнул Кравцов и выключил динамики. Взмахом руки отпустил солдат, и те потянулись в караульное помещение.

– Как тебе контингент? – спросил Жучков, прикуривая.

– Не могу привыкнуть. Все хочется думать – люди.

– Ну какие же они здесь люди! Они там – люди, – заместитель кивнул на землю за растянутой между столбами колючей проволокой.

– Сколько до приезда следующей группы?

– Полчаса.

– Пойдем я чай допью.

Они вернулись в кабинет. Кравцов прикрыл форточку. Жучков воткнул штепсель от чайника в розетку. Пока в жестяном нутре чайника шипела и хлопотала вода, в дверь из коридора ввалился грязный, как черт, Нестеренко, пожал руки и устало шлепнулся на свободный стул.

– Все, отловили банду.

Он расстегнул ворот куртки и потер шею. Костяшки пальцев у него были разбиты в кровь.

– Где? – спросил Кравцов.

– Горелое сельцо километров тридцать к югу. Чаю нальете?

– Нальем.

Жучков, присев перед тумбочкой, выловил из ее недр бокал с оббитым краем.

– Сгодится?

Нестеренко кивнул.

– Мальчишку десяти лет убили, твари, – смуглое лицо его отвердело, взгляд остановился. – Попросили его воды принести...

Он мотнул головой.

– Я, дурак, не сразу заметил, что пацаненок пропал. А там уже поздно было... – Нестеренко с некоторым удивлением осмотрел свой сбитый кулак, ногтем отколупнул кожу. – Всю руку об одного разбил...

Жучков налил в бокал кипятка из отшумевшего чайника, бросил три куса сахара, вскрыл чайный пакетик.

– Пей.

Нестеренко кивнул, стиснул бокал в ладонях.

– Всех бы свидомых этих...

– Ты пей, – мягко сказал Кравцов. – Всех, не всех. Сам давно ли украинствовал?

Нестеренко вскинулся было, но лишь криво усмехнулся.

– Сейчас себя того, прошлого, Александр Владимирович, честно слово, шлепнул бы без зазрения совести. Как вспомню...

Он умолк, отхлебнул чаю.

Жучков включил телевизор. Экран протаял в картинку города с дымным, тянущимся в небо шлейфом.

– Это, кажется, Варшава, – прищурился Кравцов. – Иван, прибавь-ка.

– ...нанесен залп «Искандерами» по зданию Министерства обороны Польши, – прорезался женский голос. – Напомним, что неделю назад министр обороны Польши назвал Россию врагом и агрессором, а также обвинил ее в развязывании Второй Мировой войны, терроризме, геноциде поляков и немцев и оккупации прибалтийских областей. Россия семь дней ждала от польских властей опровержения данного европейским каналам интервью и по истечении этого срока посчитала себя вправе ответить на обвинения. Противовоздушная

оборона Польши нейтрализована, Россия готова к нанесению удара тактическими ядерными зарядами, но дает время высшему польскому руководству одуматься и в течение двадцати четырех часов принести официальные извинения.

Жучков присвистнул.

– Вот это мы врезали пшекам! – привстал, жадно глядя в телевизор, Нестеренко. – А? Пшекам врезали!

Кравцов кивнул.

– Просыпается медведь. Проснулся.

Птичий рынок

Рынок на Куреневке выглядел хуже, чем год назад. Все заросло, часть тентов сломалась, павильончики стояли пустые. Народу тоже было раз, два – и обчелся. Десяток продавцов, рассредоточенных по площади, скучали рядом с клетками и древними тележками из супермаркетов. Покупателей было и того меньше.

Киев. Проклятое место.

Горский обогнул скособоченную фанерную конструкцию, перешагнул подозрительного цвета лужицу и вывернул в проход.

– Купите котика! – обратились к нему.

Горский повернулся.

Из темноты тентованного пространства выступила крупная баба, несмотря на летнее время крест-накрест перевязанная платком поверх розового пальто.

– Посмотрите. Перс, самый настоящий!

«Перс» лежал в клетке без движения. Шерсть серого цвета имела проплешины. Горский наклонился.

– Он живой?

– Обижаете!

Баба встряхнула клетку. Кот шевельнул хвостом и поднял к Горскому усталую морду. В зеленых глазах застыло безразличие.

– Нет, спасибо, – сказал Горский.

– Пятнадцать рублей!

– Мне не нужно.

Баба, прошипев: «А чего смотришь тогда?», канула во тьму. Горский осторожно отогнул сорванную, в потеках грязи растяжку. Маршрут его не имел плана, он просто шел между лотками и палатками, наблюдая разорение и неприкаянность места. Он уже жалел, что прилетел сюда, взяв аэротакси. Ничего из того, что он видел, не было ему нужно. Кому интересен старый пекинec? Или волнистые попугайчики? Или игуана, вцепившаяся в ветку, как утопающий – в соломинку?

Никому. В том-то и дело.

А экзотика, похоже, отсюда ушла навсегда. Хотя, казалось бы, еще шесть или семь лет назад...

Вздыхая, Горский добрался до конца рынка, упирающегося в стену нежилого дома. Гора мусорных мешков, наваленных до забитых окон первого этажа, и жирные, черные мухи встретили его. Мухи взвились радостным жужжащим салютом. Горский сморщился, отмахнулся и двинулся в обход.

Тут-то ему и повезло.

Дом тянулся уступами, и за одним из уступов Горский набрел на худого мужичка, сидящего на пластиковом ящике и уткнувшегося в электронную читалку. Рядом с мужичком лепилась к стене картонка. На картонке черным маркером неуклюже было выведено: «Продается укр».

Горский подумал: вот оно! Сердце его учащенно забилось, он сжал и разжал пальцы, изгоняя из них нервную дрожь.

– Извините...

Мужичок поднял голову. Лицо у него было узкое, заросшее волосом, словно обрамлением, по краям, в светлых глазах, уставившихся на Горского, плеснул легкий интерес.

– Да?

– Простите, укра, смотрю, продаете?

Мужичок поскреб подбородок.

– Допустим.

- Настоящий укр?
- А какой еще? Украинский националист, самый что ни на есть.
- Серьезно?
- Полгода по развалинам ловил. Наверное, один из последних в Киеве.

Горский сглотнул.

- А посмотреть можно?
- Мужичок отложил читалку.
- Можно. Почему нельзя?

Оказалось, что в пяти шагах, за кирпичным выступом, спряталась большая клетка, сваренная из железных прутьев. Внутри клетки среди кипени свежего сена горкой лежали тряпки. В углу стояла вычищенная до блеска алюминиевая миска. Из клетки, перешибая запах сена, несло дерьмом и несвежим телом.

- А где? – шепотом спросил Горский.

Он подшагнул было к прутьям, но мужичок, что-то нелестное пробормотав сквозь зубы, оттянул его обратно.

- Не надо близко, – сказал мужичок. – Это же укр.
- Я просто не вижу, – сказал Горский.
- Сейчас.

Мужичок, проследив, чтобы между любопытствующим Горским и клеткой соблюдалось достаточное расстояние, двинул по прутьям ногой.

- Петр, а, Петр! – позвал он.

Результата это не дало.

– Не любит, когда его по-русски, – поделился мужичок с Горским, доставая из-за пазухи цилиндрик электрического стека. – Не отзывается, считает ниже своего достоинства.

- Почему? – спросил Горский.

Мужичок пожал плечами.

- Укр.

Стек со щелчком разложился где-то на метр. Мужичок, проверяя его работоспособность, прижал кнопку на рукояти, и на шипешке-навершии с шипением сплясали короткие молнии.

– Подальше, – показал он Горскому и подошел к клетке вплотную. – Петро! Петро! Пришли к тебе.

Стек, просунутый сквозь прутья, коснулся тряпок. Чего Горский не ожидал, так это того, что слабый электрический разряд вызовет рассерженный рев, напоминающий рев раненого зверя, и чуть ли не извержение беля и сена. Мужичок шустро отступил и показал стеком на клетку:

- Смотрите.

Горский подался вперед.

За прутьями находилось явно человекоподобное существо, одетое в грязные, защитного цвета штаны и когда-то белую майку. Лоб и плечи существа были расцарапаны, причем царапины складывались в странной формы узоры. Укр был мордат, небрит, косая челка свисала с черепа на глаза. Глаза укра сверкали.

«Какой экземпляр!» – подумал Горский.

- Он похож на человека, – сказал он.
- Это обманчивое впечатление, – сказал продавец. – Одна видимость, что человек. А на самом деле ничего человеческого в нем нет. Поверьте, просто нет. Многие пытались увидеть что-то человеческое...

Он качнул головой.

- Нет, я понимаю, – сказал Горский.
- Не понимаете, – сказал мужичок. – Не было бы клетки, он бы вас уже убил.

- За что? – изумился Горский.

Собеседник вздохнул.

- Много причин. За то, что стоите и смотрите. За то, что говорите по-русски. За то, что не признаете его величие. За то, что на вас хороший костюм. И просто без причины.

Какое-то время Горский внимательно смотрел, как существо скалится, изгибает губы, ковыряется в носу и любовно оглаживает царапины на плечах.

- Что это у него? – спросил он.

– На плечах-то? – уточнил мужичок. – На правом – герб Украины, ну, как он думает, а на левом – портрет Бандеры.

– Бандера прийде – порядок наведе, – вдруг гукнул укр.

Горский вздрогнул.

– Он же по-русски...

– Ну, да, – кивнул продавец.

– Как же в нем уживаются и язык, и нелюбовь к нему?

– Я же вам говорю – не человек, – терпеливо разъяснил мужичок. – Даже не животное. Любое животное по адекватному поведению укру сто очков вперед даст.

– Удивительно, – пробормотал Горский.

Укр тем временем отвернулся от наблюдающих и принялся почесываться и что-то шипеть под нос. То и дело он вскидывал правую руку в малопонятном, вспарывающем воздух жесте. Майка задралась, на грязных боках уукра проявились валики жировых складок.

– Смотрю, вы его хорошо кормите, – сказал Горский.

– Это не от еды, это от малоподвижности. Ленив, зараза. А жрет, что дают. Колбасу, каши, перловую, овсяную, рисовую, картофель, свеклу, морковь, сметану, зелень люблю. Все ест.

– А что умеет?

– Ничего. Только жрать и гадить. Но это у него получается превосходно, поскольку не требует никаких усилий. Ни к чему другому не приспособлен. При этом гадить любит и в буквальном, и в переносном смысле.

– Угу.

Горский прошелся, поглядывая на уукра, который развернулся и теперь изучал самого Горского.

– А он...

– Москаляку – на гиляку! – крикнул, перебивая, укр.

– Что?

– На гиляку!

Укр выразительно провел толстым грязным пальцем под своим заросшим подбородком. Горский вздрогнул.

– Он серьезно? – повернулся он к продавцу.

Тот кивнул.

– Более чем. С ним всегда надо быть настороже. Место! Место! – мужичок ударил стеком по прутьям.

– Слава Украине! – взвизгнул укр и зарылся в сено, где, видимо, у него было спальное место.

– А зачем ему столько белья? – спросил Горский.

– Думаете, это я ему давал? – усмехнулся мужичок. – Сам отовсюду тащит. До чего дотянется, что подберет, все в клетку тянет. Безусловный рефлекс. Что-то прячет, что-то на себя надевает.

Укр осторожно выглянул наружу. Через несколько секунд он, осмелев, показался весь и, злобно, неразборчиво шипя, заходил по клетке. Руки его хватили то одно, то другое. Покидав разлетевшиеся тряпки в общую кучу, уукра направился в дальний угол. Там существо приспустило штаны и, присев, без всякого стеснения навалило кучу дерьма на рифленый железный пол.

– О как! – только и смог произнести Горский.

– Любуйтесь и наслаждайтесь, – прокомментировал мужичок.

– Жрать! – закричал укр, еще не закончив процесс. – Жрать! Жрать! Героям – сала! Сала – героям!

Горский закачал головой. Он был восхищен.

– И где он таких слов набрался?

– Про Бандеру и москаляку?

– И про сало.

Мужичок пожал плечами.

– Ну, однозначного ответа на это нет. Кажется, один укр передает их другому укру как болезнь.

– М-да.

– Жрать! Жра-ать!

Укр прискакал к прутьям и затряс их в гневе. Лицо его сделалось красным. Глаза полезли из орбит.

– Жра-ать!

Зрелище было отталкивающее.

– Он всегда так агрессивен? – спросил Горский.

– Это еще ерунда, – мужичок достал из рюкзака на спине банку с консервированной гречневой кашей, сорвал язычок разогрева и негромко произнес: «Вы попробуйте ему сказать, что Гитлер сдох».

– Кто?

– Не знаете, – с грустью сказал мужичок. – Не местный, значит.

– Я, действительно, с местными реалиями... – замылся Горский. – Я приезжий и не совсем знаком...

Мужичок выпрямил спину. Вид у него сделался серьезный, торжественный.

– Девяносто лет назад, – сказал он, – войска Советского Союза разгромили фашистскую Германию, которая провозгласила уничтожение советского народа своей «цивилизационной» миссией. Их вождь, фюрер, Адольф Гитлер застрелился в своем бункере. А это, – кивнул он на клетку, – получается, самый настоящий идеологический недобиток. На лбу у него, кстати, свастика.

– Жра-ать! – снова крикнул укр.

Горский посмотрел в сверлящие, требующие глаза.

– Гитлер – сдох, – проговорил он.

– А-а-а! – взвыл укр. – Смерть! Смерть! Москалей на ножи! Украина превыше всего! Мы вам всем кишки выпустим!

Он в ярости попытался дотянуться до Горского, щелкая зубами и просунув руки сквозь прутья, а потом, когда у него ничего не получилось, с воплями запрыгал по клетке, разрывая майку на груди. Ткань трещала. Сквозь вопли то и дело прорывались слова. Слушая, с каким наслаждением укр будет пить кровь его детей, Горский чувствовал, что в животе сворачивается тугой ледяной ком.

Какая тварь, думалось ему.

Представление продолжалось, наверное, с минуты, но неожиданно, снова оказавшись вблизи, укр вдавил лицо в прутья.

– Жра-ать!

– Ну-ка!

Электрический разряд отогнал укра вглубь клетки.

– Держите, – мужичок передал Горскому стек. – Если что, суйте прямо в рожу. Надо все-таки покормить.

– Понял, – кивнул Горский.

Мужичок вскрыл банку с кашей и, присев, вывалил разогретое содержимое в миску. Потом отпихнул миску от себя. Каша парила. Укр разразился уханьем, но, опасливо глядя на вооруженного человека, приближаться не спешил. Горский был настороже.

– Все, отойдите, – сказал продавец, возвращая себе стек. – Отойдите.

Он увлек Горского от клетки.

– Зачем вы с ним возитесь? – спросил тот.

Мужичок пожал плечами. Какое-то время оба смотрели, как укр, завладев миской и угнездив ее себе на колени, жадно, пальцами загребает кашу в рот. Комья падали на майку и обратно в миску. Укр громко чавкал. На лице его, обляпанном гречкой, скоро появилось умиротворенное, довольное выражение.

– У меня контракт на отлов, – сказал мужичок, сплюнув под ноги. – Отфиксировал, поставил маркер, получил награду. Обычно приезжали потом, забирали.

– А сейчас что? – спросил Горский.

– Сейчас говорят – ждите. Или разберитесь с ним сами.

– В смысле – убейте?

– Ага, – просто ответил мужичок. – Так-то – нет проблем. Опасное существо. Но в Киеве этот, похоже, последний. Измельчали укры. Его бы куда-нибудь в музей. Собственно, у меня его даже запрашивали...

– Я куплю! – быстро сказал Горский.

– А вам-то зачем? Вы – кто?

Горский поправил галстук.

– Я с Оклахомы.
Мужичок прищурился.
– С той Оклахомы, на которую сейчас Техас облизывается? Техас – лучший штат? Ох, хлебнете вы еще с этим Техасом!
– Я как раз поэтому, – сказал Горский, – я хочу показать...
– В цирк укра нельзя, – сказал мужичок, посерьезнев, – он вам весь народ перекусает.
Горский замотал головой.
– Нет-нет, не в цирк. Я понимаю. В зоопарк.
– Куда?
– В зоопарк. В Талсе. Он семейный. У нас будет открытый вольер. Чтобы люди видели, что такое нацизм, что за существо он порождает.
Мужичок фыркнул.
– Вы, конечно, придумщики.
– Людям стоит это увидеть, – сказал Горский.
Мужичок покосился на укра, который, наевшись, теперь храпел среди комьев каши, накрыв голову миской.
– Здесь не поспоришь, – он вздохнул затылок. – Ладно. Сто пятьдесят – и забирайте вместе с клеткой.
– Ох, – сказал Горский.
Это был весь его бюджет.
– Дорого?
– Да. Но я могу часть долларами.
Мужичок заулыбался.
– Не, доллары оставьте при себе. Нахрен не нужны.
– Могу доллары Оклахомы, – сказал, заглядывая в портмоне, Горский. – Только что отпечатанные.
Мужичок взоржал.
– Не, не надо. Я вам лучше скидку дам. Сто двадцать нормально?
– Да.
– Ну а это тогда – в подарок.
Мужичок передал Горскому стек. Горский вытянул из портмоне купюры, отсчитал их. Купюры переливались и плавно меняли цвет.
– Мне бы только документально...
– Без проблем.
Мужичок покопался в рюкзачке и вытянул на свет странную, напоминающую терминал машинку. Несколько секунд ему понадобилось, чтобы набрать необходимый текст. Машинка выплюнула один за другим два стикера с жучками впечатанных чипов.
– Один сюда.
Мужчина, подпрыгнув, приклеил один стикер на верхний кант клетки.
– Другой – вам.
Поддернув рукав пиджака и манжету рубашки, он прилепил второй стикер Горскому чуть выше запястья.
– Это обязательно? – спросил Горский.
– Это просто удобно. Маркер укра я тоже перенастроил. Теперь вы, Горский Михаил Маркович, торговый представитель Республики Оклахома, официально его владелец.
– Как, вы меня уже пробрили по базам? – удивился Горский.
Мужичок показал в небо.
– Глобальная сеть.
– Все-таки Россия – удивительная страна.
– И большая.
– Да, я заметил, – сказал Горский.
– Ну, что? Тогда до свидания? – мужичок подал ладонь.
– Да, – пожал ее Горский, – спасибо за скидку.
– Не уморите животное, укровладелец.
Мужичок махнул рукой на прощание. Горский хотел было спросить, что укр ест, но тут же вспомнил, что все. Укр ест все. Набирая номер грузовой компании, он подумал, что существо, пожалуй, чтобы не рисковать, придется кастрировать. Вроде бы так звери становятся менее агрессивными.

Донбасс за нами

Проснулся Зверь в кромешной темноте,
И Зверем Богу названа цена,
Прогнулись все – и братья во Христе,
Прогнулось всё, но не моя страна.

Был урожайным високосный год,
И кровью смерть была пьяным-пьяна,
От туч свинцовых гнулся небосвод,
Прогнулось всё, но не моя страна.

Здесь памяти не предали отцов,
Здесь не отдали дедовской земли,
Какой ценою – не отыщешь слов,
Здесь за Отчизну жизнь не берегли.

И снова сила русская в руках,
И жизнь, и смерть за Родину красна,
Стоит и держит небосвод в веках
Моя непокорённая страна.

Пусть суждено погибнуть на кресте,
Но на колени не поставит нас,
В кровавом полюшке один за всех
Стоит и держит небосвод Донбасс.

Припев:
В полнеба пламя,
И выбор строг –
Донбасс за нами,
И с нами Бог!

В полнеба пламя
И выбор строг –
Россия с нами,
И с нами Бог!

Апостол

Держись, держись, прорвёмся, братик,
Ещё зубами будем рвать их,
Ведь на войне – не на кровати,
Навылет, а не наповал.

Жизнь тяжела, а смерть крылата,
Плевать ей, кто укроп, кто вата,
Кому Россия виновата,
А кто Донбассу задолжал.

Ждут нас небесные альковы,
Да снайпера, видать, хреновы,
И песни пуль для нас не новы,
И мы со смертью не на Вы.

Ты покури, а я прикрою,
Смотри: за первую звездою
Гуманитарные конвои
Ведут усталые волхвы.

И Ирод цел, и жив покуда,
Гешефт свой делает Иуда,
И мы тобой не верим в чудо,
И на войне как на войне.

Разорван в клочья мира атом,
Нещадно кроя небо матом,
Апостол в должности медбрата
Мессию тащит на спине.

Братишка

Тем, кто ушёл на небо под позывными

Зарыт своими,
Забыт страной,
Закрыто имя,
Лишь позывной.

Судьбы случился
Бараний рог,
Кто мог, скрутился,
А он не смог.

Ни прыгать с пирса,
Ни жечь причал,
Кто изловчился,
А он не стал.

И кто предтеча,
И кто пророк –
Уже далече,
А он не смог.

Крысиным ором:
– Твоя ль беда? –
Кричали хором,
А он сюда.

Мать похоронки
Не ждёт, сынок,
Иди сторонкой.
А он не смог.

Ни за медали,
Ни за пятак,
Вы их не дали
Ему и так.

Склонилось знамя,
И вышел срок,
Кто выжил – с нами,
А он не смог.

На место пусто,
Уставом тёрт,
В казарму пустит
Сверхсрочник Пётр.

Дадут белишко
И скажет Бог:
– Привет, братишка!
Я б так не смог.

Быть русским

Того, что между нами было,
мы не предъявим напоказ,
она меня не разлюбила,
хотя могла бы и не раз.

Её неведомая сила
не по тропе, а напролом
чужого в русского крестила
крестом, мечом ли, топором.

Кто в ад не шил себе разгрузки,
тому быть русским не под стать,
так учат становиться русским
того, кто русским должен стать.

Тот, кто ничем ей не обязан,
собой обяжет воронё,
кто пуповиной с нею связан,
себя положит за неё.

Когда пошла большая драка,
где каждый только за себя,
к земли тифозному бараку
слетелись ангелы, трубя.

Где даже Богу не пристало
вступаться в драку за жильё,
она собой меня спасала,
она меня и я её.

Z

Любовь без утайки, душою не чаля,
балтийскою чайкой на волнах качая,
хлебнула рванина балтийского чая,
равнина, теряя родные края.

Родною рекой во хмелю на наркозе,
рукою родной полоснув на неврозе,
одною строкой – «поцелуй на морозе»,
родною Отчизной дорога моя.

Становятся явными тайные знаки,
что будет и что растворится во мраке,
увидишь глазами бездомной собаки
чужую равнину, чужие поля.

Закончились святки, очнувшись от хмеля,
разыграны взятки, Страстная неделя,
лети без оглядки на свет из тоннеля,
дорога на небо, в родные края.

Мой рай

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.

Его судьба – нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.

Был столько раз оболган, продан, предан,
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и родину свою.

Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам!

«Украина, лебедь чёрная...»

Украина ще не вмерла?
Хай живе, хай дышит!
Нас Петлюра та Бендера...
бильше не колышут.

Незалежна? Незалежна!
Бильше не трымае.
Отчего же песней нежной
сердце надрывает?

И Днипро седой, холодный
под метелью белой
сухогрузов, теплоходов
обнял колыбели.

И нашёптывает робко,
всхлипывая тихо:
– Спите, дивчинки та хлопцы,
хай минует лихо...

Только шепчет он всё громче,
не сошел с ума ли? –
Где Тарас наш Бульба, хлопцы,
где его сховали?

На майдане тягнибоки
с ющенками скачут!..
Ох, прогневали мы Бога... –
седой Днипро плачет.

3.12.13 г.

Вот и август на исходе.
Гаснут солнечные дни.
Изменения в природе?
Изменения в народе?
Ну конечно же, они.

Колесо ли заржавело?
раскрошились жернова? –
словно красное на белом, –
облетевшие слова.

И уже не вспомнят ныне
как толпу вгоняли в раж, –
словно жёлтое на синем, –
обескровленный мираж.

А за всем стоит идея?
А всему виной – Москва?
Москаля лови, злодея,
ошалевшая листва!

Верно, память не остынет –
чёрным крапом по воде:
Чемодан. Вокзал. Россия.
Ну, а далее – везде!..

24.08.20

Что, Тарас, отныне
внук – не русский, значит?
«Слава Украине!» –
зайчиком он скачет.
«Слава Украине!» –
на равнине голой,
хоть в полупустыне,
да зато весёлой,
с «салом в шоколаде»
и горилкой с перцем,
с потасовкой в Раде
и Донбассом в сердце.
С видом на Европу.
С песней под бандуру.
С церковью особой.
Не пропасть бы сдуру.
В синих шароварах,
в гарной вышиванке,
и в ночных кошмарах –
на горящем танке.

25.08.20

Пробираешься по кочкам
в гиблом городе теней?
Не проси судьбы отсрочки
и дороги подлинней.

Бесполезно, верно, спорить
с тем, кто стал и глух, и слеп,
не вникай в чужое горе, –
он обидчив и свиреп,

янычар, своих забывший,
обездоленный манкурт,
почитающий превыше
Бога свой убогий культ.

Где аэродром подскока?
Там себя забывший брат
в злобном мороке глубоком
на тебя наводит взгляд.

22.01.21

От Саранска до Бердянска
ни проехать, ни пройти, –
на украинской гражданской
наши разошлись пути.

Украина – це Европа?!.
А Москва – давай дичай?!.
«Ватника»-то от «укропа»
лишь на Плюке отличат.

Поднесут машинку к длани.
На ладони – чатл. Вот.
Скажут: «Этот наш, чатланин».
И посадят в звёздолёт.

06.07.21

Украина

И одно, собравшись с силами,
я скажу в глаза тебе:
ты – не милая, постылая,
ты продажная теперь.

А недавно вечность целую
жили мы одной судьбой.
Украина, лебедь белая,
что ты сделала с собой?

Вместо неба распостёртого
впереди – во тьму провал.
Ты живая, словно мёртвая.
Кто тебя заколдовал?

Ты какому богу молишься?
Где твой враг и кто твой друг?
Ты живая, словно мёртвая.
Обернулась ведьмой вдруг.

Украина, лебедь чёрная,
как же зло вошло в тебя?
Ты живая, словно мёртвая.
Журавли летят, трубя.

И глаза твои прекрасные
я теперь не узнаю.
Украина, лебедь красная,
кровь впитавшая мою.

Лежишь, как барин, в постели,
а где-то идёт война,
и гибнут на самом деле
люди, их имена

разносит со стоном ветер
по улицам и полям,
то здесь зацепит за ветку,
то бросит на тополя.

Пробьются зелёной кровью,
очнутся в объятьях весны,
Андрюха из Подмосковья,
Микола с Галичины...

– За что? Почему не вы, а мы
под бомбами, на войне?..
Как будто слезами вымыли
и закалили в огне...

Побудь с собой наедине
и разберись в своих проблемах,
не думай нынче о войне
и о других горячих темах.

Очисти мозг и обнажи
свою истерзанную душу,
и у себя спроси: как жить
в колючем мире, злом наружу?

Как залечить вокруг чуму,
когда молитвы не хватает?
И божий день летит во тьму
и заревом за краем тает.

Мы перестали понимать
других, да и себя, пожалуй.
Наш дом крушат враги опять.
И мы уходим вспять по шпалам.

Три года нам ещё идти
холодным полем, чёрным лесом.
И что там ждёт нас впереди?
Над смутной далью тьмы завеса.

И правильно ли выбран путь?
Одна надежда – Бог не выдаст.
И пуст останется мир пусть,
зато взят курс душе на вырост.

Точка отсчёта

0.

Взвихрились стрелки:
Часовые – беспамьятя,
Минутные – безлюдья,
Секундные – безжизния.
Их не унять бесовство,
Как хаос унитарных событий,
Но я верю: стрелки пойдут туда,
Куда вечность им скажет однажды.

1.

Ленина летит громада
В сторону ада –
Радие громада
Перегарным хохотом
Над исполинским грохотом
На безучастную землю.

2.

А на величавой земле
Расцветают ромашки,
Им – тяжело:
Никто их не видит: растяжки
Из нитей, что жаждут разрыва,
а не разлива
ливневого всепробужденья.

3.

Ещё подрагивают пальцы,
Довязывают будто что-то пяльцы
Иль ждут ответного прикосновенья.
Ещё назад одно мгновение
Был взрыв. И на земле туманной
Рука. Без тела. И как странно
Играют пальцы смертный вальс
В последний раз.

4.

Вчера он ранец нёс и плёлся сзади,
А впереди и в завтра внучка шла
С купающимся в солнце взглядом.
И дед и внучка – словно два крыла
Полёта синевую птицы...
Ну а теперь в лучах другой зарницы,
На траке стоя, словно на крыле,
Тут краской дед военную страницу –
«За внучку Машеньку!» – выводит на стволе.

ТАТЬЯНА МАХОВИЦКАЯ (Донецк, ДНР)

Дома

– Что ты молчишь и злишься, как дура?

Лера действительно от самого Донецка не произнесла ни слова. Не хотелось ей ничего говорить.

– Ты хоть представляешь, что тут начнётся вот-вот? И главное, смысла никакого! Куда им против армии!

Вдоль мариупольской трассы тянулись поля подсолнуха. Уже поникшие тяжёлые корзинки и тёмно-зелёные лопушистые листья...

«Вот, подсолнушки люди сажали... А придёт ли убирать?»

К Донецку стягивалась украинская армия.

– Ну ничего, психуй. Приедем, на работу пойдёшь, успокоишься. А к Новому году тут всё закончится, и вернёшься.

Лера сжала кулаки и сунула их за спину, чтобы не огреть ненароком Альку по затылку.

«Тише, тише! – скомандовала она себе. – На её машине едем!»

Если бы только машина! Жить предстояло тоже у подруги. После развода Алька благоденствовала с дочерью в трёхкомнатной квартире. И усиленно зывала Леру к себе.

Дозвалась.

«Имела б я в виду такие гости».

До сих пор дамы тесно общались. Но теперь дружба грозила оборваться в любой момент.

Подсолнухи всё не заканчивались.

– Тебе жизнь дороже или ленточка георгиевская? Или папины ордена? Папочке на том свете легче станет, если ты досрочно с ним встретишься?

Подруга тоже заводилась – всё сильнее и сильнее. Сейчас Лера на неё смотреть не могла – не то что отвечать.

«Может, вернуться? Пока не поздно?»

Но, во-первых, работа, связанная с разъездами по области и регулярными визитами в Харьков, на глазах накрывалась медным тазом, а во-вторых, лицемерие зелёного вертолётника, по-хозяйски прошедшего над Южным вокзалом, оптимизма не вызвало.

Было это уже после взятия аэропорта украинским десантом. Лера ждала автобуса в Енакиево. И появился этот вертолётник. Низенько летел, вальяжно. Люди оцепенело застыли, задрав головы. Никто даже с места не сдвинулся, не попытался спрятаться в здании вокзала. Возможно, ещё не верили, что будет стрелять (хотя знали, что с таких же стрекозок поливали пулёмтным огнём посёлок на Путиловке). А может быть, чувствовали, что бесполезно.

Стрелять не стали, презрительно развернулись и удалились. Как будто грозили – ждите-ждите...

– Вот, последний дыровский блокпост. Дальше украинские пойдут. Смотри, не ляпни там чего! А то сейчас молчишь, а где не надо, рот откроешь!

«Дыровский»!

Кулаки снова сжались.

Блокпост был основательный. Прямоугольное укрепление из бетонных блоков с бойницами, обложенное мешками с песком. На обочине – пара шалашиков, костерок – еду, наверное, готовят.

Четверо ополченцев проверяли документы. Действовали спорно, привычно, поэтому машин скопилось немного.

– Видишь, уже и очереди нет! Все, кто соображает, давно уехали. Только тебя надо месяц уговаривать!

«Выйти покурить, что ли?»

Обычно Лера курила очень редко. Под рюмочку, кофе, задушевную беседу. Пачка сигарет у неё жила два месяца. Но вот сейчас захотелось – до смерти просто!

Она выбралась из машины и закурила.

Алька выглянула, посмотрела косо, но ничего не сказала.

В поле на противоположной стороне, как раз напротив того места, где они остановились, торчал какой-то холмик, поросший кустарником. Непонятно было, сам он когда-то образовался или же был насыпан. Судя по размерам кустарника, давно.

Лера смотрела на ополченцев. Она уже давно заметила, что при виде их успокаивается. С самого начала, встретив кого-нибудь в камуфляже на улице, непременно провожала взглядом. Небрежно закинутае за спины автоматы не пугали, наоборот – хотелось взять оружие в руки, взвесить, погладить, понюхать...

«Жалко, стрелять в своё время не научилась. Пошла бы сейчас добровольцем, и гори оно всё...»

Впрочем, можно обойтись и без стрельбы. Поварихой бы взял – кашу стряпать.

Она подумала о том, что вот ещё минут пятнадцать пути – и «своих» она уже не увидит. Машину окружают люди в таком же камуфляже, но, скорее всего, в балаклавах, и взгляды у них будут сквозь эти дырки презрительные, начнут трясти багаж, отпускать грубости «мовою», ещё «сепаркой» обзовут...

Леру передёрнуло.

«Как я буду там с этим жить?»

– Отошли бы вы от машины. И вы, женщина, выходите.

Лера обернулась.

К Алькиной «Тойоте» подошёл один из ополченцев.

«Ух ты! Какой мужик интересный!»

Лицо у ополченца было того типа, который Лере больше всего нравился, – высокий лоб, выступающая челюсть, русые волосы и огромные светлые глаза. И борода – как у её с детства любимого артиста.

«Интересно, он дончанин?»

– А что? – Лера постаралась взглянуть на мужчину пококлетливее. – Не положено?

– Не в этом дело. Укры уже несколько дней подряд неожиданно обстрел начинают. Мало ли что. Лучше от бензобака подальше быть.

– А Вы давно воюете?

– С самого начала.

– А что ж на блокпосту? Я слышала, тут только новички дежурят!

– Это временно. Переформируют нас...

– Из Донецка?

– Макеевчанин.

«Уже хорошо!»

– Лерка, тебе говорят! – рывкнула Алька, выбираясь из машины – Потом я виновата буду, если тебя пристрелят!

– Лера? – улыбнулся ополченец.

– Валерия.

– Очень приятно. А я... – мужчина внезапно замер, словно к чему-то прислушиваясь.

Откуда-то с запада донеслась пулемётная очередь. И тут же – звуки разрывов.

– Начали, вурдалаки, – сплюнул так и не успевший представиться ополченец. – От машины отойдите! – и ринулся куда-то вперёд.

Леру зазнобило.

«Какого чёрта я сюда попёрлась? – пискнул в ней маленький трусливый зверёк. – Дома ещё бабка надвое сказала, а здесь... Не хватало ещё в чистом поле сгинуть!»

– Ложись! – вдруг раздался чей-то истошный крик.

Какое там! Она и пошевелиться не могла. Буквально остолбенела. Противный свист парализовал её окончательно. Как при замедленной съёмке в пятидесяти метрах расцветал пыльный цветок...

Грохот резко ударил по ушам. Лера отмерла, завертела головой, пытаясь сообразить – куда деваться? И вдруг ноги сами понесли её через дорогу к холмику.

Умом она понимала, что именно сейчас, сию минуту совершает смертельно опасную глупость. Твёрдо знала, что при обстреле или бомбёжке бежать нельзя ни в коем случае – падай, где стоишь, и точка! Покойная мама говорила, что так

погиб её двоюродный брат. Дедушка, мамин папа, забрал в эвакуацию племянника, а на станции Красная Могила (в Донбассе же, в Луганской области!) эшелон стали бомбить немецкие самолёты. Мальчик испугался и побежал от насыпи в степь...

– Ему кричат: «Юра, не беги! Юра, падай!», а он остановиться не может, – рассказывала мама. – Осколком убило... Дед твой всю жизнь себе простить не мог...

Нечто подобное сейчас испытывала и Лера. Она чувствовала, что если перестанет перебирать ногами, то упадёт поперёк дороги, а на ней страшно, на самом виду, надо непременно добежать до этого холмика и под ним укрыться!

– Стой, идиотка! – орала Алька сзади.

Опять этот противный свист!

Думала ли мама, что и её дочери придётся от обстрела прятаться?

Лера с размаху шлёпнулась у подножия холмика и вцепилась в траву.

Холмик доверия не оправдал. Через секунду он содрогнулся от глухого удара такой силы, что сердце стукнулось о грудную клетку (подобное ощущалось рядом с ударной установкой на рок-концерте). Земля стала осыпаться, поползла под руками. Лера зацарапала её пальцами, но задохнулась, в глазах посерело, заплескались радужные точки...

* * *

– Лера! Лера! Вы живы?

Кто-то тряс её за плечо.

Она с усилием передохнула, открыла глаза. Заморгала.

– Слава Богу! Всё цело?

Над ней склонился тот самый ополченец, с которым они беседовали, казалось, целую жизнь тому назад.

– Кажется, всё, – просипела она, хотя была вовсе в этом не уверена.

– Вставайте... Осторожно! Куда ж вы рванули!

– С перепугу, – Лера слабо улыбнулась.

– Нельзя же так!

– Я знаю... просто от неожиданности...

– А вы знаете, что в рубашке родились?

– Почему?

– А вот сейчас увидите.

Он помог Лере подняться. Она оглядела себя и ахнула. Вся одежда перемазана землёй, на коленях и груди – зелёные следы от травы. В довершение удовольствия из волос посыпался песок.

– Какой ужас!

– Это не ужас, ужас – вот он!

На этот раз она не смогла издать ни звука. Медленно до неё доходило, что, собственно, произошло.

В двух метрах от места, куда плюхнулась Лера, из развороченных кустов торчал такой себе аккуратный конус.

– Что это? – наконец выдавила она.

– Это, извольте познакомиться, мина. Осколочная. Целенькая, к счастью. Иначе бы мы Вас сейчас по кусочкам собирали и в коробочку складывали.

«Вот почему взрыва не было, только удар!»

– И что теперь с ней делать?

– Вам – отойти наконец отсюда. Сапёров уже вызывают.

И он с силой потащил Леру к дороге.

Там стояла разъярённая Алька.

– Дубина стоеросовая! Вот помогай таким! Тебя что, черт за пятку укусил?

– Женщина, помолчали бы! – неожиданно резко осадил её ополченец. – Вашей подруге и так плохо, а вы орёте!

– Я же ещё и виновата! Хочешь, как лучше, вытаскиваешь тебя из этого гиблого места...

– А не надо меня вытаскивать! – вдруг завопила Лера. – Сама проваливай к своим укропам! Никуда я не поеду! Открой багажник сейчас же!

Алька остолбенела.

– Ты что, умом тронулась? Хочешь, чтоб тебя вместе с этими, – она кивнула в сторону ополченцев, – зачистили?

– «Эти» нас своими жизнями прикрывают! От вырождков-фашистов, которые в беззащитных людей минами пуляют! Никто в Донецк не войдёт, поняла? Давай сюда мои вещи!

Лера рванула дверцу, наклонилась и выхватила из машины сумочку.

– Ну ладно, – процедила Алька. – Пожалеешь, да поздно будет.

Она взяла пульт и открыла багажник.

– Давайте помогу. Какие тут ваши?

К удивлению Леры мужчина сам вытащил её сумки и отнёс на обочину.

– А вы проезжайте, – холодно обратился он к Альке. – Дорога свободна. И вообще... поспешите, пока ваши друзья опять веселье не начали.

Не попрощавшись, Алька хлопнула дверью «Тойоты» и подъехала к проверяющим. Через пару минут её уже не было.

– Ишь ты, – хмыкнул ополченец, – «гиблое место»... Из-за таких вот укры так глубоко и продвинулись. Вместо того, чтоб оружие в руки брать, здоровые мужики в Россию бегут. А бабы вместо поддержки... зачистку ждут!

– Ну, не все же, – Лере вдруг стало весело. – Вот вы здесь. И я теперь точно никуда не уеду!

«Нервное. Хоть бы истерика не началась. Неудивительно».

– Как же мне теперь в Донецк вернуться? Не знаете, тут никто не возит?

– Да стоит тут один обычно... Если не удрал... Нет, вон он! Позвать?

– Да, пожалуйста...

Мужчина замахал рукой и свистнул.

Подъехали раздолбанные «Жигули».

– В Донецк, дамочка? Поехали!

– А вы так и не сказали, как вас зовут... – растерянно сказала Лера. Она понимала, что людям сейчас не до неё, дорога и мина... но уезжать так не хотелось!

– Ах, да! – спохватился ополченец. – Андрей! Лера, а вы... телефончик свой не дадите?

– Конечно! – возликовала Лера. – Записывайте!

Андрей поспешно вбил номер.

– Не знаю, куда зашлют, но позвоню обязательно! Надо же убедиться, – он хитро прищурился, – что с вами всё в порядке! После такого потрясения!

– Спасибо, вы мне так помогли!

– Да не за что. Ну, я побежал! Всего доброго!

– Ну так что, дамочка, едем? – стал проявлять нетерпение бомбила.

– Да, да... Вот сумки...

А ведь когда-то война казалась совершенно невозможным событием! Лера до сих пор не могла сообразить – как же так? Чтобы здесь, в рабочем Донбассе, в мирном и трудовом регионе, далёком от всех горячих точек, вдруг заговорили пушки? Чтобы Украина объявила Россию врагом и захватчиком? Появились гнусные, липкие словечки: «ватники», «колорады»?

В далёком советском прошлом в школе учили:

Проти ворога лихого

Подала нам допомогу

У криваві дні Москва.

А тепер у праці мирній

Помагають друзі вірні,

Шлють верстати й трактори.

Бо єдина ми родина,

Бо Росія і Україна –

Нерозлучні дві сестри.

До определённого момента было безразлично, на каком клочке разорванного Советского Союза кто оказался – все привыкли считать его единым целым. Язык не вызывал раздражения. Стихотворение «Зима» Владимира Сосюры в четвёртом классе было её любимым!

Деся там осінь за горами

І, немов громи,

Б»є об землю копитами

Білий кінь зими...

«Тореадори з Васюківки» Всеволода Нестайко Лера считала самой весёлой детской книжкой, несмотря на то, что сама – русских кровей, в родословной украинцев не было...

А ещё на украинском неплохо читались переводы с польского. В годы, когда популярные книги на русском языке в Донбассе купить было почти невозможно ввиду насильственной советской украинизации, польскими детективами как-то обходились. Тадеуш Доленга-Мостович, Анжей Збых... А если «выбрасывали» хорошую русскую книжку, к ней «в нагрузку» обязательно цепляли что-нибудь «мовою»!

Но, несмотря на все усилия, «мова» не очень-то приживалась. Лере вспомнилось, как они с мамой, любительницей детективов, отстояв очередь, купили «Ставка більше за життя» Збыха. Она тогда разочарованно спросила:

– Мама, ну зачем их сюда привозят? Ну, в школе учим – понятно. Но читать-то лучше на русском!

– Наверное, украинцы читают, – ответила мама.

Лера даже посреди дороги остановилась.

– Украинцы? А где они?

«Співуча мова солов»їна...» Возможно. Когда на ней песни поют да стихи сочиняют, а не кричат: «Москаляку на гілляку!»

Мужик балаболит что-то своё – что такой обстрел был уже три раза, а он всё равно ездит, зарабатывать-то надо, и дома у него новенькая «Шкода», перед войной купленная, а эту развалюху хотел продать, да вот пригодилась, её не жалко...

«А себя тоже не жалко?» – хотела она спросить. Но в дискуссию решила не вступать – его жизнь, пусть как знает... К тому же накатывало какое-то странное спокойствие. Хорошо, что осталась! Всё своё, родное, и сама – на своём месте!

По свободной дороге в Донецк добрались быстро. Да и на улицах машин попадалось мало. Город пустел. И это оскорбляло Леру до слёз. Словно это от неё, попавшей в беду, убежали друзья и близкие...

«Зажрались! Привыкли к хорошей жизни! Чуть трудности – как крысы с тонущего корабля! Прав Андрей... Ну нет, мы не потонем, не дождётся. Ничего, не пропаду. И работа найдётся».

В городе было очень чисто. Даже клумбы цвели как ни в чём ни бывало.

Лера ехала домой.

Лучший из лучших

Лучший из лучших! Сильный из сильных!
Гордость и слава труда.
Ты покоряешь волей всеильной,
Розой цветешь для добра.

Милый Донецк наш! Нет нам покоя –
Ты полыхаешь в беде.
Город любимый – сердце родное,
Всё ради мира в тебе.

Сгинут ненастья с чёрною пастью!
Тьму победит жизни свет.
После страданий дарится счастье,
Счастье на тысячи лет.

Гордый и стойкий, храбрый и сильный,
Лучший из всех городов,
Ты возродишься верой всеильной.
Ты возвратишь в мир любовь.

Донецк

Донецк – город нежной мечты.
Донецк – океан красоты.
Донецк – современный рассвет,
Звезда над просторами лет.
Донецк – наша совесть и честь!
Ведь здесь жизнь такая, как есть,
Ведь здесь ценят правду и труд,
К заре через шахту идут.
Донецк – я ревную тебя,
Гуляю по паркам, любя,
Спешу к тебе быстрой рекой,
Делюсь каждой новой строкой.
Ты – мир моих солнечных лет.
Ты – роз необъятный букет.
Оплот воплощённой мечты –
Донецк – эталон красоты.

Мариуполь

Пусть снег идёт, целее будут трупы.
Вреда от солнца больше в этом сне.
Я в схимники отчаянной зарубы
пострижен, паникующей весне
представлен отвечающим за скорость
в рисковом танце уличных боёв.
Вчера ещё нахрапистая морось
пыталась спровоцировать на рёв:
«До-ста-ла!»
На гайтане отсыревшем
червлёный крест с мертвеющим Христом
молил меня остаться уцелевшим,
чтоб я Его оплакивал потом.
И тех, что, различимы фрагментарно,
вмерзают в тени тлеющих домов...

Снег должен положиться на попарно
застывших в наступлении чтецов
морали послесловия Завета,
строки бегущей кратким «Смерти нет!»
Я призван в сон, где на бронезилетах
метель возводит Русский Назарет.

2022 г.

Будь ко мне немилосерден,
Ангел-добрые-глаза,
только выторгуй у смерти
тех, кому порассказал,
как донбасским чернозёмом
пращур внука умывал
да оконные проёмы
жаркий полдень опекал!
Как сверчок в ночи храбрился,
щёлкал свойский уголёк,
и отчаянно молился
у лампы мотылёк.

К непогоде спину ломит.
Ох, земной поклон болюч!
Не страшны хворобы, кроме
лихорадки низких туч
в перебранке миномётной,
подпалившей пыль крыльца.
Льнёт щеночком беспородным
дурь нерусского бойца
к праху первородки-вишни,
сникшей в собственном цвету.
Пусть простит меня Всевышний,
а на помощь не приду!
Восемь лет черствело сердце
посажёной при огне.
Прикопаю иноверца
после боя, в стороне
от могилочки для мужа,

сторожащей огород,
от села, в котором дюже
несговорчивый народ
смачно сплёвывал презренье,
словно пел «на страх врагам».

Ангел-скорое-спасенье,
дай спасения сынам!
Под крылом над терриконом
чуть полегче побеждать.
Мы своё пожили, что нам
души плотью ограждать!
Не взыщи, не зарыдаю,
хоть ресницы солони...

Низко ангелы летают.
Всякий раз. В конце войны.

2022 г.

Курс молодого бойца

Тех, кто не сдался, идёт искать
тот, кто не знает правил.
Из попадавших на глаза
не уцелел никто.

Чавкнул под берцем чертополох.
Рыкнул апостол Павел:
– Спешка прокатит при ловле блох!
Не суетись, а то
борзый атошник нырнёт в туман,
чтобы вгрызаться с тыла.
У нападающих со спины
фора на полрожка,
как утверждает архистратиг.
Слушайся Михаила,
да поприжимистее дыши,
дурья твоя башка!

Шустро слиняли с куста слепни:
не утерпел Искатель.
Вился бы гадом среди камней,
мог бы иметь успех...

Горько Господним ученикам,
если один предатель
долгие годы плодился для
иродовых потех!
Должное праху отца воздав,
детки повырастали,
как опростали фамильный схрон,
так и пошла жара.
Пахоты жаждущие поля
позаросли крестами.
Кто же оспорит приказ, когда
Ирод велел карать?

– Сколько дымилось хатыней за
тридцать библейских грошей?
Обмозговали обмен валют, –
ёрничает комбат.
– С этой дороги на Вифлеем
мы отступить не можем.
Дрогнет Искатель, желая взять
милостыньку на ад.

Тот, кто несроден ему, – судья,
значит, ещё не вечер.
Тень лиходея и та в поту
пытки «вставай-ложись».
Ей близнеца бы охолонить,
чтобы взвалить на плечи,
прежде чем Павел провозгласит:
– Вот он! Не промахнись.

2021 г.

Колыбельная для смерти

Аист деток приносил,
да война присвоила...

Остаётся голосить:
«Божечки! За что его?!»
Доля бабья в погребах
обнимает первенцев:
у младенцев на губах
молоко не пенится.

А на воле листопад
бродит пепелищами,
наших павших супостат
дразнит сапожищами:
катит без-году-святых
в стороны овражные.
Вьются стайей понятых
вороны продажные.

А на воле у равнин
лопнуло терпение:
настругала домовин
убыль населения,
между холмиков зерну
не заколоситься.
Тех, кого нельзя вернуть,
побери, земляца!

Но излишка не сыскать
вечного покоя.
Вот бы сразу окунать
в небо голубое!
Там заоблачность полна,
житницы без колышков.
И душа у всех одна –
махонькое солнышко.

Смотрит присный ангелок
сквозь слезы окошечко,
видит Ноев погребок,
где постятся крошечкой,
где над ворохом тряпья
образам подрагивать.
Где вот-вот сподоблюсь я
дитятко оплакивать.

Ранки скутают снежком
вихри подоспевшие.
Охнет колокол тишком,
всё про наболевшее,
раздышать не преминёт
рай посерединочке,
где однажды отомрёт
и моя кровиночка.

Аист деток приносил...

2018 г.

Не все в раю желанны,
а мы приглашены...

Есть дважды ветераны
то мира, то войны.
Есть в копоти шахтёрской
пыльца станичных нив.
Есть земли-перекрёстки,
в них, перезарядив
машины родословных,
взрослеет детвора.
Свербит в единокровных,
безгрешное «Ура!»

Есть жизни скороспелой
предсмертный пересказ.
И кружит голубь белый
над кем-нибудь из нас.
И рыщет ворон чёрный
над кем-нибудь из них.
Медалькой отягчённый
кому-нибудь жених
уткнётся в завиточек
нейтральной полосы...
Букашка защекочет
покойничьи усы.

Есть ушлая недоля,
нательный образок,
да в прадедовом поле
кормилец-колосок,
да солнечная брага
над ясной головой,
да дичка у оврага
с покладистой листвою.

2021 г.

Упрямый марш

Пути разведывает Бог
сквозь солнечную лупу.
Ведёт бои юго-восток
за пленный Мариуполь.
Пока накаркивает век,
что наша песня спета,
здесь каждый первый...
.....(имярек),
уверовал в победу.
Ещё побалуют стрижи
задором довоенным,
и чудом выжившая жизнь
споёт проникновенно.

Когда б не мы, тогда бы нас,
а дальше – без разбора.
На связи позывной «Донбасс»,
проверенный, который
Космодемьянского литья,
Маресьевской породы.
Бойцов святые жития
помножены за годы.
На восемь лет – один завет
носителей разгрузки:
«Обраткой тьме врубаем свет
и говорим по-русски!»

2022 г.

НАТАЛЬЯ ЧЕКЕР (Луганск)

Непрощение

Прощать, уважать, находить оправдание...
Вы, правда, думаете, что мы должны?

Верить, что нелюди страны окраинной,
Смеющиеся над разорванными телами, над ранеными,

Не виноваты? И что солдаты –
Всего лишь мальчики: их оболванили, их заставили

Злые политики, слуги тьмы?
А я не верю в Божье прощение,

И человеческого им не дам!
Я верю, что мрази должны быть расстреляны –

За всех убитых детей и мам,
И за старушек, что тихо плакали

Восемь лет посреди войны.
Ведь там, под завалами, – слышите? – ангелы –

Чтобы не было страшно маленьким –
Вместе, заживо погребены.

2022

О войне

Без победы в войне не бывает финала войны.
Коль сраженье вничью, то придётся сражаться ещё.

Можно долго кричать «Мы за мир!» и флешмобы собрать.
Враг не станет добрей, посмеявшись над детской игрой.

Кто с мечом к вам пришёл, накормив, отпустите того,
И тогда череде наступлений не будет конца.

Между древних война прекращалась на время Игры.
Мы же стали шустрой, и воюем без усталости мы.

В чём гибридность гибридной войны, объясни.
Мы скрестили войну и обычную мирную жизнь?

И бесцельною сразу же стала война, и, увы,
Стала сразу же некрофиличною жизнь.

У стратегии есть горизонт, но не видно конца,
И ошибки совсем не видны, ибо тактика слишком сложна,

Потому можно долго о ней говорить, говорить...
И когда мы умрём, не прервётся о ней разговор.

2018

Луганск

В сердце моём – огонь.
Вера моя сильна.
Бедам наперекор
Ты – моя Родина.

Слёзы твои – мои.
Слава твоя – в веках.
Ни пяди родной земли
Не будет топтать враг!

2015

Исповедь комнатного цветка

К закату лета вернулись люди.
Они подумали, что я умер.
Потом решили напоить мои корни
И говорили, что я воскресну,
Таская воду с далёких скважин...

Я вскинул листья навстречу солнцу.
Жара утихла. Затихли взрывы.
И люди чаще ходили в гости.
И вновь встречал я давно забытых
И провожал тех, кого не встречу.

Дни пролетали. Меня заметив,
Играла лёгкой улыбкой осень.
Потом пришли холода и морось,
И мёрзли стены, и мёрзли люди,
И всем хотелось тепла и света...

Ноябрь кончен. За тонкой гранью
Окна струится колючий воздух,
Наполнен снегом.
Безмежный холод сжимает время.
И мой звучащий аккорд последний –
Ещё не сорванный стужей голос...

декабрь 2014

«ДВЕНАДЦАТЬ»

Каждая ночь имеет свое меню...

На верхнем этаже Пантеона Богов назначила встречу разведка – и в бурю на свиданье, и в дождь на собрание приходит без опоздания. За стенами собрания спит каменным сном город. На столе россыпь печенья, бумаг и патронов, и рисованная самодельная карта с картинками горящих машин. Теплится настольная лампа, и в желтом болезненном свете кочуют по стенам чудовищные тени людей. Переступив запретный порог, вползает в бетонную комнату сонная законная полночь – черная, как заколдованная душа... Уже все сказано, уже все связано. Догорает в пепельнице последняя горькая сигарета.

– Медлить больше нельзя. Она должна сгореть, эта колонна, – сидит над лампой, двигая скрюченными пальцами, чернокнижник Орда. – Останется только один – «язык».

...И вот все брошено там, где мы жили вчера. Оставлены «Северу» все телефонные номера, все русские и украинские паспорта, все настоящие имена. С собой лишь оружие, оружие и оружие: пулеметы и огнеметы. По банке консервов на сутки да фляжка живой воды, от которой встают убитые царевичи. Полны за спиной свинцовые ранцы, и вот за дверями казармы уже гнутся колени... Забыт, как негодный, план захвата какой-нибудь техники. Все сжечь. Колонна будет гореть. Должно остаться, как травы от пожара.

Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек.

Оплечь – ружейные ремни...

Кругом – ни зги, ни зги, ни зги...

Мы идем – дюжина бойцов поэмы «Двенадцать» – идейные революционеры Четырнадцатого года. Идем по пустой черной улице вдоль ветхих погасших дворов, мимо наземь упавших плетней. И воют нам вслед голодные пророки луны – дворовые битые псы, оскалившиеся на стук о дорогу подошв. Под сорванные их голоса, под этот избитый романс тянутся вдоль обочин темные мрачные силуэты. Но для тебя ничего этого нет, кроме уходящей во тьму спины и этого, впереди затихающего, стука подошв.

– Стой! – железным голосом стреляет впереди темнота. – Кто идет?

Застыла, как неживая, колонна, лишь только поплыли в руках горбатые автоматные дула. Ни звука ни с чьей стороны. И вот догадался один:

– Славяне. Давний пароль Великой Войны.

На шахте отряд, заменивший «Лавину». У блокпоста осторожно, как хищники, бродят во тьме высокие крупные тени. Над ними уходит во мрак гигантский железный замок – запустелый «Комсомолец Донбасса». И во дворе на заметном снегом асфальте стоит, как в музее, его «комсомольский» рыцарский караул.

– Пароль тот же, – тает у нас за спиной последний шахтинский пост.

Вот дамба с пропастью в середине – сломай себе шею. Ползем по самому краю, и с шорохом едет вниз, осыпающийся под ботинками, щебень. Мы долго щупали вправо и влево и вот пошли сразу в лоб – тем самым путем, которым не так давно к нам приходили враги, узнать про свой плен.

Гуляет ветер, порхает снег. Идут двенадцать человек...

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

Вот и дорога. Пойдем, поспотыкаемся...

У каждой ночи свое меню. И хороши блюда сегодняшней! В черном ликерном соусе подано на стол безлунное чугунное небо, где не найти – затонули до дна – белые звезды галактик. С душистой приправой, настоящей на травах, на полынях да отровах, под хохот ветров в зал вносят мертвую замерзшую степь. Широкою да глубокую, с кривыми тоннелями гиблых дорог. До майданного проклятого царства, до Петрушкиного поганого государства...

Эй! Поспевай на пирушку, прохожий, святой и злодей! Да пей, не колей, ледяной ветродуй, да тоже не вой, как даст в зубы барин – Генерал Мороз.

...Уже перешли, прогибаясь, поле. Последний рывок до окраинных хат.

– Сели, – шепотом понеслось по цепи.

В голове группы Арчи. Сидит, коленями в землю, с трубой тепловизора: слева в заброшенных окопах возятся трое. «Их» разведка. Вот тебе сразу три «языка».

– Загибай концы. Делай «охоту», – тихо командует Ива.

Но там псы с золотым нюхом. Уже пятятся в ночь, отступая в село. А здесь вдоль дороги сидит в снегу и в бурьяне, еще не тронувшись, цепь.

Провал на первом шагу.

Но, подобравшись по флангам, двинулась хорониться в руине засадная группа. А вслед отступившим, срезая дорогу, покатались в село трое бойцов... Но тихо на вымерших улицах. Особая безлюдная тишина, когда от тоски уснули собаки, когда не горят огни во дворах. Это понимается особым чутьем. Здесь не ходили живые. Лишь ветер и снег.

Кто был в тех окопах? Садилась отдышаться разведка или рыскали ночные мародеры? Уже все равно. В день смерти нищих не горят кометы. Напрасно гадать нам по небу, когда в нем ничего, кроме тьмы.

...Утро. Ветер качает бурьян. На краю поля лежит в руине разведка. Но не войною опустошен ее дом – его давно разорили годы и нищета. Бесплезно стоят бетонные мокрые стены с расшатанными железными лестницами, что облодала начисто ржа. Свалены в верхней комнате черные тюки соломы библейского урожая, и в пустые огромные окна влетает искрами снег. Под главной лестницей хлев для скота с узкими обгорелыми досками. В хлеву кочками торчит из земли замерзший помет, да едва уловим запах гари и тлена.

«Укропы» висят над селом. Сразу над центральной улицей их шахта и террикон.

Остаться в руине – пропасть. Мы бежим длинной цепью между жильем и полем, вдоль сельских окраин, по желтым волнам нескошенных трав. На нас несутся ветер и снег. И вот нежилой двор у дороги. Запущенный сад да мелкие хозяйственные постройки, старые и перекошенные, как в пляске. Зимняя пасека. Пристройка с хлевом, пустой сеновал да домик под разный хозяйственный скарб. Перед домом навес с прелыми тюками соломы – наш наблюдательный пост, где меняются по двое в час.

Холодно до чертей, и в домике в железном ведре горит из щепок костер. Закрыты фанерой разбитые окна, и ветер рассеивает под крышею дым. Мы сидим, как на стульях, на опрокинутых ульях, кто разговаривает, кто спит, кто гложет сухпай – банку на сутки. Голод – не смерть, можно стерпеть. Но каша – отрава. Не лезет сквозь зубы, и только щенок, что приبلудил из села, лопает в два горла куски. Из разломанных на дрова ульев Апофиз вынимает соты, тяжелые, полные темного жирного меда. Едим их, насадив ножи. Две ложки в рот, а больше не съешь – нет лишней воды.

У разведки два плана. Каждый день брать самогон в село на БТРе наезжают «укропы». Надо найти этот причал алкоголиков и перемешать зелье с кровью. Это план «А» – первый и самый легкий. Но мы не хотим.

– А если на улице будут дети? – спросил вчера один, когда уже приняли план.

– Не будет детей! – резко огрызнулся другой.

– Не станем стрелять! – решили все остальные.

И все же, отработать по плану, ушли на разведку – искать пьяный двор – два командира: Ива и Арчи. Таскаются в рост по селу, в «горках», в разгрузках и с автоматами. Заглядывают во все углы, просят продать на похмелье. И везде сразу их узнают как иноземцев, явившихся с другой стороны.

– А у вас, шо, больше не продают?

– Далеко залетели, орлы...

– Та, ми – украиньски, – сам местный, врет Арчи.

– Мели Емеля – твоя неделя, – щурится у калитки кичливый старик. И, как плевок в глаза за дурную работу: «Когда уже прогоните этих «укропов»?!»

Развалился план номер один. Давно не ездят «укропы». Кончились тут похмелья. Рыщи дальше, разведка...

«Укропы» висят над селом слепые, как дождь. Прямо на них идут по дороге два ополченца. Два малорослика – Ива и Арчи. Первый потянул ногою

растяжку – гранату «Ф-1», второй едва успел его дернуть назад. Не сами идут, боги несут! Подошли на сто метров к врагу – замелькали на пути украинские военные. Тогда просто сошли с дороги – и пропали для всей Украины. Нет дела до них. Лишь бросился бежать от разведки какой-то трусливый солдат, что так и не поднял тревогу.

...Пропали с утра командиры. В домике полно дыма. В ведре нагорели угли, и, наконец, стали отходить в тепле заледенелые на улице пальцы. Мы сидим в старой пасеке, у самой дороги, по которой весь день бродят прохожие, откуда сто метров до рокады, где ходит колонна. Сидим за пазухой у врага, греясь его теплом. Но это не разведка – это цирк-шапито. Не достает лишь водки для полной картины... Дом идет ходуном. Растопили ведро – из всех щелей дым облаками. Из углов хохот и анекдоты, да старые истории прошлых боев. Старательнее других, знаменуя имя, гудит, сев на улей, Дикой. Трескотня в хате – хоть по головам стучи.

– Вы понимаете, что здесь никто не поможет?! На пару суток заткните тряпками рты! – встает пара бойцов.

Хватает на пару минут.

Со «снайперкой» на плече, без дела вставая в «стойку», гуляет по всему двору «разведчик Семен». Уперся в калитку, взял на прицел вражеский террикон.

- Угровишь всю группу!
- Нас все равно уже засекли.
- Дуй в дом!

Уже первый раненый. Арчи перед уходом отправил наблюдать на чердак маленького подвижного Фокса. Выбирая место, тот сел с размаху на гвоздь. Утром присел, а днем уже начал подволакивать ногу... Со своим другом Чибисом стоят на посту, наблюдают. Чибис, руки в карманах, идет от калитки.

- Зачем ходил?
- Шум показался какой-то...
- А где автомат?
- Вон, в сене лежит...
- У тебя что, три жизни? В компьютер пришел поиграть?

С оружием брошен в сене бинокль. Час на посту – ни разу не носили в руках.

...Днем по рокаде в соседний поселок, где пьяный блокпост, мчится джип с «желто-блакитным». Спешит, как упырь, желающий поспеть в могилу до пепелов. Прогрохотал туда и, без задержек, обратно. Никто не тронулся с места. Это – еще не начатый план «Б»: молниеносно, безмолвно, смертельно.

Вот и колонна. Впереди и сзади по БТРу, в середине три груженных ЗИЛа. Катятся, как на парад, по ровной гладкой дороге. На броне задрала ноги разведка, под брезентом в кунгах машин мелькают лица солдат. В колонне – ни меньше ни больше – пятьдесят человек. Для них беда великая близка, но поступи ее еще никто не слышит.

...Проштатавшись весь день, вернулись на пасеку командиры. Приплелись, как два волка, голодные, с запавшими ребрами. Сидят в дыму, молча грызут кашу, запивая холодной водой.

– Колонна! – щелкает зубами «бешеная собака» Арчи.

Да все уж готово. Вон она, вперед по рокаде. Пристала на блокпосту, дожидаясь своей буквы «Б». Плана Беда.

Место засады – сто метров от пасеки и идеально, как на картинках. Идущая в гору на высокой насыпи дорога. Вместо обочин – овраги, как пропасти. Над дорогой два нависших холма. На самой вершине дороги черный холодный лес с высохшим ковром листопада, за лесом частокольное поле подсолнуха. И лежат на земле, как отрубленные, отгнившие павшие головы без семян, и, не качаясь, стоят на ветру худые палки стеблей.

Здесь, на самой вершине, хлебом и солью – болью и кровью – Новороссия сегодня сполна угостит Украину.

Мы за свою правду море горстями вычерпаем!

...Темнеет в нашей лачуге, и пляшут в дыму над ведром легкие красные искры. Пахнет мышами и старостью этот дом. Уронив головы, все спят, сидя на ульях, и в черном углу поднимает храп алтаец Багдо. Бесшумно заходит с улицы смена, садится отгаивать у огня и тут же падает в сон. Уже заволокло

горизонт синей поземкой ночи... Уже ничего не будет. «Укропы» не водят ночью колонны. Мы месяц на шахте жили по их расписанию.

Спотыкаясь во тьме, падая в ямы, идем мы от пасеки к краю села. Где командиры разведали пустующий дом. Разбит снарядом фасад, и бежали от войны в дальние страны, к босому за сапогами, хозяева. Все впопыхах, все второпях, с собою лишь плошки да ложки. А дом – ветрам да ворам... Завалена рухнувшим фасадом узкая от калитки тропа. Во дворе стол с разными склянками, в которых стоит столбом зеленая плесень. Валяются на столе кастрюля и разделочная доска, гнилые яблоки и огурцы – бурые, распухшие от воды. Сорваны замки на постройках, и открыты настежь все двери амбаров, где уже проступили чужие следы – лежат на земле, брошенные на улице, вещи.

Мы стоим во дворе, не видя друг друга. Запрещено зажигать сигареты. И вот на рокаде запели двигателя. И вот вспыхнули у блокпоста фары машин. И тут же поползли вперед. «Укропы» не рисковали здесь ночью и вот впервые изменили себе... Мы молча стоим во дворе, уже опоздав на расправу. Стоим на крыльце, на лавках и у забора, и все смотрят только туда – на дорогу, по которой ползут в гору огни. И ни одного голоса в нашем строю.

– Не добежим... – первый зажигает сигарету Богдо.

Уходит наша колонна. Идет с огнями, как с карнавала, да все же бедно наряженная, словно на большее не хватило грошей, – лишь фары машин да длинная, во всю ночь, на БТРе «луна»... Что ж ты носишься, наша колонна? Что ж ты побираешься по копейкам? Зашла бы к нам на порог, мы дали бы большого огня. Ты могла бы блистать сегодня ярче всех звезд.

– С ума сошли – ночью по фронту... – снимает Тихий уже обузу – гранатомет.

...Ночью в дом входит злая гостья – зима. Она сидит на холодной печи и ловит ладонями мух. В комнате, одурев от мороза, ворочаются на драных диванах бойцы. Никто не спит. Из шкафов вывалены все тряпки, которыми можно согреться. Наконец поднимаются с синими лицами несколько человек. Нашли во дворе уголь и растапливают на кухне печку голландку... Понемногу теплеет дом; одни повалились в тяжелые сны, а у других оттаяли языки. Ночью в доме от хохота движутся стены – на кухне сбор всех больных. Диагноз: хроническое счастье.

– Да рты закройте с той стороны! – без пользы кричат им с диванов.

Ночью, под боком, лупит в Республику украинская артиллерия. Не какие-нибудь минометы – швыряют из «Градов» и гаубиц.

Ночью каждой смене по часу на пост. Во дворе черное небо, где нет ни звезд, ни луны. Под окнами комнаты прибранный сад – пустые деревья и ни одного листочка на голой земле. За забором тропа через поле на пасеку... Уже устали галдеть, угомонились больные, уснули в степи батареи врага. Скоро светает, и стало морозно бездвижно стоять.

Из хаты пинком ноги открываются двери, и ударяет во двор электрический свет. На крыльце, на фоне сияния, боец в полный рост. Стоит, руки в карманах, горит в зубах сигарета.

– Туши сигарету, вали отсюда, и дверь закрывай! – как в ухо ему из тьмы.

– Чего грубишь?.. – теряется он.

– Ты чё, дурак?!

Швырнул сигарету, развернулся на каблуках, хлопнул дверью, пропал. Тишина во дворе, во тьме лишь голоса часовых:

– Кто это был?

– «Разведчик Семён»!

...Утро на пасеке. В холодном домике с ульями пахнет вчерашним костром, и лежат на полу железные консервные банки. Разбирая места, садится в ожидании группа. Во дворе на сене, уткнувшись в воротники, трое бойцов. Лежат головами друг к другу два командира – сейчас уходят в разведку, и сидит на коленях с биноклем писатель – еще не назначены постовые.

– Что там, в бинокле? – не движется Арчи.

– Я после нашей разведки жду, как встанут вокруг пасеки цепи немецкой пехоты, видел это в кино, Ангара. Встанут из желтого ковыля. В касках и с автотоматами... Были бы немцы – нас бы расколошматили еще в ночь. Или вчера.

Сегодня брать колонну, и скверно проработан весь план. Есть место засады, но хромает обратный маршрут – бегом по селу, а после бегом же по полю. Три километра бегом до своих. По ровной дороге и под прицелом врага.

– Отрежут. Или не все выдержат бег. Нужен запасной вариант, – собирается Ангара в самостоятельную разведку. – Дай плащ, – поднимает он Арчи.

– Иди, – смотрит голубыми глазами маленький Ива. – Просто к тебе на дороге подъедет украинский БТР – и всё. Здесь вся местность у них наблюдается.

Ушли, каждый в свою разведку, писатель и два командира.

У шахты, у самых позиций врага Ива копытом в то же корыто – снял ногою растяжку. Да заржавела граната. Встали напротив друг на друга.

– Везет дуракам и пьяницам, – зажимает в руках Арчи тонкую проволоку.

– Ага, – смотрит Ива в упор на гранату. – Ты – дурак, я – пьяница.

– Точно сказал!

Нарядился – синий осенний плащ, подолой автомат, вдоль озера Ангара. Лазит под носом врага между шахтой и блокпостом. Дорога еще труднее, еще длиннее, чем по селу – собьешься по ней отступать. Только при полной неудаче засады... Намотал километров семь, вернулся с бревном на плече: поднял с берега озера, тащил всю дорогу вроде двух вёсел. Кто побежит, ловить рыбака?..

– В озеро, что ли нырял? – встречает его на посту замерзающий Лекс.

Над Ангарой парит, как из проруби. На деревянном плече, как пушка, накренное бревно.

– Кто отобьется от группы в бою – отходит вдоль ЛЭП, сделал он свое дело.

...Туман явился из ниоткуда, как вышел из леса. Густой и белый, кусками падает он через плетень, и змеями ползут по двору чудища из бабкиных сказок. Они волокут мягкое сырое тепло, и перестает скрипеть под ногами солома. Туман сожрал пасеку, село и дорогу. Теперь – оттопыривай уши, разведка! Не пропусти осеннего урожая, собери огнеметами жатву – полсотни славянских душ. Ибо каждая сожженная книга освещает мир.

Мы ждем на посту, вслушиваясь в туман. Недалеко, с перерывом, стучит пулемет, бьет по ушам артиллерия, да, не пойми где, свистят и шлепают в землю мины. Лишь нет ни одного звука с дороги... С сигаретой в зубах, свалившись на бок, в соломе лежат часовые. Запело, засвистело над головой... И все, заколдованные, слушают песню.

– Ложись! – первым опрокидывает лицо татарин Слепень.

И вот лежат, жрут солому бойцы. Но отсвистела без взрыва мелодия. Только подняли глаза – новая песня. И снова в солому. И вновь тишина.

– Багдо – сука! – зыркает Слепень с земли. – Убью!..

Зарывшись в тюках, превращается в лед «разведчик Семен». Оделся полегче, на драку, и вот без нее согнулся в бараний рог.

– Сознаться, ты утром на крыльцо выходил? – коброй глядит на него Ангара.

– Да, я... – устал уже запыряться Семен. – Сон мне приснился, будто я дома, – не может он не соврать.

...Враги рисковали вчера, но не повторились сегодня. Никто не повел колонну в туман.

На пасеке в темноте строится у калитки не выполнившая задачу группа – черные тени с горбатыми спинами. Уходят молча, только качаются в руках автоматы. Маршрут: центральная улица – пусть видят «укропы», поле – казарма...

Всё – дым. Не было никакой разведки... Приснилась, как Семену, в утреннем сне.

Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни...

Вокруг – ни зги, ни зги, ни зги...

Вот и пропели мы эту песню. По-своему, не как написал ее автор Блок. Жизнь рассудила иначе. Авторы – актеры...

Украинская граница... Край села и задумчивая дорога во тьму. Еще один шаг – и тусклое белое поле, где снег и трава, да вороное ночное небо с перезвоном

ветров. Идем скорым ходом, и дважды, гремя пулеметными коробами, падает на мерзлую землю Дикой.

- Ноги не держат! Почему не качаешь? – замыкает поход Ангара.
- У меня раны с Саур-Могилы... – встает он с чужим от боли лицом.
- Почему не сказал?
- С собой бы не взяли.

...На дамбе – столбом в темноте – встречается группу Орда.

Плохо ворожил, старый колдун! Примчались твои орлы. Лежачей корове на хвост наступили, герои...

Отпустив в поле группу, остались на Украине оба командира и гранатометчик. Лучше смерть в бою, чем позор в строю.

...Разведчики не вернулись в дом, где ночевали вчера. Есть такой закон: не падать в одну воронку. И глуп, кто им пренебрег.

Два дня они уходили в село, и на улице их знали люди и псы. А теперь и без того остались втроем: «бешеная собака» Арчи, многоцветный «сапер» Ива да гранатометчик Тихий. Уже не отбиться. Их не посетила глупость, они не пошли в старый дом. Глупость не является к сумасшедшим. Это не знающие друг друга болезни.

Все трое явились на постой в жилой двор. В семью, что позвала их, встретив на улице: «Заходите, если что, на ночлег...»

Зашли, отогрелись, закусили яичницей с салом да, сложив в горку оружие, на всю ночь вытянулись в углу.

...Утром, до света, вернулись на Украину Ангара и Лекс. Поднялись по черному полю, уперлись в село. Слепые от тьмы, стоят на дороге у трансформатора, как ночью быки. Явились не отрезвились. Пришагали с закуской на будущий пир: гранатометы, тушенка и хлеб. И вот стоят на дороге, на месте условленной встречи. Стоят, как памятники, и молча слушают мрак.

- Пьянь, – негромко пропело в ушах.
- Епаная! – отозвался на звук Ангара.

Исключительный пароль разведки.

Из-под трансформатора навстречу своим встает с земли поредевшая засадная группа.

Тихий перенимает у Лекса с плеча вещмешок.

– Вот так, наелись яичницы с салом и проспали в углу на полу, как собаки, – сообщает он все, что удалось добыть ночью разведке.

Мы сидим на деревянных лавках у холодной печи в доме первого здесь ночлега. Сидим, едим одну банку тушенки и ждем, как просветлеет в окне.

...Утром плывет по селу туман. Мы шагаем вдоль улицы у заборов в сторону украинской шахты. Не вышло спалить на дороге колонну, так заберемся к врагу в самый дом, украдем или убьем. У нас только так – от черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека нечем. Вот позади село и уходит к «укропам» лесная пустая дорога. Осенний холодный лес с бурой опавшей листвой, рыжий вблизи террикон, насыпи щебня со ржавыми рельсами и ржавые железные лестницы шахты. Где, знать бы, как встретят лихих незваных гостей...

Пока дошагали, сдул ветер туманы, и в белый день лезут на шахту три ополченца: Тихий, что зажигается на опасность, Арчи – сам Бог приказал командиру, да Ива, что никак не израсходует счастье. Остались в заслоне под терриконом двое других: Ангара – потом сложит реквием, да Лекс – глаза всей разведки.

Трое, обходя шахту, забрели в огороды, как козел по капусту, да собран давно урожай. На земле только иней с лохмотьями сохлой ботвы. Замельтешили меж грядок, нырнули за плетень. Сидят, согнулись, зыркают по округе. Да сиди, не сиди, а впереди шахта. Совсем близко, а не подойти согнувшись. Пристрелят. Только в полный рост. Наглость – вечное счастье.

– Играем в открытую, – встает Ива, отряхивая колени. – В честной борьбе побеждает жулик.

Идут. Раздобытчики... В лоб против всей Украины. Шлеп, шлеп... Прямо на шахту. В желтых широких «горках» среди желтой травы, все щуплые да низкорослые, автоматы, как рыбацкие весла, торчат в обе стороны, в глазах туман, а в головах вулкан: обдерут нынче, как липку на лапти!.. Да ничего, дошлепали без убытка. И – шмыг во двор. Сидят меж бетонным забором и электрической

будкой, водят ноздрями. А мимо: то тут «укроп», то там сразу двое. Ходят по двору, словно на именинах, руки в карманах, оружие за спину. У кого во рту семечки, у кого перегарчик – у элеватора шатает ветром бойца. Да всё где-то в стороне, не стянуть никого. Сиди, пока самого не вытащат из-за будки или не станешь сосулькой.

Только собрались выскочить, блохой запрыгал на месте Арчи. У командира разведки трещит за пазухой телефон – модная мелодия девяностых: «Что такое осень?...» Вырвал его из кармана, как из груди сердце: «Алло!» С той стороны два орла его – Чибис и Фокс. Сидят в пансионате, балуют с тоски: «Командир, выдай нам сигареты! Где они у тебя?» Арчи и не ответил – плюнул в трубу: «Пошли на хрен!», – и обратно руку за пазуху.

Сидят все трое, переводят дух.

– «Что такое осень...», – качает головой Тихий. – Ну, сучьи коты...

Только собрались выскочить, Арчи, как кобру голыми руками схватил! – снова скачет под музыку «Что такое осень? Это небо!..» Рванул вместе с карманом. Вот он в руке – телефон: «Что?!» На связи те же – Чибис и Фокс, скучают без командира: «Нет, ты нас на хрен не посылай. Ты нам скажи, где у тебя сигареты? Нам же курить надо...»

...Под терриконом в пролеске двое других. Лежат, как раньше в Чечне, в таком же заслоне. Лежат, и зубы от холода склеились. И не Чечня вовсе. Не чувствуешь себя ты военным. Нынче во всех местах на военных открыта охота. И ты пришел сюда партизаном, боевиком – главным охотником.

Залезли в кусты, лежат у тропы, стучат зубами о землю. В пролеске шалют сквозняки – ледяной ветродуй со своими братьями-сорвиплатьями. Вокруг черные кривые деревья, с которых – та-та-та! – трещат, как пулеметы, сороки, да мерзлыми кусками за шиворот падает лед. И кривой террикон с недо-сыпанным боком над головой. Еще и тропа петляет, как пьяная, не разглядеть, кто идет... Весь лес наперекосяк!

– Черт на нас смотрит, – поднимает тихо оружие Лекс. Он сидит на коленях, затылком к стволу, и целит в кусты у края дороги. В такой бурелом, где и черта не разглядеть! – С бородой он. Прямо на нас пялится. Видишь? – шепчет он, не отрываясь от бурелома.

– Не вижу, – как потерял зрение Ангара.

Но то он и Лекс – глаза всей разведки.

Просидели так, метаясь в кусты, пару минут. Какой тут мороз – пот вылез на лоб. Да нет никого там. Одни привидения.

Сидят в ямах, разминают глаза: один в террикон, другой на тропу. Уже три часа, как пропали товарищи. И ни писка, ни свиста. Лишь ветер тренирует силу в ветвях. Да нехорошие песни слагает он в вышине: то ли что-то гремит, то ли где-то стучит...

– Будто БТР гудит, – встает в свою очередь Ангара, уши заслона. – Точно БТР завелся! Если поедет – за нами... – подтягивает он ближе гранатомет.

Сидят молча, только переставляют под собой отороженные колени, горе-разведчики. У одного трещит в ушах, у другого горит в глазах.

– Кого видел-то хоть? – отвлекается от своих «БТРов» Ангара.

– Мужик какой-то стоял.

– Видно и вправду черт приходил...

...На шахте в крысином углу трое ждут выход на бал. Прокрались вдоль забора, сменили позицию. Рядом казарма, заложены окна мешками с песком, торчит из проема черный железный ствол, да спиной к ним сидит часовой. Арчи настроил себе тепловизор, шарит им в каждой щели. В вышке шахтенного ствола мечется птица, носится белым пятном.

– Наблюдатель! Вот что за птица! – уже решил он, кого будет брать.

Тихий внизу, как пес у ворот, Ива и Арчи пешком поднимаются вверх. Шлеп, шлеп... навстречу украинской пуле. Вокруг синий шахтенный мрак, стучат по лестнице гулко шаги, и с каждым сильнее обрывается сердце. Такая хандра – хоть ступени считай!.. Сто тридцать восемь, сто тридцать девять... Сколько еще, когда оборвется твой счет?..

Сидит на «глазах» наблюдатель, не до работы – чего там не видел? – пишет письма в телефоне жене. Война двадцать первого века – на передовой интернет. Услышал – идут. Даже не отправил «Пока» для любимой. Дел-то на полминуты,

скоро вернется. Встал с автоматом на лестнице, увидел в проем: поднимаются. Чуть осторожно идут, задирают вверх лица. И форма на них чужая – «горка», в их «Вольни» такую не носят. «Какая-то особая разведка», – сразу понял «укроп». И снова на пост. Вдруг проверка. Еще наругают...

А там два орка с туманом в глазах да с песнею в головах:

Осень... В небе жгут корабли.

Осень... Мне бы прочь от земли...

Идут прямо в небо. То ли на смерть, то ли просто «прочь от земли». Вот и дошли.

– Здорово, – улыбается Ива «укропу», продолжая идти.

– Здоровеньки были, хлопцы... – жует он кашу в ответ.

– Ну, ты хоть руки-то подними. Ты в плену, – наводит ополченец на него автомат.

Любезности кончились. Пленный, уже под стволом, едва успевает отвечать на повышенный голос:

– Один здесь?.. Когда смена?.. Оружие?.. Где тепловизор?..

С поста нечего взять: только сам «укроп», бронежилет на нем, рация, автомат с «костром», как здесь называют подствольник, и «муха». Все пригодится! Спускаются вниз по лестнице, и уже успокоился Ива. Ведет добычу, как с ярмарки скот: у пленного руки назад, волочится сзади веревка. Ива шагает с ним под руку, мурлычет над ухом:

– Веди себя тихо. Попробуешь закричать, возьму нож, отсеку тебе голову.

А после маме твоей в посылке пришлю...

И так всю дорогу, как успокоительное. Этот притих, только передвигает ногами – огромный от кучи на нем одежды, средь трех лилипотов. Вышли с шахты и маршируют по огородам. Шагают, как на кофе гадают: дойдем – доведем – пропадем... А у «укропа» на плече рация, и из нее хриплые голоса – болтают другие посты:

– То шо за четыре тела под терриконом лязят? Не ваши?

– Не, наши дома сидят. Мож, ваши?

– То я не знаю...

И тишина.

...В лесу, где черти с утра мерещатся, стоят под стволами, дуют на пальцы два ополченца. Все нет командиров. Четвертый час тишины. И вот, наконец, пулемет – прямо за спинами, из леса в начале села. Отрезали!

– Все верно. Четыре часа – пока пытали, пока окружали... – точно рассчитал Ангара.

– Пробьемся? – сам понимает, что опоздали, Лекс.

Стоят и молчат, потому что некуда больше идти. Как ни виляй лиса, бывать ей нынче у меховщика.

– Мы никуда не пойдем. Мы обещали быть здесь, – садится на землю писатель ждать, кто придет.

Уже все решила ему судьба. А все равно – страшно.

...Вот топот с дороги. Подняли головы, встали, ворочая шеями, – только и видно, что бурелом. Зато сразу два голоса:

– Пьян! Пьянь!

– Пьянь епаная!..

– Невменяемый пароль разведки.

– Епаная! – выдирается сквозь кусты Лекс.

Над дорогой летит разведка – три орла, а с ними жар-птица – военный на длинной веревке. Спешит впереди всех, как за добавкой.

– Ну что, мужик? Ты не против, что в плен к нам попал? – лоб в лоб глядит ему в лицо Ангара.

Да, вроде не против. Смирный уже.

Мы делим оружие, свое и трофейное, для следующего рывка: три километра, открытые со всех украинских позиций. Три километра бегом до своих. А это еще бегом по лесу, уже шагом через село да на четвереньках по полю... Ах да! Пулемет с той стороны села... А!.. Потом разберемся!..

В селе мы уже не можем бежать. Все в зимнем, у каждого к боекомплекту второй автомат или гранатомет. Шатаемся, выплевываем слюну, но еще – потому что под гору, двигаем как-то ногами.

Впереди Лекс с Ангарой – самые свежие, сидели до заморозки, теперь расходуют силы. Бегут, спотыкаются, по центру села. Вон поворот и медленно растут из-за плетня какие-то люди: один, двое, трое... Но пока еще не выехал БТР.

– Кто впереди?! – бежит туда Ангара.

– Не вижу! У меня в глазах вода! – уже отстает с гранатометами Лекс.

Теперь только б успеть застрелить десант! БТР подобьет Тихий.

Никто не сворачивает с дороги, все так и бегут по центральной улице в лоб на «укропов». Если нет выхода – всегда атакуй. Или погибнешь, или победишь.

Гражданские. Увидели нас, сами качнулись в канаву.

– Давайте отсюда! – пролетаем мы мимо.

Двое мчат впереди, двое сзади, а в середине картина: маленький Арчи гонит связанного великана с флажком Украины на рукаве, и сзади веревка на пять метров в песке волочится... Игрушечная миниатюрная Новороссия гонит в плен неповоротливую огромную Украину...

Вот и поле. Шагать – не перешагать... Большое, пустое, другое – желтое с белым, а не черное по ночам. Огромное поле с ветрами в лицо, а по нему дорога к своим. На которую уже не хватает сил... И мы стоим на краю степи, ногами в дорогу, глазами в «Комсомолец Донбасса», горячие, как кони, хватая холодный воздух, вытирая рукавами глаза.

Неужели уйдем?..

Горят на ветру, как в адовой топке, лица. Плывет волнами дорога, плывут, как музыка, небо и степь. А ты бежишь, идешь и ползешь, и у тебя, как у Лекса, в глазах вода... Мы ползем по степи, едва разгибая колени. Не отрезал в селе десант, и до сих пор не падают на голову мины. И льется под ногами дорога, и рядом с тобой качается на длинных ногах пленный военный. Уже не отобьют его по дороге свои... А там, далеко впереди, лежит, одувев в бурьяне, молодой пулеметчик Снейк, спешит от дамбы и падает в яму старый Орда, не спеша настраивает свою скрипку «утесник» Архан, да впопыхах не может поставить «улитку» всегда суесящийся Синий.

Не в силах бежать арьергард.

– Да, ну вас... – сухим горлом кашляет Ива.

– Лучше умереть от пули, чем от одышки, – шагает Тихий с шапкой в руке.

...Во дворе «Комсомольца Донбасса», как елку после зимы, раздевают украинского пленного: рация, бушлат, кофта, бронежилет, ватные штаны, теплые сапоги, шерстяные носки, триста гривен, нож, документы... Столько барахла, что в одни руки не унести. Все снял, оставил только исподнее да обручальное на пальце кольцо.

– Ты как бежал, блин? – стоит рядом и все считает, считает одежды Ива.

Чуть запоздав, несется от своего АГСа Синий:

– Ну что, мразь «укропская»! Не будешь больше людей стрелять! – заносит он руку ударить в лицо.

– Синий, назад! – встает между нами Арчи. – Ногу сейчас прострелю! – непонятно, куда бережет он «укропа».

Автомат на весу, прикуривает рядом Орда, ждет, как разуется пленный. И вот тот стоит раздетый, с опущенным книзу лицом, бледный, босой, на брошенных наземь желтых портянках. Стоит, будто на пьедестале, на насыпи у забора, один среди своры волков, что веселы перед тем, как его разорвать. Стоит и качается на рыхлых ногах, и нет слов и слез просить о пощаде.

– Да, не тряпись ты – осыплешься, – ровно и медленно подводит Орда к голове его ствол. И вот замирает уже перед выстрелом.

– В расход его... – тихо и страшно звучит из толпы приговор.

...Стоит на своем пьедестале, как на костре инквизиции, пленный солдат. А на уровне живота застыли перед ним с полуприподнятыми стволами враги. Застыли и смотрят, как от страха или от холода на дворе дергается в судороге у солдата нога. И он тоже смотрит на ногу, а в голове только одно – несутся последние кадры кино: его шахта, лестница, пост, телефон в руках, где на связи жена, и этот момент, как идет к нему малорослик, что-то говорит на ходу, улыбается и поднимает в последний момент автомат... «Проглядел!!! Проглядел!..»

Вот он поднимает лицо и молча смотрит на ствол. Откуда сейчас полетит к нему пуля.

– А чтоб не дурил, – значительно кивает головою Орда.

– Да, мне еще пожить хочется... – говорит, как камень глотает, «укроп». А сам еще ждет: «Где же свои?! Еще, может, успеют спасти...»

Долго тишком, да вот в руках Орды заговорила украинская рация:

– Серго! Серго!.. Ти де? Шо-то я тебе не бачу...

– Вот и твои. Очухались, – опускает Орда автомат. И в рацию: «Где, где он... В Москве! Иди на хрен, хохлятина!»

...Через два часа расшевелились «укропы». Замельтешила в селе их техника, и, стволами в поле, вылезли из-за хат рыжие БТРы и БМП. Мы привыкли к пустоте их мышления и к особой «свидомой упоротости», а потому не удивились сейчас. В руках Орды трофейная рация, откуда несутся только угрозы да грозы:

– Выходите с поднятыми руками! Иначе будем расстреливать!.. – орут сумасшедшие.

– Мы руки подняли. Приходите, берите, – сидит на бревне, курит Орда.

– Украл у нас человека! Верните обратно заложника! – бесятся там.

– Я думал, что пленный. По законам войны, – знает за правду старый «афганец».

– Вы – террористы! С вами нельзя по закону!.. – повторяют зомбированные. – Мы раскатаем вас танками! Мы пришли на вас «Камаз» пехоты!..

– Еще тридцать пленных, – считает им вслух Орда.

– Мы вас в Донецке повесим! – старая заезженная страшилка.

– А мы вас в Киеве, – верит в то, что обещает, Орда.

И всё на истерике, и не понять, для кого они дают этот концерт. Полчаса говорят, а ничего не сказали.

– Прозевали бойца. Будьте мужиками – признайтесь, – надоело болтать и выключает рацию командир.

– Шайка ворюг... – успеваешь долететь из-за поля.

На бревне, нога на ногу, засыпает гранатометчик:

– Пришлют на нас «Камаз» пехоты... На один раз мне этот «Камаз», – плечом подпирает он щеку.

...Переругивается с «укропами» на шахте Орда, а мы сидим у края степи, на дамбе «ставка» у синей остывшей воды, у старых окопов «стрелковцев», где – режь ноги, хирург! – не протолкнуться от мин. И хороша осень на Украине, и хорошо сидеть здесь, в ворохах дубовой листвы, у желтых уснувших окопов, у вечно текущей воды. И уже не хочется ни с кем воевать...

Такое счастье, как Новороссия, бывает только однажды.

Содержание

ГЛЕБ БОБРОВ	Группа Векслера	3
	Глава 1. В областной «резалке»	3
	Глава 2. Железнодорожный вокзал	8
	Глава 3. Острая Могила	15
	Глава 4. Белая будка	21
	Глава 5. Лесино подворье	27
	Глава 6. Десятая линия	32
СТАНИСЛАВ ГОЛЬДФАРБ	Семейная история	36
БОРИС БЫЧКОВ	Край сосновый, солнце встает. У крыльца родного мать сыночка ждет	42
Иркутские АГИТОКНА в годы войны (1941–1945)		48
АНДРЕЙ ЧЕРНОВ	На огненной черте: литература о Великой Отечественной войне в Донбассе	110
МАРИЯ ВАТУТИНА	114
	Антихарон	116
	«Как я провела это лето»	117
	Правдивая история	118
	Плач	121
ИГОРЬ КАРАУЛОВ	124
ЮННА МОРИЦ	127
ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ	Триумфы и трепеты	129
	Эхо	129
	Дым и пепел	130
	По всем вселенным	130
	Парадиз	130
	Позови меня тихо по имени	131
	Навыи чары	131
	Сила чувств	132
	Желтые погоны	132
	А когда я вернусь домой	133
	Казаки ехали	133
	Ах, лейтенант мой лейтенант	134
	Дым орды	134
	Любовь неземная	135
	Бремя страстей земных	135
	Дорога	136
	Обет молчанья	137
	Реплика	138
	Есть душа в той далекой стране	138
	Ой, вы кони, залётные кони	138
	Забывтый полк	139
	А в чистом поле	139
ИРИНА БАУЭР	Валик	140
МИХАИЛ АФОНИН	Журавли	143
	Город	143
	Кому нужно?	145
ИРИНА БЕЛОКОЛОС	Не говорится	145
ЮРИЙ БЕРИДЗЕ	Кому нужно?	145
	Не говорится	145
	Русская земля	145
	Доброволец	146
	Императив	146
	Весна остается весной	146
ИРИНА ГОРБАНЬ	Фронт	147
	Люди-тени	148
	Запевалы	148
	Не говорите мне, что сына нет	148
	Дойти!	149
	Пароль	149
ВАДИМ КОМКИН, ГЛЕБ БОБРОВ	Рома + Юля	150
ГЕННАДИЙ ГОРЕЛИК	Клятва	152
	На западном фронте	152
ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ	Записки Ветерана Апокалипсиса	153
	Не бойся	155
	Маргиналии дикого поля	155
	Живая песня	155
	Степная птица	156
	Навстречу солнцу	156
	Восточка	157
	Вечная битва	157
ИРИНА КАРЕНИНА (Минск) 158		
	Защитникам Донбасса	159
	Рапунцель	161

ЕЛЕНА АДИНЦОВА, ВИКТОРИЯ СЕМИБРАТСКАЯ	Ночное.....	164
ДАРЬЯ КУЛИКОВА	Зайчата	167
	Про машинки.....	167
	Букашки	168
	Художник.....	169
	Колыбельная	170
	Про Машу.....	170
АННА ЛАПИДУС	За Донбасс! За Россию!	172
	Сердце большого Донбасса	172
	Над Донбассом не стоит лить слёз сожаления	173
НАТАЛИЯ ЛИТВИНЕНКО	174
ЮРИЙ МАКУСИНСКИЙ	Битва	176
	Война в Киеве	176
	Белая гвардия.....	176
	Рабы.....	177
	Русская ночь.....	177
	Гуляй-Поле.....	178
	Мене, текел, фарес	179
ИРИНА ГОРБАНЬ	Мадонна с именем Людмила	180
ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ	Кенотаф на площади Победы	184
ЛИЛИЯ ПОЛШКОВА	188
ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ	189
МАРИНА САВВИНЫХ	Я – Россия	191
ГЕННАДИЙ ГОРЕЛИК	Карловка	193
ВИКТОРИЯ СЕМИБРАТСКАЯ	Горько	197
	Весна пришла.....	197
	Медведи просыпаются весной.....	197
	Фронтовая	198
	Октябрьское.....	198
СВЕТЛАНА СЕНИЧКИНА	199
АЛЕКСАНДР СИГИДА-сын	Ландшафтный дизайн: от проекта до воплощения	200
	Мерзость Запустения	200
АЛЕКСЕЙ ИВАКИН	Второе мая, Одесса.....	202
	Не мое кино.....	209
	Се кровь моя	212
	Двадцать второе июня.....	213
	Да пошла ты нахер!.....	216
АНДРЕЙ СИЗЫХ	221
	A la guerre comme a la guerre	222
ВЛАДИМИР СКИФ	Рассечённое жало войны	224
	Гнездо.....	224
	На встрече с властью	224
	Украина	224
	Крым	228
	Мясник	229
	Пластинка.....	230
	Бескрылый Ангел	231
	Бронзовый солдат.....	232
	Вергилий	233
АНДРЕЙ КОКОУЛИН	В городе N.....	234
	Прогон	251
	Птичий рынок	257
ВЛАДИМИР СКОБЦОВ	Донбасс за нами	262
	Апостол	262
	Братишка.....	263
	Быть русским	264
	Z	264
	Мой рай.....	265
КОНСТАНТИН СМОРОДИН	«Украина, лебедь чёрная...»	266
	Украина	268
АЛЕКСАНДР СОРОКИН	Точка отсчёта	270
ТАТЬЯНА МАХОВИЦКАЯ	Домой.....	271
АННА СЫРОМЯТНИКОВА	Лучший из лучших	276
	Донецк	276
ЛАУРА ЦАГОЛОВА	Мариуполь.....	277
	Курс молодого бойца	278
	Колыбельная для смерти.....	279
	Упрямый марш	281
НАТАЛЬЯ ЧЕКЕР	Непрощение.....	282
	О войне.....	282
	Луганск	283
	Исповедь комнатного цветка.....	283
АРТУР ЧЕРНЫЙ	«Двендцать»	284

АЛЬМАНАХ

Вектор Донбасса

Составители:

Г. Л. Бобров, А. А. Чернов, С. А. Сеничкина,
А. Н. Сизых, С. И. Гольдфарб

Ответственный редактор

С. И. Гольдфарб

Редактор

А. Асеева

Компьютерная верстка

Т. Б. Анненкова

Подписано в печать 23.06.2023. Формат 72x104, 1/12

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. п. л. 34,20

Тираж _____. Заказ _____

Отпечатано в типографии ООО «Принт Лайн»

664043 Иркутск, ул. Сергеева, 5/5

Тел. (3952) 48-66-00, e-mail: 486600@mail.ru